

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2021 Т. 12 № 4

СТРУКТУРНАЯ ДИНАМИКА И УРОВНИ АНАЛИЗА
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

STRUCTURAL DYNAMICS AND LEVELS OF ANALYSIS
IN INTERNATIONAL RELATIONS

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

**ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™**

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google™
Scholar

**J-Gate
INDEXED**

OPEN ARCHIVES

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2021 ● Т. 12 № 4

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Издано при поддержке
фонда развития МГИМО

Международный редакционный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский у-тет), профессор

Заместитель главного редактора

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь

Д.А. Кузнецов, к.полит.н.

Редакционная коллегия выпуска

Е.В. Колдунова

А.В. Ломанов

В.Г. Ледяев

А.П. Бореев

Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия

А.Д. Богатуров, д.полит.н., проф., Москва, Россия
Элизабет Вишич, проф., Гос. у-тет Монклер; с.н.с.,
Колумбийский у-тет, США

Айше Дитрих, проф., Ближневосточный технический
у-тет, Анкара, Турция

Александр Жэбит, проф., Федеральный у-тет Рио-де-
Жанейро, Бразилия

В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия
Клаус Зегбер, проф., Свободный у-тет Берлина, Германия

Чарльз Зиглер, проф., У-тет Луисвилла, Луисвилл, США
О.В. Зиневич, д.ф.н., проф., НГТУ, Новосибирск, Россия

Акиhiro Ивасита, проф., У-тет Хоккайдо, Саппоро,
Япония

М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия
Гэй Кристофферсен, проф., У-тет Джона Хопкина,
Нинкинский Центр, США-Китай

Айгуль Кульназарова, Ph.D., проф. международных
отношений и международного права, У-тет Тама, Япония

В.Л. Ларин, д.и.н., проф., акад. РАН, ДВО РАН,
Владивосток, Россия

В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский у-тет),
проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Чинтамани Маханапра, проф., ректор, У-тет им. Джавахар-
лала Неру, Индия

В.П. Макаренко, д.полит.н., д.ф.н., проф. ЮФУ, Ростов-на-
Дону, Россия

В.В. Михеев, д.э.н., проф., акад. РАН, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корр. РАН, РГГУ, Москва,
Россия

Е.В. Попов, LL.M.(У-тет Эссекса), к.ю.н., доц., МГИМО
МИД РФ, Москва, Россия

Ли Син, проф., Пекинский педагогический у-тет, Пекин,
Китай (КНР)

В.Д. Соловей, д.и.н., писатель, Москва, Россия

Л.В. Сморгун, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-
Петербург, Россия

М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский у-тет), проф., ИМЭМО РАН, Москва,
Россия

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва,
Россия

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия
Ани де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция

Алишер Файзуллаев, проф., У-тет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Ши Чиюй, заслуж. проф. политических наук Тайваньского
Национального у-тета и у-тета Сунь Ятсена,
заслуженный национальный проф.

Чжао Хуаизэн, проф., Фуданьский у-тет, Шанхай, Китай (КНР)

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Л.И. Шерстова, д.и.н., проф., ТГУ, Томск, Россия
Джон Уилсон, заслуж. проф., Уитон Колледж;

ассоциированный исследователь,
Гарвардский у-тет, США

У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй,
Китай, Тайвань

Макет и оформление *А.В. Таллаевского*

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №45

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)
Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http: www.lawinfo.ru

Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная
Подписано в печать 19.11.2021
Выход из печати: 29.11.2021
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

Точка зрения авторов может не
совпадать с точкой зрения редакции

© Воскресенский А.Д., эмблема, 2021
© Воскресенский А.Д., 2021
© Сравнительная политика, 2021
© Издательская группа «Юрист», 2021

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2021 ● Vol. 12 № 4

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Published with support
of MGIMO Endowment Foundation

International Editorial Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Dr. of Political Science,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern
Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

Ekaterina V. Koldunova, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Executive Secretary *Denis A. Kuznetsov*, Cand. of Political
Science

Tatiana A. Alekseeva, Dr. of Philosophy, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrentitsky, Dr. of History, Professor,
Institute for Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia

Alexei D. Bogaturov, Dr. of Political Science, Professor,
Moscow, Russia

Ayşe Dietrich, Professor, Middle East Technical University,
Ankara, Turkey

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Gaye Christoffersen, Professor, Johns Hopkins University,
Nanjing Center, Nanjing, USA-China

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai,
P.R. China

Mikhail V. Ilyin, Dr. of Political Science, Professor, Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo,
Japan

Aigul Kulnazarova, Ph.D. Professor of International Rela-
tions and International Law School of Global Studies, Tama
University, Japan

Viktor L. Larin, Dr. of History, Professor, Academician, RAS
Marina M. Lebedeva, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chintamani Mahapatra, Professor at School of International
Studies and Rector, Jawaharlal Nehru University, India

Victor P. Makarenko, Dr. of Political Science, Dr. of Philosophy,
Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Vasily V. Mikheev, Dr. of Economics, Academician, RAS, Institute
of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Efim I. Pivovarov, Dr. of History, Professor, Corresponding Member
RAS, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Cand. of Law, LL.M (University of Essex),
Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Editorial Board of the Issue

Ekaterina V. Koldunova

Aleksandr V. Lomanov

Valery G. Ledyayev

Arseny P. Boreev

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Cand. of Political
Science, Associate Professor

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Germany
Tatiana A. Shakleina, Dr. of Political Science, Professor,
MGIMO University, Moscow, Russia

Chih-yu Shih, Professor (Political Science), National
Taiwan and National Sun Yat-sen University, National
Chair Professor Life-time

Valery D. Solovej, Dr. of History, Writer, Moscow, Russia

Lyudmila I. Sherstova, Dr. of History, Professor, Tomsk
State University, Tomsk, Russia

Leonid V. Smorgunov, Dr. of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Dr. of Political Science, PhD
(University of Manchester), Professor, Institute of World
Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Dr. of History, Professor, MGIMO
University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Cand. of Political Science, Associate
Professor, Russian International Affairs Council, Moscow,
Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Jeanne L. Wilson, Emeritus Professor, Wheaton College;
Research Associate, Harvard University, USA

Elizabeth Wishnick, Professor, Montclair State University;
Senior Research Scholar, Columbia University, USA

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science,
Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de
Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Dr. of History, Professor, Russian
State University for the Humanities, Moscow, Russia

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, USA
Olga V. Zinevich, Dr. of Philosophy, Professor, Novosibirsk
State Technical University, Novosibirsk, Russia

Typesetting – *Alexey Talalaevsky*

Established in 2009
No. 45 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Offset printing
Conventional printing sheet – 23,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price
Passed for printing 19 November 2021
Printed: 29 November 2021
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

*Authors' point of view may not
coincide with that of the Editorial
staff*

© Voskressenski A.D., logo, 2021
© Voskressenski A.D., 2021
© Comparative Politics, 2021
© Publishing Group "Yurist", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

И.Д. Лошкарёв. Проблема уровней анализа в теории международных отношений: на пути к онтологическим обязательствам?

Е.П. Шанченко. Международные миротворческие организации в период пандемии непонимания

К.М. Табаринцева-Романова. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

A.V. Zimakov, E.V. Popov. EU Clean Energy Transition and Challenges for International Investors: Comparative Review of German Practice

Enayatolah Yazdani. Foreign Relations in Central Asia: A Comparison between the Soviet and Post-Soviet Era

A.B. Kupriyanov. Инициативы SAGAR (Security and Growth for All in the Region) и IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): формирование сферы безопасности Индии через региональное развитие

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Обсуждаем логику новой мироустроительной архитектуры и проблематику уровней анализа

Д.А. Дегтерев. Международные и региональные исследования: к «бесшовной» методологии анализа

Т.А. Алексеева. Меняющийся мировой порядок: новая архитектура

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

A.H. Vavilov. Идеи федерализма в украинской политике

С.В. Голунов. Приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств

События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе. Круглый стол Центра комплексного китаеведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 Ivan D. Loshkariov. The Problem of Levels of Analysis in the Theory of International Relations: on the Way towards Ontological Obligations?

19 Ekaterina P. Shanchenko. The International Peacemaking Organizations during the Pandemic of Misunderstanding

31 Ksenia M. Tabarintseva-Romanova. International Humanitarian Cooperation: Foreign Approaches to Studying and Realisation

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

47 A.V. Zimakov, E.V. Popov. EU Clean Energy Transition and Challenges for International Investors: Comparative Review of German Practice

56 Enayatolah Yazdani. Foreign Relations in Central Asia: A Comparison between the Soviet and Post-Soviet Era

68 Alexey V. Kupriyanov. SAGAR (Security and Growth for All in the Region) and IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): Shaping India's Security Through Regional Development

DISCUSSION

Discussing the Logic of the New World Architectonics and Levels of Analysis

82 Denis A. Degterev. International and Regional Studies: Towards a «Seamless» Methodology of Analysis

98 Tatiana A. Alekseeva. Changing World Order: New Architectonics

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

109 Andrey N. Vavilov. Federalist Ideas in Ukrainian Politics

124 Sergei V. Golunov. Cross-Border Cooperation of Post-Soviet De Facto States

143 Events in Myanmar in the Context of Relationship of Great Powers in the Region. Roundtable of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects and the ASEAN Center at MGIMO

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Ida Farida, Refly Setiawan, Asmaria. Political Parties and Party Systems in the Reform Era in Indonesia

Д.А. Кузнецов. Латиноамериканская теория международных отношений: глобальное и региональное измерения

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Секция «Логика новой мироустроительной архитектоники, стратегии держав и поиск Китаям своего места в мире» на XIII Конвенте РАМИ

Фундаментальные исследования Центра комплексного китаеведения и региональных проектов и журнал «Сравнительная политика» на XIII Конвенте РАМИ

Отклики международного научно-исследовательского сообщества на фундаментальные исследования Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России

Книги Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО на международной ярмарке интеллектуальной литературы Non/Fiction

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.

RESEARCHERS' NOTES

157 Ida Farida, Refly Setiawan, Asmaria. Political Parties and Party Systems in the Reform Era in Indonesia

163 Denis A. Kuznetsov. Latin American Theory of International Relations: Global and Regional Dimensions

ACADEME

169 Section "Logic of the New World Architectonics, Strategies of the Powers and China's Search for Its Place in the World" at XIII RISA Convention

169 Fundamental Research Books of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects and "Comparative Politics Russia" Journal at XIII RISA Convention

170 Responses of International Academic Community to Fundamental Research of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of MGIMO University

173 Books of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects of MGIMO at International Exhibition of Intellectual Literature "Non/Fiction"

ON THE BOOKSHELF

174 Logika Novoi Miroustroitel'noi Arkhitektoniki I Strategii Derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. 576 p. (in Russian)

ПРОБЛЕМА УРОВНЕЙ АНАЛИЗА В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: НА ПУТИ К ОНТОЛОГИЧЕСКИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ?

Иван Дмитриевич Лошкарёв

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 25 августа 2021 <i>Принята к печати:</i> 10 сентября 2021</p>	<p>Аннотация: В современной теории международных отношений существует несколько фундаментальных проблем, обсуждение и осмысление которых, по сути, задает траектории дальнейшего развития теоретических школ. Одной из таких проблем – проблеме уровней анализа – посвящена данная статья. На начальном этапе научной дискуссии уровни анализа воспринимались как инструмент исследования, использование которого никак не ограничивает и ни к чему не обязывает. Данный инструмент позволял более четко выделять группу детерминирующих факторов поведения международных игроков. Однако такая трактовка уровней анализа оказалась чрезмерно статичной, что снижало привлекательность этого инструмента для исследований. Важным прорывом стала идея «слабых звеньев» на разных уровнях, которые более подвержены воздействию с других уровней анализа. На втором этапе дискуссии, по мере изучения межуровневой и внутриуровневой динамики оказалось, что важнейшим аспектом проблемы уровней анализа оказывается содержание взаимодействий. А выявление содержательных элементов взаимодействий явно или неявно подразумевает обращение к вопросам социальной эпистемологии и онтологии, что привело к выявлению нового пласта противоречий и концептуальных разилок в проблеме уровней анализа. Третий этап дискуссии о проблеме уровней анализа пока только начал – преимущественно, в рамках конструктивизма. На современном этапе проблема уровней анализа сохраняет свое значение не только для методологии исследований, но и для эпистемологии и онтологии международно-политической науки. В статье обобщаются достижения и недоработки каждого из этапов научной дискуссии о проблеме уровней анализа и предлагаются перспективные направления дальнейшей работы.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., доцент кафедры политической теории, научный сотрудник, Институт международных исследований, МГИМО МИД России e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: теория международных отношений; уровни анализа; межуровневые взаимодействия; социальная онтология; онтологические обязательства</p>	

В теории международных отношений и международно-политической мысли за последние несколько десятилетий сформировалось несколько фундаментальных проблем, которые, с одной стороны, снижают конечную ценность конечного продукта теоретиков-международников, а, с другой стороны, делают полученное знание фрагментарным из-за неизбежных онтологических, эпистемологических и методологических компромиссов в исследовательском процессе. Безусловно, подобные проблемы, затрагивающие, по сути, первоосновы научного исследования (в том числе, между-

народного), встречаются в большинстве социальных наук, как и в некоторых естественных науках. Однако в формирующейся международно-политической науке эти проблемы приобрели функцию структурирования самого поля исследований – в зависимости от трактовки и предполагаемого ответа на проблемные вопросы выстраивается едва ли не вся эпистемологическая и методологическая траектория дальнейших изысканий. Это обуславливает особую остроту любой дискуссии по данным проблемам, поскольку признание правоты одной из трактовок, в конечном счете, делегитимирует позиции

других теоретических школ и их многолетние наработки по более узким вопросам.

В настоящей статье предпринимается попытка оценить прогресс последних десятилетий по фундаментальной проблеме в теории международных отношений (и шире – в международно-политической мысли) – *проблеме уровней анализа*. За шесть десятилетий дискуссии появилось немало новых трактовок и компромиссов, которые были сформулированы в ходе «взлетов и падений» различных теоретических школ. Более того, после 1991 года изучение теоретических проблем уровней анализа получило новый импульс, который со всей неизбежностью сталкивал ученых с многогранной постбиополярной реальностью, новыми и хорошо забытыми «старыми» акторами и процессами.

Как и некоторые другие теоретические проблемы (агента и структуры¹, «домашней аналогии»², «очеловечивания»³), проблема уровней анализа – очерчивает границы того, что необходимо анализировать, а что допустимо и необходимо игнорировать; указывает на источники вдохновения при выстраивании логики исследования; позволяет предположить, что, при всех возможных усилиях и стараниях, останется неизведанным и непостижимым. У исследователей существует достаточно простой способ изменения подобных рамок – переопределение самих проблем, включение или исключение каких-либо процессов и явлений из их теоретической «юрисдикции». Однако оказалось, что проблема уровней анализа слабо поддается манипуляциям подобного рода.

Старт научной дискуссии

В своей классической формулировке проблема уровней анализа появилась в работах К. Уолца и Д. Сингера (1959, 1960, 1961). Д. Сингер отмечал, что исследователям-международникам необходимо начинать свои изыскания с поиска «относительного единства», внутри которого можно учитывать факторы разного порядка и разной иерархической ценности⁴. Проще говоря, причины некоторых международных явлений кроются не только в особенностях собственно международных взаимодействий, но и во внутренних характеристиках акторов, особенностях среды взаимодействий, в идейных и психологических процессах. И тогда возникает вопрос – как, с одной стороны, учесть причины разного порядка, а, с другой стороны, не заниматься изучением всех факторов и процессов подряд, оставаясь все-таки в рамках международно-политической науки. Очевидно, в какой-то степени неполноту охвата придется сохранить, но в то же время – потребуются определить степень важности каждой из причин или группы причин⁵. Именно эта степень важности и получила название «уровней анализа»: поскольку все причины и явления с научной точки зрения важны, исследователи могут обращаться к любым из них – при условии, что объект их анализа четко обозначен. Д. Сингер в этой связи подчеркивал, что сама степень важности останется субъективной категорией, но набор уровней анализа будет той «временной договоренностью», которая и позволит производить сравнительно объективные и тщательные аналитические продукты⁶. Таким образом, изначально проблема уровней анализа касалась способов получения знания и была скорее методологической, хотя и затрагивала вопросы устройства наднациональной и внутринациональной политической реальности.

¹ Wendt, A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // *International Organization*, 1987, Vol. 41, No. 3, pp. 335-370.

² Bull, H. *The Anarchical Society: a Study of Order in World Politics*. New York, Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 45-49.

³ Copp, D. Hobbes on Artificial Persons and Collective Actions // *The Philosophical Review*, 1980, Vol. 89, No. 4, pp. 579-606; Ringmar, E. On the Ontological Status of the State // *European Journal of International Relations*, 1996, Vol. 2, No. 4, pp. 439-466.

⁴ Singer, D.J. The Level-of-Analysis Problem in International Relations // *World Politics*, 1961, Vol. 14, No. 1, pp. 77-78.

⁵ Waltz, K. *Man, the State, and War: Theoretical Analysis*. New York, Columbia University Press, 2001. Pp. 229-230.

⁶ Singer, D.J. The Level-of-Analysis Problem in International Relations // *World Politics*, 1961, Vol. 14, No. 1, p. 90.

Отчасти, введение в международные исследования уровней анализа было обусловлено необходимостью обосновать использование или неиспользование определенного математического аппарата. Как отмечал У.Б. Мул, во внутривнутриполитических исследованиях 60-70 гг. XX в. использовались так называемые экологические корреляции – подсчеты, основанные на средних значениях. Например, территориям с высоким или низким средним доходом приписывались определенные электоральные симпатии или идеологические предпочтения. Хотя такие подсчеты логически не совсем верные, они вполне могут использоваться для оперативного сравнения и получения неинтуитивных выкладок. К таким приемам прибегали, поскольку не были известны предпочтения (и шире – социальный статус) каждого избирателя в какой-либо местности или государстве. Но именно поэтому объединение стран в группы по усредненным показателям и подсчет групповых корреляций по неким формам поведения не имели смысла, поскольку предпочтения и статус государств обычно известны на старте исследования. Соответственно, напрашивалось некое объективно существующее разделение на разные группы переменных – тех, в отношении которых экологические корреляции неуместны, и тех, где они ограничено допустимы (например, при сравнении внешней политики стран-участников военных блоков и альянсов)⁷.

Безусловно, последующая полемика по поводу уровней анализа в международных исследованиях продемонстрировала, что и сам набор уровней анализа оставался субъективной категорией. Если Д. Сингер рассуждал в логике «общее-частное» и колебался между двумя или тремя уровнями анализа, то затем это количество выросло⁸. К. Уолц точно зафиксировал в своих работах три уровня анализа, добавив «первый уровень»

или «первый образ», к которому отнес все, что связано с природой и поведением индивида⁹. Затем было предложено 4 уровня анализа (Р. Джервис) и даже 5 (Дж. Розенау)¹⁰. По всей видимости, увеличение уровней анализа отчасти было связано с формированием отдельной теории внешнеполитических решений, в которой большое значение придавалось разграничению между лицами, принимающими решения, и бюрократическим аппаратом, который обеспечивает имплементацию и мониторинг принятых решений¹¹. Кроме того, с 80-х гг. прошлого века все активнее стали проявляться локальные и географические особенности функционирования мировой политики, что обусловило появление и шестого – регионального – уровня анализа¹².

Увеличение числа предлагаемых уровней анализа сопровождалось расширительным толкованием того, что считать уровнем. Д. Сингер и К. Уолц, в сущности, вводили это понятие для классификации определен-

⁹ Waltz, K. *Man, the State, and War: Theoretical Analysis*. New York, Columbia University Press, 2001. Pp. 39-41.

¹⁰ Дегтерев Д.А. Формализованные модели в международно-политической науке // *Полис. Политические исследования*. 2017. Т. 4, №. 4. С. 36-37 [Degtarev, D.A. Formalizovannye modeli v mezhdunarodno-politicheskoy nauke (Formalized Models in the IR) // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, Vol. 4, No. 4, p. 36-37]; Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*. New edition. Princeton, Princeton University Press, 2017. Pp. 15-18; Rosenau, J. *Pre-Theories and Theories of Foreign Policy // Approaches to Comparative and International Politics*. Ed. by R.B. Farrell. Evanston, Northwestern University Press, 1966. Pp. 29-92.

¹¹ См., например: Allison, G.T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston, Little, Brown and Company, 1971; Brecher, M. *The Foreign Policy System of Israel: Setting, Images, Process*. London, Oxford University press, 1972; Hermann, C.F.; East, M.A.; Salmore, S.A. *Why Nations Act: Theoretical Perspectives for Comparative Foreign Policy Studies*. Beverly Hills, Sage Publications, 1978.

¹² Yalem, R.J. *International Politics: The Continuing Search for Theory // International Interactions*, 1982, Vol. 9, No. 3, pp. 247-250.

⁷ Moul, W.B. *The Level of Analysis Problem Revisited // Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique*, 1973, Vol. 6, No. 3, pp. 494-513.

⁸ Singer, J.D. *International Conflict: Three Levels of Analysis // World Politics*, 1960, Vol. 12, No. 3, pp. 453-461.

ного класса явлений – детерминирующих факторов поведения международных игроков (по сути, независимых переменных). Однако впоследствии эту классификационную сетку использовали уже для разграничения самих игроков. То есть, проблема уровней анализа «стала» отчасти и проблемой единиц анализа – каких акторов можно считать международными, какие акторы в результате своих действий могут иметь или получить международный охват, каких акторов достаточно исследовать на каждом из уровней анализа. По сути, речь шла о разграничении первичных и сложных (агрегатных) акторов, что имеет далеко идущие последствия для теоретико-методологических оснований исследований. Если первую категорию акторов в социальных науках анализировали преимущественно с позиций психологии и микроэкономики, то вторых – воспринимали как группу первичных акторов, с применением соответствующих теорий групп (от теорий рыночной конкуренции до перформативных социологических подходов)¹³. В целом, подобное расширительное толкование проблемы уровней анализа заложило основы междисциплинарной дискуссии и во многом выхолостило исходный бихеовиоралистский смысл понятия уровней анализа (уровни анализа как инструмент изучения/отсеивания входящих сигналов «черного ящика»). В то же время, данная трактовка, по крайней мере частично, перевела проблему в разряд онтологических, коль скоро критерии классификации применялись не к теоретически сконструированным причинно-следственным связям, а к реально существующим акторам – с их особенностями получения, усвоения и обработки информации, принятия и реализации решений.

Расширительная трактовка уровней анализа привела к заметной путанице по поводу того, какие критерии для отбора уровней использовать. Критерии Д. Сингера касались различных типов причинно-следственных связей, а их цель состояла в использовании уровней анализа как инструмента фокусировки исследования – это обеспечивало ло-

гичность всей схемы. Но затем получилось, что уровни анализа стали определяться и характеристиками акторов, и тематическими блоками международных отношений (культура, война, экономика), и наиболее распространенными институциональными формами, и даже различными комбинациями вышеперечисленных параметров. На фоне этого многообразия критериев возникали сложные логические компромиссы, а цель выдвижения тех или иных критериев оставалась нередко туманной. Чаще всего, это выражалось в том, что недооценивалась динамическая составляющая уровней анализа, то есть переменчивость самой природы взаимодействий и отдельных факторов в международных отношениях¹⁴. В то же время, и Д. Сингера вполне можно критиковать за увязывание целей исследования и критериев классификации, поскольку даже в рамках его построений оставалось непонятным, как различаются факторы, возникшие на некотором уровне взаимодействий, и факторы, отнесенные к определенному уровню анализа¹⁵.

В целом, в первые десятилетия обсуждения проблема уровней анализа рассматривалась, скорее, как методологическая. Уровни анализа виделись ученым-международникам как конвенциональные предтеоретические инструменты, использование которых обуславливалось эмпирическими данными и потребностями самого исследования. В то же время, участники дискуссии по данной про-

¹³ Berkowitz, B.D. Levels of Analysis Problems in International Studies // *International Interactions*, 1986, Vol. 12, No. 3, pp. 205-207.

¹⁴ Романова Т.А. Институциональные уровни анализа и эволюция отношений России и Евросоюза: некоторые вопросы теории и практики // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016. Т. 11. № 4. С. 225 [Romanova, T.A. Institucional'nye urovni analiza i jevoljucija odnoszenij Rossii i Evrosojuza: nekotorye voprosy teorii i praktiki (Institutional Levels of Analysis and the Evolution of Russia-EU Relations: Some Issues of Theory and Practice) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11, No. 4, p. 225]; Wendt, A. Levels of Analysis vs. Agents and Structures: part III // *Review of International Studies*, 1992, Vol. 18, No. 2, pp. 181-185.

¹⁵ Andriole, S.J. The Level of Analysis Problems and The Study of Foreign, International, and Global Affairs: a Review Critique and Another Final Solution // *International Interactions*, 1979, Vol. 5, No. 2-3, p. 117.

блеме видели основной трудностью именно отсутствие самой конвенциональности этих инструментов – причем, в количественном, а не качественном смысле.

Неолиберальные поиски межуровневой динамики

Ключевым ответвлением дискуссии по проблеме уровней анализа было рассмотрение вопросов взаимодействия явлений и процессов, отнесенных и/или принадлежащих к разным уровням. В первичном детерминистском подходе к понятию уровней наиболее четко эту «подпроблему» артикулировал К. Уолц. Согласно Уолцу, явления каждого из уровней анализа («образы») не просто взаимозависимы, но и составляют целостное поле причинно-следственных связей, которое и есть конечная цель исследования. Путь к этой цели лежит через *последовательное* (а не одновременное) выдвижение гипотез и тестирование их на всех уровнях анализа. Однако вся аргументация вокруг взаимосвязанности явлений разного порядка была нужна К. Уолцу лишь для того, чтобы сделать вывод о том, что явления наиболее абстрактного характера («международная система», «мировой порядок») становятся причинами происходящего, тогда как феномены других уровней анализа задают направление изменений и формируют предпосылки событий¹⁶. Иными словами, в трактовке К. Уолца явления разных уровней выполняют разные функции, которые в совокупности обеспечивают целостность международных отношений как отдельного социального феномена. Но такое допущение логически возможно только при условии *обязательной* (устойчивой, длительной, необратимой) связи между определенными группами переменных, что вряд ли достижимо в условиях международной анархии¹⁷.

В 70-80 гг. XX столетия идея межуровневой динамики, то есть взаимовлияния раз-

ноуровневых процессов и явлений, нашла отражение в ряде публикаций теоретиков-неолибералов (прежде всего, Ст. Андриоле, П. Гуревича и Р. Патнэма). Во-первых, накопившиеся эмпирические данные позволили усилить широко распространенные тезисы об особенностях международных взаимодействий. В частности, появились многочисленные подтверждения, что не только внутренняя политика государств (второй уровень или «образ») влияет на международные отношения – происходят и обратные процессы. Например, непосредственной причиной отставки Н. Чемберлена с поста премьер-министра Великобритании стала операция нацистской Германии по оккупации Дании и Норвегии. Во-вторых, появились новые аргументы о частичном характере причинно-следственных связей на каждом из уровней и о множественности причин как таковых. Это означало, что последовательный перебор уровней (как предлагали К. Уолц и Д. Сингер) ведет к утрате существенного массива информации, и, самое главное, – противоречит политической практике, в которой государства и их руководители учитывают разноуровневые факторы одновременно. В-третьих, появился корпус работ о влиянии на международные отношения и внешнюю политику государств таких факторов как особенности организации государственного бюрократического аппарата, доминирующей коалиции политических и социальных сил, общей структуры экономики, уровня индустриального и политического развития¹⁸. Таким образом, взаимосвязи и взаимовлияния между уровнями анализа стали предпосылками постепенного осмысления проблемы – но не со структурно-функциональных позиций, а, скорее, с реляционистских и рационалистских.

П. Катценштайн в одной из ранних (скорее неолиберальных) работ подчерки-

¹⁶ Waltz, K. *Man, the State, and War: Theoretical Analysis*. New York, Columbia University Press, 2001. Pp. 229-230, 236-237.

¹⁷ Elman, C. *Cause, Effect, and Consistency: A Response to Kenneth Waltz* // *Security Studies*, 1996, Vol. 6, No. 1, pp. 58-61.

¹⁸ Andriole, S.J. *The Level of Analysis Problems and The Study of Foreign, International, and Global Affairs: a Review Critique and Another Final Solution* // *International Interactions*, 1979, Vol. 5, No. 2-3, pp. 122-127; Gourevitch, P. *The Second Image Reversed: the International Sources of Domestic Politics* // *International Organization*, 1978, Vol. 32, No. 4, pp. 881-912.

вал, что динамический аспект можно выявить, если обратить внимание на фактор «слабого звена» – тех явлений и процессов, которые в большей степени поддаются воздействию с соседних уровней анализа. В обычной для неолибералов логике было предложено дополнить вертикальную иерархию уровней горизонтальной осью «государство-общество». Кроме того, Катценштайн выделил как минимум три формы взаимоотношений международного и внутригосударственного уровней анализа – взаимопроникновение (увеличение обмена), взаимозависимость (рост уязвимости и асимметричности в отношениях) и взаимосвязанность (перенос норм и рисков на партнеров и оппонентов). Именно с помощью «слабых звеньев» и различных форм взаимодействия межуровневых явлений он объяснял различные политические результаты (решения, действия государств) при наличии одинаковых или сходных внешних стимулов.

Например, если развитие государства и общества привело к появлению сравнительно централизованных систем принятия решения, то обмен товарами, услугами, капиталом и рабочей силой (взаимопроникновение) укрепляет самостоятельность государства и увеличивает условный «вес» внутригосударственного уровня. Напротив, при появлении децентрализованных систем принятия решения, последовательность действий государств скорее сокращается, что делает их более подверженными для воздействия структурных факторов – в частности, ограничений взаимозависимости. Такой подход открывал возможности для применения сравнительного метода и объяснения разных реакций на одинаковые (сходные) внешние или внутренние стимулы¹⁹.

В сходной логике работал Р. Патнэм, который попытался разграничить два механизма связей между уровнями по *временному* признаку – последовательное реструктурирование межгосударственных отношений из-за прямой коммуникации государств (англ.

restructuring) и кумулятивный «отложенный отклик» (англ. *reverberation*), вызванный воздействием структурных факторов. Однако ему фактически пришлось вернуться к трехуровневому анализу «международная политика-внутригосударственная политика-личность лидера/переговорщика», несмотря на провозглашение «двухуровневого» подхода²⁰. Более того, широко известная модель Р. Патнэма, по сути, оказалась *ограниченно динамической*, коль скоро она ничего конкретного не предлагала в отношении самого процесса подготовки государств к взаимодействию (торгу), в том числе, в случае последующего отказа от проведения переговоров²¹.

В 90-е гг. XX столетия основным «слабым звеном» во взаимодействии факторов международного и внутригосударственного уровня оказался политический режим. На фоне временного торжества теории демократического мира высказывались соображения, что политические режимы влияют на то, как далеко могут зайти лидеры в выполнении международных обязательств, как легко им изменить или придерживаться определенных обещаний и неформальных договоренностей, как соотносится стремление государств к обеспечению безопасности и стремление их лидеров к удержанию власти, как транспарентность принятия решений влияет на доверие со стороны международных партнеров.

Общим знаменателем работ по политическим режимам как независимым переменным в межуровневых взаимодействиях можно назвать особый акцент на том, что публичное обсуждение решений и публичные сигналы (например, мобилизация армейского резерва), в среднем, существенно ослабляют международную неопределенность, делают намерения государств намного более прозрачными и понятными. Одна-

¹⁹ Katzenstein, P.J. International Relations and Domestic Structures: Foreign Economic Policies of Advanced Industrial States // *International Organization*, 1976, Vol. 30, No. 1, pp. 1-45.

²⁰ Putnam, R.D. Diplomacy and Domestic Politics: the Logic of Two-Level Games // *International Organization*, 1988, Vol. 42, No. 3, pp. 427-430, 454-456, 459-460.

²¹ Noone, H. Two-Level Games and the Policy Process: Assessing Domestic-Foreign Policy Linkage Theory // *World Affairs*, 2019, Vol. 182, No. 2, p. 178.

ко государства с непубличным принятием решений и слабой степенью политической ответственности лидеров выпадают из этой логики и скорее склонны сохранять высокий уровень неопределенности, сближаясь со сходными политическими режимами в других странах²². То есть, в узком смысле «слабыми звеньями» межуровневых взаимодействий оказались механизмы политической ответственности и публичности принятия решений. Это означало определенной перекося в сторону *содержания* (~ значения) взаимодействий – их соотношения с производством общего и узкогруппового блага, особенностями коммуникации лидеров (лиц, принимающих решения) с основными группами интересов и населением²³.

Сама постановка вопроса о том, что какие-то конкретные элементы уровней анализа, в среднем, в большей степени вовлечены в межуровневые взаимодействия – имела большой эвристический потенциал с точки зрения описания и объяснения таких взаимодействий. Но, одновременно, идея «слабого звена» подрывала саму суть уровней анализа как совокупности детерминирующих факторов, поскольку потенциально признавала наличие отдельного класса явлений – *сверхдетерминирующих* факторов (ограничений). То есть, размывалась идея

структурной обусловленности взаимодействий, которая позволяла классифицировать разные группы явлений как одну единицу анализа (таксон).

Аналогично, фактическое введение в оборот временного лага в исследование межуровневых взаимодействий сводило на нет положительный эффект от применения классификации в виде уровней анализа. Пока факт воздействия не происходит и не появляется соответствующий массив данных, ученым приходится иметь дело с «большим фрагментом тайны»²⁴. Соответственно, возникает необходимость более сложного анализа взаимодействий внутри уровней и между ними, который бы позволил более подробно и менее схематично отразить политические события, расширить круг акторов, предпочтения и поведение которых можно считать существенными в конкретных кейсах²⁵.

Несмотря на существенное размывание границ между уровнями, неолибералы не только приняли «правила игры» в виде допущения о существовании уровней, но и сделали это в наиболее редуционистской форме, признавая лишь два (или два с половиной) основных уровня анализа. А это означало, что с методологической точки зрения, неолибералы не смогли как-то отмежеваться от тех, кого они критиковали. Ими была продолжена номотетическая логика исследований: любые вариации на уровнях анализа оставались частью более абстрактной закономерности.

Конструктивистский вызов конвенциональностям

После распада биполярного мирового порядка появилось еще несколько принципиальных моментов в дискуссии вокруг уровней анализа. В частности, в результате бурного развития конструктивистской школы в конце 80-х-середине 90-х гг. XX века

²² См. в частности: Cowhey, P.F. Domestic Institutions and the Credibility of International Commitment: Japan and the United States // *International Organization*, 1993, Vol. 47, No. 2, pp. 299-326; Bueno de Mesquita, B.B.; Siverson, R.M. War and the Survival of Political Leaders: A Comparative Study of Regime Types and Political Accountability // *American Political Science Review*, 1995, Vol. 89, No. 4, pp. 841-855; Fearon, J.D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // *American Political Science Review*, 1994, Vol. 88, No. 3, pp. 577-592; Leeds, B.A. Domestic Political Institutions, Credible Commitments, and International Cooperation // *American Journal of Political Science*, 1999, Vol. 43, No. 4, pp. 979-1002; Morgan, T.C.; Campbell, S.H. Domestic Structure, Decisional Constraints, and War: so Why Kant Democracies Fight? // *Journal of Conflict Resolution*, 1991, Vol. 35, No. 2, pp. 187-211.

²³ Bueno de Mesquita, B.; Smith, A. Domestic Explanations of International Relations // *Annual Review of Political Science*, 2012, Vol. 15, pp. 161-181.

²⁴ Dahl, R.A. The Concept of Power // *Behavioral Science*, 1957, Vol. 2, No. 3, p. 204.

²⁵ Noone, H. Two-Level Games and the Policy Process: Assessing Domestic-Foreign Policy Linkage Theory // *World Affairs*, 2019, Vol. 182, No. 2, pp. 182-183.

проблема уровней анализа наконец-то приобрела и *эпистемологическое* измерение. Конструктивисты обратили внимание, что выбираемые для исследования методы (тот же метод классификации) обусловлены опытом ученых и/или анализируемых явлений, выражены в знаковой и лингвистической форме, обусловлены контекстом происходящих событий, то есть применяются субъективно – даже при неоспоримой объективности самого метода.

С этой точки зрения, проблема уровней анализа предполагает определенное обращение с субъективистским применением методов, которое заключается в предположении о целостности международных отношений или даже в приписывании этой целостности разрозненным явлениям и процессам. То есть, на самом старте исследования отдается приоритет холизму (а не индивидуализму/атомизму), что ведет к важным последствиям для получаемого знания. Как минимум, игнорируется мнение и восприятие самих акторов, которые находятся «внутри» процессов и, очевидно, не видят общей картины происходящего (а по определению ограниченной рациональности – даже не должны ее видеть). А это значит, что и набор стимулов может существенно отличаться от общего для международной целостности (международной системы), вес отдельных стимулов может быть выше для индивидуальных акторов, чем для какой-либо другой группы акторов и так далее²⁶. Соответственно, само обращение к проблеме уровней анализа и попытки разрешить эту проблему подразумевают холистскую эпистемологическую ориентацию, которую можно сравнить, например, с измерением средней температуры по больнице.

Видный турецкий методолог-международник Н. Юрдусеф отмечал, что для выбора холистских подходов необходимы две предпосылки. Во-первых, части целого должны быть неотличимы, неотделимы друг от друга – что делает невозможным их анализ по отдельности. Во-вторых, части це-

лого не должны быть самодостаточными, то есть должны быть неспособными существовать без целостности. Совершенно очевидно, что при всей относительности, размытости и смысловой подвижности понятий «государство», «международные отношения», «дипломатия» – вполне возможно отличить Италию от Китая, вполне вероятно выявить тот факт, что Китай долгое время жил своей жизнью вне той европоцентричной системы отношений, в рамках которой сформировалась современная Италия. То есть, оснований для исключительного использования холистских подходов недостаточно, любой холизм в международных исследованиях нуждается в индивидуалистской корректировке и, видимо, – наоборот, любой индивидуализм (или атомизм²⁷) обречен на поправки и уточнения холистского содержания²⁸.

Именно в этой логике попытались рассуждать Б. Бузан, Ч. Джонс и Р. Литтл: по их мнению, можно в исследовательских целях сконструировать уровни «единиц анализа» и структурные уровни. Если несколько упрощать, на уровнях единиц анализа действует индивидуалистская/атомистская эпистемология, нацеленная на выявление частных и особых характеристик акторов; на структурных уровнях исследователи переходят к холистской эпистемологии, обращают внимание на инерцию от упорядочивания, последствия от перераспределения силовых факторов и, собственно, общие причины происходящего²⁹. Подобные попытки совместить индивидуализм и холизм в исследовательской практике продолжают с переменным успехом.

Кроме того, конструктивистская школа обратила внимание на *онтологические* аспекты проблемы уровней анализа. Например, само значение слова «уровень»

²⁶ Hollis, M.; Smith, S. *Explaining and Understanding International Relations*. Oxford-New York, Oxford University Press, 1990. Pp. 68-71, 88-91.

²⁷ Использование термина «атомизм» обусловлено тем, что индивидуализм в отношении конкретного индивида фактически становится холизмом.

²⁸ Yurdusev, N. “Level of Analysis” and “Unit of Analysis”: a Case for Distinction // *Millennium: Journal of International Studies*, 1993, Vol. 22, No. 1, pp. 86-87.

²⁹ Buzan, B.; Jones, C.A.; Little, R. *The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism*. New York, Columbia University Press, 1993. Pp. 69-80.

подразумевает некоторую иерархию – а применение уровней анализа в международных исследованиях создает в головах ученых и обывателей вертикально организованное пространство (например, пирамидальные схемы³⁰). Существование этого пространства кажется самоочевидным и неоспоримым, хотя детали могут значительно различаться – от рассуждений о праве сильного до конспирологических предположений о мировом заговоре. Проще говоря, теории, признающие и решающие каким-либо образом проблему уровней анализа, имеют пространственно-ориентированный характер. Внутри них, дискуссия сразу начинается с аналогий по поводу взаиморасположения, разделения, маршрутизации и точек отсчета – а также по поводу принципов их появления и функционирования³¹. Между тем, подобная характеристика международных отношений как пространства, с холистской точки зрения, нуждается, во-первых, в обосновании (почему выбрана именно вертикальная форма, а не горизонтальная³²), а, во-вторых, в дополнении подобных пространственных размышлений временными рамками или темпоральным аспектом³³.

³⁰ См.: Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. С. 126. [Lebedeva, M.M. Sistema politicheskoy organizacii mira: «ideal'nyj shtorm» (The System of Global Political Organization: Ideal Storm) // *Vestnik MGIMO-Universiteta (MGIMO Review of International Relations)*, 2016, No. 2(47), p. 126.]

³¹ Marks, M.P. *Revisiting Metaphors in International Relations Theory*. Cham, Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 147-149.

³² О дополнении вертикальных уровней горизонтальной классификацией внутри уровней см. например: Buzan, B.; Little, R. *International Systems in World History*. Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 76-78. Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. Pp. 145-147.

³³ На тему временного аспекта уровней анализа можно отдельно выделить небольшой отрывок в статье Уильяма Б. Мула. См.: Moul, W.B. *The Level of Analysis Problem Revisited* // *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de*

Как подчеркивал Р. Уолкер, проблема уровней анализа из-за своей, казалось бы, самоочевидности – подавляет онтологические противоречия с помощью «эпистемологических банальностей»³⁴.

Любопытные рассуждения на этот счет сформулировал Н. Онуф, который задался вопросом о том, какое именно пространство конструирует проблема уровней анализа. Если рассматривать эту проблему как эпистемологическую, то пространство и расстояние формируется скорее между исследователем и объектом исследования. В таком случае, разрешение проблемы заключается в измерении дистанции между объектом и субъектом научного поиска, а уровни анализа намного ближе по смыслу к трактовке Д. Сингера (договоренность, а не реальное разделение). В подобной трактовке существенных научных перспектив нет, поскольку дистанция остается воображаемой, субъективно определяемой – а объективистская (измерительная) эпистемология по определению не работает с субъективными феноменами. Если же рассматривать данную проблему как *онтологическую*, то ее решение заключается в том, чтобы разделить исследователя и объект исследования – но тогда вместо одного пространства появляются множественные пространства, задаваемые уровнями и «анти-уровнями» анализа. И задача будет состоять не в том, чтобы исследовать эти пространства, а в том, чтобы исследовать их границы, взаимоотношения между пространствами и правила, которые формируют и направляют процессы разграничения.

То есть, проблема уровней анализа – это поиск и обобщение процессов упорядочивания в международных отношениях, а такая цель, в принципе, разделяется большинством школ в теории международных отношений. Конструктивисты, добавлял Н. Онуф, лишь предлагают не ограничиваться вопросами методологического комфорта и не использовать уровни анализа ограниченно – в качестве способа классификации.

science politique, 1973, Vol. 6, No. 3, pp. 509-511.

³⁴ Walker, R.B.J. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. Pp. 130-135.

Уровни анализа отражают intersubъективно существующие процессы демаркации (деглобализации, регионализации, транснационализации), которые отражают политическое, экономическое и культурное многообразие мира. А, значит, вопрос не столько в количестве уровней анализа, сколько в изучении их как отдельного класса явлений – наиболее устоявшихся норм или «старых условностей» (англ. *ancient conventions*), которые и обеспечивают смысловую целостность международных отношений³⁵.

В начале XXI столетия дискуссия вокруг уровней анализа сконцентрировалась на поисках путей обхода высказанных конструктивистами онтологических аргументов. Как выразился британский исследователь Б. Мэйби, само использование уровней анализа подталкивает к определенным «онтологическим обязательствам» (термин американского философа У. Куайна) – например, к игнорированию отдельных уровней, к ограничению круга рассматриваемых процессов и акторов, к неосознанному отрицанию взаимосвязей различных классов явлений. Один из способов отказа от «онтологических обязательств» может заключаться в дополнении уровней анализа понятием «охвата» (англ. *scale*) – подобное аналитическое различие в отечественной науке обозначается с помощью *объекта* и предмета исследования. В данной логике рассуждений уровни анализа указывают на некоторые группы явлений, но эмпирические данные обуславливают «охват», который уточняет и окончательно определяет границы исследования³⁶. Такая логика рассуждений возвращает проблему уровней анализа в разряд *методологических* – пусть и с некоторыми оговорками. Обращает на себя внимание тот факт, что подобный результат обусловлен осознанным отказом от «онтологических обязательств» – в этом несомненная слабость всей логической схемы.

³⁵ Onuf, N. Levels // *European Journal of International Relations*, 1995, Vol. 1, No. 1, pp. 43-44, 50-53.

³⁶ Mabee, B. Levels and Agents, States and People: Micro-Historical Sociological Analysis and International Relations // *International Politics*, 2007, Vol. 44, No. 4, pp. 434, 444.

М. Альберт и Б. Бузан подчеркивали, что полное возвращение к трактовке проблемы уровней анализа как методологической проблемы – означает возвращение к различным формам упрощения и умолчания. Поэтому использование уровней анализа должно сопровождаться выявлением данных форм включения и исключения. И в данном случае дальнейшее развитие дискуссии либо ведет к отказу от использования метафоры уровней, либо к постпозитивистскому прочтению международной реальности, к чему современная наука пока не готова. Теоретически возможна и третья альтернатива – социологизация международной проблематики, что потребует, по всей видимости, реконцептуализации самого понятия социальной целостности, взаимосвязей внутри его³⁷. То есть, М. Альберт и Б. Бузан предложили, по сути, разобраться с проблемой уровней анализа в рамках *эпистемологии* и пересмотра границ того знания, которое доступно международникам. Но в таком случае могут исчезнуть дисциплинарные границы между социологией и международно-политическими исследованиями, что также создает некоторые риски.

В целом, конструктивисты и близкие к ним по духу исследователи обозначили достаточно серьезные недосказанности при использовании уровней анализа и продемонстрировали их онтологические и эпистемологические последствия. В то же время, эта школа теории международных отношений оказалась не совсем готова брать на себя «онтологические обязательства» и сосредоточила основные усилия на разработке эпистемологического аспекта проблемы уровней анализа.

Выводы

В настоящий момент промежуточные итоги дебатов вокруг уровней анализа таковы. Во-первых, совершенно очевидно, что при любой конфигурации уровней анализа сохраняются как множественные раздели-

³⁷ Albert, M.; Buzan, B. International Relations Theory and the “Social Whole”: Encounters and Gaps Between IR and Sociology // *International Political Sociology*, 2013, Vol. 7, No. 2, pp. 129-130, 133-134.

тельные линии внутри уровней (вертикальные и горизонтальные связи), так и феномены, которые выходят за рамки одного уровня. Это, по всей видимости, неустранимый онтологический недостаток: международное «целое» слишком сложно, чтобы полностью найти отражение в «частном». Во-вторых, любая классификация не может существовать в теоретико-методологическом вакууме: даже если классификация используется для оперативных исследовательских целей, то есть временно принимается как данность в рамках исследования, – это тянет за собой эпистемологические и онтологические допущения («обязательства»), игнорировать которые становится сложнее по мере накопления данных. В-третьих, дебаты вокруг проблемы уровней развернулись уже «внутри» самой проблемы. Дело в том, что вопрос о распределении явлений и процессов на классы сам по себе нуждается в изучении, поскольку эпистемологические и онтологические допущения нередко выражены в неявной форме.

То есть, инструментальная полезность данного концепта, с одной стороны, ставится под сомнение, но, с другой стороны, все еще лежит в основе множества работ по международной проблематике – отчасти за неимением лучшего способа классификации. Более того, казалось бы, простое разграничение реальности на уровни на поверку оказывается не просто сложным, но и допускающим противоположные и еще только формирующиеся трактовки.

В итоге, проблема уровней анализа вырвалась из исходной неопозитивистской формулировки Д. Сингера: вместо аксиоматического допущения для тестирования гипотез перед нами – один из способов разграничения знания, который формирует скорее аналитический нарратив как об объекте исследования, так и отчасти о самом исследователе. Однако перенос этой теоретической проблемы в пространство дискуссии современных научных школ имеет и свою содержательную цену. Проблема уровней анализа, в современной трактовке, формулируется скорее как «Почему мы используем те или иные уровни анализа?», а не

«Какие уровни анализа мы используем?»³⁸. А возможные ответы на вопросы сместились скорее в область «чистой» эпистемологии (М. Альберт, Б. Бузан) или социальной онтологии (Н. Онуф, Р. Уолкер, отчасти А. Вендт). Таким образом, уровни анализа стали рассматриваться не как предтеоретический конвенциональный инструмент, а как теоретический и сущностно оспариваемый концепт³⁹, роль которого в демаркации научного знания существенно выше, чем считалось прежде.

Стержневой вопрос для дальнейшей дискуссии заключается в конфигурации эпистемологических и онтологических обязательств, которые готовы будут взять на себя исследователи. С этой точки зрения, перспективным представляется изучение соотношения уровней и «анти-уровней» (термин Н. Онуфа), темпорального измерения уровней («уровневости» как процесса?), пограничных межуровневых ситуаций и переменных и, видимо, все-таки эвристической ценности уровней анализа. Все это, в той или иной мере, позволит более четко выявить, как и в какой степени получается сочетать холизм и индивидуализм, субъективизм и объективизм, и пр.

В итоге, дебаты последних десятилетий немало способствовали выявлению неявных форм онтологических и эпистемологических допущений относительно уровней анализа, позволили выработать альтернативные варианты ответов на вопрос «Почему?» – хотя с аналитической точки зрения понимания и ясности по поводу уровней анализа не прибавилось. Это подтверждает мнение Г. Моргентхау о том, что изучение политических и международно-политических явлений представляет собой скорее *попытку* упорядочить знание и придать ему смысл⁴⁰ – а попытки могут быть и сравнительно безуспешными.

³⁸ Temby, O. What Are Levels of Analysis and What Do They Contribute to International Relations Theory? // *Cambridge Review of International Affairs*, 2015, Vol. 28, No. 4, pp. 728-729, 736-738.

³⁹ Подробнее см.: Gallie, W.B. Essentially contested concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1955, Vol. 56, No 1, pp. 167-198.

⁴⁰ Morgenthau, H.J. Another “Great Debate”: the National Interest of the United States // *American Political Science Review*, 1952, Vol. 46, No. 4, p. 963

Литература:

Дегтерев Д.А. Формализованные модели в международно-политической науке // Полис. Политические исследования. 2017. Т. 4, № 4.

Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2.

Романова Т.А. Институциональные уровни анализа и эволюция отношений России и Евросоюза: некоторые вопросы теории и практики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 4.

Albert, M.; Buzan, B. International Relations Theory and the “Social Whole”: Encounters and Gaps Between IR and Sociology // *International Political Sociology*, 2013, Vol. 7, No. 2.

Allison, G.T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston, Little, Brown, and Company, 1971.

Andriole, S.J. The Level of Analysis Problems and The Study of Foreign, International, and Global Affairs: a Review Critique and Another Final Solution // *International Interactions*, 1979, Vol. 5, No. 2-3, pp. 122-127.

Berkowitz, B.D. Levels of Analysis Problems in International Studies // *International Interactions*, 1986, Vol. 12, No. 3.

Brecher, M. *The Foreign Policy System of Israel: Setting, Images, Process*. London, Oxford University Press, 1972.

Bueno de Mesquita, B.; Smith, A. Domestic Explanations of International Relations // *Annual Review of Political Science*, 2012, Vol. 15, pp. 161-181.

Bueno de Mesquita, B.B.; Siverson, R.M. War and the Survival of Political Leaders: A Comparative Study of Regime Types and Political Accountability // *American Political Science Review*, 1995, Vol. 89, No. 4, pp. 841-855.

Bull, H. *The Anarchical Society: a Study of Order in World Politics*. New York, Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 45-49.

Buzan, B.; Jones, C.A.; Little, R. *The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism*. New York, Columbia University Press, 1993. Pp. 69-80.

Buzan, B.; Little, R. *International Systems in World History*. Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 76-78.

Copp, D. Hobbes on Artificial Persons and Collective Actions // *The Philosophical Review*, 1980, Vol. 89, No. 4, pp. 579-606.

Cowhey, P.F. Domestic Institutions and the Credibility of International Commitment: Japan and the United States // *International Organization*, 1993, Vol. 47, No. 2, pp. 299-326.

Dahl, R.A. The Concept of Power // *Behavioral Science*, 1957, Vol. 2, No. 3.

Elman, C. Cause, Effect, and Consistency: A Response to Kenneth Waltz // *Security Studies*, 1996, Vol. 6, No. 1, pp. 58-61.

Fearon, J.D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // *American Political Science Review*, 1994, Vol. 88, No. 3, pp. 577-592.

Gallie, W.B. Essentially contested concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1955, Vol. 56, No. 1, pp. 167-198.

Gourevitch, P. The Second Image Reversed: The International Sources of Domestic Politics // *International Organization*, 1978, Vol. 32, No. 4, pp. 881-912.

Hermann, C.F.; East, M.A.; Salmore, S.A. *Why Nations Act: Theoretical Perspectives for Comparative Foreign Policy Studies*. Beverly Hills, Sage Publications, 1978.

Hollis, M.; Smith, S. *Explaining and Understanding International Relations*. Oxford-New York, Oxford University Press, 1990.

Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*. New edition. Princeton, Princeton University Press, 2017.

Katzenstein, P.J. *International Relations and Domestic Structures: Foreign Economic Policies of Advanced Industrial States* // *International Organization*, 1976, Vol. 30, No. 1, pp. 1-45.

Leeds, B.A. Domestic Political Institutions, Credible Commitments, and International Cooperation // *American Journal of Political Science*, 1999, Vol. 43, No. 4, pp. 979-1002.

Mabee, B. Levels and Agents, States and People: Micro-Historical Sociological Analysis and International Relations // *International Politics*, 2007, Vol. 44, No. 4.

Marks, M.P. *Revisiting Metaphors in International Relations Theory*. Cham, Palgrave Macmillan, 2018.

Morgan, T.C.; Campbell, S.H. Domestic Structure, Decisional Constraints, and War: so Why Kant Democracies Fight? // *Journal of Conflict Resolution*, 1991, Vol. 35, No. 2, pp. 187-211.

Morgenthau, H.J. Another “Great Debate”: the National Interest of the United States // *American Political Science Review*, 1952, Vol. 46, No. 4.

Moul, W.B. The Level of Analysis Problem Revisited // *Canadian Journal of Political Science/Revue Canadienne de Science Politique*, 1973, Vol. 6, No. 3.

Noone, H. Two-Level Games and the Policy Process: Assessing Domestic–Foreign Policy Linkage Theory // *World Affairs*, 2019, Vol. 182, No. 2.

Onuf, N. Levels // *European Journal of International Relations*, 1995, Vol. 1, No. 1.

Putnam, R.D. Diplomacy and Domestic Politics: the Logic of Two-Level Games // *International Organization*, 1988, Vol. 42, No. 3.

Ringmar, E. On the Ontological Status of the State // *European Journal of International Relations*, 1996, Vol. 2, No. 4, pp. 439-466.

Rosenau, J. Pre-Theories and Theories of Foreign Policy // *Approaches to Comparative and International Politics*. Ed. by R.B. Farrell. Evanston, Northwestern University Press, 1966. Pp. 29-92.

Singer, D.J. The Level-of-Analysis Problem in International Relations // *World Politics*, 1961, Vol. 14, No. 1.

Singer, J.D. International Conflict: Three Levels of Analysis // *World Politics*, 1960, Vol. 12, No. 3, pp. 453-461.

Temby, O. What Are Levels of Analysis and What Do They Contribute to International Relations Theory? // *Cambridge Review of International Affairs*, 2015, Vol. 28, No. 4.

Walker, R.B.J. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993.

Waltz, K. *Man, the State, and War: Theoretical Analysis*. New York, Columbia University Press, 2001.

Wendt, A. Levels of Analysis vs. Agents and Structures: part III // *Review of International Studies*, 1992, Vol. 18, No. 2, pp. 181-185.

Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

Wendt, A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // *International Organization*, 1987, Vol. 41, No. 3, pp. 335-370.

Yalem, R.J. International Politics: The Continuing Search for Theory // *International Interactions*, 1982, Vol. 9, No. 3.

Yurdusev, N. "Level of Analysis" and "Unit of Analysis": a Case for Distinction // *Millennium: Journal of International Studies*, 1993, Vol. 22, No. 1.

References:

Albert, M.; Buzan, B. International Relations Theory and the "Social Whole": Encounters and Gaps Between IR and Sociology // *International Political Sociology*, 2013, Vol. 7, No. 2.

Allison, G.T. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston, Little, Brown and Company, 1971.

Andriole, S.J. The Level of Analysis Problems and The Study of Foreign, International, and Global Affairs: a Review Critique and Another Final Solution // *International Interactions*, 1979, Vol. 5, No. 2-3, pp. 122-127.

Berkowitz, B.D. Levels of Analysis Problems in International Studies // *International Interactions*, 1986, Vol. 12, No. 3.

Brecher, M. *The Foreign Policy System of Israel: Setting, Images, Process*. London, Oxford University Press, 1972.

Bueno de Mesquita, B.; Smith, A. Domestic Explanations of International Relations // *Annual Review of Political Science*, 2012, Vol. 15, pp. 161-181.

Bueno de Mesquita, B.B.; Siverson, R.M. War and the Survival of Political Leaders: A Comparative Study of Regime Types and Political Accountability // *American Political Science Review*, 1995, Vol. 89, No. 4, pp. 841-855.

Bull, H. *The Anarchical Society: a Study of Order in World Politics*. New York, Palgrave Macmillan, 2012. Pp. 45-49.

Buzan, B.; Jones, C.A.; Little, R. *The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism*. New York, Columbia University Press, 1993. Pp. 69-80.

Buzan, B.; Little, R. *International Systems in World History*. Oxford: Oxford University Press, 2000. Pp. 76-78.

Copp, D. Hobbes on Artificial Persons and Collective Actions // *The Philosophical Review*, 1980, Vol. 89, No. 4, pp. 579-606.

Cowhey, P.F. Domestic Institutions and the Credibility of International Commitment: Japan and the United States // *International Organization*, 1993, Vol. 47, No. 2, pp. 299-326.

Dahl, R.A. *The Concept of Power* // *Behavioral Science*, 1957, Vol. 2, No. 3.

Degterev, D.A. Formalizovannye modeli v mezhdunarodno-politicheskoj nauke (Formalized Models in the IR) // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, Vol. 4, No. 4.

Elman, C. Cause, Effect, and Consistency: A Response to Kenneth Waltz // *Security Studies*, 1996, Vol. 6, No. 1, pp. 58-61.

Fearon, J.D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // *American Political Science Review*, 1994, Vol. 88, No. 3, pp. 577-592.

Gallie, W.B. Essentially contested concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1955, Vol. 56, No. 1, pp. 167-198.

Gourevitch, P. The Second Image Reversed: The International Sources of Domestic Politics // *International Organization*, 1978, Vol. 32, No. 4, pp. 881-912.

Hermann, C.F.; East, M.A.; Salmore, S.A. *Why Nations Act: Theoretical Perspectives for Comparative Foreign Policy Studies*. Beverly Hills, Sage Publications, 1978.

Hollis, M.; Smith, S. *Explaining and Understanding International Relations*. Oxford-New York, Oxford University Press, 1990.

Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*. New edition. Princeton, Princeton University Press, 2017.

Katzenstein, P.J. International Relations and Domestic Structures: Foreign Economic Policies of Advanced Industrial States // *International Organization*, 1976, Vol. 30, No. 1, pp. 1-45.

Lebedeva, M.M. Sistema politicheskoy organizacii mira: «ideal'nyj shtorm» (The System of Global Political Organization: Ideal Storm) // *Vestnik MGIMO-Universiteta (MGIMO Review of International Relations)*, 2016, No. 2.

Leeds, B.A. Domestic Political Institutions, Credible Commitments, and International Cooperation // *American Journal of Political Science*, 1999, Vol. 43, No. 4, pp. 979-1002.

Mabee, B. Levels and Agents, States and People: Micro-Historical Sociological Analysis and International Relations // *International Politics*, 2007, Vol. 44, No. 4.

Marks, M.P. *Revisiting Metaphors in International Relations Theory*. Cham, Palgrave Macmillan, 2018.

Morgan, T.C.; Campbell, S.H. Domestic Structure, Decisional Constraints, and War: so Why Kant Democracies Fight? // *Journal of Conflict Resolution*, 1991, Vol. 35, No. 2, pp. 187-211.

Morgenthau, H.J. Another "Great Debate": the National Interest of the United States // *American Political Science Review*, 1952, Vol. 46, No. 4.

Moul, W.B. The Level of Analysis Problem Revisited // *Canadian Journal of Political Science/Revue Canadienne de Science Politique*, 1973, Vol. 6, No. 3.

Noone, H. Two-Level Games and the Policy Process: Assessing Domestic-Foreign Policy Linkage Theory // *World Affairs*, 2019, Vol. 182, No. 2.

Onuf, N. Levels // *European Journal of International Relations*, 1995, Vol. 1, No. 1.

Putnam, R.D. Diplomacy and Domestic Politics: the Logic of Two-Level Games // *International Organization*, 1988, Vol. 42, No. 3.

Ringmar, E. On the Ontological Status of the State // *European Journal of International Relations*, 1996, Vol. 2, No. 4, pp. 439-466.

Romanova, T.A. Institucional'nye urovni analiza i jevoljucija otoshenij Rossii i Evrosojuzha: nekotorye voprosy teorii i praktiki (Institutional Levels of Analysis and the Evolution of Russia-EU Relations: Some Issues of Theory and Practice) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11, No. 4.

Rosenau, J. Pre-Theories and Theories of Foreign Policy // *Approaches to Comparative and International Politics*. Ed. by R.B. Farrell. Evanston, Northwestern University Press, 1966. Pp. 29-92.

Singer, D.J. The Level-of-Analysis Problem in International Relations // *World Politics*, 1961, Vol. 14, No. 1.

Singer, J.D. International Conflict: Three Levels of Analysis // *World Politics*, 1960, Vol. 12, No. 3, pp. 453-461.

Temby, O. What Are Levels of Analysis and What Do They Contribute to International Relations Theory? // *Cambridge Review of International Affairs*, 2015, Vol. 28, No. 4.

Walker, R.B.J. Inside/Outside: International Relations as Political Theory. Cambridge, Cambridge University Press, 1993.

Waltz, K. Man, the State, and War: Theoretical Analysis. New York, Columbia University Press, 2001.

Wendt, A. Levels of Analysis vs. Agents and Structures: part III // *Review of International Studies*, 1992, Vol. 18, No. 2, pp. 181-185.

Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

Wendt, A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // *International Organization*, 1987, Vol. 41, No. 3, pp. 335-370.

Yalem, R.J. International Politics: The Continuing Search for Theory // *International Interactions*, 1982, Vol. 9, No. 3.

Yurdusev, N. "Level of Analysis" and "Unit of Analysis": a Case for Distinction // *Millennium: Journal of International Studies*, 1993, Vol. 22, No. 1.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10036

THE PROBLEM OF LEVELS OF ANALYSIS IN THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS: ON THE WAY TOWARDS ONTOLOGICAL OBLIGATIONS?

Ivan D. Loshkariov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 25.08.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 07.09.2021</p>	<p>Abstract: In the modern theory of international relations there are several fundamental problems, the discussion and comprehension of which, in fact, sets the trajectory of further development of theoretical schools. This article is devoted to one of such problems which is often defined as the problem of levels of analysis. At the initial stage of the scientific discussion, the levels of analysis were perceived as a research tool, the use of which does not limit or oblige the researcher. This tool made it possible to more clearly identify a group of determining factors of the behavior of international players. However, this interpretation of the levels of analysis turned out to be excessively static, which reduced the attractiveness of this tool for research. An important breakthrough was the idea of «weaker components» at different levels, which are more susceptible to influence from other levels of analysis. In the second stage of the discussion, as the studies of the inter-level and intra-level dynamics proceeded, it turned out that the most important aspect of the problem of levels of analysis is the content of interactions. And the identification of meaningful elements of interactions explicitly or implicitly implies an appeal to the issues of social epistemology and ontology, which has led to the identification of a new layer of contradictions and conceptual forks within the problem of levels of analysis. The third stage of the discussion on the problem of levels of analysis has only just begun with major contribution from constructivism. At the present stage, the problem of levels of analysis retains its significance for research methodology as well as for the epistemology and ontology of IR studies. The article summarizes the achievements and shortcomings of each stage of the scientific discussion on the problem of levels of analysis and offers some promising new areas for further theorizing.</p>
<p>About the author:</p> <p>Candidate in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Theory; Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO University</p> <p>e-mail: ivan1loshkariov@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>theory of international relations; levels of analysis; inter-level interactions; social ontology; ontological obligations</p>	

Для цитирования: Лошкарёв И.Д. Проблема уровней анализа в теории международных отношений: на пути к онтологическим обязательствам? // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 5-18.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10036

For citation: Loshkariov, Ivan D. Problema urovney analiza v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: na puti k ontologicheskim obyazatel'stvam? (The Problem of Levels of Analysis in the Theory of International Relations: on the Way towards Ontological Obligations?) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 5-18.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10036

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ НЕПОНИМАНИЯ

Екатерина Павловна Шанченко

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Национальный исследовательский институт мировой
экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской Академии Наук,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 10 апреля 2021 <i>Принята к печати:</i> 7 сентября 2021</p>	<p>Аннотация: Данная статья представляет обзор и анализ деятельности международных организаций, связанных с миротворческим движением, на протяжении 2019-2020 гг. Анализируя деятельность ООН, автор приходит к выводу о том, что каждый год ООН проводит около 20 миссий, ради которых привлекает около 180 000 человек. Основные миссии ООН расположены в регионе Африке. В целом, миссии способствуют сохранению стабильности в регионе и снижению уровня конфликтности. Однако регион столкнулся с последствиями COVID-19, с чем в дальнейшем и предстоит бороться Организации. На фоне деятельности ООН, активно задействованной в миротворческих операциях, меры превентивной дипломатии ОБСЕ выглядят не такими впечатляющими: снижается уровень доверия между государствами, что также проявляется в нерегулярности обменов военной информацией между государствами-членами Организации. К уровню недоверия государств также прибавляется растущее напряжение отношений между Россией и Западом, что также негативно сказывается на результатах диалога между государствами: неудачные попытки стабилизировать ситуацию в Украине, возрождение конфликта в Нагорном Карабахе. Обращаясь к истории миротворческого движения НАТО, автор отмечает: несмотря на то, что в 2019 г. НАТО провела лишь три миротворческие операции, в качестве региональной организации она задействовала наибольшее количество персонала. Миротворческая деятельность не является единственной сферой для Альянса, НАТО также задействована в патрулировании Средиземного моря, подготовке кадров в Ираке, контроле за воздушным пространством Украины. Среди государств-членов Североатлантического альянса также наблюдается увеличение военных бюджетов. Одной из причин является усиление напряжения в отношениях между Россией и Западом. Являясь военной Организацией, НАТО стремится использовать данную ситуацию в своих интересах, тем самым расширив свою сферу влияния, что не может способствовать снижению напряжения и укреплению мер доверия на международной арене. Данные обстоятельства следует учитывать государствам в процессе выстраивания своей линии в диалоге с международным сообществом.</p>
<p>Об авторе: младший научный сотрудник, Институт международных исследований МГИМО МИД России; соискатель, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской Академии Наук e-mail: katushanch@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: ООН; ОБСЕ; НАТО; миротворческие операции; превентивная дипломатия; урегулирование конфликтов; мировой порядок; международные организации</p>	

Современный период осложнен не только пандемией, но и интенсивным напряжением и отсутствием взаимопонимания между странами (такими, как ухудшение отношений по линии Россия – Запад, Россия – США, обострение нагорно-карабахского конфликта, американо-китайских отношений). Так, по данным СИПРИ 2020 г., количество заключающихся мирных соглашений к 2019 г. суще-

ственно снижалось: в то время как в 2017 г. их было 74, в 2018 г. – уже 69, а в 2019 г. – лишь 21¹. В такой момент особую роль по сохранению мира играют международные организации. На сегодняшний день на международной арене существуют несколько международных уважаемых организаций, чья деятель-

¹ SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P. 38.

ность напрямую связана с устранением противоречий между государствами, с организацией миротворческих операций, а также с ликвидацией последствий непонимания, приведшего в том числе к вооруженным конфликтам, – это Организация Объединенных Наций, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организация Североатлантического договора. Данные организации на протяжении долгого времени своего существования разрабатывали и имеют в своем распоряжении многочисленные инструменты, способные нивелировать потенциальные конфликты между государствами (методы превентивной дипломатии, миссии экспертов, миссии наблюдателей, миссии докладчиков, посреднические услуги, «добрые услуги», консультации, меры доверия, международные следственные и согласительные процедуры, арбитражное и судебное разбирательство, комитеты по оказанию гуманитарной, социальной, экономической помощи). Рассмотрим их деятельность в современный период более подробно.

Инструменты поддержания мира ООН

Следует отметить, что ООН является наиболее старшей по возрасту Организацией, возглавляющей миротворческие операции². Наиболее распространенной градацией миротворческих операций, включенной в ООН, является следующая: миротворческая операция³, операция по поддержанию мира⁴, операция по принуждению к миру⁵,

миростроительная операция⁶, предупреждение конфликтов⁷. Также отдельно можно выделить организацию миссий Совета Безопасности в регионы «горячих точек». Значение данных миссий включает в себя политическое влияние на стороны конфликта, детальный анализ состояния конфликта и возможные приготовления для будущих миротворческих операций. Отметим, что до организации миротворческой операции, с правительствами государств-участников конфликта проводятся консультации, которые также можно отнести к инструментам превентивной дипломатии наряду с миссиями в регионы конфликта для анализа происходящей обстановки.

Однако за последние годы задачи миротворческой деятельности несколько осложнились: перед миротворцами стоит задача не только прекратить военные действия, но и разрешить противоречия, породившие конфликт, а также восстановить экономическую, политическую, социальную жизнь в стране. Вследствие чего, можно говорить о том, что на современном этапе становления международных отношений чаще всего проводятся многокомпонентные миротворческие операции (*multidimensional peace operations*) с привлечением не только военного, но и гражданского персонала.

Вместе с тем именно проведение многокомпонентных миротворческих операций всё ярче может указать на проблемы эффективности самой Организации, а не только Департамента миротворческих операций. Обратимся к данным за последние годы.

² Первая миротворческая операция ООН была проведена еще в 1948 году и была связана с развертыванием контингента военных наблюдателей на Ближнем Востоке.

³ Исходя из определения с сайта ООН (Mode of access: <https://peacekeeping.un.org/en/terminology>), в миротворчество входят меры по преодолению конфликтов, включающие дипломатическую работу с враждующими сторонами по достижению мирного соглашения.

⁴ В операции по поддержанию мира входят действия по поддержке имплементации соглашения по перемирию.

⁵ В операциях по принуждению к миру активную роль играют военные формирования, действующие по распоряжению Совета Безопасности.

⁶ При осуществлении миростроительной операции применяются меры по предотвращению возврата конфликта за счет работы с правительствами государств и созданию мирных условий.

⁷ Стоит обратить внимание, что редупликация конфликта включает в себя работу по предотвращению возникновения острой стадии конфликта, включающей в себя применение вооруженных сил и нанесение ущерба мирному населению.

Эффективность деятельности ООН в 2010-2019 гг.

Количество многосторонних мирных операций, проводимых ООН за последние годы (2010-2019 гг.), сохраняет относительную стабильность – на уровне 20 миссий в год⁸. Количество персонала, задействованного в миротворческих операциях за последние годы, тоже относительно не изменяется: за 2016-2019 гг. цифра держится на уровне 180 000 человек⁹. Наиболее кровопролитными регионами, на территории которых проводится наибольшее количество операций, являются страны Африки, расположенные южнее Сахары (*Sub-Saharan Africa*), Европа, Ближний Восток и Северная Африка¹⁰. По данным на начало 2020 года, наиболее крупными миротворческими операциями по привлечению людей являются операции AMISOM (Миссия Африканского союза в Сомали, проводимая в сотрудничестве с НАТО), UNMISS (Миссия ООН в Южном Судане), MONUSCO (Миссия ООН в Конго), MINUSMA (операция ООН в Мали), MINUSCA (стабилизационная миссия в Центральноафриканской Республике)¹¹.

Анализируя результаты миротворческой миссии UNSOM в Сомали, следует отметить, что данная операция проводится с 2007 года, прежде заменив другую миротворческую миссию IGASOM, действовавшую с 2005 года. Странами-экспортерами воинских частей для данной операции являются Бурунди, Джибути, Эфиопия, Кения, Уганда. Экспортерами полицейских частей для операции являются такие страны, как Гана, Кения, Нигерия, Сьерра-Леоне, Уганда, Замбия¹².

Обращаясь к данным по миротворческой миссии UNMISS в Южном Судане, отметим, что операция проводится с 2011

года, регулярно обновляя мандат и достигла некоторых успехов: во-первых, бюджет миссии регулярно растет. Так, в 2013-2014 гг. он составлял 0,92 млрд долл. США, в 2014-2015 – уже 1,10 млрд долл. США, в 2018-2019 гг. – 1,12 млрд долл. США, а на 2019-2020 – 1,18 млрд долл. США, что отражает регулярное финансирование данной миссии и может говорить о некоторой ее успешности¹³. Странами-экспортерами воинских частей для данной миссии являются Руанда, Индия, Эфиопия, Непал, Бангладеш, Гана, Китай, а также Монголия, Южная Корея и Таиланд, что также демонстрирует международный уровень операции. Страны, отправляющие полицейские контингенты для данной операции, – Руанда, Непал, Гана, Зимбабве, Замбия, Эфиопия, Уганда, Гамбия, Нигерия, Бангладеш¹⁴.

Анализируя данные по операции MONUSCO (Конго), начавшейся еще в 2010 году, отметим, что бюджет данной операции год от года снижается. Так, в 2013-2014 гг. бюджет составлял 1,45 млрд долл. США, в 2014-2015 гг. – уже 1,42 млрд долл. США, в 2018-2019 гг. – уже 1,11 млрд долл. США, а в 2019-2020 гг. – лишь 1,01 млрд долл. США¹⁵. Вместе с тем, стоит отметить, что также, как и во время операции в Южном Судане, количество военных действий, судя по отчетам ООН, сводятся к единичным ситуациям. Странами-экспортерами воинских частей для миссии в Конго являются Пакистан, Индия, Бангладеш, Южная Африка, Индонезия, Марокко, Уругвай, Непал, Танзания и Малави. Страны, отправляющие полицейские контингенты для данной миссии – Сенегал, Египет, Бангладеш, Индия, Нигер, Джибути, Кот-д'Ивуар, Иордания, Тунис и Буркина-Фасо¹⁶. Как можно снова

⁸ SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P.46

⁹ Ibid. P.47

¹⁰ Ibid. P.50

¹¹ Ibid. P.53

¹² Более подробно о ходе операции можно ознакомиться далее: United Nations Assistance Mission In Somalia / UN. Mode of access <https://unsom.unmissions.org/about>

¹³ Более подробно см.: UNM ISS Mission Fact Sheet / United Nations Mission in the Republic of South Sudan. Mode of access: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/unmiss_aug20.pdf

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Более подробно см.: MONUSCO Mission Fact Sheet / United Nations Organization Stabilization Mission in the Democratic Republic of the Congo. Mode of access: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/monusco_aug20.pdf

¹⁶ Ibid.

увидеть, странами-экспортерами воинских и полицейских частей являются локальные государства.

Обращаясь к статистике по миссии MINUSMA (Мали), начавшейся в апреле 2013 года, отметим следующую информацию. Во-первых, бюджет миротворческой операции постоянно растет. В то время как в 2013-2014 гг. бюджет составлял 0,6 млрд долл. США, в 2014-2015 – уже 0,91 млрд долл. США, 2018-2019 гг. – 1,07 млрд долл. США, 2019-2020 – 1,14 млрд долл. США¹⁷. Военные атаки в стране еще продолжают-ся. Государствами, поставляющими воинские контингенты для операции, являются Чад, Бангладеш, Буркина-Фасо, Египет, Сенегал, Того, Нигер, Кот-д’Ивуар, Гвинея, Китай. Страны, поставляющие полицейские части для организации миссии – Сенегал, Того, Бангладеш, Буркина-Фасо, Бенин, Египет, Нигерия, Нигер, Кот-д’Ивуар, Франция¹⁸.

Анализируя данные по операции MINUSCA (Центральная Африканская Республика), можно увидеть, что число военных акций существенно снизилось с момента основания миротворческой операции в 2014 году. Бюджет данной миссии относительно небольшой: в 2013-2014 гг. он составлял лишь 0,02 млрд долл. США, 2014-2015 гг. – 0,63 млрд долл. США, 2018-2019 – 0,93 млрд долл. США, а в 2019-2020 – 0,91 млрд долл. США¹⁹. Основными донорами воинских частей для данной миротворческой операции являются Руанда, Бангладеш, Пакистан, Египет, Замбия, Марокко, Бурунди, Камерун, Непал, Мавритания. Поставщиками полицейских частей для миссии являются Руанда, Камерун, Сенегал, Маврита-

ния, Египет, Индонезия, Конго, Тунис, Буркина-Фасо, Иордания²⁰.

Итак, на начало 2020 г. крупными импортерами персонала для миротворческих операций являлись Эфиопия, США, Уганда, Бангладеш и Индия, а в десятке лидеров этого списка нет ни одной европейской страны. Возможно, данный факт также связан с заинтересованностью представленных государств (в десятке стран также оказались Руанда, Непал, Бурунди, Пакистан, Кения) в урегулировании конфликтов в их регионах²¹.

Также следует отметить, что по сравнению с предыдущим годом, бюджет ООН увеличился на 0,91% и составил на 2020-2021 гг. 6,58 млрд долл. Наиболее крупными донорами финансовых ресурсов являются США (27,89%), Китай (15,21%), Япония (8,56%), Германия (6,09%), Великобритания (5,79%), Франция (5,61%), Италия (3,30%), Россия (3,04%), Канада (2,73%), Южная Корея (2,26%)²². По данным отчетов ООН, самыми дорогостоящими операциями являются MONUSCO, UNMISS, MINUSCA и MINUSMA²³.

В целом, следует отметить очевидный прогресс в налаживании мирной жизни в отдельных регионах проведения миротворческой деятельности ООН. Однако, возможно, эффект был бы еще более ощутимым, если бы удалось увеличить финансирование отдельных операций, а также повысить уровень медицинской помощи населению, так как на фоне снижения количества жертв от военной деятельности, во всех государствах конфликтов наблюдается увеличение (в некоторых регионах – значительное) количества смертей, связанных с болезнью населения, в частности COVID-19.

Инструменты мирного разрешения споров ОБСЕ

Изначальной целью создания ОБСЕ было укрепление доверия между европей-

¹⁷ Более подробно см.: MINUSMA Mission Fact Sheet / United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali. Mode of access: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/minusma_aug20.pdf

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Более подробно см.: MINUSCA Mission Fact Sheet / United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic. Mode of access: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/minusca_aug20.pdf

²⁰ Ibid.

²¹ SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P. 54

²² Более подробно см.: United Nations Peacekeeping. Mode of access: <https://peacekeeping.un.org/en/how-we-are-funded>

²³ SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P. 60

скими государствами, а также предотвращение конфликтов, мирное урегулирование разногласий между государствами и развитие дипломатических инструментов урегулирования, что частично сводится к миротворческой деятельности Организации. На сегодняшний день в распоряжении ОБСЕ существуют следующие инструменты: меры доверия и безопасности, инструменты раннего предупреждения конфликтов, операции по предупреждению мира.

В качестве мер доверия и безопасности выступают мероприятия, направленные на ограничение военной деятельности, своевременное предупреждение о военных учениях, приглашение наблюдателей и инспекторов, консультации, обмен информацией, касающейся военной деятельности, ежегодные совещания и принятие мер стабилизации в случае возникновения кризисных ситуаций.

Ранее предупреждение конфликтов представляет миссии по установлению фактов, миссии докладчиков, деятельность представителей Действующего председателя ОБСЕ, а также создание специальных целевых групп.

Миссии докладчиков, а также миссии по установлению фактов состоят из поездок специальных экспертов и представителей государств ОБСЕ в определенные регионы для собирания необходимой информации и выработки возможных рекомендаций для руководства ОБСЕ. Данные миссии касаются региона конфликтов, а также потенциальных кандидатов и недавно принятых участников Организации. Эксперты оценивают принятие страной обязательств перед ОБСЕ, а также внутреннюю обстановку внутри страны.

Несмотря на то, что операции по поддержанию мира заявлены в качестве инструмента предупреждения конфликтов, к настоящему моменту ОБСЕ так и не организовала ни одну из миротворческих операций. Однако, стоит заметить, что изначально Организация в качестве миссии по поддержанию мира сразу рассматривала привлечение не только военного, но и гражданского персонала, тем самым, с точки зрения ОБСЕ, речь шла сразу о многокомпонентной миро-

творческой операции. Допускается также проведение миссий по контролю (такой мониторинговой миссией является, например, наиболее крупная миссия ОБСЕ в Украине). Данный тип операций в любом случае связан с прекращением огня, наблюдением за выводом войск, решение вопроса беженцев, поддержание порядка.

В качестве средства урегулирования споров активно применяются переговоры, консультации, «добрые услуги», посредничество, международные следственные и согласительные процедуры, а также международное арбитражное и судебное разбирательство.

Переговоры в Организации могут проходить не только в письменной (меморандумы, послания, ноты), но и в устной форме. Примечательно, что, будучи заинтересованными в мирном урегулировании спора, стороны-участники конфликта сами в праве определять цели, состав участников, вид процедуры мирного разрешения спора.

Консультации представляют собой обмен мнениями и информацией по спорным вопросам для государств, чьи интересы могут быть затронуты в том или ином моменте. Стоит отметить, что в рамках Организации существуют и институализированные консультации по определенным вопросам (например, Совместная консультативная группа, связанная с Договором об обычных вооружениях в Европе, или Консультативная комиссия по Договору по открытому небу 1992 г.).

«Добрые услуги» подразумевают под собой привлечение третьей нейтральной стороны, которая не является полноценным участником переговорного процесса, но способствует его успешному завершению.

В отличие от «добрых услуг», в посредничестве третья сторона может выдвигать свои рекомендации и предложения, корректировать точки зрения сторон и участвовать в выработке основ соглашения. Также третья сторона может быть представлена не только представителем какого-либо государства, к которому могла обратиться одна из сторон конфликта, но и представлять международную Организацию. В то же время она должна быть беспристрастной, не вмешиваться

во внутренние дела государств-участников процесса, уважать их точки зрения и права.

При проведении международной следственной процедуры создается комиссия из пяти членов, двое из которых являются представителями от сторон-участников разногласия. После проведения процедуры участникам спора предоставляется доклад, содержащий рекомендации.

В отличие от международной следственной процедуры, в международной согласительной процедуре большинство членов комиссии являются нейтральными сторонами. Так как основное предназначение согласительной комиссии заключается в поиске путей решения спора, членами согласительной комиссии могут быть назначены и граждане государства – участника спора. Итогом проведения согласительной процедуры является возможное разрешение спора вследствие принятия или отклонения (выработки собственного пути урегулирования) предложенных рекомендаций.

В отличие от ранее обозначенных следственной и согласительной процедур, решения международного суда или арбитража обязательны к исполнению.

Проблемы эффективности ОБСЕ в 2010-2019 гг.

Как ранее было отмечено в работе, в качестве одной из мер по укреплению доверия между государствами-участниками ОБСЕ является публикация информации по военным расходам государств. Однако, по данным СИПРИ 2020, количество стран, публикующих свои военные отчеты, касающиеся военных расходов государств, стремительно уменьшается. Данный спад продолжился в 2019 году и также коснулся стран-участниц ОБСЕ, несмотря на то, что в политике данной Организации вопрос обмена военной информацией четко прописан в Венском документе 2011. В 2019 г. из 57 членов ОБСЕ, предоставили отчет о военных расходах лишь 41 страна-участник, в то время как в 2018 г. таких стран было 46²⁴.

Также несмотря на договоренность 1997 года между странами-участницами Органи-

зации предоставлять отчетность о торговле оружием (*UN Register of Conventional Arms*), а с 2016 г. государства приняли решение, что публикуемые документы будут находиться в открытом доступе, в 2016 г. такой отчет опубликовали из 57 стран-участниц ОБСЕ – 35 государств, в 2017 г. – 37, а в 2018 г. – лишь 34. Как можно увидеть, страны не пытаются делиться данной информацией²⁵.

За 2019 г. ОБСЕ провела около девять многосторонних миротворческих операций, большая часть которых была связана с конфликтом в Украине. Несмотря на количество операций, для их выполнения Организация задействовала примерно 1100 человек, что составляет 1/10 часть всех людей, задействованных по миру в участии в миротворческих операциях²⁶.

Самой многочисленной операцией ОБСЕ является миссия ОБСЕ в Украине (SMM), задействовавшая к началу 2020 г. 885 человек, затем с очевидной разницей по количеству задействованных лиц идет миссия ОБСЕ в Косово (OMIK) – 90 человек, и, третье место занимает миссия ОБСЕ в Северной Македонии (OSCE Mission to Skopje) с показателем в 37 человек²⁷. Следует отметить, что касательно финансовых затрат на проведение миссий Организации, сохраняется относительная стабильность. На миссию в Украине в 2018 было выделено 3 598 800 евро, в 2019 г. – 3 618 500 евро, на миссию в Косово в 2018 году было выделено 17 414 300 евро, в 2019 – 17 462 600 евро, а на миссию в Северной Македонии в 2018 году было выделено – 6 483 400 евро, а в 2019 – 6 506 100 евро²⁸. Таким образом, бюджеты миссий год от года в основном сохраняются²⁹.

Важно подчеркнуть и объемы финансирования ОБСЕ странами-участницами

²⁵ Ibid. Pp. 309-310

²⁶ SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P. 81.

²⁷ Ibid.

²⁸ Более подробно см.: OSCE Annual Report 2018 / OSCE. Mode of access: <https://www.osce.org/annual-report/2018>

²⁹ Более подробно см.: The Organization for Security and Co-operation in Europe. Financial Regulations. 1996-2017. Mode of access: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/7/447835.pdf>

Договора. Так, в пятерку лидеров по взносам в Организацию за 2018 год попали США (17 835 928 евро), Германия (15 040 261 евро), а также Великобритания, Франция и Италия (каждая из данных стран внесла в бюджет Организации 14 268 610 евро)³⁰.

На фоне неблагоприятной обстановки, затронувшей отношения Россия и Запада, эффективная работа Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, казалось, могла бы как никогда быть важной и играть определяющее значение. Вместе с тем, нерешенные или недоработанные моменты создают возможные препятствия для эффективной работы данной Организации. Среди них можно выделить следующие: отсутствие учредительного документа, юридически обязывающего страны следовать принципам Организации, что означает для отдельных стран возможный уход от ответственности и отсутствие обязательств перед Организацией; необходимость согласия большинства участников Организации с проведением миссии в том или ином регионе, что сужает сферу деятельности Организации и создает сложности для согласований до развертывания миссии на месте; необходимость определиться с ключевыми направлениями работы ОБСЕ (на наш взгляд, деятельность Организации может выглядеть несколько размытой – являясь в первую очередь инструментом превентивной дипломатии, Организация могла бы не постулировать в качестве возможных инструментов урегулирования конфликтов между сторонами проведение миссий по поддержанию мира, так как на сегодняшний момент ни одна из миссий так и не была пока проведена); решение выборочных вопросов (например, учитывая интенсификацию напряжения по линии Россия – Запад, Организация не смогла применить меры доверия или другие инструменты для налаживания диалога), возможный приоритет западной точки зрения над мнениями других государств (выступление отдельных стран от

лица всей Организации – вопрос аннексии Крыма)³¹, политизированность работы Организации (отказ Финляндии выдавать визу российским дипломатам для участия в работе Организации)³².

К уже перечисленным сложностям выше можно также добавить вопрос эффективности работы Организации. Несмотря на публикуемые отчеты о финансовых затратах, о принятых документах, ситуация на политической арене остается неутешительной. Так, не завершена до сих пор мониторинговая миссия ОБСЕ в Украине, несмотря на еженедельные отчеты Организации и многочисленные встречи представителей стран, конфликт до сих пор не урегулирован. Многолетние переговоры в Нагорном Карабахе также свидетельствуют о своей безрезультатности в связи с очередным возобновлением конфликта, разыгравшимся минувшим летом. Безусловно, на исход всех этих конфликтов не может повлиять одна международная Организация в одиночку, не стоит забывать и о внешних силах, заинтересованных в разжигании того или иного конфликта. Однако ОБСЕ следует научиться оперативно реагировать на развитие ситуации. Возможными решениями для повышения эффективности работы ОБСЕ в ситуации неопределенности и повышенного напряжения на международной арене могли бы стать создание рабочей платформы для проведения срочных консультаций в случае возникновения чрезвычайной ситуации, кризиса доверия, а также угрозы европейской и международной безопасности, а также задействование предусмотренного Венским документом 2011 года механизма консультаций в связи с необычной военной деятельностью в отношении опасных инцидентов.

³⁰ Более подробно см.: OSCE Annual Report 2018 / OSCE. Mode of access: <https://www.osce.org/annual-report/2018>

³¹ В частности, об этом писал: Воронков Л.С. ОБСЕ и европейская безопасность. Что дальше? // Современная Европа. 2018. № 1. С. 69-79. [Vorontkov, L.S. OSCE i yevropeyskaya bezopasnost'. Chto dal'she? (OSCE and European Security. What's Next?) // *Sovremennaya Evropa*, 2018, No. 1, pp. 69-79.]

³² Ibid.

Аспекты миротворческой деятельности НАТО

Изначально миротворческая деятельность НАТО была связана с поддержкой миротворческих операций ООН и ОБСЕ в виде предоставления сил быстрого реагирования для организации наблюдательных миссий и миротворческих операций, проводимых по мандатам данных международных организаций. Скрываясь за формулировкой «региональные организации», НАТО в своих действиях с одной стороны, руководствовалась резолюциями СБ ООН (резолюции №713³³, 757³⁴, 781³⁵, 776³⁶, 787³⁷, 836³⁸), с другой стороны, активно использовала данное ей разрешение на интенсификацию своего влияния в региональной политике, что в конечном итоге позволило Организации в дальнейшем проводить собственные миротворческие операции даже без мандата ООН.

Эволюционируя, НАТО смогла трансформироваться из военного блока в крупную международную многофункциональную Организацию, деятельность которой связана также с гуманитарным, экономическим направлениями, а также с постконфликтным восстановлением и помощью в чрезвычайных ситуациях и при катастрофах.

Организация также тесно сотрудничает с ОБСЕ, проводит регулярные встречи, а также встречи с ОБСЕ на высоком уровне для обсуждения вопросов предотвращения конфликтов, кризисного урегулирования и постконфликтного восстановления.

Анализируя миротворческую деятельность НАТО, следует отметить, что миротворческие миссии Организации связаны с многокомпонентными операциями: это и строительство лагерей для беженцев (например, в Республике Северная Македония), и доставка гуманитарной помощи, и консультации с правительствами государств по социально-экономическим и политическим вопросам (Албания), и контроль за соблюдением прав человека (см. Комитет НАТО по вызовам современного общества), и даже восстановление инфраструктуры внутри стран (см. восстановление дорог и мостов в Скопье).

Важно отметить, что в функционале НАТО также есть возможность организации финансовой помощи партнерам НАТО (см. задачи Главного комитета по гражданскому чрезвычайному планированию), а также финансовая и административная поддержка в подготовке кадров для миротворческих операций.

Эффективность миротворческих операций НАТО в 2010-2019 гг.

В 2019 г. НАТО провела лишь три многосторонние миротворческие операции (Афганистан, Косово, Ирак), в которых при этом задействовала 20 624 человека, став первой региональной организацией за данный период, задействовавшей наибольшее количество персонала. Наиболее крупной миротворческой операцией НАТО за 2019 г. явилась операция в Афганистане AMISOM (16 705 чел.)³⁹.

Обращаясь к операции в Афганистане, следует отметить, что по официальным данным операция проводится с 1 января 2015 года и на сегодняшний момент насчитывает около 10 000 солдат из 36 стран-партнеров НАТО⁴⁰. Наиболее крупными импортерами воинских контингентов для деятельности Североатлантического Альянса в регионе являются США (2 500 человек), Германия (1 300 человек), Италия (895 человек), Гру-

³³ Более подробно см.: Резолюции СБ ООН / UN SC Resolutions Database. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/713\(1991\)](https://undocs.org/ru/S/RES/713(1991))

³⁴ Более подробно см.: Резолюции СБ ООН / UN SC Resolutions Database. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/757\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/757(1992))

³⁵ Более подробно см.: Резолюции СБ ООН / UN SC Resolutions Database. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/781\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/781(1992))

³⁶ Более подробно см.: Резолюции СБ ООН / UN SC Resolutions Database. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/776\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/776(1992))

³⁷ Более подробно см.: Резолюции СБ ООН / UN SC Resolutions Database. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/787\(1992\)](https://undocs.org/ru/S/RES/787(1992))

³⁸ Более подробно см.: Резолюции СБ ООН / UN SC Resolutions Database. Режим доступа: [https://undocs.org/ru/S/RES/836\(1993\)](https://undocs.org/ru/S/RES/836(1993))

³⁹ SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P. 61

⁴⁰ Более подробно см.: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_113694.htm

зия (860 человек), Великобритания (750 человек)⁴¹.

Также в отношении миротворческих операций стоит упомянуть операцию в Косово, начавшуюся еще в 2008 году. На сегодняшний день данная операция насчитывает около 3 482 человек⁴². Странами, предоставившими наиболее крупные военные формирования для данной операции, являются США (660 человек), Италия (542 человека), Венгрия (397 человек), Австрия (324 человека), Турция (317 человек)⁴³. Отметим, что данные операции – это операции, сопоставимые по поставленным задачам и формой организации с операциями ООН, так как Североатлантический Альянс также организует миссии и другого типа: патрулирование и обеспечение безопасности в Средиземном море, тренировочная подготовка в Ираке, сопровождение миссии ООН в Сомали (AMISOM), контроль за воздушным пространством в Украине.

В целом, стоит отметить, что международный фон также сказался на настроениях в Организации, проявившихся. Например, в увеличении военных бюджетов.

Так, например, количество стран, потративших 20% своих военных расходов на военное оборудование в 2019 г., увеличилось до 14 государств, в то время как в 2014 г. это число составляло лишь пять государств. Интересно отметить, что среди лидеров этого списка оказались государства Центральной Европы – Болгария, Венгрия, Литва, Румыния и Словакия. Одной из причин, послуживших поводом для увеличения расходов данных стран, эксперты называют увеличение угрозы со стороны России⁴⁴.

⁴¹ Более подробно см.: Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures / NATO. Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2021/2/pdf/2021-02-RSM-Placemat.pdf

⁴² Более подробно см.: NATO's role in Kosovo / NATO. Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48818.htm

⁴³ Более подробно см.: Kosovo Force (KFOR) / NATO. Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2021/2/pdf/2021-02-KFOR-Placemat.pdf

⁴⁴ SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P. 218

При этом, 20 из 24 членов Организации увеличили как финансирование оборудования, так и военные расходы в целом. Средние расходы на оборудование из доли общих военных расходов увеличились с 12% в 2014 г. до 23% в 2019 г.⁴⁵.

В целом, стоит отметить, что НАТО имеет неоднозначную репутацию, что связано с несколькими факторами: доминирование интересов США в политической повестке Североатлантического альянса (и это, как можно заметить, проявляется в количестве войск, поставляемых США как лидером Организации), проблема гуманитарных интервенций и попытки проведения гуманитарных интервенции ради преследования личных политических целей (свержения негодных режимов)⁴⁶, вопрос региональности Организации (НАТО склонна выгодно разыгрывать свою региональную карту для активного участия на международной арене, хотя Организация давно имеет глобальный статус), односторонность представленной НАТО точки зрения на текущие события, в частности увеличения угрозы России, мешающие начать конструктивный диалог между государствами на международной арене; наращивание напряжения в отношениях Россия – НАТО, что удручает и нервнрует европейских партнеров (требования Польши увеличить контингент НАТО на территории страны и одновременное нежелание Германии иметь увеличенный контингент Организации в Восточной Европе в пределах границ своего государства⁴⁷). Таким образом, предложение

⁴⁵ SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P. 258

⁴⁶ Отметим, что на этот счет можно было бы заметить, что гуманитарные интервенции Организация уже оставила в прошлом, однако последствия от этого государства переживают и по сей день. К началу 2020 г. на территории Ирака находилось более 1,4 млн внутренне перемещенных лиц и 6,7 млн человек, нуждающихся в гуманитарной помощи (см: SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020. P. 138)

⁴⁷ Об этом, в частности, писала: Богуславская Ю.К. «Возвращение к основам?» НАТО и Россия в новой стратегической обстановке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 3. С. 93-108. [Boguslavskaya,

начать переговоры со стороны НАТО смогло бы сыграть неожиданный эффект дэскалации напряжения в отношении России и европейских партнеров и смогло бы также показать Альянс не с военной стороны как Организацию, призывающую государства наращивать военные бюджеты, но как Организацию, действительно заинтересованную в стабильности на международной арене.

Выводы

Итак, подводя итоги, следует отметить, что на сегодняшний момент мировая арена будто закутана пеленой непонимания, на фоне которой государства склонны наращивать свой военный бюджет, увеличивать воинский контингент, а инструменты разрешения спора мирными средствами ощутимо становятся всё дальше от политических событий. На фоне продолжающегося кризиса непонимания, проблемы международных организаций, воспринимавшиеся раньше, как незначительные, могут сыграть фатальную роль в урегулировании конфликтов на международной арене, тем самым усугубив международную обстановку.

Вследствие сложившихся сложностей внутри Организаций, отвечающих за разрядку напряжения на международной арене, процесс урегулирования во многих сферах оказался парализован, в отдельных областях – ситуация заметно ухудшилась, что требует принятия определенных мер и выстраивания особой линии поведения для каждого государства на международной арене. Для разрешения напряженной ситуации отдельным организациям следует внести коррективы в политический курс. Так, для Организации безопасности и сотрудничества в Европе возможно рассмотреть конкретизацию задач, стоящих перед ОБСЕ. Организация может сконцентрироваться на превентивных мерах урегулирования спо-

ров, например, и не иметь более в запасе организацию операций по поддержанию мира. Таким образом, станет возможным создать переговорную площадку, работающую в кризисные моменты для государств, а также повысится возможность контролировать исполнение даже формальных обязательств стран перед Организацией. Возможно, также стоит рассмотреть наложения юридических обязательств перед странами-участниками ОБСЕ. Создание подобной площадки в рамках Североатлантического альянса предоставило бы возможность вести диалог между государствами и обмениваться военной информацией, а также консультироваться и снижать риски непонимания между странами – членами и странами – не участниками блока. В отношении Организации Объединенных Наций актуальным вопросом остается финансовые ресурсы Организации, увеличение которых позволило бы ООН более эффективно урегулировать конфликты и проводить миротворческие операции на более высоком уровне.

Литература:

- Абашидзе А.* Кто и как отправляет миротворцев / Аналитические статьи РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kto-i-kak-otpravlyaet-mirotvortsev/>
- Безрукова А.Ю.* Россия и ОБСЕ – новое будущее начинается сегодня // Современная Европа. 2015. № 4. С. 81-92.
- Белоногов А.Л.* Перспективы расширения программ партнерства НАТО в начале XXI века: постсоветское пространство, Балканы, «контактные страны» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 299-310.
- Богуславская Ю.К.* «Возвращение к основам?» НАТО и Россия в новой стратегической обстановке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 3. С. 93-107.
- Воронков Л.С.* ОБСЕ и европейская безопасность. Что дальше? // Современная Европа. 2018. № 1. С. 69-79.
- Воронков Л.С., Ковалева В.Е.* Можно ли считать ОБСЕ международной межправительственной организацией? // Современная наука. 2017. Т.8. № 1-3. С. 54-59.
- Гильмутдинова Д., Ромадан Л.* Новые тенденции и технологии в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций в XXI веке // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 113-124.
- Звягина Д.А.* Будущее ОБСЕ. Взгляд из Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 262-269.

Yu.K. «Vozvrashcheniye k osnovam?» NATO i Rossiya v novoy strategicheskoy obstanovke («Back to Basics?» NATO and Russia in a New Strategic Environment) // *Vestnik Sant-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2016, No. 3, pp. 93-108.]

Килин Ю. Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции // Современная Европа. 2017. Вып. 2. С. 65-76.

Корниленко А.В. Вопросы миротворчества и оборонная политика НАТО на современном этапе // Вестник РУДН. Политология. 2016. № 4. С. 48-56.

Курьлев К.Л., Цаканян В.Т. Цифровая зависимость НАТО // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 45-53.

Миронова Д.С. Современный этап трансформации НАТО // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 89-102.

Никитин А. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 3. С. 16-26.

Пархалина Т. Россия – Запад: перманентная конфронтация или выхода из кризиса? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2019. июнь. Вып. 53(69). С. 2-7.

Растольцев С. Роль ОБСЕ в меняющемся мире: шагая в будущее / Аналитические статьи РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-obse-v-menyayushchemsya-mire-shagaya-v-budushchee/>

Фененко А.В. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: история и перспективы // Вестник Московского университета. Сер.25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 2. С. 22-50.

Худайкулова А.В. Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ и практика их имплементации // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 109-126.

Шустов В. Эволюция миротворчества ООН // Международная жизнь. 2008. № 10. С. 61-74.

Щербак И. О повышении эффективности деятельности ОБСЕ по предотвращению и урегулированию конфликтов на Европейском континенте // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 2. С. 29-34.

SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020.

References:

Abashidze, A. Kto i kak otpravlyayet mirovtorcev (Who Sends Peacekeepers and How) / Analytical articles RIAC. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kto-i-kak-otpravlyayet-mirovtortsev/>

Belonogov, A.L. Perspektivy rasshireniya programm partnerstva NATO v nachale XXI veka: postsovetskoe prostranstvo, Balkany, «kontaktnye strany» (Prospects for Expanding NATO Partnership Programs at the Beginning of the XXI Century: the Post-Soviet Space, the Balkans, «Contact Countries») // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena (Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University)*, 2010, No. 124, pp. 299-310.

Bezrukova, A.Yu. Rossiya i OBSE – novoe budushchee nachinaetsya segodnya (Russia and OSCE – a New Future Begins Today) // *Sovremennaya Evropa*, 2015, No.4, pp.81-92.

Boguslavskaya, Yu.K. «Vozvrashcheniye k osnovam?» NATO i Rossiya v novoy strategicheskoy obstanovke (“Back to Basics?” NATO and Russia in a New Strategic Environment) // *Vestnik Sant-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2016, No. 3, pp. 93-107.

Fenenko, A.V. Organizaciya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope: istoriya i perspektivy (Organization for Security and Co-operation in Europe: history and Prospects) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika (Bulletin of the Moscow University. Issue. 25. International relations and world politics)*, 2015, No.2, pp. 22-50.

Gilmudinova, D.; Romadan, L. Novye tendencii i tekhnologii v mirotvorcheskoj deyatelnosti Organizacii Ob’edinennyh Nacij v XXI veke (New trends and technologies in the peacekeeping activity of the United Nations in the XXI century) // *Mezhdunarodnaya zhizn’*, 2016, No. 2, pp. 113-124.

Hudajkulova, A.V. Mirotvorchestvo OON v XXI veke: osnovnye vektory reform i praktika ih implementacii (UN peacekeeping in the XXI century: the main vectors of reforms and the practice of their implementation) // *Yuzhno-rossijskij zhurnal social’nyh nauk*, 2019, Vol. 20, No. 4, pp. 109-126.

Kilin, Yu. Nejtral’nye gosudarstva na rasput’e: problema vstupleniya v NATO Finlyandii i SHvecii (Neutral States at the Crossroads: the Problem of Finland and Sweden Joining NATO) // *Sovremennaya Evropa*, 2017, Issue 2, pp. 65-76.

Kornilenko, A.V. Voprosy mirotvorchestva i oboronnaya politika NATO na sovremennom etape (Questions of Peacemaking and NATO’s Defense Policy at the Present Stage) // *Vestnik RUDN. Politologiya*, 2016, No. 4, pp. 48-56.

Kurylev, K.L.; Cakanyan, V.T. Cifrovaya zavisimost’ NATO (Digital Dependence of NATO) // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki (Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences)*, 2018, No. 1, pp. 45-53.

Mironova, D.S. Sovremennyy etap transformacii NATO (The Current Stage of NATO’s Transformation) // *Rossiya i sovremenniy mir*, 2017, No. 3 (96), pp. 89-102.

Nikitin, A. Mirotvorchestvo OON: obnovenie principov, reformirovanie praktiki (UN Peacekeeping: Updating Principles, Reforming Practices) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2016, Vol. 60, No. 3, pp. 16-26.

Parhalina, T. Rossiya – Zapad: permanentnaya konfrontaciya ili vyhoda iz krizisa? (Russia-West: Permanent Confrontation or a Way out of the Crisis?) // *Evropejskaya bezopasnost’: sobytiya, ocenki, prognozy*, 2019, Issue 53 (69), pp. 2-7.

Rastol’cev, S. Rol’ OBSE v menyayushchemsya mire: shagaya v budushchee (OSCE’s Role in a Changing World: Stepping into the Future) / Analytical articles RIAC. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-obse-v-menyayushchemsya-mire-shagaya-v-budushchee/>

Sherbak, I. O povyshenii effektivnosti deyatelnosti OBSE po predotvrashcheniyu i uregulirovaniyu konfliktov na Evropejskom kontinente (On Improving the Effectiveness of the OSCE in Preventing and Resolving Conflicts on the European Continent) // *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2018, No. 2, pp. 29-34.

Shtol’, V. Rol’ NATO v mirotvorcheskom processe. Severoatlanticheskij soyuz pretenduet na rol’ «golubyh kasok» OON (The Role of NATO in the Peacekeeping Process. The Alliance Claims to be the “Blue Helmets” of the UN). Mode of access: <http://www.peacekeeper.ru/?module=pages&action=view&id=62>

Shustov, V. Evolyuciya mirotvorchestva OON (Evolution of UN Peacekeeping) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2008, No. 10, pp. 61-74.

SIPRI Yearbook 2020. Oxford University Press, 2020.

Voronkov, L.S. OBSE i yevropeyskaya bezopasnost'. Chto dal'she? (OSCE and European Security. What's Next?) // *Sovremennaya Evropa*, 2018, No. 1, pp. 69-79.

Voronkov, L.S.; Kovaleva, V.E. Mozhno li schitat' OBSE mezhdunarodnoj mezhpravitel'svennoj

organizaciej? (Can the OSCE Be Considered an International Intergovernmental Organization? // *Sovremennaya nauka*, 2017, Vol. 8, No. 1-3, pp. 54-59.

Zvyagina, D.A. Budushchee OBSE. Vzglyad iz Evropejskogo soyuza (The Future of the OSCE. View from the European Union) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2017, No. 37, pp. 262-269.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10037

THE INTERNATIONAL PEACEMAKING ORGANIZATIONS DURING THE PANDEMIC OF MISUNDERSTANDING

Ekaterina P. Shanchenko

MGIMO University, Primakov Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 10.04.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 07.09.2021</p>	<p>Abstract: This article aims at analyzing the performance of international organizations in the sphere of peacemaking operations in the 2019-2020 years. During the detailed description of UN performance, the author concludes that every year the UN holds about 20 peacemaking operations with 180 000 persons involved. The main UN missions are situated in the African region. In general, the UN missions provide the region with stability and decrease conflict. However, the region undergoes the consequences of COVID-19, which seems to be another option for the next peacemaking operations of the UN. Amid the performance of the UN, which is deeply involved in the peacemaking process, the measures of preventive diplomacy of OSCE do not look so successful. The level of confidence between the states seems to be decreasing, which also results in the absence of regular reports on the military expenditure of states – members of the Organization. Except for the crisis of confidence, the tensions between Russia and Europe are likely to rise, which also negatively influences the dialogue between the countries, unsuccessful attempts to stabilize the situation in Ukraine, and the resurgence of conflict in Nagorny Karabakh. Referring to the history of NATO peacemaking operations, the author states, that despite 3 peacemaking operations only, being a regional Organization, NATO attracted the most number of personnel involved in the peacemaking process. At the same time, the peacemaking is not the only purposes of the Organization. NATO is also involved in Mediterranean sea patrolling, staff training in Iraq, air monitoring in Ukraine. Among the members of the Organization the military expenditures are also rising. One of the reasons for such situation lies in the crisis of relations between Russia and its European partners. Being also a military organization, NATO seems to be using this crisis in its political goals and in such a way intensifying its influence on international arena. The following circumstances should be taken into consideration for building a proper political course of the State as well as holding effective political dialogue with its partners.</p>
<p>About the author:</p> <p>Junior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University; Postgraduate applicant, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)</p> <p>e-mail: katushanch@mail.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>United Nations; OSCE; NATO; peacemaking operations; preventive diplomacy; conflict resolution; world order; international organizations</p>	

Для цитирования: Шанченко Е.П. Международные миротворческие организации в период пандемии непонимания // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 19-30.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10037

For citation: Shanchenko, Ekaterina P. Mezhdunarodnyye mirotvorcheskiye organizatsii v period pandemii neponimaniya (The International Peacemaking Organizations during the Pandemic of Misunderstanding) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 19-30.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10037

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И РЕАЛИЗАЦИИ

Ксения Михайловна Табаринцева-Романова

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 октября 2020 <i>Принята к печати:</i> 27 августа 2021</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена изучению зарубежных подходов к трактовке и реализации международного гуманитарного сотрудничества. Гуманитарное сотрудничество становится одним из эффективных механизмов внешнеполитического влияния, сама его интерпретация звучит по-разному в зарубежных исследованиях и существенно отличается от отечественных подходов. В начале статьи автор приводит методологические основы исследования. На базе научных публикаций исследователей, занимающихся разработками концепта гуманитарного / культурного сотрудничества, дается краткая характеристика гуманитарного сотрудничества: определение, трансформация значения термина. Далее автор выделяет следующие подходы для анализа понятия «гуманитарное сотрудничество» в политической и дипломатической деятельности: универсальный, региональный, этатистский. На основе анализа документов международных организаций (ЮНЕСКО, Совет Европы, Европейский союз, АСЕАН, Африканский союз и др.), а также ряда стран (Франция, Италия, США) выделяются основные зарубежные подходы к определению и реализации данного вида межгосударственного взаимодействия. Выбор стран обусловлен наличием у них официальных стратегий международного гуманитарного (культурного) сотрудничества. Кроме того, Франция при этом является «пионером» в формировании единой европейской культурной политики; в Италии сосредоточено 40% объектов культурного наследия ЮНЕСКО; США являются теоретико-методологическим первопроходцем концептов «мягкой силы» и публичной дипломатии, с которыми неразрывно связано гуманитарное сотрудничество. В работе делается вывод о том, что в зарубежном дискурсе международное гуманитарное сотрудничество относится к одному из эффективных инструментов «мягкой силы» и включает в себя такие предметные области, как культура, наука, образование, спорт, молодежные вопросы, что более соответствует отечественному толкованию данного вида международного взаимодействия, однако зарубежные исследователи используют для определения такого взаимодействия понятие «культурное сотрудничество». В конце работы предлагается авторская классификация зарубежных подходов в проблематике международного гуманитарного сотрудничества.</p> <p><i>Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10060</i></p>
<p>Об авторе: к. филол. н., доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина e-mail: kmromanova@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: теория международных отношений; гуманитарное сотрудничество; культурное сотрудничество; «мягкая сила»; международные организации; Европейский союз; Италия</p>	

За последние несколько десятилетий глобальный культурный ландшафт стремительно изменился. Спрос на программы обмена и культурные связи растет в соответствии с цифровой революцией, происходящей в наше время. В мире, сталкиваемся со многими вызовами и конфликтами, культура обладает огромным потенциалом

для преодоления разногласий, укрепления хрупких обществ и улучшения международных отношений. Государства активно используют и внедряют основные инструменты «мягкой силы» во внешнеполитические доктрины и стратегии, опираясь на национальное культурное наследие и собственный творческий потенциал. Поэтому становятся

актуальными исследования, связанные с изучением самого понятия «гуманитарное сотрудничество», с анализом международного взаимодействия в области гуманитарного сотрудничества на уровне государство – государство, государство – международная организация. Само понятие «гуманитарное сотрудничество», как мы увидим далее, не является абсолютно новым в научном дискурсе международных отношений, однако мы предлагаем придать ему новые смыслы и значения.

Поскольку сама канва современной геополитической ситуации является нестабильной и переменчивой, в мировой практике международного дискурса не сформировано единой универсальной интерпретации гуманитарного сотрудничества. В начале работы, опираясь на труды отечественных и западных исследователей, мы предоставим краткий анализ самого понятия «гуманитарное сотрудничество», его становление и трансформацию. Далее на основе анализа текстов документов зарубежных стран о гуманитарном сотрудничестве, зарубежного исследовательского дискурса, а также опираясь на документы указанных ниже международных организаций, мы попытаемся сформулировать основные подходы к изучению и реализации данного направления международных отношений, существующие за пределами России.

Из международных организаций для реализации поставленной цели мы сосредоточили свое внимание, в первую очередь, на рассмотрении документации ЮНЕСКО и Совета Европы, поскольку их нормы являются базовыми («первоисточниками») с точки зрения международного права) и трендообразующими в области культурной политики. Как показывает анализ договорной базы, ни одно соглашение или протокол о взаимном сотрудничестве в области культуры не обходится без упоминания данных организаций в преамбуле или текста документа¹. Далее, «спускаясь» на региональный уровень, изучим, как интерпретируется гуманитарное сотрудничество в региональ-

ных организациях дальнего зарубежья. Для примера взяты Европейский союз, АСЕАН, Африканский союз и Андское сообщество – многосторонние объединения, где культурное сотрудничество, хоть и не является самоцелью объединения, но входит в один из пунктов Устава или Договора о создании самой организации. Далее обратимся к опыту функционирования региональных центров по гуманитарному/культурному сотрудничеству – «профильным» объединениям стран с целью гуманитарного/культурного взаимодействия. Наконец, приведены примеры моделей внешних гуманитарных связей на уровне отдельных стран, которыми обнародовались соответствующие концепции и документы.

Методологические основы изучения гуманитарного сотрудничества

Методологически в своей работе мы опираемся на теорию «мягкой силы», которая является неким «облаком» для реализации гуманитарного сотрудничества². Напомним, что для понимания «мягкой силы» важны следующие характеристики: 1) «мягкая сила» – это способ достижения внешнеполитических целей без принуждения; 2) данный концепт базируется на привлекательности и добровольности разделения предлагаемых ценностей; 3) «мягкой» силой пользуются в основном сильные государства, претендующие на роль лидера на мировой арене; 4) «мягкая сила» является базисом для публичной и культурной дипломатии, которые активно используют ее основные ресурсы: культура, язык, наука, образование, туризм и др.

Как известно, ранее, исторически в научной литературе, нормативно-правовой среде термин «гуманитарное сотрудниче-

¹ Рассмотренные в статье соглашения чаще всего, так или иначе, содержат отсылку к документам ЮНЕСКО и Совета Европы.

² Haneş, N.; Andrei, A. Culture as Soft Power in International Relations / International Conference Knowledge-Based Organization. November 2015. Pp. 32-37; Nye, J.S.Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, March 2008, pp. 94-109; Sölter, A. The Renaissance of Soft Power Rediscovering Cultural Diplomacy in Transatlantic Perspective. CMG Workshop, Goethe-Institute Toronto. 2008.

ство» предполагал только одну референцию, а именно соотнесение с международным гуманитарным правом, то есть оказание гуманитарной помощи определенным категориям граждан во время конфликта³. Однако постепенно, с развитием гуманитарного измерения в международных отношениях, термин-поле как в западной, так и в отечественной практике (основные авторы рассмотрены далее в тексте) гуманитарного сотрудничества стал расширяться и эволюционировать, включив в себя все те области, которые связаны с деятельностью человека в гуманитарных сферах: культура, образование, наука и т. д.

В это же время мы наблюдаем параллельную тенденцию трансформации понятия «культура», которое также охватывает всю гуманитарную деятельность человека. Общеизвестно, что сам по себе термин «культура» неоднозначен и обладает множеством интерпретаций, которые обусловлены историческими, социально-экономическими особенностями и традициями государств. В качестве иллюстрации приведем определение профессора истории Гарвардского университета А. Ирие, которое, на наш взгляд, максимально полно инкорпорирует все сферы проявления человеческой культуры: «культура – это разделяемая членами общества система верований, материальных ценностей, идеологии, обычаев и образа жизни⁴». Таким образом, как мы видим, в научном дискурсе международных отношений происходит своего рода «наложение» двух терминов.

Рассмотрев работы предшественников, изучавших функционирование термин-поля «гуманитарное сотрудничество» ранее, в начале нынешнего десятилетия, выделим следующие детерминирующие аспекты, необходимые для вычленения основных под-

ходов по изучению рассматриваемого понятия. А.А. Великая, сравнивая западный и российский подход к гуманитарному сотрудничеству, обращается к той части зарубежных исследований, которые посвящены не культурному взаимодействию, а лишь вопросам миротворчества и гуманитарной помощи, и приходит к заключению, что гуманитарное сотрудничество рассматривается в духе Хельсинкских соглашений с той разницей, что Запад основное внимание уделяет вопросам соблюдения прав человека и посткризисного урегулирования, а Россия – ведению межправительственной деятельности по налаживанию и поддержанию культурных и образовательных связей⁵. Т.В. Зонова отмечает, что на рабочих языках Евросоюза (английском, французском, немецком) определение «гуманитарное» используется, прежде всего, в связи с противодействием нарушению прав человека и насилию, с оказанием помощи в чрезвычайных ситуациях (снабжение продовольствием, восстановление медицинских служб, разминирование почв и т. д.), тогда как в российском научном дискурсе «гуманитарное сотрудничество» трактуется широко и охватывает область культурных связей, межцивилизационного диалога и диалога гражданских обществ, а также отношения с соотечественниками за рубежом, и призвано служить важным инструментом улучшения образа России за рубежом и расширения ее культурно-гуманитарного влияния⁶.

⁵ Великая А.А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // Право и управление. XXI век. 2012. № 3 (24). С. 70. [Velikaya, A.A. Mezhdunarodnoye gumanitarnoye sotrudnichestvo: politicheskiye aspekty otechestvennykh i zapadnykh podkhodov // *Pravo i upravleniye. XXI vek*, 2012, No. 3 (24), p. 70.]

⁶ Зонова Т.В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» / Российский совет по международным делам. 23 мая 2013 г. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogosoyuza-ka> [Zonova, T.V. Humanitarian Cooperation between Russia and the European Union as an Instrument of «Soft Power» / Russian Council on International

³ Гражданская защита: Энциклопедия в 4 томах. Том II (К-О) / под общей редакцией С.К. Шойгу. М.: ЗАО ФИД «Деловой экспресс», 2007. С. 111. [Grazhdanskaya zashchita: Entsiklopediya v 4 tomakh. Tom II (K-O) (Civil Protection: An Encyclopedia in 4 Volumes. Volume II (K-O)). Edited by S.K. Shoigu. Moscow: ZAO FID «Business Express», 2007. P. 111.]

⁴ Iriye, A. Culture // *Journal of American History*, 1990, pp. 99-107.

В данном исследовании будут рассматриваться зарубежные подходы именно к той огромной комплексной сфере, которая в российском дискурсе обозначается как гуманитарное сотрудничество, и присутствует в деятельности и других государств и организаций, хотя и обозначается по-разному. Российское понимание гуманитарного сотрудничества включает в себя международное взаимодействие в области науки, культуры, искусства, массовых коммуникаций, спорта, туризма, работы с молодежью, взаимоотношения государственных и негосударственных акторов в культурной, спортивной, научной, образовательной областях, выходящие за рамки одного государства⁷. Такое содержательное наполнение этого понятия характерно для сотрудничества на пространстве Содружества Независимых Государств⁸.

Итальянские и французские исследователи предлагают расширить термин-поле не «гуманитарного», а культурного сотрудничества. Так, В. Майнетти пишет о необ-

ходимости рассматривать сам термин «сотрудничество» как единство трех элементов: сотрудничество как сфера деятельности; сотрудничество как цель; сотрудничество как принцип. При этом данный термин следует применять только в международном и внешнеполитическом дискурсе. Соответственно, принимая во внимание широкую трактовку культуры, автор предлагает расширить значение культурного сотрудничества: «до взаимодействия не только в области искусства, но и взаимоприятия образа жизни, системы ценностей, традиций, верований, реализации основных прав человека⁹».

Любопытным представляется подход бразильских исследователей, которые изучают гуманитарное сотрудничество как оказание гуманитарной помощи, однако предлагают отказаться от слова «помощь», поскольку на их взгляд, в контексте оказания помощи по оси Юг-Юг (между «слабыми» государствами) такая помощь может восприниматься не очень позитивно¹⁰. Гуманитарное сотрудничество понимается как совместные действия по гуманитарным вопросам, выходящие за рамки «одностороннего дарения ресурсов»; его цели основаны на принципах гуманности, нейтралитета и беспристрастности. Для самой Бразилии гуманитарное сотрудничество становится эффективным инструментом «мягкой» силы страны, которая стремится закрепить статус регионального гегемона и стать «первой из последних¹¹».

Affairs. May 23, 2013. Mode of access: <http://russiancouncil.ru/analytcs-andcomments/analytcs/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogosoyuza-ka>

⁷ См. подробнее работы: Павельева Э.А. Международно-правовое сотрудничество по гуманитарным вопросам. Учеб.метод. материалы РСМД. М.: НП РСМД. 2017. [Pavel'eva, E.A. *Mezhdunarodnopravovoye sotrudnichestvo po gumanitarnym voprosam* (International Legal Cooperation on Humanitarian Issues). Moscow: NP RSMD. 2017.]; Публичная дипломатия зарубежных стран: Учебное пособие / Под ред. А.Н. Панова, О.В. Лебедевой. Москва: Аспект Пресс, 2018. [Publichnaya diplomatiya zarubezhnykh stran (Public Diplomacy of Foreign Countries). Ed. by A.N. Panov, O.V. Lebedeva. Moscow: Aspekt Press. 2018.]

⁸ Muratshina, K. Russia and Post-Soviet Central Asia in the CIS Framework of Cultural Cooperation // *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Cham: Springer, 2021. Pp. 395-403; Muratshina, K.G. Cultural Exchanges between Russia and Turkmenistan: Structure, Dynamics, and Defining Features // *Changing Societies & Personalities*, 2020, Vol. 4(4), pp. 508-527; Соглашение о гуманитарном сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств / Официальный сайт МФС СНГ. Режим доступа: http://mfgs-sng.org/sgs/gum_sotr/

⁹ Mainetti, V. La coopération culturelle internationale et l'émergence du droit international de la culture / Alcuni aspetti della "dimensione culturale" del diritto internazionale ed interno, aprile 2014. P. 196. DOI: 10.4399/97888548709565

¹⁰ Подробнее можно посмотреть работы: Carvalho, G. & Marcelo, M.V. Soft Power, Hard Aspirations: the Shifting Role of Power in Brazilian Foreign Policy // *Brazilian Political Science Review*, 2014, No. 3, pp. 66-94; Marcelo, M.V.; Affonso, L.B. The Role of Humanitarian Cooperation in Brazilian Foreign Policy as a Strategy of Soft Power (2003-2016) // *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*, 2019, Vol. 8, No. 5, pp. 185-202.

¹¹ См. подробнее: Lima, M.R.S. Brazilian Foreign Policy and the Challenges of South-South Cooperation // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2005, No. 1.

Изучение зарубежного исследовательского дискурса позволяет отметить следующие моменты, необходимые для дальнейшей интерпретации подходов по изучению гуманитарного сотрудничества: 1) гуманитарное сотрудничество чаще приравнивается к оказанию гуманитарной помощи; 2) понятие «культурное сотрудничество» включает в себя все гуманитарные сферы человеческой деятельности (культура, наука, образование, спорт, туризм, работа с молодежью); 3) данный вид международного взаимодействия является эффективным и активно используемым инструментом «мягкой силы», влияющим также на формирование положительного внешнеполитического имиджа.

Универсальный подход¹² к формированию понятия «гуманитарное сотрудничество»

Начнем с анализа документов международных организаций. Наиболее авторитетной и «профильной» организацией в области культурного и гуманитарного взаимодействия в масштабах всего мира является специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, культуры и науки (ЮНЕСКО). Согласно принятой государствами-членами ЮНЕСКО в 1964 г. Декларации принципов международного культурного сотрудничества, этот тип взаимодействия должен охватывать все «виды умственной и творческой деятельности в области образования, науки и культуры»¹³. Его целями являются распространение знаний, содействие развитию дарований и обогащение различных культур; развитие мирных отношений и дружбы между народами и содействие лучшему пониманию образа жизни каждого из них; обеспечение каждому человеку доступа к знаниям и возможности наслаждаться искусством и литературой всех

народов, участвовать в прогрессе науки во всех частях земного шара, пользоваться его благами и содействовать обогащению культурной жизни; 4) улучшение условий материальной и духовной жизни человека во всех частях мира¹⁴.

Как мы видим, международное культурное сотрудничество, о котором говорится в этих нормах, имеет очень широкое толкование и достаточно глобальные и универсальные цели, которые нередко коррелируют с целями и более узкоспециализированных международных организаций, таких как, например, Международный комитет Красного Креста.

Свои принципы культурного сотрудничества ЮНЕСКО реализует в совместной деятельности с отдельными государствами или организациями. В пример можно привести совместный проект ЮНЕСКО и Швеции, начатый в 2011 г., который предполагал внедрение новой модели распределения государственной финансовой помощи региональным культурным мероприятиям. Цель данной модели культурного сотрудничества состоит в том, чтобы, исходя из приоритетов национальной культурной политики, добиться повышения отдачи от региональных приоритетов и приблизить культуру к гражданам. В соответствии с этой моделью, шведский художественный совет отвечает за распределение государственного финансирования между Советами графств, которые затем распределяют средства непосредственно на отдельные культурные мероприятия. С 2012 г. 16 из 21 округа включены в модель культурного сотрудничества. В общей сложности эта затраты на финансирование этой модели составляют примерно 1,2 млрд шведских крон, а в 2012-2014 гг. правительство увеличило государственную поддержку региональной культурной деятельности в общей сложности на 75 млн шведских крон¹⁵. Возросшая поддержка направлена на деятельность по обновлению и развитию сферы культуры, как с точки зрения художественного самовыражения, так и с точки

¹² В данной статье под словом «универсальный» мы понимаем то, что принимается и разделяется всеми, присуще международным организациям.

¹³ Декларация принципов международного культурного сотрудничества (Declaration of Principles for International Cultural Cooperation) // Официальный сайт ЮНЕСКО. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml

¹⁴ Ibid.

¹⁵ The Cultural Cooperation Model / UNESCO. Mode of access: <https://fr.unesco.org/creativity/policy-monitoring-platform/cultural-cooperation-model>

зрения новаторских способов сделать культуру доступной и распространить ее среди новых и более широких аудиторий. Ответственным за реализацию проекта является Шведское агентство по анализу культурной политики. Согласно его отчету, имеются следующие трудности в реализации проекта: трудоемкость и ресурсоемкость модели культурного сотрудничества; недостаток возможностей для самовыражения независимых профессиональных художников и участия гражданского общества; современные экономические вызовы¹⁶. В то же время агентство отметило, что модель культурного сотрудничества способствовала включению культуры в политическую повестку дня на региональном уровне и что различные субъекты считают, что их интересы были учтены. Главным итогом такого сотрудничества с ЮНЕСКО стали разработка и активное внедрение культурных проектов, а также более четкая детализация национальной культурной политики страны.

Следующей ключевой организацией является Совет Европы. Согласно принятой в 2002 г. Рекомендации 1566 (2002) о европейском культурном сотрудничестве и будущей роли Ассамблеи, образование и культура остаются центральным элементом его долгосрочной миссии. Культура вновь становится важнейшим элементом международного сотрудничества после изменений, произошедших в результате установления демократии в странах Восточной и Центральной Европы, несмотря на то, что политические конфликты в некоторых регионах продолжают подпитывать культурные противоречия. Культурное сотрудничество представляет собой «инструмент решения проблемы отторжения во всех его формах и должно использоваться в максимально широких масштабах¹⁷». Согласно выше ука-

занной Рекомендации, такие направления работы, как: «непрерывное образование, изучение иностранных языков и истории, комплексное сохранение наследия, участие молодежи в общественной жизни, свобода выражения мнений, терпимость, спорт для всех и т. д., качество жизни должны стать общими целями повсюду в Европе»¹⁸. Таким образом, культура рассматривается в широком смысле слова и включает искусство, культурное наследие, СМИ, науку, образование, вопросы молодежи и спорт, без установления каких-либо приоритетов.

До 2002 г. в Совете Европы существовал Совет по культурному сотрудничеству, который отвечал за разработку повестки дня действий в области образования, культуры, средств массовой информации, спорта и молодежи. В 2001 г. Комитет министров Совета Европы принял решение о преобразовании данного Совета в четыре руководящих комитета, включая руководящий комитет по культуре (CDCULT)¹⁹, который имеет мандат на разработку программ культурного сотрудничества. Такое разветвление предполагает усиление сотрудничества в культурных процессах на местном и международном уровнях, активное участие в международных дискуссиях о ценностях культуры и культурном сотрудничестве, а также организацию мероприятий по распространению знаний в сфере культуры. Основными направлениями деятельности стали: образовательная политика и практика (CDPPE)²⁰; культура, наследие и ландшафт (CDCPP)²¹; Европейский фонд поддержки совместного производства и распространения творческих кинематогра-

вета Европы. Режим доступа: <https://rm.coe.int/09000016806413bc>

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Former Steering Committee for Culture (CDCULT) / Официальный сайт Совета Европы. Mode of access: <https://www.coe.int/en/web/cdcpp-committee/cdcult>

²⁰ Steering Committee for Education Policy and Practice (CDPPE) / Официальный сайт Совета Европы. Mode of access: <https://www.coe.int/en/web/education/cdppe>

²¹ Steering Committee for Culture, Heritage and Landscape (CDCPP) / Официальный сайт Совета Европы. Mode of access: <https://www.coe.int/en/web/culture-and-heritage/cdcpp>

¹⁶ Kulturanalys 2020 En lägesbedömning i relation till de kulturpolitiska målen Rapport 2020:1 / Myndigheten för kulturanalys. Mode of access: https://kulturanalys.se/wp-content/uploads/2020/03/kulturanalys_2020_webb.pdf

¹⁷ Рекомендация 1566 (2002)1 Европейское культурное сотрудничество и будущая роль Ассамблеи (Recommendation 1566 (2002) 1 European Cultural Cooperation and the Future Role of the Assembly) / Официальный сайт Со-

фических и аудиовизуальных произведений; создание культурных европейских маршрутов; спорт; молодежная мобильность; окружающая среда²².

Важным моментом является постепенная передача инициативы развития культурных программ с участием европейских стран Европейскому союзу. В Рекомендации Совета Европы 1299 (1996) «О европейском культурном сотрудничестве: деятельность Европейского союза и отношения с Советом Европы» отмечено, что комитеты по культуре Ассамблеи и Европейского Парламента имеют похожую область компетенции, которая, в дополнение к культуре и образованию, включает в себя сферу молодежи, спорта и СМИ; а также указана необходимость гибко развивать дальше европейское культурное сотрудничество, вместе с Европейским союзом, в разумную и прагматичную комбинацию местных, региональных, национальных, межправительственных и супранациональных инициатив культурной деятельности и применять принцип субсидиарности для определения соответствующего уровня²³. Таким образом, как мы видим, культура постепенно становится неким полем борьбы за влияние на национальные правительства между организациями. Гуманитарное сотрудничество постепенно вовлекается в политические процессы и обладает следующими специфическими принципами: 1) уважение прав человека и

свобод; 2) служение культуры делу мира; 3) равное достоинство всех культур; 4) культурное разнообразие; 5) устойчивое развитие; 6) культурное наследие.

Региональный подход к формированию понятия «гуманитарное сотрудничество»

Далее рассмотрим региональные организации и функционирование термина «гуманитарное сотрудничество» либо «культурное сотрудничество» в их документах. Начнем с Европейского союза. С 2007 г. продвижение культуры и культурного сотрудничества является важным элементом в политике ЕС. Для того, чтобы определить эффективную стратегию межкультурных отношений, Еврокомиссия в 2013 г. сформировала группу экспертов для разработки стратегического подхода к культурным отношениям со странами, не входящими в ЕС²⁴. Пилотным проектом такого анализа стал доклад о культуре и внешних отношениях с Китаем в 2012 г. В 2013-2014 гг. были организованы различные консультации в 54 странах при поддержке институтов и культурных организаций, в результате которых были разработаны подходы, стратегии международного взаимодействия в области культуры. ЕС опубликовал окончательный отчет и ряд конкретных докладов по странам, а также подготовил рекомендации о том, как разработать более стратегический подход к культуре на общесоюзном уровне²⁵. Основываясь на результатах консультаций и отчетов, комиссия и верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности приняли 8 июня 2016 г. совместный документ «К стратегии ЕС по международным культурным отношениям», направленный на содействие диалогу между странами, на умиротворение и разрешение конфликтов, на развитие гражданского общества и на укрепление демократических ценностей и прав человека²⁶.

²² О Европейском фонде поддержки для совместного производства и распространения творческих кинематографических и аудиовизуальных работ «Юримиджис (Eurimages)» (About the European Foundation for the Support for the Co-production and Distribution of Creative Cinematographic and Audiovisual Works "Eurimages") / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Mode of access: <http://docs.cntd.ru/document/902018875>

²³ Рекомендации 1299 (1996) О европейском культурном сотрудничестве: деятельность Европейского союза и отношения с Советом Европы (Recommendation 1299 (1996) On European Cultural Co-operation: European Union Activities and Relations with the Council of Europe) / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Mode of access: <http://docs.cntd.ru/document/902018862>

²⁴ Preparatory Action for Culture in External Relations / Официальный сайт Европейской комиссии. Mode of access: https://ec.europa.eu/culture/initiatives/external-relations_en

²⁵ Ibid.

²⁶ Towards an EU Strategy for International Cultural Relations / EUR-Lex. Mode of access: <https://>

ЕС активно выступает за развитие межкультурного диалога, тесно сотрудничает с ЮНЕСКО в сфере защиты и охраны культурного наследия²⁷, поддерживает культурные обмены, которые могут принести экономическую выгоду. В период с 2004 по 2013 гг. в ЕС в этих отраслях насчитывалось более 7 млн рабочих мест²⁸. Самым ярким примером культурного сотрудничества является программа «Креативная Европа». Она направлена на популяризацию культурного наследия Европы и укрепление конкурентоспособности европейского культурного и креативного секторов, а также на сотрудничество с третьими странами²⁹.

В области образования такой программой является «Эразмус+»³⁰, а в науке – «Горизонт 2020»³¹. Будучи динамичным экономическим сектором, культурные и творческие отрасли являются важными поставщиками качественных рабочих мест и должны способствовать реализации целей устойчивого развития ООН. Инвестиции в культурные проекты способствуют повышению конкурентоспособности, привлекательности и социальной сплоченности городов и регионов. Доклад о культуре европейских столиц и

мировых городов за 2015 г. свидетельствует о значительном росте экономики в данных городах и социальной сплоченности городов и других местных органов власти, которые инвестируют в культуру³². Совместный исследовательский центр Еврокомиссии разработал инструмент мониторинга культурных и творческих инициатив на уровне городов, который будет способствовать более целенаправленным инвестициям и обучению передовому опыту³³. Исследование 2014 г., в котором были представлены текущие и перспективные культурные мероприятия в целях развития, подтвердило, что культурная деятельность способствует положительной динамике местного развития, не в последнюю очередь в сельских районах, где традиционные навыки и искусство могут помочь смягчить остроту проблемы нищеты³⁴.

Стоит отметить наличие программ по культурному сотрудничеству ЕС с другими регионами. В рамках программы «Евромед Аудиовизуальные индустрии III (2011-2014)» были реализованы такие проекты, как: «DIA SUD MED» – проект сотрудничества между тремя учебными заведениями Туниса, Марокко, Ливана по реализации учебного модуля «Управление в аудиовизуальной индустрии»; «GREEN HOUSE» – учебный проект по развитию документального кино (ежегодно отбираются 10-12 фильмов для представления их перед международным экспертным сообществом и на международных форумах по документальным фильмам, организатор-партнер – Израиль); «MED FILM Factory» – проект направлен на поддержку арабских режиссеров и продюсеров для производства полнометражных фильмов. Активно себя в этой программе проявил Египет³⁵, а в Тунисе в декабре 2014 г. был

eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2016%3A29%3AFIN

²⁷ Ibid.

²⁸ Cultural Times, report by CISAC and UNESCO, 2015 / International Confederation of Societies of Authors and Composers. Mode of access: <https://www.cisac.org/CISAC-University/Library/Studies-Guides/Cultural-Times-The-First-Global-Map-of-Cultural-and-Creative-Industries>

²⁹ Creative Europe is the European Commission's Framework Programme for Support to the Culture and Audiovisual Sectors / Официальный сайт Европейской комиссии. Mode of access: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/index_en

³⁰ Программа «Эразмус+» по развитию академической мобильности (Erasmus + Program for the Development of Academic Mobility). Официальный сайт: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en

³¹ Программа «Горизонт 2020» – программа ЕС по развитию научных исследований и технологий (Horizon 2020 – EU Research and Technology Development Program). Официальный сайт: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en>

³² European Capitals of Culture / Publications Office of the EU. Mode of access: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/658e3186-7d3e-11e5-b8b7-01aa75ed71a1>

³³ Ibid.

³⁴ Towards an EU Strategy for International Cultural Relations / EUR-Lex. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=JOIN%3A2016%3A29%3AFIN>

³⁵ Présentations: les résultats du programme Euromed Audiovisuel / Официальный сайт Euromed Audiovisuel. Mode of access: <http://>

проведен фестиваль средиземноморского кино, в котором приняли участие около ста европейских специалистов и работников аудиовизуального сектора³⁶.

Далее рассмотрим деятельность АСЕАН в области культуры. Согласно «Декларации АСЕАН», подписанной в 1967 г., организация должна способствовать культурному развитию региона³⁷. Как отмечено в Плане до 2025 г. Социально-культурного сообщества АСЕАН, организация стремится: повысить качество жизни своих народов посредством совместных действий, ориентированных на людей и направленных на содействие устойчивому развитию для решения новых и возникающих проблем в регионе; усилить сотрудничество государств-членов в широком спектре областей, включая культуру и информацию, образование, молодежь и спорт, здравоохранение, гендерную политику, права женщин и детей, борьбу со стихийными бедствиями и гуманитарную помощь³⁸. Анализ принятого «Плана по культуре и искусству 2016-2025» позволяет выделить следующие приоритетные задачи как для внутренней культурной политики региона, так и культурного международного взаимодействия: 1) повысить понимание историй, культур, искусств, традиций и ценностей сообщества АСЕАН; 2) укреплять культурные права всех народов АСЕАН с целью стимулирования развития региона, где люди имеют равный доступ к культурным ценностям и где культура является инклюзивной и способствует укреплению устойчивого развития; 3) защита культурного наследия и самобытности региона³⁹. Во внешней культурной

политике АСЕАН активно взаимодействует с ЕС. Так в 2017 г. между ними был подписан «План действий на 2018-2020 гг.», согласно которому, предполагалось: 1) расширить сотрудничество в сфере образования, академических и культурных обменов, в области обмена студентами в рамках программы ЕС по образованию, профессиональной подготовке, молодежи и спорту, а также в национальных программах в государствах-членах ЕС и странах АСЕАН; 2) укреплять сотрудничество между международными образовательными организациями в государствах-членах АСЕАН и ЕС в целях повышения качества образования⁴⁰.

Рассматривая еще одну региональную организацию – Африканский союз (АС), стоит обратить внимание на то, что в его «Учредительном акте» нет отдельной статьи, предусматривающей культурное взаимодействие; акцент в документе делается на обеспечении безопасности и развитии основных прав человека⁴¹. Однако в структуре АС имеются Экономический, социальный и культурный совет и Комитет образования, культуры и человеческих ресурсов⁴². Согласно принятым им «Хартии африканского культурного возрождения» (2006 г.) и Повестке дня до 2063 г. (2013 г.), основными направлениями взаимодействия в области культуры являются: 1) создание в Африке сильной культурной самобытности, общего наследия, общих ценностей и этики; 2) восстановление и сохранение культурного наследия Африки, включая ее языки; 3) продвижение африканской культуры для формирования идеалов panaфриканизма; 4) поощрение культурного сотрудничества посредством использования африканских языков и развития межкультурного диалога; 5) признание спорта элементом культу-

euromedaudiovisuel.net/p.aspx?t=general&mid=185&l=fr&did=287

³⁶ Ibid.

³⁷ The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration) Bangkok, 8 August 1967 / Официальный сайт АСЕАН. Mode of access: <https://asean.org/the-asean-declaration-bangkok-declaration-bangkok-8-august-1967/>

³⁸ ASEAN Socio-Cultural Community / Официальный сайт АСЕАН. Mode of access: <https://asean.org/asean-socio-cultural/>

³⁹ ASEAN Strategic Plan for Culture and Arts 2016-2025 / Официальный сайт АСЕАН. Mode of access: <https://asean.org/storage/2016/10/19.-October-2016-ASEAN-Strategic-Plan-for->

Culture-and-Arts-2016-2025.pdf

⁴⁰ ASEAN-EU Plan of Action (2018-2022) / Официальный сайт АСЕАН. Mode of access: <https://asean.org/storage/2017/08/ASEAN-EU-POA-2018-2022-Final.pdf>

⁴¹ Acte constitutif de l'Union Africaine / Официальный сайт Африканского союза. Mode of access: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutive_act_french-1.pdf

⁴² Ibid.

ры и важным вкладом в развитие человека и укрепление национального единства и сближения людей⁴³. Таким образом, мы можем наблюдать, как осознание необходимости продвижения собственной самобытной культуры проникает в базовые документы организации. Культурные связи становятся неотъемлемым инструментом международного взаимодействия и «мягкой силы» АС. Постепенно с обеспечением условной стабильности в регионе, появляются мотивация, возможности и способы заявить вовне о своей культуре, языках и традициях.

Рассмотрим Андское сообщество (на данный момент членами являются Боливия, Перу, Эквадор, Колумбия). Изначально организация Андского пакта, действующая на основе Картахенского соглашения 1969 г.⁴⁴, не предусматривала взаимодействие в области культуры. Однако, как и в АС, постепенно культура занимает приоритетные позиции в процессе интеграции сообщества. В 2017 г. на основе Решения 823 Андского совета министров иностранных дел были созданы Совет министров культуры и культуры Анд и Андский комитет по делам культуры⁴⁵. Их деятельность сосредоточена на формировании и развитии андской идентичности, сохранении культурного наследия стран-участниц; распространении знаний об андской культуре за пределы сообщества⁴⁶.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что международные организации активно развивают гуманитарное (в их трак-

товке – культурное в широком понимании культуры) сотрудничество. Оно становится эффективным инструментом «мягкой силы» и публичной дипломатии данных организаций. Общим для изученных организаций является включение в культуру всего гуманитарного невоенного вектора внешнеполитической деятельности.

Перейдем к примерам специализированных международных объединений по культурному сотрудничеству. Первый из них – Совет государств Балтийского моря (СГБМ). Согласно Коммюнике 1998 г. деятельность СГБМ связана с защитой культурного наследия, развитием современной культуры и пропагандой региональной идентичности⁴⁷. Секретариат СГБМ осуществляет несколько проектов, которые связывают культуру с другими секторами и областями. К ним относятся инновационная программа творческих работников и предпринимателей *Balticlab*, а также Молодежный диалог на тему истории и культурной самобытности Балтийского моря. СГБМ вносит свой вклад в межправительственное культурное сотрудничество в регионе посредством своей работы с ARS BALTICA, группой мониторинга культурного наследия, и с партнерством ЕС по вопросам культуры в области стратегии для региона Балтийского моря (EUSBSR) и партнерством по культуре Северного измерения (NDPC)⁴⁸.

Еще один пример – деятельность Совета министров культуры Северных стран, Фарерских островов, Гренландии и Аландских островов, который несет ответственность за культурное сотрудничество в рамках Совета министров Северных стран. В «Стратегии культурного сотрудничества Северных стран на 2013-2020 гг.» обозначены его цели: содействие разнообразию форм культурного самовыражения региона, популяризация ху-

⁴³ Charter for African Cultural Renaissance / Официальный сайт Африканского союза. Mode of access: https://au.int/sites/default/files/treaties/37305-treaty-0032_-_charter_for_african_cultural_renaissance_f.pdf

⁴⁴ Acuerdo de Cartagena (Pacto Andino) – Acuerdo de Integración Subregional (1969) / Dipublico.org. Mode of access: <https://www.dipublico.org/10598/acuerdo-de-cartagena-pacto-andino-acuerdo-de-integracion-subregional-1969/>

⁴⁵ См. подробнее: Decisión 823 / Официальный сайт Андского сообщества. Mode of access: <http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC823.pdf>

⁴⁶ Identidad Andina y Cultura / Официальный сайт Андского сообщества. Mode of access: <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=308&tipo=TE&title=identidad-andina-y-cultura>

⁴⁷ Communiqué of the 7th Ministerial Session of the CBSS, Nyborg, 22-23rd June 1998 / Официальный сайт CBSS. Mode of access: <https://www.cbss.org/wp-content/uploads/2012/12/1998-CBSS-7th-Ministerial-Session-Communique.pdf>

⁴⁸ Intergovernmental Cultural Cooperation / Официальный сайт CBSS. Mode of access: <https://www.cbss.org/regional-identity/intergovernmental-cultural-cooperation/>

дожников региона и их творчества, повышение качества и конкурентоспособности скандинавской культуры⁴⁹. Приоритетными также являются устойчивость, креативность, межкультурное взаимодействие, молодежь, использование цифровых технологий⁵⁰. Совет призван повысить и развить международный авторитет Северных стран, например, в области кино, дизайна и детской культуры. Годовой бюджет Совета министров культуры Северных стран составляет примерно 170 млн. датских крон. Большая часть этих денег идет на проекты в области искусства и культуры, для которых заинтересованные стороны обращаются за финансированием в Фонд культуры Северных стран и программы Совета (программа культуры и искусства, программа мобильности Северных стран и стран Балтии и финансирование перевода). Другие средства идут на развитие и управление институтами, а также на премии в области культуры. В 2011 г. в ходе оценки четырехлетней культурной реформы, проводимой в Норвегии, был сделан вывод о том, что изменения в культурном сотрудничестве в Северных странах в целом были успешными и имели в основном позитивный опыт, и что необходимы лишь незначительные коррективы⁵¹.

Совет министров Северных стран имеет ряд программ и учреждений, обеспечивающих реализацию конкретных элементов культурной политики. В его работе культурное сотрудничество включает в себя различные инициативы, начиная от народных ассоциаций и заканчивая работой отдельных художников. Например, в 2011 г. Совет министров принял решение поддержать следующие проекты: сотрудничество с саа-

ми и Оркестр Норден⁵². Широкое культурное сотрудничество призвано способствовать развитию чувства общности и взаимопонимания между всеми жителями северного региона и укреплению сплоченности. Скандинавские модель жизни, искусство, культура пользуются большим спросом на международном уровне. Через развитие культурных связей Совет активно занимается и распространением ценностей: демократии, свободы выражения мнений и важности гражданского общества, как в международном, так и в региональном контексте⁵³.

Резюмируя деятельность региональных центров культурного сотрудничества, стоит отметить, что она позволяет сохранить и приумножить культурный потенциал в регионах, дает возможность транслировать его на более широкую аудиторию, а также способствует сохранению региональной идентичности и самобытности (включая язык и культуру языковых или этнических меньшинств). Региональные организации, такие как Африканский союз и Андское сообщество, не имевшие изначально самостоятельной цели развития культурного сотрудничества, активно взаимодействуют в области культуры с более крупными организациями (например, ЕС), участвуя в их культурных, образовательных и научных программах и проектах.

Этатистский подход к формированию понятия «гуманитарное сотрудничество»

Рассмотрим далее примеры моделей внешних гуманитарных связей тех стран, которые выделяют их в качестве отдельного направления и которыми обнародованы соответствующие стратегические документы.

Своего рода идеологическим родоначальником европейской культурной политики и ее категориального аппарата является Франция. На официальном сайте французского Министерства Европы и иностранных

⁴⁹ Strategy for Nordic Cultural Co-operation 2013–2020 / Nordic Council of Ministers. Mode of access: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1104439/FULLTEXT01.pdf>

⁵⁰ About the Council of Ministers for Culture (MR-K) / Официальный сайт СМСК. Mode of access: <https://www.norden.org/en/information/about-council-ministers-culture-mr-k>

⁵¹ Activities of the Nordic Council of Ministers: Annual Report 2016 / Официальный сайт СМСК. Mode of access: https://issuu.com/nordic_council_of_ministers/docs/anp2017758_web

⁵² The Story of ON / Официальный сайт Оркестрнорден. Mode of access: <https://www.orkesternorden.com/about-on/>

⁵³ Strategy for Nordic Cultural Co-operation 2013–2020 / Nordic Council of Ministers. Mode of access: <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1104439/FULLTEXT01.pdf>

дел отмечено, что «культурное сотрудничество решает следующие дипломатические задачи: продвижение и распространение французского языка и культуры, формирование имиджа страны и развитие ее конкурентоспособности, содействие обучению во Франции, содействие развитию туризма (формирование привлекательности территории)»⁵⁴. Внешняя культурная деятельность является результатом структур с разнородными статусами и взаимодополняющими миссиями. Как отметил министр иностранных дел в 1997-2002 гг. Ю. Ведрин, «культура лежит в основе деятельности Министерства иностранных дел... Если центр внешней политики является дипломатическим, политическим и стратегическим, то его экономические и культурные аспекты также являются определяющими»⁵⁵.

К основным направлениям внешнеполитической культурной деятельности Франции Сенат относит борьбу с основными эндемическими заболеваниями, развитие научного партнерства, организацию археологических миссий и сотрудничество с музеями, продвижение французской культуры и языка в мире, увеличение молодежных обменов, усиление французского присутствия в мировом аудиовизуальном пространстве, трансляцию французских теле- и радиопрограмм, поддержку экспорта телевизионных программ, продвижение французских фильмов и записей за рубежом⁵⁶. Например, в 2017 г. была проведена 31 тыс. культурных мероприятий в 137 странах⁵⁷. Несмотря на укрепление единой европейской культурной политики, Франция очень щепетильно относится к своему национальному интересу в области гуманитарного сотрудничества, признавая приоритет только глобальных организаций, таких как ЮНЕ-

СКО или МККК. Говоря о двустороннем гуманитарном сотрудничестве, Франция закладывает в данное понятие культурное, университетское, научно-техническое сотрудничество. Анализ двусторонней договорной базы между Францией и другими государствами⁵⁸ в области культуры позволил сделать вывод, что, исходя из этих принципов, страна заключает со своими партнерами типовые соглашения о культурном сотрудничестве. Они содержат практически одинаковый инструментарий для реализации. Для примера можно привести франко-российское соглашение. Оно включает следующие приоритетные направления взаимодействия: сотрудничество в различных областях культуры, искусства, образования, информации, в том числе аудиовизуальной, молодежных обменов и спорта; развитие отношений в области культуры, образования, науки и информации в рамках децентрализованного сотрудничества и прямых обменов; организация учебных стажировок, семинаров, учебных и научных поездок, обмен специалистами и преподавателями, обмен научными работниками, преподавателями, стажерами, студентами и школьниками с целью углубления знаний и исследований в области языкознания, литературы и цивилизации; обмен на коммерческой и некоммерческой основе в следующих областях: театр, музыка, танец, цирк, изобразительное искусство, народное творчество, современные способы передачи изображения и звука; участие в международных книжных ярмарках, проводимых на территории их государств, обмен книгами, организацию книжных выставок, встречи специалистов в области книгоиздательского дела; сотрудничество в области архитектуры и градостроительства и т. д.⁵⁹.

⁵⁴ Le réseau de coopération et d'action culturelle / Официальный сайт МИД Франции. Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/missions-organisation/le-reseau-de-cooperation-et-d-action-culturelle/>

⁵⁵ L'action culturelle / Официальный сайт Сената Франции. Mode of access: <https://www.senat.fr/gap/r04-091/r04-0914.html>

⁵⁶ Diplomatie culturelle / Официальный сайт МИД Франции. Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-culturelle/>

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Список примеров двусторонних договоров в области культуры можно увидеть на официальном сайте МИДа Франции. Режим доступа: https://basedoc.diplomatie.gouv.fr/exl-php/recherche/mae_internet__traites

⁵⁹ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Французской Республики о культурном сотрудничестве / Официальный сайт МИД РФ. Mode of access: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-57/48646?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_

Другой пример – Италия. В рамках новой стратегии «*Il Sistema Paese*» (продвижение экономики, культуры и науки Италии) Министерства иностранных дел в 2012 г. был принят «План по коммуникации»⁶⁰, который и на данный момент является актуальным. Он включает в себя положения для различных департаментов центральной администрации и субъектов зарубежной сети из консульств и посольств, вовлеченных в коммуникационную деятельность от лица МИД Италии, и представляет собой синтез концептуальных размышлений в области популяризации и продвижения национальной культуры, языка и науки. Анализ международной договорной базы на официальном сайте МИД Италии показывает, что нормы по культурному сотрудничеству, как и в случае Франции, являются «типовыми» для всех стран и содержат примерно одинаковый инструментарий: сотрудничество в области школьного и университетского образования, инициативы в области искусства и многочисленные мероприятия по сохранению и укреплению культурного наследия. Для примера можно привести Протокол заседания российско-итальянской Комиссии по сотрудничеству в области культуры и образования, в котором речь идет о развитии двустороннего сотрудничества в области культуры и искусства, образования, средств массовой информации, молодежных обменов, спорта и туризма, т. е., по сути, о гуманитарном сотрудничестве⁶¹.

Наконец, нельзя не уделить внимание «разработчику» таких базовых концептов,

как «мягкая сила» и «публичная дипломатия», – США. В 1970-х гг. в этой стране разработана концепция «стратегической культуры» (набор убеждений, представлений, исторического багажа и геополитического видения, которые определяют внешнюю политику страны, ее стратегический выбор и ее положение в международных отношениях), используемая для анализа роли культуры и национальных особенностей в формировании решений по национальной безопасности⁶². При Государственном департаменте США существуют Отдел по вопросам публичной дипломатии и Бюро по вопросам образования и культуры, которое разрабатывает и осуществляет образовательные, профессиональные и культурные обмены и другие программы⁶³. Пример совместного документа с иностранным партнером – межправительственный Меморандум 1998 г. с РФ о взаимопонимании о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и СМИ. В данном документе сказано, что «обе стороны намерены содействовать упрочению взаимного сотрудничества в области культуры, поощрять развитие культурных обменов для улучшения понимания друг друга посредством организации театральных постановок, художественных выставок, распространения учебных материалов, книг, фильмов, проведения лекций, семинаров и др.»⁶⁴.

advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1

⁶⁰ Piano di Comunicazione 2012 / Официальный сайт МИД Италии, 2012. Mode of access: <https://www.esteri.it/mae/it/ministero/pubblicazioni/maecom.html>

⁶¹ Протокол заседания Российско-итальянской смешанной комиссии по сотрудничеству в области культуры и образования / Официальный сайт МИД Италии. Mode of access: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2019/07/progr_esecutivo_cooperazione_cult_italia_federazione_russa_in_russo.pdf

⁶² Al-Rodhan, N. Strategic Culture and Pragmatic National Interest. Global policy. Mode of access: www.globalpolicyjournal.com/blog/22/07/2015/strategic-culture-and-pragmatic-national-interest

⁶³ Bureau of Educational and Cultural Affairs // Официальный сайт Государственного департамента США. Mode of access: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/bureau-of-educational-and-cultural-affairs/>

⁶⁴ Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Mode of access: <http://docs.cntd.ru/document/901724330>

Выделение универсального, регионального и этатистского подходов позволяет сделать следующие выводы об особенностях каждого из них. С течением времени каждая из международных организаций сосредоточилась на собственном направлении гуманитарного сотрудничества: ЮНЕСКО специализируется на защите и охране культурного наследия, а также на гуманитарной помощи уязвимых слоев населения; Совет Европы сосредоточил свою деятельность на уровне профильных совещаний по культуре (фактически осталась одна программа «Европейские культурные маршруты»), передав «эстафету» ЕС. Европейский союз сосредоточился на программном подходе (создание культурных, научных, образовательных программ) к реализации культурного сотрудничества. Гуманитарное сотрудничество реализует поставленные задачи: растет количество совместных программ в области культуры и науки, увеличивается выделяемый бюджет на данные программы, возрастает количество участников в реализуемых проектах, отмечается развитие культурного и креативного сектора в «третьих» странах, где ранее эти области находились на более низком уровне. Менее крупные региональные организации развивают гуманитарное сотрудничество после того, как происходит налаживание процесса взаимодействия в решении более насущных проблем: безопасность, экономическая стабильность, права человека. Упор делается на развитии региональной идентичности и местной культуры.

Лишь небольшое число государств сформулировали и обнародовали свои стратегии культурных связей. Целенаправленное развитие этих связей на региональном уровне наиболее характерно для европейского пространства, где гуманитарное (в европейской терминологии – культурное) сотрудничество покрывает все сферы науки, культуры, образования, спорта, туризма и т. д. В остальном, в международном дискурсе по-прежнему характерна узкая трактовка гуманитарного сотрудничества как оказания гуманитарной помощи. Культурное сотрудничество, скорее воспринимается всего лишь как часть публичной дипломатии.

Автор статьи предлагает следующую классификацию зарубежных подходов к гуманитарному (культурному) сотрудничеству: 1) культурное сотрудничество трактуется в рамках конвенций и деклараций ЮНЕСКО, то есть оно охватывает все сферы человеческой деятельности в гуманитарной области (социо-антропологический аспект); 2) гуманитарное сотрудничество трактуется сквозь призму Хельсинкского акта и подразумевает гуманитарную помощь и защиту основных прав человека (договорно-правовой аспект); 3) культурное сотрудничество – это эффективный инструмент мягкой силы и публичной дипломатии, который призван формировать положительный внешнеполитический образ государства, а также реализовывать национальные интересы (внешнеполитический аспект).

Тщательной скрупулезной оценки результатов процессов гуманитарного сотрудничества рассмотренными международными организациями и государствами в публичном пространстве не ведется. Анализ их документов не выявил негативных оценок по реализации культурного сотрудничества или неэффективности распределения бюджета. Несмотря на это, как показывает практика, с каждым годом происходит постепенное увеличение финансирования культурных программ, как на уровне международных организаций, так и на уровне национальных государств.

Также было выявлено, что происходит постепенная автономизация международных культурных проектов. Например, между странами – членами ЕС и странами, не входящими в ЕС, которые далее собираются в зонтичные программы, такие как «Горизонт» и «Креативная Европа». Если говорить о странах-реципиентах, то они также получают определенный профит: политическую и культурную узнаваемость, экономическую выгоду от реализации проектов, например, прокат фильмов или издательство книг.

В целом, гуманитарное сотрудничество представляется нам крайне перспективным и эффективным методом международного взаимодействия, позволяющим выстраивать тесные отношения вне политического контекста, с достижением внешнеполитических целей и реализацией интересов. Разнообразные регио-

нальные программы позволяют при не самых высоких бюджетах реализовывать важные для государств интересы, а также транслировать собственные достижения во внешний мир.

Терминологическая разница между зарубежной и отечественной интерпретацией концепта гуманитарного сотрудничества заключается в том, что, во-первых, нет единого толкования гуманитарного и культурного сотрудничества; во-вторых, нет четкого разграничения между пониманием терминов «культурное» и «гуманитарное» сотрудничество (в традиционном наборе инструментов: культура, наука, образование, спорт, культурное наследие, дела молодежи, туризм – остаются под вопросом гуманитарная помощь, права человека), в-третьих, данный вид международного взаимодействия не всегда отражен во внешнеполитических доктринах и не всегда является самостоятельным инструментом «мягкой силы» государства.

Литература:

- Великая А.А. Международное гуманитарное сотрудничество: политические аспекты отечественных и западных подходов // Право и управление. XXI век. 2012. № 3 (24).
- Гражданская защита: Энциклопедия в 4 томах. Том II (К-О) / под общей редакцией С.К. Шойгу. М.: ЗАО ФИД «Деловой экспресс», 2007.
- Зонова Т.В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» / Российский совет по международным делам. 23 мая 2013 г. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogosoyuza-ka>
- Павельева Э.А. Международно-правовое сотрудничество по гуманитарным вопросам. Учеб.-метод. материалы РСМД. М.: НП РСМД. 2017.
- Публичная дипломатия зарубежных стран: Учебное пособие / под ред. А.Н. Панова и О.В. Лебедевой. Москва: Аспект Пресс, 2018.
- Al-Rodhan, N. Strategic Culture and Pragmatic National Interest. Global policy. Mode of access: www.globalpolicyjournal.com/blog/22/07/2015/strategic-culture-and-pragmatic-national-interest
- Carvalho, G.; Marcelo, M.V. Soft Power, Hard Aspirations: the Shifting Role of Power in Brazilian Foreign Policy // *Brazilian Political Science Review*, 2014, No. 3, pp. 66-94.
- Haneş, N.; Andrei, A. Culture as Soft Power in International Relations / International Conference Knowledge-Based Organization. November 2015. pp. 32-37.
- Iriye, A. Culture // *Journal of American History*, 1990, pp. 99-107.
- Lima, M.R.S. Brazilian Foreign Policy and the Challenges of South-South Cooperation // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2005, No. 1.
- Mainetti, V. La coopération culturelle internationale et l'émergence du droit international de la culture / Alcuni aspetti della "dimensione culturale" del diritto internazionale ed interno, aprile 2014.
- Marcelo, M.V.; Affonso, L.B. The Role of Humanitarian Cooperation in Brazilian Foreign Policy as a Strategy of Soft Power (2003-2016) // *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*, 2019, Vol. 8, No. 5, pp. 185-202.
- Muratshina, K.G. Cultural Exchanges between Russia and Turkmenistan: Structure, Dynamics, and Defining Features // *Changing Societies & Personalities*, 2020, Vol. 4(4), pp. 508-527.
- Muratshina, K. Russia and Post-Soviet Central Asia in the CIS Framework of Cultural Cooperation // *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Cham: Springer, 2021. Pp. 395-403.
- Nye, J.S.Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, March 2008, pp. 94-109.
- Sölter, A. The Renaissance of Soft Power Rediscovering Cultural Diplomacy in Transatlantic Perspective. CMG Workshop, Goethe-Institute Toronto. 2008.

References:

- Al-Rodhan, N. Strategic Culture and Pragmatic National Interest. Global policy. Mode of access: www.globalpolicyjournal.com/blog/22/07/2015/strategic-culture-and-pragmatic-national-interest
- Carvalho, G.; Marcelo, M.V. Soft Power, Hard Aspirations: the Shifting Role of Power in Brazilian Foreign Policy // *Brazilian Political Science Review*, 2014, No. 3, pp. 66-94.
- Grazhdanskaya zashchita: Entsiklopediya v 4 tomakh. Tom II (K-O) (Civil Protection: An Encyclopedia in 4 Volumes. Volume II (K-O)). Edited by S.K. Shoigu. Moscow: ZAO FID "Business Express", 2007.
- Haneş, N.; Andrei, A. Culture as Soft Power in International Relations / International Conference Knowledge-Based Organization. November 2015. Pp. 32-37.
- Iriye, A. Culture // *Journal of American History*, 1990, pp. 99-107.
- Lima, M.R.S. Brazilian Foreign Policy and the Challenges of South-South Cooperation // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2005, No. 1.
- Mainetti, V. La coopération culturelle internationale et l'émergence du droit international de la culture / Alcuni aspetti della "dimensione culturale" del diritto internazionale ed interno, aprile 2014.
- Marcelo, M.V.; Affonso, L.B. The Role of Humanitarian Cooperation in Brazilian Foreign Policy as a Strategy of Soft Power (2003-2016) // *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*, 2019, Vol. 8, No. 5, pp. 185-202.
- Muratshina, K.G. Cultural Exchanges between Russia and Turkmenistan: Structure, Dynamics, and Defining Features // *Changing Societies & Personalities*, 2020, Vol. 4(4), pp. 508-527.
- Muratshina, K. Russia and Post-Soviet Central Asia in the CIS Framework of Cultural Cooperation // *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Cham: Springer, 2021. Pp. 395-403.
- Nye, J.S.Jr. Public Diplomacy and Soft Power // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, March 2008, pp. 94-109.

Pavel'eva, E.A. Mezhdunarodno-pravovoye sotrudnichestvo po gumanitarnym voprosam (International Legal Cooperation on Humanitarian Issues). Moscow: NP RSMU. 2017.

Publichnaya diplomatiya zarubezhnykh stran (Public Diplomacy of Foreign Countries) / Ed. A.N. Panov, O.V. Lebedeva. Moscow: Aspekt Press. 2018.

Sölter, A. The Renaissance of Soft Power Rediscovering Cultural Diplomacy in Transatlantic Perspective. CMG Workshop, Goethe-Institute Toronto. 2008.

Velikaya, A.A. Mezhdunarodnoye gumanitarnoye sotrudnichestvo: politicheskiye aspekty otechestvennykh i zapadnykh podkhodov // *Pravo i upravleniye. XXI vek*, 2012, No. 3 (24).

Zonova, T.V. Humanitarian Cooperation between Russia and the European Union as an Instrument of “Soft Power” / Russian Council on International Affairs. May 23, 2013. Mode of access: <http://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskosoyuza-ka>

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10038

INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION: FOREIGN APPROACHES TO STUDYING AND REALISATION

Ksenia M. Tabarintseva-Romanova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

Article history:

Received:

01.10.2020

Accepted:

27.08.2021

About the author:

Candidate of Philology,
Associate Professor, Assistant
Professor, Department of Theory and
History of International Relations,
Ural Federal University named
after the First President of Russia
B.N. Yeltsin

e-mail: kmromanova@mail.ru

Key words:

international relations theory;
humanitarian cooperation;
cultural cooperation; “soft power”;
Russia; international organization

Abstract: The article is studying foreign approaches to the interpretation and realization of international humanitarian cooperation. Humanitarian cooperation is becoming one of the effective mechanisms of foreign policy influence. Its interpretation itself sounds differently in Russian and foreign research. At the beginning of the article, the author considers the methodological foundations of the study, namely, based on academic publications of foreign researchers involved in the development of the concept of humanitarian/cultural cooperation, a brief description of humanitarian cooperation is given, with its definition and transformation of the meaning of the term. Further, the author identifies the following approaches to the definition and realization of humanitarian cooperation in foreign political and diplomatic practice: universal, regional, statist. Based on the analysis of documents of international organizations (UNESCO, Council of Europe, European Union, ASEAN, African Union, etc.), as well as of several countries (France, Italy, USA), the main approaches to the study and realization of this type of interstate interaction are highlighted. The choice of countries is determined by the fact that they possess officially published documents regarding their international humanitarian cooperation strategy. In addition, France is a “pioneer” in the formation of a united European cultural policy; 40% of UNESCO's cultural heritage sites are concentrated in Italy; the USA is a theoretical and methodological pioneer of the concept of “soft power” and public diplomacy, with which humanitarian cooperation is inextricably linked.

The article concludes that in international discourse, humanitarian cooperation is one of the effective tools of “soft power” and includes such areas as: culture, science, education, sports, youth issues, which is more consistent with the Russian interpretation of this type of international interaction, but at the same time, the international discourse uses the concept of “cultural cooperation” in the majority of cases to determine such interaction. In conclusion, the author's classification of foreign approaches to international humanitarian cooperation is proposed.

Acknowledgments: Research was supported by the Russian Science Foundation (grant № 19-78-10060)

Для цитирования: Табаринцева-Романова К.М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 31-46.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10038

For citation: Tabarintseva-Romanova, K.M. Mezhdunarodnoye gumanitarnoye sotrudnichestvo: zarubezhnyye podkhody k izucheniyu i realizatsii (International Humanitarian Cooperation: Foreign Approaches to Studying and Realisation) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 31-46.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10038

EU CLEAN ENERGY TRANSITION AND CHALLENGES FOR INTERNATIONAL INVESTORS: COMPARATIVE REVIEW OF GERMAN PRACTICE

Andrei V. Zimakov

*Primakov Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences (IMEMO),
Moscow, Russia*

Evgeny V. Popov

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 17.11.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 26.08.2021</p>	<p>Abstract: Clean energy transition in the EU opens up wide investment opportunities for innovative international entrepreneurship. However, the non-linearity of the energy transition, as well as the multi-level and complex nature of the transformation process, implies tackling economic and legal challenges. To examine such challenges in detail, an analysis of three international investment arbitration cases that were brought in for resolution by transnational energy companies against the European Union is carried out using the comparative methodology and taking the example of Germany as the leader of the EU energy transition. Having done the comparative review, the conclusion is drawn that rapid changes in legislation due to the logic of the energy transition process may lead to violation of the legitimate expectations of investors in ensuring a stable and predictable legal regime. Thus, the credibility of the EU states to provide a predictable and stable legal regime for international investors is under scrutiny.</p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Andrei V. Zimakov</i>, Candidate of Economics, Primakov Institute of World economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)</p> <p>e-mail: zimakov@newmail.ru</p> <p><i>Evgeny V. Popov</i>, Candidate of Law, MGIMO University</p> <p>e-mail: evgueny.popov@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>clean energy transition; EU; international investment arbitration; investment dispute; Germany; ICSID</p>	

The European Union (EU) and its member countries have committed themselves to combat climate change through decarbonization of the economy to become climate neutral by 2050.¹ To achieve that the EU has adopted several directives and policy documents containing binding target parameters for EU member states in 2020, 2030, and 2050 horizon. The key targets envisage gradually to reduce the greenhouse gas emissions and to increase the share of renewable energy sources (RES). Among all

economic sectors, the greatest decarbonization effort is expected from the energy sector due to its significant share in overall greenhouse gas emissions, and specifically from power generation. The transformation process called clean energy transition involves a gradual phase-out of hydrocarbons in the generation of electricity with the substitution of fossil-fuels thermal power stations with innovative low-carbon technologies based on RES.

This process is typical for all EU members, as each of them has to contribute to the achievement of overall targets by discharging dedicated climate policies at the national

¹ The European Green Deal COM (2019) 640 final Brussels, 11.12.2019.

level. However, the initial positions in the power sector, as well as implemented national policies, are quite different across the EU. The transposition of climate targets into national legislation can be incoherent and contradictory. Significant changes in the legal framework affect energy companies and their business decisions. Often, the legal regime adjustments are faster than the process of investment projects implementation. It is not uncommon when investment decisions adopted within the framework of a certain legal regime are being implemented within the changed legal context, which harms profit gains and can jeopardize implementation of investment projects, or even lead to the return of the invested funds.² In light of the international nature of energy business, the described issues may result in the rise of international investment disputes between transnational investors and EU member states.

The paper analyses international investment arbitration proceedings between transnational energy companies seeking to identify key economic and legal challenges caused by the clean energy transition in EU member countries. Germany has been selected for the local experience comparative case study as a champion of climate change policy in the EU. The German 'Energiewende' has become a reference for a transition from a traditional to a low carbon energy system. The RES share in power generation in Germany has risen from 6.6% in 2000 up to 39.7% in 2019.³ Being highly reliant on coal and lignite, Germany has committed to phasing out coal in power generation by 2038 as a necessary step to reduce national carbon emissions. This will not be easy, as Germany is simultaneously closing down nuclear power stations. Back in 2001, Germany has decided to phase out gradually nuclear power plants (NPP), a decision later revisited in 2011 to accelerate the process. That means the country is shutting down two key power industries to give way to an expansion

of green power generation. Such drastic change in the power sector along with shifts in the legal framework has led to violations of investors' justified expectations on the stability of the legal regime.

Despite the relevance and importance of this subject matter, it has not been adequately covered in either Russian or international scientific papers. It was briefly addressed in relation to the specifics of energy transition in Germany,⁴ or to certain legal issues of international arbitral proceedings in international courts.⁵ However, the violations of investors' justified expectations can be considered as one of the negative side effects of the EU clean energy transition and should be therefore duly addressed.

International Investment Arbitration Cases in Comparison: Energy Companies against Germany

The government of the Federal Republic of Germany was the respondent state at the International Center for the Settlement of Investment Disputes (ICSID) three times over the past ten years. All three energy investment cases were based on the Energy Charter Treaty, which provides for the protection of international investments.

Since the Energy Charter Treaty does not provide for its arbitration tribunal, the investment disputes may be submitted to arbitration at ICSID, the Arbitration Institute

² Popov, Evgeny. Sovereign Immunity Doctrine and Sovereign Funds: Challenges at Global Scale // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 133-147.

³ AG Energiebilanzen Stromerzeugung nach Energieträgern 1990-2019 (Stand September 2020). Mode of access: <https://www.ag-energiebilanzen.de/>

⁴ Belov, V.B. et al. Germany 2019. Moscow: Institut Evropy RAN, 2020. 144 p.; Neukirch, M. Die Energiewende in der Bundesrepublik Deutschland—Reform, Revolution, oder Restauration? // *Sozialpolitik*, 2018, ch. 1(1), pp. 1-3.

⁵ Romanin, J. The Vattenfall v. Germany Disputes: Finding a Balance Between Energy Investments and Public Concerns. Bridging the Gap between International Investment Law and the Environment. Eleven Legal Publishing, 2016; Bungenberg, M. A History of Investment Arbitration and Investor-State Dispute Settlement in Germany / Investor State Arbitration Between Developed Democracies. ISA Paper No. 12, 2017. P. 259; Forzier et al., Resilience of large investments and critical infrastructures in Europe to climate change. Ispra: Joint Research Centre, 2016. 38 p.

of the Stockholm Chamber of Commerce, or to an ad hoc arbitration tribunal established under the rules of the United Nations Commission on International Trade Law.⁶ As a party to the Energy Charter Treaty, the German government was the one to become a respondent state at ICSID. The ultimate objective of the 1965 Washington Convention and the ICSID as a World Bank organization established in 1966 was to protect the investors that invest their funds into economies of the receiving states from unilateral actions by the receiving governments, or by their legislative or executive bodies.

The timeframe for the institution of legal proceedings against the German government falls within the clean energy transition process that was pioneered at the end of the 2000s. Each of the disputes arose out of the unilateral decisions by the German government and the legislative developments in light of the clean energy transition in the EU. The first dispute related to the change of legal position of the federated state authorities concerning the construction of coal-fired power plant. The second dispute was due to an unexpected decision of the German government to phase out of nuclear power and immediately shut down some nuclear facilities. The third dispute is related to the support of renewables.

Vattenfall vs the Federal Republic of Germany I

The first investor-state claim against Germany (case ARB/09/6) was launched in 2009 by Vattenfall, a Swedish energy corporation, over permits delays for a coal-fired power plant construction in Hamburg. The history goes back to 2002 when Vattenfall acquired Hamburgische Electricitäts-Werke AG (HEW). Since HEW had been supplying the city of Hamburg with electricity since 1894, some of the facilities required modernization. When Vattenfall was developing modernization plans, it initially considered the construction of a new coal-firing power plant at the older gas power plant's site in Moorburg, a quarter of Hamburg. The old power plant was shut down in 2001 and dismantled in 2004.

⁶ See Article 26: Settlement of Disputes between an Investor and a Contracting Party. Mode of access: <https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECTC-en.pdf>

In July 2004 Vattenfall announced its plans for the construction of a 700 MW coal-fueled power plant, which was 300 MW lower than the capacity of the decommissioned plant. Later, however, the government of Hamburg came up with the proposal for Vattenfall to bring the total generating capacity to 1640 MW and install a unit for district heating to cover the needs of the western part of the city. The expectation was that new heating supply installations would replace the obsolete Wedel power station. This resulted in an overall project cost increase of up to 1.7 billion Euros compared to the initial 700 million Euros. In October 2006, Vattenfall applied for the construction permit and agreed on the water use parameters of the Elbe river with the local environmental ministry.

The Moorburg power plant construction plans provoked a round of protests by residents and environmental activists. The then government of Hamburg, formed by Christian Democrats, initially supported the construction. However, the local environmental ministry established additional requirements for the new power plant that affected the prospected carbon emissions and the temperature parameters of water taken for cooling from the Elbe and discharged back into the river. Nevertheless, after these new requirements were included in the project plan, Vattenfall received assurances from the government of Hamburg that all the required permits would be issued without delays, so in early 2007 Vattenfall's management adopted the final investment decision for 2.2 billion Euros for the construction.

The preliminary construction permit was issued in November 2007 and the company started with construction works. It was expected, that the emission allowances and water usage permits would be issued in March 2008. Meanwhile, the political climate in the region was changing and the construction of a new coal power plant became a hot topic during the campaign in local parliamentary elections in Hamburg. Since the Christian Democrats did not obtain the required majority, they formed in February 2008 a coalition with the Green Party that opposed the construction. This marked the turning point for government position on the Moorburg power plant.

The allowances and permits were not issued in the expected timeframe. Due to continued delays by the government, Vattenfall was even forced to apply to the local Administrative Court. After the permits and allowances were finally granted at the end of September 2008, Vattenfall discovered that all of them contained new stringent requirements, especially for water usage. The investor was required to reduce significantly the amount of water taken from the Elbe for cooling purposes. The new requirements would have limited the efficiency of the thermal power plant by 45%. Moreover, the power plant would have to stop operation during hot weather conditions.

Another requirement was to agree to the two-year mandatory testing of fish passing facilities, which would result in a one-year delay, at least, concerning the approved construction timeline.

Thus, the political situation caused the changes in respect to the investment project. The initial investment decision was done in line with common approaches to a power supply of the past years. Yet, the project implementation coincided with the turning point in the energy policy⁷.

The estimated losses due to the actions of the government of Hamburg totaled 1.4 billion Euros, according to Vattenfall. In April 2009, Vattenfall launched an investor-state claim against Germany at ICSID. The argument was that Hamburg's environmental regulations amounted to the expropriation and violation of Germany's obligation to afford foreign investors "fair and equitable treatment." The first arbitration took place in September 2009 in Paris; in early 2010, the proceedings were suspended following the mutual agreement between the contracting parties. In February 2011, the case was re-opened and the parties entered into the settlement agreement. Based on Rule 43(2) (Settlement and Discontinuance) of the ICSID Arbitration Rules, the full and signed text of the settlement was recorded in the form of the award by the arbitral tribunal. Each party covered its share of arbitration expenses

⁷ Vögele, S.; Kunz, P.; Rübhelke, D.; Stahlke, T. Transformation Pathways of Phasing out Coal-Fired Power Plants in Germany // *Energy, Sustainability and Society*, 2018, No. 1, pp. 25.

whereas legal expenses were split by the parties in equal proportion.

The parties agreed not to disclose any information in respect to the arbitration process or the settlement agreement, which is standard practice for such proceedings.

Vattenfall was granted all the permits required for the plant to proceed and resumed the construction that included a combined cooling tower to reduce the amount of pumped water from the Elbe River. The parties likely managed to find a suitable technical and, perhaps, a commercial solution.

Despite the outcome of the ICSID arbitration, Vattenfall's key objective in obtaining the construction permit was successfully reached. The ICSID arbitration highlighted a local government issue bringing it to the attention of the higher authority which resulted in closer cooperation between the federal government and the foreign power company.⁸

Vattenfall vs Federal Republic of Germany II

Vattenfall brought Germany to international arbitration at ICSID for a second time (case ARB 12/12). Vattenfall's claims were arising out of Germany's enactment of legislation to the accelerated phase-out of nuclear power in the country starting 2011.

When the German government decided to exit nuclear power back in 2001, each of the existing nuclear power plants got a quota setting electricity production volumes based on the remaining lifetime and the overall power capacity. After the NPP has produced the electricity in the amount, set by the quota, it had to shut down. The government Act on the structured phase-out of nuclear power for the commercial production of electricity of April 22, 2002, provided no schedule for NPP closures, only limitations in for an amount of electricity left to be produced⁹.

⁸ Schill, S.W. The German Debate on International Investment Law: Mounting Criticism of International Investment Law in Germany // *The Journal of World Investment & Trade*, 2015, No. 1, pp. 1-9.

⁹ Renn, O.; Marshall, J.P. Coal, Nuclear and Renewable Energy Policies in Germany: From the 1950's to the "Energiewende" // *Energy Policy*, 2016, No. 99, pp. 224-232.

The power plants had the right to redistribute amongst themselves their active quotas, so the energy corporations owning several plants could decide on closing some NPP early and simultaneously make additional investments into other NPP, thus extending their lifetime when necessary.

The European “nuclear Renaissance” of the early 2000s prompted the German government to allocate additional residual capacity quotas to the NPPs thus extending their lifetime. This decision made in 2010 being economically sound and substantiated nevertheless turned out to be quite unpopular and even sparked protests of environmental groups. However, Angela Merkel’s government remained firmly attached to the implementation of the Act. But just a few months later in 2011, after the melt-down of the Japanese Fukushima nuclear reactor, the German government has changed its stance on nuclear power. It initiated a reform of the nuclear law, discarding additional allocations of 2010 and setting operational time limits for each nuclear power station, regardless of whether the allocated quotas were used, or not. Several nuclear power plants were shut down immediately¹⁰.

Thus, the rights of energy corporations operating nuclear power plants in Germany were violated twice. They were stripped of quotas that had been allocated earlier and, more importantly, the nuclear power stations were either shut down or operational time limits were imposed on them making it impossible for the energy corporations to use quotas for the residual power generation. Such quotas used to serve as an interim mechanism established by the Gerhard Schroeder government in collaboration with energy companies back in 1998-2000 as part of consultations on the gradual nuclear phase-out. The reached consensus took due account of the economic interests of powerful corporations and provided for the return on investments. The Merkel Cabinet decision of 2011 erased earlier agreements thus depriving energy companies of fair compensations for early closedown of nuclear stations. Vattenfall’s two nuclear power

stations were shut down immediately following the federal government’s decision of 2011.¹¹

Vattenfall went to seek redress before the court. In 2012, the Swedish corporation took legal action and filed a claim against the federal government with the German Constitutional court. Despite the controversy related to the right of the foreign state-controlled legal entity (Vattenfall) to bring a claim against the federal government of Germany at the level of the German Constitutional court, the admissibility of application to the German Constitutional Court was upheld. Apart from ruling on the admissibility, the German Constitutional Court specifically addressed the issue of the legal capacity of the claimant to seek redress via the constitutional complaint and ruled that Vattenfall has the requisite legal capacity. In its decision of December 6, 2016, the Constitutional court recognized the rights of redress and compensation in these cases.¹²

Without awaiting the final judgment by the German Constitutional Court, on May 31, 2012, Vattenfall AB (Sweden) led a group of affiliates in bringing the claim to Germany in international arbitration proceedings at the ICSID in Washington, DC.

Like last time, Vattenfall chose to base its claims on the relevant provisions of the Energy Charter Treaty.

Vattenfall challenged the fair compensation of losses caused by the accelerated shutdown of its Krümmel and Brunsbüttel nuclear power plants after the German Bundestag had adopted the 13th Act amending the Atomic Energy Act in 2011. Vattenfall sued Germany for appr. 4.7 billion Euros, claiming, in addition, the interest at LIBOR plus 400 basis points.

Initially, Germany requested the hearings not be open. However, later the parties agreed to disclose the arbitral proceedings and make them accessible to the public. Currently, the

¹¹ Chrischilles, E.; Bardt, H. Fünf Jahre nach Fukushima: eine Zwischenbilanz der Energiewende // *IW-Report*, 2016, No. 6, pp. 3-39.

¹² Paulus, A.; Nölscher, P. Eigentum und Investitionsschutz nach dem Urteil des Bundesverfassungsgerichts zum Atomausstieg / Investitionsschutz, Schiedsgerichtsbarkeit und Rechtsstaat in der EU. Nomos Verlag, 2018. Pp. 133-168.

¹⁰ Zimakov, A. German Energy Market Transformation: From Nuclear Phase-out to Coal Fired Plants Shutdown // *Contemporary Europe-Sovremennaya Evropa*, 2017, No. 5 (77), pp. 74-85.

legal proceedings on the jurisdiction, the merits, and the amount of compensation are in progress. European Commission has joined the process as *amicus curiae*.¹³

Vattenfall's position appears to rely on the recent judgment by the Federal Constitutional Court that recognized the need for Germany to compensate the investors.¹⁴ As such, the expectations are that Vattenfall stands a fair chance to prevail in its claims against Germany.

Vattenfall had the investment law jurisprudence (multiple arbitral awards that scrutinized the fair and equitable compensation for losses that were sustained by the investors and treaties (the Energy Charter Treaty) on its side as well as the precedent-setting case of 1997 when the Swedish government announced the shutdown of the Barsebäck NPP near Stockholm. E.ON, the German energy corporation with a 50% ownership interest in Barsebäck, was paid a fair compensation due to loss of profits resulting from the plant's shutdown by the Swedish government. E. ON has never contested the fairness of compensation received.¹⁵

Strabag vs Germany

The third ICSID arbitration (ARB/19/29) with Germany is linked to renewable energy support. Strabag SE, an Austrian construction company, together with its affiliates, Erste Nordsee-Offshore Holding GmbH and Zweite Nordsee-Offshore Holding GmbH, demanded compensations from the federal government

following modification of the renewables incentives regime in Germany.

In 2009 Strabag commenced with the development of 16 offshore wind farms projects in the German sector of the Northern Sea with approximately 850 wind turbines to be constructed by 2026. The German government was heavily promoting renewable energy projects at that time. The German Renewable Energy Sources Act¹⁶ of 2000 guaranteed a government-set feed-in tariff for each KWh of green power regardless of the market value.

Such policy proved its effectiveness: the RES share in Germany's power generation was 7% in 2000, but, in 2012, it was already 23% (and 35% in 2018). On the other hand, the government was concerned over growing expenses associated with set feed-in tariff payments to green power producers. Therefore, in 2012, the German Renewable Energy Sources Act was amended significantly and the number of guaranteed grants for RES projects was cut which resulted in the decrease of their investment attractiveness. The RES projects suffered a most serious setback after the Act was revised in 2017 when the legislator introduced an auction system, according to which the government support for renewable energy projects was determined through tenders based on the lowest claimed tariff. Moreover, the 2016 Offshore Wind Energy Act has practically redefined the previous market rules.¹⁷

In light of the constantly evolving German policy, Strabag had to scale down the investing before completely discontinuing it after the adoption of amendments to the Act in 2017. All project costs were written off and the project was closed. Strabag has been trying to recover all the losses associated with the closed project from Germany. Alongside filing an investment claim with ICSID, in 2017 Strabag had submitted 16 (for each closed project) constitutional complaints to the Federal Constitutional Court.

¹³ Trunk-Fedorova, M.P. *Novye tendentsii razvitiia v mezhdunarodnom investitsionnom prave na primere dela Micula protiv Rumynii* (New Development Tendencies in the International Investment Law Based on the Example of the Case of Micula vs. Romania) // *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo*, 2017, No. 1, pp. 37-45.

¹⁴ Feldmann, U. *Arbitrary-peaceful? Consequences of the "Achmea" decision of the ECJ also for the ICSID Arbitration of Vattenfall?* // *Atw. Internationale Zeitschrift fuer Kernenergie*, 2018, No. 63(11-12), pp. 585-586.

¹⁵ Bernasconi-Osterwalder, N.; Brauch, M. *The State of Play in Vattenfall v. Germany II: Leaving the German Public in the Dark / The International Institute for Sustainable Development Briefing Note*, 2014, December, pp. 2-15.

¹⁶ Gesetz für den Ausbau erneuerbarer Energien, EEG, 2000. Mode of access: <https://www.iwr.de/re/iwr/info0005.html>

¹⁷ Kühne, O.; Weber, F. *Conflicts and Negotiation Processes in the Course of Power Grid Extension in Germany* // *Landscape Research*, 2018, No. 43(4), pp. 529-541.

Analysis

The three investment arbitration cases that were brought against Germany and were examined above have one feature in common. They all highlight inconsistent approaches by the federal government of Germany to ensure a stable and predictable legal regime for multi-billion dollar projects within the controversial clean energy transition process in the EU and an attempt to meet foreign investors' legitimate expectations in a rapidly changing regulatory environment that is heavily dominated by political agenda of the federal government of Germany and its EU policy commitments.

The facts and circumstances of each investment arbitration case relate to quite different energy/power profiles – coal plant, nuclear facility, and offshore wind farms. Yet, each case, on its analysis, denotes a particular set of legitimate investor expectations that were breached as a result of the shift in policies by the German federal government within the scope of the clean energy transition policies in the wider EU context.

The notion of legitimate investor expectations is a complex matter for analysis. First, what is legitimate for one investor in terms of expectations may not at all be relevant in terms of expectations for another investor. In addition, the concept of the legitimacy of each single investor expectation can drastically differ from one state to the other. Commentators have taken the view that legitimate expectations include at least three major categories:

- stability of the underlying legal regime for investor's activities;
- representations, undertakings, and warranties (express and/or implied) by the host state;
- contractual obligations from investor-state agreements.¹⁸

It is also true that the legitimate expectation of an investor is an investor-specific legal remedy that in no aspect differs conceptually from the doctrinal and practical application of the notion of the general remedy of the protection of rights. EU law recognizes the separate legal

significance of the legitimate expectations of private persons in their dealings with the state(s) but sets out important tests that are relevant for the analysis of the three arbitration cases that are examined in this article.

First, it is important to ascertain whether the balance of private (investor) and public (state) interests was reviewed by the host state before a decision that has allegedly adversely affected an investor's legitimate expectation was taken. Second, it needs to be clarified whether expectations were measurable, detailed enough, and justifiable with a quantitative degree of precision. Third, it is critical to establish whether an investor was granted real, tangible, and measurable benefits, guarantees, and standards of treatment in reality or by way of declaration only. Forth, it is important to assess whether the cancellation of benefits, entitlements, and guaranties for an investor was prospective (*ex nunc*) or retrospective (*ex tunc*).¹⁹

The review of facts of each of the three cases, albeit not all materials are publicly available for examination due to the closed and confidential nature of investment arbitration proceedings, allows drawing the conclusion that Germany had, first, satisfied itself with meeting the requisite tests to establish whether its legal position *vis-à-vis* the claims of Vattenfall and Strabag could be strong enough to proceed with the institution of the arbitral proceedings and, second, yet somewhat inconsistently weighted the respective significance of EU commitments in the clean energy transition policies and public interests of Germany as the state against the drawbacks that the settlement of investor claims in arbitration or even losing the case(s) in arbitration would mean in monetary terms for the nation as wealthy as Germany.

Conclusions

International investors allocating long-term capital are the key actors of the energy industry. The attraction of substantial investments implies an adequate and predictable investment

¹⁸ Dolzer, R.; Scheuer, C.H. *Principles of International Investment Law*. Oxford: University Press, 2012. Pp. 134-140.

¹⁹ Craig, P. *EU Administrative Law*. Oxford: University Press, 2018. Pp. 612-613; Schwarze, J. *European Administrative Law*. London: Sweet & Maxwell, 2006. Pp. 1154-1159.

climate and an appropriate legal framework of the host country.

Based on the example of Germany, the largest EU economy, the authors sought to bring to light the impact of the social and economic developments in the national energy policy priorities on the number of investment arbitration claims against Germany that compromised itself as a state with a stable and predictable investment climate for foreign investors.

This conclusion has been supported by the analysis of the three relevant ongoing international investment disputes that were referenced in detail in the present paper. The clean energy transition in the EU is not a linear process. It entails rapid changes in national policy and legislation. Many countries bring unforeseen and significant changes to the legal framework, following the new requirements of environmental policy and the logic of the green energy transformation. Such actions, however, may discourage international investment energy corporations as they can be expected to claim that their investor rights and legitimate expectations of the stability and predictability of the legal regime for investment were undermined by host governments. Such steps may negatively impact the financial security of the investors and even influence adversely their current and future investment decisions in transactions with the same host government. It appears to be conventional wisdom that the policy consistency of regulators helps to build investor confidence by reducing regulatory risks and investment uncertainty.

The emerging inconsistencies in various sectors of the EU energy policy and, in Germany's clean energy transition process as a reference example, do not detract from the fact that fair and adequate compensation measures are being ordered by national German courts and by international investment arbitrations. This proves a balanced nature of national litigation and international investment arbitration between international investors and host governments in respect to capital-intensive energy investments.

References:

Belov, V.B. et al. Germany 2019. Moscow: Institut Evropy RAN, 2020. 144 p.; Neukirch, M. Die Energiewende

in der Bundesrepublik Deutschland—Reform, Revolution, oder Restauration? // *Sozialpolitik*, 2018, ch. 1(1), pp. 1-3.

Bernasconi-Osterwalder, N.; Brauch, M. The State of Play in Vattenfall v. Germany II: Leaving the German Public in the Dark / The International Institute for Sustainable Development Briefing Note, 2014, December, pp. 2-15.

Bungenberg, M. A History of Investment Arbitration and Investor-State Dispute Settlement in Germany / Investor State Arbitration Between Developed Democracies. ISA Paper No. 12, 2017.

Chrischilles, E.; Bardt, H. Fünf Jahre nach Fukushima: eine Zwischenbilanz der Energiewende // IW-Report, 2016, No. 6, pp. 3-39.

Craig, P. EU Administrative Law. Oxford: University Press, 2018. Pp. 612-613; Schwarze, J. European Administrative Law. London: Sweet & Maxwell, 2006. Pp. 1154-1159.

Dolzer, R.; Scheuer, C.H. Principles of International Investment Law. Oxford: University Press, 2012. Pp. 134-140.

Feldmann, U. Arbitrary-peaceful? Consequences of the "Achmea" decision of the ECJ also for the ICSID Arbitration of Vattenfall? // *Atw. Internationale Zeitschrift fuer Kernenergie*, 2018, No. 63(11-12), pp. 585-586.

Forzier et al., Resilience of large investments and critical infrastructures in Europe to climate change. Ispra: Joint Research Centre, 2016. 38 p.

Kühne, O.; Weber, F. Conflicts and Negotiation Processes in the Course of Power Grid Extension in Germany // *Landscape Research*, 2018, No. 43(4), pp. 529-541.

Paulus, A.; Nölscher, P. Eigentum und Investitionsschutz nach dem Urteil des Bundesverfassungsgerichts zum Atomausstieg / Investitionsschutz, Schiedsgerichtsbarkeit und Rechtsstaat in der EU. Nomos Verlag, 2018. Pp. 133-168.

Popov, Evgeny. Sovereign Immunity Doctrine and Sovereign Funds: Challenges at Global Scale // *Sravnitel'naya Politika (Comparative Politics Russia)*, 2019, No. 3, pp. 133-147.

Renn, O.; Marshall, J.P. Coal, Nuclear and Renewable Energy Policies in Germany: From the 1950's to the "Energiewende" // *Energy Policy*, 2016, No. 99, pp. 224-232.

Romanin, J. The Vattenfall v. Germany Disputes: Finding a Balance Between Energy Investments and Public Concerns. Bridging the Gap between International Investment Law and the Environment. Eleven Legal Publishing, 2016.

Schill, S.W. The German Debate on International Investment Law: Mounting Criticism of International Investment Law in Germany // *The Journal of World Investment & Trade*, 2015, No. 1, pp. 1-9.

Trunk-Fedorova, M.P. Novye tendentsii razvitiia v mezhdunarodnom investitsionnom prave na primere dela Micula protiv Rumynii (New Development Tendencies in the International Investment Law Based on the Example of the Case of Micula vs. Romania) // *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo*, 2017, No. 1, pp. 37-45.

Vögele, S.; Kunz, P.; Rübhelke, D.; Stahlke, T. Transformation Pathways of Phasing out Coal-Fired Power Plants in Germany // *Energy, Sustainability and Society*, 2018, No. 1.

Zimakov, A. German Energy Market Transformation: From Nuclear Phase-out to Coal Fired Plants Shutdown // *Contemporary Europe-Sovremennaya Evropa*, 2017, No. 5 (77), pp. 74-85.

ВЫЗОВЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИКИ В ЕС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР ПРАКТИКИ ГЕРМАНИИ

Зимаков Андрей Владимирович

*Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО),
Москва, Россия*

Евгений Васильевич Попов

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 11 ноября 2020 <i>Принята к печати:</i> 26 августа 2021</p>	<p>Аннотация: Экологическая трансформация энергетики ЕС открывает широкие инвестиционные возможности для инновационного международного предпринимательства. Однако нелинейность энергетического перехода, а также многоуровневый и комплексный характер процесса трансформации несет экономико-правовые вызовы. С целью их выявления на основе сравнительной методологии проведен анализ трех обращений в международный инвестиционный арбитраж со стороны транснациональных энергетических компаний с исками в отношении стран Евросоюза на примере Германии, как лидера энергетической трансформации. На основе анализа сделан вывод, что стремительные изменения в законодательстве, обусловленные логикой энергетического перехода, приводят к нарушению законных ожиданий инвесторов в обеспечении стабильного и предсказуемого правового регулирования. Тем самым, ставится под сомнение надежность стран ЕС как государств, способных обеспечить предсказуемость и стабильность инвестиционного режима для международных инвесторов.</p>
<p>Об авторах: <i>Зимаков А.В.</i>, к.э.н., научный сотрудник, Центр европейских исследований, ИМЭМО РАН e-mail: zimakov@newmail.ru <i>Попов Е.В.</i>, к.ю.н., доцент кафедры правовых основ управления, МГИМО Университет e-mail: evgueny.popov@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: энергетический переход; Евросоюз; международный инвестиционный арбитраж; инвестиционный спор; Германия; МЦУИС</p>	

Для цитирования: Zimakov, A.V.; Popov, E.V. EU Clean Energy Transition and Challenges for International Investors: Comparative Review of German Practice // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 47-55.
DOI: DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10039

For citation: Zimakov, A.V.; Popov, E.V. EU Clean Energy Transition and Challenges for International Investors: Comparative Review of German Practice // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 47-55.
DOI: DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10039

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10040

FOREIGN RELATIONS IN CENTRAL ASIA: A COMPARISON BETWEEN THE SOVIET AND POST-SOVIET ERA

Enayatolah Yazdani

Sun Yat-sen University, P.R. China

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 15.08.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 13.09.2021</p>	<p>Abstract: Central Asia’s pivotal geographical position allowed it to play an essential role in relations among nations of Eurasia in the Middle Ages as the bridge between China and Europe. Yet, during the Russian and then the Soviet rule in Central Asia, the region’s republics had no independent position in international relations as foreign affairs was formed and managed by the central government in Moscow. The collapse of the Soviet Union in 1991 made salient the geopolitical, economic, and cultural importance of the five former Soviet Central Asian republics. They reemerged as independent actors in the global interstate system and could have played a significant role in international affairs during the last three decades. The article aims to discuss the Central Asian region’s position in the Soviet and post-Soviet eras. It explores how Central Asia as a “closed” region during the Soviet period changed its geopolitical position and became an influential actor in global affairs. In addition, the article addresses factors that have played important role in globalizing Central Asia.</p>
<p>About the author: Ph.D., Associate Professor of International Relations, School of International Studies, Sun Yat-sen University, Zhuhai Campus</p> <p>e-mail: yazdani@mail.sysu.edu.cn</p>	
<p>Key words: foreign relations; Central Asia; Soviet; post-Soviet era; China</p>	

Central Asia, consisting of five republics – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan, – as a geopolitical region has had a long history, whose legacy after three decades is still felt and continues to influence its politico-economic life and particularly its relations with the global community. Yet, for about 150 years the region’s history has been associated with Russian and particularly Soviet history. Indeed, the Central Asia region had become part of the USSR. As a result, the region’s republics had no independent position in the international community as they did not have the right to establish relations with other countries: foreign affairs were managed by the central government in Moscow.

After the collapse of the Soviet Union in 1991 the situation changed. The Central Asian republics again rose to prominence in geopolitical and strategic calculations. The republics reemerged as independent actors in the global interstate system. In addition to the region’s geopolitical changes, some factors also contributed to the more visible role of the

republics in international politics and outside powers’ influence and competition in the region.

The article aims to discuss the Central Asian region’s position in the Soviet and post-Soviet eras. It explores how Central Asia as a “closed” region during the Soviet period changed its geopolitical position and became an influential actor in global affairs. In addition, the paper addresses factors that have played important role in globalizing Central Asia.

Geopolitics of Central Asia: preliminary observations

Central Asia is a part of the “Heartland” (in Mackinder’s theory) and its pivotal geographical position allowed it to play an essential role in relations among nations of Eurasia in the Middle Ages, as the bridge between China and Europe.¹ In modern history,

¹ MacKinder, H.J. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. London: Constable and Co. Ltd, 1919.

its importance grew as the great powers of the time (Russia and Britain) sought power and influence along its borders.² In the Bolshevik revolution of 1917 and subsequent 70 years of Soviet rule the republics did not play any role in international relations. With the Soviet Union's collapse in December 1991 the Central Asian republics again rose to prominence in geopolitical and strategic calculations. Indeed, in the post-Cold War era, Central Asia's geostrategic importance and natural resource potential have made it a focus of attention in Eurasian geopolitics.³ Any consideration of its republics' international politics has to be based on geopolitical, religious, economic, and regional realities.

The emergence of independent states in Central Asia has both literally and figuratively changed the map of Asia and affected the world, particularly the surrounding regions, especially the Middle East, South, and West Asia. The region borders Russia in the north, Iran, and Afghanistan in the south, China in the east, and the Caspian Sea in the west (*see Pic. 1*). This geographical location has made it strategically important. Furthermore, it is located at the center of Eurasia, connecting Eurasia not only from East to West but also from South to North. More importantly, it is surrounded by four major world civilizations: Christian, Confucian, Islamic and Hindu, and Asian powers, Russia, China, and India. In addition, the region lies at the strategic juncture among four nuclear powers, Russia, China, India, and Pakistan. In the meantime, another aspect of the region's geopolitical importance should not be overlooked i.e. the rise of political and commercial competition over the energy resources, namely oil and natural gas, and particularly the routes for export pipelines.⁴

Such a geopolitical position (*see Pic. 1*)

is a significant factor that has not only made the region attractive to the outside world but also placed it at the global challenge, especially after the 9/11 events. In particular, if the clash of civilizations foretold by S.P. Huntington materializes as the latest phase in the evolution of conflict in the modern world, the role this region could play is undeniable due to its special location.⁵

Picture 1.

Central Asia's Geopolitical Position Map⁶

Central Asia is a “closed region”: no foreign relations

The Central Asian region has had a long history, whose legacy after three decades is still felt and continues to influence its politico-economic life and particularly its relations with the outside world. For more than three thousand years this region has been a crossroads for major ethnic migrations. Central Asia was predominantly inhabited by nomadic and sedentary tribes, composed of a variety of ethnic groups. The Tajiks are closely related to the Persians, Kazaks are of Turkic-Mongol origin, and also the Uzbeks who also spread across the virtually nonexistent border into northern Afghanistan; the Turkmens and Kyrgyz were also Turkic, and all could reasonably be described as ‘backward’, especially technologically, compared to their

² Rahimov, R. Geopolitics and Conflict Potential in Central Asia and South Caucasus / *Geopolitical Monitor*, May 25, 2018. Mode of access: <https://www.geopoliticalmonitor.com/geopolitics>

³ Fuller, G.E. Central Asia's geopolitical future // *Post Soviet Prospects*, 1994, Vol. II, No. 8, pp. 56-60.

⁴ Tokaev, K. The major Geopolitical Challenges of Central Asia Today / Palais d'Egmont, Brussels, October 30, 2003; Arvanitopoulos, C. The Geopolitics of Oil in Central Asia // *Thesis*, 1997/1998, Vol. 1, No. 4, pp. 18-27.

⁵ Huntington, S.P. The Clash of Civilizations // *Foreign Affairs*, 1993, Vol. 72, No. 3, pp. 22-28; Kadivar, J. Iran and Its Region Post-11 September. Mode of access: <http://www.asialink.unimelb.edu.au/cpp/transcripts/kadivar200203.html>

⁶ Mode of access: http://www.lib.utexas.edu/maps/commonwealth/caucasus_cntrl_asia_pol_95.jpg

Russian conquerors.⁷ In such circumstances, it was not easy for them to develop a counterpart to European nationalism. The entire region was run as two governments, with roughly the present-day Kazakhstan being the 'steppe' governorate, and the rest – 'Turkestan' – under the influence of the main oasis states, namely Merv (Turkman), Khiva (mostly Turkmen and Uzbek), Bukhara (including Samarkand, a synthesis of Uzbeks and Tajiks), and Kokand (including Tashkent, mainly Uzbek). Among them, the Emirates of Bukhara and Khiva were the major political and cultural centers, both were established in the early 16th century.⁸ Turkestan society was feudal, overwhelmingly illiterate, and backward in its agricultural practices. Warfare between the nomadic tribes over grazing land, and between the nomads and the settled areas was endemic. Slavery was institutional, the Turkmens, in particular, made a living by robbing trading caravans and raiding adjacent areas, especially northern Iran, to abduct travelers and inhabitants and sell them in the slave markets of Bukhara and elsewhere. From the religious point of view, as discussed below, apart from the Pamiris, who were mostly Ismaili Shiite, the great majority of Central Asians were Sunni Muslims of the *Hanafi* School of Islamic law (*madhhab*), one of four such schools within Sunni Islam.⁹

Furthermore, the region was a meeting place for the great civilizations of the ancient world and Middle Ages – Persian, Indian,

Chinese, and Islamic. After the diffusion of civilization westward and eastward, the most convenient overland routes linking the Mediterranean world, India, Persia, and China led through Central Asia. As long as these routes remained the principal arteries of trade and communication among the four major centers of civilized life, Central Asia was assured a leading role in world history.¹⁰ The area has also long been an arena of great-power rivalry at various times involving the Persian, Arab, Mongol, Ottoman, and Russian empires, and also China along its eastern margins.¹¹

For more than one and half centuries Central Asia was predominantly under Russian and then Soviet rule. In fact, for most of Central Asia's history, its politics have been shaped by Russia and the Soviet Union, at least as much as by internal forces. Russia has had a long history of contact with Central Asia and the cultural, social, economic, and political characteristics of the region were greatly influenced by Russian politics, economy, and culture.

Russian rule in Central Asia was based on specific strategic, economic, political, and cultural imperatives. Strategically, Central Asia became important during the 19th century. Indeed, in that period the conquest of the region took place in the context of wider international struggles.¹² The occupation of Central Asia brought Russia closer to India, a British colony, a land of enormous economic potential, and a corridor towards the world market. This southward advance alarmed the British government, so some British politicians began to speak of a Russian threat to India, while Russia in turn characterized Britain as a real threat to its interests in the area.¹³ This

⁷ Baumer, C. *History of Central Asia*, I.B. Tauris, 2018; Jukes, G. *The Soviet Union in Asia*, Sydney: Angus and Robertson, 1973. P. 35; Becker, S. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924*, Cambridge: Harvard University Press, 1968. Pp. 67-83.

⁸ Jukes, G. *The Soviet Union in Asia*, Sydney: Angus and Robertson, 1973. P. 35.

⁹ Stacey, A. *Islam in Central Asia, The Religion of Islam*. September 2019. Mode of access: <https://www.islamreligion.com/articles/11398/viewall/islam-in-central-asia>; Jordan, P. *Islam in Central Asia: A Religion and a Heritage / Young Historians Conference*. 3, February 21, 2012. Mode of access: <https://pdxscholar.library.pdx.edu/younghistorians/2012/oralpres/3>; Black, A. *The History of Islamic Political Thought: From the Prophet to the Present*, New York: Routledge, 2001. Pp. 33-37. The other three schools of Sunni Islam are the Shafai, the Hanbali and the Maliki.

¹⁰ Becker, S. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924*, Cambridge: Harvard University Press, 1968. Pp. 3-24.

¹¹ Hunter, S.T. *Central Asia since Independence*, London: Praeger, 1996. Pp. 3-19.

¹² Becker, S. *The Muslim East in Nineteenth Century Russian Popular Historiography // Central Asian Survey*, 1986, Vol.5, No. 3/4, pp. 25-47.

¹³ Boulger, D.C. *England and Russia in Central Asia*, 2 Vols, London: W.H. Allen and Co., 1879; Anwar Khan, M. *England, Russia and Central Asia: A Study in Diplomacy 1857-1878*, Peshawar: University Book Agency, 1963; *Johnson, R.A. Russians at the Gates of India: Planning the Defence of India, 1885-1900 // The*

situation led both powers toward conflict. In this connection, Central Asia played a strategic role for each to counter the other's perceived threat by creating a form of strategic diversion associated with cross-border subversion; this Anglo-Russian competition was known as the 'Great Game'.¹⁴

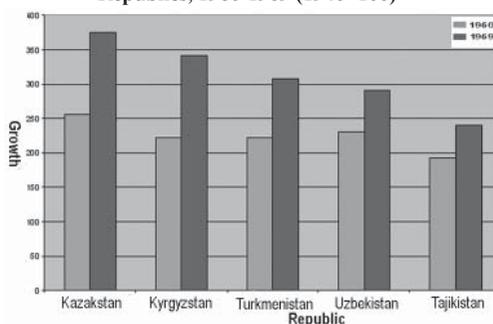
The Russian revolution of October 1917 occurred within an ideological framework that opened the way for new local elites and political bodies to emerge. The Central Asians had received the revolution with mixed sentiments. Nationalist Muslims tried to use this opportunity to gain independence, but moderate Muslim groups preferred to have the support of the new Soviet regime.¹⁵

Politically, the republic's communist party was part of the Communist Party of the Soviet Union and the republics were ruled by the political and financial power of the center. None of the Central Asian Republics until 1991 has experienced sovereignty neither these states had a background of independent nationhood. The republics' economic structure was determined by centralized Soviet planning. The region's economy was tied to Moscow because the USSR was a single economic space, in which all Soviet republics were to a greater or lesser extent dependent on each other. Parts and raw materials for Central Asia's industries were imported from elsewhere in the USSR. The Soviet era also brought forced collectivization and migration that deeply changed Central Asian

ways of life. Soviet resettlement programs and political expulsions brought large numbers of non-indigenes to the region, while collective farming and agricultural quotas initially came close to destroying the local economies and land. However, Soviet rule of Central Asia also brought some considerable progress, including the development of agriculture and to some degree industry, and significant achievements in culture, science, education, and public health, as discussed below (see Figure 1), and in addition, provided some access to wider markets for Central Asian products.¹⁶ Askar Akayev, former president of Kyrgyzstan, had said in this respect: "Those citizens of the Central Asian countries who possess good common sense and are free from nationalistic prejudices are well aware of Russia's positive role in developing the region. The Soviet epoch was a sort of Renaissance for Central Asia in terms of public health services, culture, education, and science."¹⁷

Figure 1.

Growth of Industrial Activity in the Central Asian Republics, 1960-1969 (1960=100)¹⁸

Journal of Military History, 2003, Vol. 67, No. 3, pp. 697-743.

¹⁴ The term 'Great Game' was coined by an official in the nineteenth-century British Indian Empire, referring to the major regional powers' competition to dominate Central Asia, where empires historically have rubbed together at the center of Eurasia. It was a struggle for dominance over land and populations whose value lay in their location between the Russian and British Empires. See: Hopkirk, P. *The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia*, New York: Kodansha International, 1994.

¹⁵ Morrison, A. "Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial". *EurasiaNet* October 26, 2017. Mode of access: <https://eurasianet.org/central-asia-and-the-bolshevik-revolution>; Miller, M.A. ed. *The Russian Revolution: The Essential Readings*, New York: Blackwell, 2001.

Russian and Soviet rule in Central Asia widely affected the region's culture, economics, and politics, and created a relationship of strong dependency between the local nations and the Russian/Soviet state. The region's politico-

¹⁶ Freni, S.J. *The Soviet Nationality Policy in Central Asia* // *Inquiries Journal/Student Pulse* 5.03.2013. Mode of access: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=731>; Kasenov, U. *Post-Soviet Modernization in Central Asia: Realities and prospects*. In B. Rumer and S. Zhukov, eds., *Central Asia: The Challenges of Independence*, New York: M E Sharpe, 1998. Pp. 28-53.

¹⁷ Akayev, A. *Whither Central Asia* // *Russia in Global Affairs*, No. 4, October/December 2003.

¹⁸ Data source: Jukes, G. *The Soviet Union in Asia*, Sydney: Angus and Robertson, 1973. P. 40.

economic and social structure was shaped in a centrist manner. Therefore, one can assume that Central Asia was in fact, a “closed region”, with no position and no role to play in international relations.

**The post-Soviet Central Asia:
a move towards global connectivity**

The collapse of the Soviet Union in 1991 made salient the geopolitical, economic, and cultural importance of the five former Soviet Central Asian republics. As a result, Central Asia, a closed and hard-to-reach region of Eurasia, once again achieved a significant position on Eurasia’s map, with an increased geopolitical and strategic weight of the region. The independence of the republics and Russia’s partial withdrawal from Central Asia changed the geopolitics of the region from a closed area to one opening up to other interested foreign actors. Accordingly, as mentioned earlier, a region that in the Cold War era remained in the background of international politics after independent Central Asia attracted the attention of the global and regional powers. On the other hand, the Soviet Union’s breakdown changed the geopolitics of Central Asia, placing it firmly in a new geopolitical and geo-economic context. Accordingly, it started to gain prominence in the strategic objectives and politico-economic ambitions of many extra-regional powers.¹⁹ Indeed, Central Asia’s new environment, its strategic location, and enormous natural resources made it an area where some other states, such as the Russian Federation, China, Turkey, Iran, Pakistan, India, Saudi Arabia, Japan, Israel, and the European Union (EU) could compete.

The republics became free to “pursue their own individual policy lines towards religion, politics, the economy and anything else for that matter.”²⁰ Geopolitically, Central

Asia is important due to its strategic position. Economically, as mentioned earlier, some of the republics, notably Kazakhstan, Turkmenistan, and to some extent Uzbekistan, sit on vast natural resources, notably oil and gas, as well as gold and uranium are also present. These two important characteristics have impelled regional and international powers to seek roles in the region’s republics, and exploit their economic and political problems to gain influence. Consequently, these republics have become a new strategic area in post-Cold War international politics and economics.²¹

Independence brought the formal establishment of foreign embassies along with rapid development of communication between the republics and the Middle East, South Asia, East Asia, Western Europe, and the United States. The rivalry between various forces in the region added to friction and historical grievances within the CIS.²²

The Central Asian republics’ orientation to the outside world greatly affects the power and national security planning of neighboring and other states, principally the United States, Russia, China, Iran, Turkey, Saudi Arabia, India, and Pakistan. How these actors have acted in Central Asia can influence geopolitical alignments in the region. It is also important to grasp, how these states and others whose interest is acute though less direct, (for example, the EU, Japan, Israel, and Saudi Arabia), position Central Asia into their strategic thinking.²³ The initial power vacuum created by the collapse of the Soviet Union has pulled regional states and some international

¹⁹ Anceschi, L. Post-Soviet Central Asia: The Changing Politics of Leadership Transition // *Aspen Review*, 2014, No. 2. Mode of access: <https://www.aspen.review/article/2017>

²⁰ Olcott, M.B. Islamic Consciousness and Nationalist Ideology in Central Asia: What Role for Foreign Actors? In: *From the Gulf to Central Asia: Players in the New Great Game*. Ed. by A. Ehteshami. Exeter: University of Exeter press, 1994. Pp. 6-24.

²¹ Ze, S. Situation in Central Asia and Transcaucasia and Its Prospect at Threshold of the New Century // *Marco Polo Magazine*, 1998, No. 3, pp. 1-6.

²² Russia, China Share Positions on CIS Relations // *BBC Monitoring Former Soviet Union*, London, 23 March 2004. P. 1; Gladkyy, O. American Foreign Policy and US Relations with Russia and China after 11 September // *World Affairs*, 2003, Vol. 166, No. 1, pp. 3-24; Menon, R. *The New Great Game in Central Asia* // *Survival*, 2003, Vol. 45, No. 2, London, pp. 187-210; Hunter, S.T. *Iran’s Pragmatic Regional Policy* // *Journal of International Affairs*, 2003, Vol. 56, No. 2, pp. 133-147.

²³ Bharti, S.S. Central Asia as a Region in International Relations, September 2020.

actors into an intensive competition for power and influence in the area. Each has had specific objectives and the competition has economic, political, ideological, and religious dimensions.

The Central Asian leaders strongly believed that they were part of a Eurasian macroregion, geographically in Asia, but culturally, politically, and economically part of Eastern Europe, and realized that they needed to redefine their identity when the USSR ceased to exist, to position themselves in the global community and develop their relations with it.²⁴

To promote these objectives they needed to strengthen their independence, maintain sovereignty, and give high priority to national consolidation and security.²⁵ Their priorities have appeared to be regime survival and economic restructuring, with foreign policy considerations relevant only if they support these objectives.²⁶ Their poor economic performance, particularly in the early years of independence, progressively convinced them that they needed help wherever they could get it.²⁷ Furthermore, securing foreign investment to develop their oil and gas industries was an important foreign policy issue, particularly for Kazakhstan and Turkmenistan. To overcome their economic problems and reduce politico-economic and military dependence on Russia, they opened doors for extra-regional states.²⁸

²⁴ Ayoob, M.; Ismayilov, M. *Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus*, London: Routledge, 2017; Jo-Ann, G. ed. *Muslims in Central Asia: Expressions of Identity and Change*, Durham: Duke University Press, 1992.

²⁵ Vassiliev, A. ed. *Central Asia: Political and Economic Challenges in the Post-Soviet Era*, London: Saqi Books, 2001. Pp. 31-37.

²⁶ Tulyakov E.; Khakimov, F. *Friendly Cooperation with Central Asian States: A Priority Direction of Uzbekistan's Foreign Policy // Caspian Policy Center*, March 29, 2021.

²⁷ Qazi, M.Sh. *Central Asia: Crossroads for Global Economic Stratagem // Journal of Political Studies*, 2015, Vol. 22, pp. 289-301.

²⁸ Kakharov, J. *Uzbek-Russian Economic Relations and the Impact of the Russian Economic Performance on Uzbekistan's Growth and Foreign Trade // Central Asia and the Caucasus*, 2004, Vol. 25, No. 5, pp. 167-172; Kliashstorni, J.V.S. *Russia and Kazakhstan: Geopolitical Alternatives and Civilization // Central Asia and the Caucasus*,

In this connection, former Uzbek President Karimov stated: "Relying on their internal resources and possibilities, [the republics] are searching for a solution to these problems with the support of interested parties in the world community."²⁹ At the same time, the region's economic and market potential has attracted the outside world's attention, especially the energy resources of the Caspian Sea. M.B. Olcott in the early 1990s pointed out: "Now the outside world could be let in, and each of the leaders saw the arrival of the international community as his salvation. Foreigners would help generate the capital that economic development required, through the purchase of energy and other valuable raw materials, through international funding (in part through joint ventures) Soviet-era plans for resource extraction as well as through the further expansion of these projects, and through the use of foreign aid, international credits, and joint ventures to reform agriculture and to modernize and expand the industrial base."³⁰

Since 1991 the Central Asian states have established diplomatic relations with many countries. In 1992 they all joined the UN, the Organisation for Security and Cooperation in Europe (OSCE), and the Economic Cooperation Organisation (ECO), while Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan also joined the Organisation of Islamic Conference (OIC), with Kazakhstan and Uzbekistan following in 1995.³¹ In 1994 all

2003, Vol. 24, No. 6, pp. 112-119; Anderson, *The International Politics of Central Asia*, Manchester: Manchester University Press, 1997.

²⁹ Karimov, I. *Uzbekistan on the Threshold of Twenty-First Century*, New York: St. Martin's Press, 1997. P. 29.

³⁰ Olcott, M.B. *Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy, and Regional Security*, Washington: United States Institute of Peace, 1996. P. 5.

³¹ ECO is an inter-governmental regional organization, which was established in 1985 by Iran, Pakistan and Turkey for the purpose of sustainable socio-economic development of the Member States. The Organization of the Islamic Conference (OIC) was formed in 1969 after the burning of the al-Aqsa Mosque in Jerusalem, with the idea that Islamic governments should 'consult together with a view to promoting close cooperation and mutual assistance in the economic, scientific, cultural and spiritual fields, inspired by teachings of Islam.'

Table 1.

Participation of Central Asian Countries in Organisations for Regional Cooperation, 2002*

Country	SCO	EEC	CSTO	CICA	ECO	CACO	PfP
Kazakhstan	X	X	X	X	X	X	X
Kyrgyzstan	X	X	X	X	X	X	X
Tajikistan	X	X	X	X	X	X	X
Turkmenistan**					X		X
Uzbekistan	X			X	X	X	X

* Strategy Paper 2002-2006 and Indicative Program 2002-2004 for Central Asia, European Commission, 30 October 2002. P. 5.

SCO: *Shanghai Cooperation Organisation (with Russia and China).*

EEC: *Eurasian Economic Community, ex Customs Union (with Russia and Belarus).*

CSTO: *Collective Security Treaty Organisation.*

CICA: *Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia (with Afghanistan, China, Egypt, Iran, Israel, India, Pakistan, Palestine National Administration, Russia, and Turkey).*

CACO: *Central Asian Cooperation Organisation, ex Central Asian Economic Community.*

** *Due to its policy of neutrality, Turkmenistan has participated in few regional organizations such as PfP Partnership for Peace (with NATO).*

joined the NATO Partnership for Peace (PfP) (see Table 1).³²

However, during the last three decades, the close link between the individual states' domestic policies and foreign relations has also led each down different paths in international relations. For example, Kazakhstan's long border with Russia (6,846 km) and large Russian population, and Tajikistan's dependence on Russian military assistance during and after its civil war, have resulted in considerable interaction with Russia. Instead, Uzbekistan has tried to distance itself from Russia, and Turkmenistan has pursued neutrality.³³ Nevertheless, the republics have devoted and continue to devote considerable effort to forming and implementing their foreign policies. For various reasons, Central Asia has been also of increased importance to a considerable number of regional and extra-regional powers.

Indeed, for the post-Soviet Central Asian

republics, one of the most important issues was to form their foreign relations.³⁴ Immediately after achieving independence, they were concerned to establish a positive image in the eyes of the global community and to promote their self-identity in the international arena, attain membership of regional and international organizations, particularly the UN, establish relations with the outside world, and gain political and financial support to consolidate their independence and reconstruct their economies.

At the same time, some other factors also contributed to the expansion of powers influence and competition in the region.

1) The region has enormous of oil and natural gas, as mentioned earlier, particularly in Kazakhstan and Turkmenistan, and to some extent Uzbekistan. Due to their "energy wealth", Kazakhstan, Turkmenistan, and Uzbekistan have got a prominent space on the global hydrocarbon map. Kazakhstan has proven reserves estimated at 30.0 thousand million barrels (3.9 thousand million tons) of oil and proven natural gas reserves of 35.0 trillion cubic feet (1.3 trillion cubic meters), which constitutes 1.7% and 0.5% of global proven reserves with a reserve to production

³² Tajikistan joined the program in 2001, the 27th country, and the last former Soviet republic, to sign up for NATO's Partnership for Peace program in a ceremony on 20 February 2002. RFE/RL, Prague, 25 February 2002; Akiner, S. *Emerging Political Order in the New Caspian States*. In: *Crossroads and Conflict: Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia*. Ed. by G.K Bertsch, C.B. Craft, S.A. Jones, M. Beck. New York: Routledge, 2000. Pp. 90-128.

³³ Gusev, L. *The Importance of Central Asia for Russia's Foreign Policy* / Italian Institute for International Political Studies, October 3, 2019. Mode of access: <https://www.ispionline.it/en/publicazione>

³⁴ Bremmer, I. *The Post-Soviet Nations after Independence*. In Lowell W. Barrington, *After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States*, Michigan: University of Michigan Press, 2006.

ratio (R/P) of 42.7 years and 40.7 years respectively. Turkmenistan has proven reserves estimated at 0.6 thousand million barrels (0.1 thousand million tons) of oil and proven natural gas reserves of 688.1 trillion cubic feet (19.5 trillion cubic meters), which constitutes 0.05% and 9.9% of global proven reserves respectively with a reserve to production ratio (R/P) of 7.4 years and more than 316.8 years. Uzbekistan has proven reserves estimated at 0.6 thousand million barrels (0.1 thousand million tons) of oil and proven natural gas reserves of 42.7 trillion cubic feet (1.2 trillion cubic meters), which constitutes 0.05% and 0.6% of global proven reserves respectively with a reserve to production ratio(R/P) of 25.4 years and 21.4 years.³⁵

With the region's great natural and human resources and its central location in the rapidly integrating Eurasian economic space, all neighboring countries, but also Europe and the US, share common interests. Nonetheless, interests also diverge, for example, intense attention is now focused on developing and creating access to the energy resources of the region, especially the oil and gas reserves of the Caspian Basin. Russia is interested in maintaining its transport monopoly and preferential access to Central Asia's oil and gas. The EU and the United States want to see more diversified energy transport routes towards the West. China has been looking to develop the pipeline infrastructure towards the East, and India and Pakistan are eager to tap Central Asia's energy resources towards the south.³⁶ Such interest and competition over the region's energy have possibly made Central Asia a new hub for global integration. On the other hand, with agreements on oil and gas extraction, production, and export, the Central Asian countries have succeeded in gaining political visibility on the international stage,

³⁵ Wani, M.I. Central Asia: Locus of World Energy Resources, Greater Kashmir. October 13, 2020. Mode of access: <https://www.greaterkashmir.com/todays-paper/central-asia-locus-of-world-energy-resources>

³⁶ Linn, J.F. Central Asia: A New Hub of Global Integration. Brookings, November 29, 2017. Mode of access: <https://www.brookings.edu/articles/central-asia-a-new-hub-of-global-integration>

and in improving their position in the global economy.

2) Tajikistan Civil war. In May 1992 political and social tensions in Tajikistan escalated to a devastating civil war.³⁷ Indeed, in 1992, Tajikistan was engulfed in civil war, with different interest groups vying for control of the state. The civil war lasted for about 5 years until June 1997. Russia considered Tajikistan's civil war a direct threat to Russia's national security and intervened. To the press and public, Moscow's officials spoke of fears that an opposition victory in Tajikistan would lead to the spread of instability all over Central Asia. To prevent the spread of civil war to the rest of the area, Russia got directly involved in the conflict, believing that if Russia were to "pull out from Tajikistan, a wave of destabilization may sweep through the whole of Central Asia, which [was] the underbelly of Russia."³⁸ Furthermore, the Kremlin was worried about Tajikistan's long border with Afghanistan (1,206 km) and signed an agreement with the Tajik government, by which Russia would provide border guard in Tajikistan.

3) Central Asia as a part of the Islamic World. When the Central Asian republics became independent, it was widely expected that their isolation from the Islamic World would end, and they would rapidly develop multilateral relations.³⁹ But it soon appeared that, although the region's states have sought to expand relations with some Islamic countries, they have not tried to play the "Islam card" in their foreign relations.⁴⁰

³⁷ Epkenhans, T. The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism, and Violent Conflict in Post-Soviet Space, London and New York: Lexington Books, 2016. Pp.19-22.

³⁸ Foreign Broadcast Information Service Daily Report: Central Eurasia / FBIS: FSU, January 30, 1996. P. 17. Jonson, L. The Tajik War: A Challenge to Russian Policy / Discussion Paper 74, Royal Institute of International Affairs, London, 1998. P. 54.

³⁹ Voll, J.O. Central Asia as a Part of the Modern Islamic World. In Central Asia in Historical Perspective. Ed. by B.F. Manz. Boulder: Westview Press, 1994. Pp. 62-81.

⁴⁰ Mirovalev, M. Why Can't Central Asia "reunite" with the Muslim world? TRT WORLD, December 9, 2020. Mode of access: <https://www.trtworld.com/magazine/why-can-t-central-asia->

The Muslim world's interests in Central Asia can be divided into three categories: political, ideological, and economic.⁴¹ The motivations of Muslim countries in exploring the potential for new relations with the Central Asian republics are mainly political, though Central Asia's potential as a market and its resources of oil and gas have also played a part. Some Islamic states have attempted to deal with the region through their ideological model; and there has been a kind of ideological competition between their political establishments, Turkey emphasizing its secular model, Saudi Arabia supporting strict Wahhabism, and Iran showing little interest in political Islam.⁴²

The leading Muslim countries vying to maximize their influence in the region are Iran, Saudi Arabia, and Turkey, and to a lesser extent, Pakistan, and Afghanistan.

4) The events of September 2001 and the war on terror. The 9/11 events, the subsequent anti-terrorist campaign in Afghanistan, and US military deployment in Central Asia had attached a new geopolitical and geostrategic importance to the region. Although Washington was attempting to extend its military influence in the region long before September, 11 it became a strategic platform for the projection of US military power in 'Operation Enduring Freedom' elevating its strategic significance in the new post-9/11 security paradigm.⁴³

Indeed, one can assume that the terrorist attacks and the subsequent war in Afghanistan brought the world's attention to Central Asia. These events had a significant effect on the political landscape of the Central Asian states, which to varying degrees became Washington's allies against Taliban rule in Afghanistan and the Al-Qaeda terrorist network. The US

reunite-with-the-muslim-world-42210; Akiner, S. Islam in the Newly Independent Central Asian States in the 1990s // *Harvard International Review*, Spring 2000, pp.62-65.

⁴¹ Robins, P. The Middle East and Central Asia. In: *The New Central Asia and Its Neighbours*. Ed. by P. Ferdinand. London: Pinter Publishers, 1994. Pp. 123-141.

⁴² Ibid.

⁴³ Giragosian R.; McDermott, R.N. US Military Engagement in Central Asia: Great Game or Great Gain? // *Central Asia and the Caucasus*, 2004, Vol. 25, No. 1, pp. 53-61.

military presence in the 'heart of Asia' has renewed interest in its geostrategic importance.⁴⁴ Washington saw vital national security and economic interests in the region. Meanwhile, the region's geopolitics was transformed by the stationing of the US military near the borders of China, Russia, and Iran. The war led to the establishment of two US military bases in the region: Khanabad in Uzbekistan and Manas in Kyrgyzstan.

5) Initiating regional organizations and programs. Regional organizations are established to foster mechanisms of cooperation among states willing to develop their common belonging to a geographical space, a geopolitical entity, or an economic bloc and enhanced their global position.⁴⁵ The Central Asian republic have been and still are members of several regional organizations, including the Organization of Islamic Cooperation (OIC), the Economic Cooperation Organization (ECO), the Commonwealth of Independent States (CIS), The Collective Security Treaty Organization (CSTO), the International Fund for Saving the Aral Sea (IFAS), NATO Partnership for Peace (PfP) Programme, the Eurasian Economic Community (EurAsEc), The Shanghai Cooperation Organization (SCO), Central Asian Cooperation Organization (CACO), Central Asian Nuclear Weapon Free Zone (CANWFZ), the Eurasian Development Bank (EDB).

In the framework of the abovementioned organizations, a fundamental step towards Central Asia globalization has been taken. Indeed, the membership in these organizations has provided an opportunity for the region's republics to shore up their legitimacy on both the domestic and international fronts.⁴⁶

⁴⁴ Mackinnon, A. Central Asia Braces for Fallout of U.S. Pullout from Afghanistan // *Foreign Policy*, July 16, 2021.

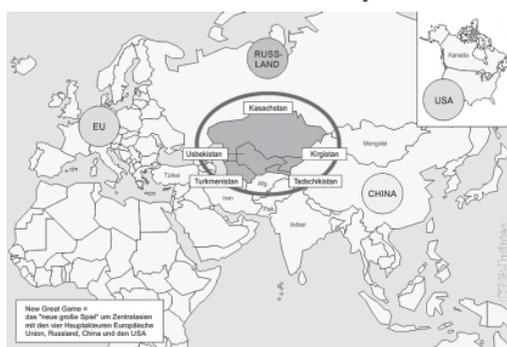
⁴⁵ Laruelle M.; Peyrouse, S. Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency Marlene Laruelle and Sebastien Peyrouse, Central Asia University, Working Paper, 2012, No. 10, 2012. P. 5.

⁴⁶ Moylan, T. Regionalism in Central Asia / E-International Relations, July 28, 2013. Mode of access: <https://www.e-ir.info/2013/07/28/regionalism-in-central-asia>

6) The role of globalization. With the leading nature of economic, technological, and cultural components, globalization has gradually deepened mutual interdependence between the nations.⁴⁷ In the late 1990s, observers believed that globalization could offer the Central Asian republics “numerous benefits” in terms of economic, social, political, and international development.⁴⁸ Globalization indeed has provided a better opportunity for the Central Asian republic to integrate into regional and global affairs.

Picture 2.

The New Great Game Map⁴⁹

Consequently, the region opened up to international politics. This situation provided an opportunity for the region’s republics to gain a position in the international arena and establish relationships with the majority of the states. In addition, Central Asia republics became members of many regional and global organizations. Such membership has provided the republics with an opportunity to get politico-economic help and assistance to resolve their internal problems. At the same time, due to Central Asia’s geopolitical

and geostrategic position and its enormous energy resources, the region has gained a vital place in the regional and global power’s foreign policy begetting a “New Great Game”. The New Great Game refers to the conceptualization of modern geopolitics in post-Soviet Central Asia. This is characterized by the competition between regional and global powers in Central Asia and involves countries such as Russia, the United States, China, India, EU, Iran, Turkey, Pakistan, and some other states (see Pic. 2).

Conclusion

This paper demonstrated that during the Soviet Union the Central Asian republics never gained a chance to establish a relationship with the outside world. More importantly, Central Asia was a “closed region” and had no place on the Eurasia geopolitical map. The Soviet Union’s disintegration provided the Central Asian republics with opportunities to establish their foreign relations. The paper argued that in the post-Soviet era, due to the need for nation-state-building, international legitimacy, technical and economic assistance, and security, the states have been attempting to join the international community through establishing relationships with a broad spectrum of countries and joining international and regional organizations.

In addition, the growing international attention to the area shows that it has gained new geostrategic importance. The article also explored how the region’s geopolitical importance, energy resources, economic and political problems have made the outside world pay attention to it and rush to establish relations with the independent republics during the latest three decades. As a result, Central Asia has become an area of geopolitical competition for regional and international powers which is known as the “New Great Game”. This has contributed to the globalizing of Central Asia in the post-Soviet era. In addition, Central Asia became a place where several regional and global powers engage simultaneously and for a variety of reasons. Therefore, Central Asia which once was closed and an unreachable region opened up and integrated with the international community.

⁴⁷ Council for European Studies (CES), Central Asia in the Age of Connectivity, Europe Now Journal, June 2018. Mode of access: <https://www.europenowjournal.org/2018/06/04/central-asia-in-the-age-of-connectivity/>; Elma F.; Gurbanov, S. Central Asia in the Globalization Process: Comparative Analysis of Human Development and Socio-Economic Situation // SSRN Electronic Journal, January 2012.

⁴⁸ Jafalian, A. Globalization through Oil and Gas: Central Asia’s Predicament // *Tla-melau*, 2020, Vol.13, No.47, October 7.

⁴⁹ Mode of access: <http://crp-infotec.de/asien-geopolitische-paramete>

References:

- Akayev, A.* Whither Central Asia // *Russia in Global Affairs*, No. 4, October/December 2003.
- Akiner, S.* Emerging Political Order in the New Caspian States. In: *Crossroads and Conflict: Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia*. Ed. by G.K Bertsch, C.B. Craft, S.A. Jones, M. Beck. New York: Routledge, 2000. Pp. 90-128.
- Akiner, S.* Islam in the Newly Independent Central Asian States in the 1990s // *Harvard International Review*, Spring 2000, pp. 62-65.
- Anderson, J.* The International Politics of Central Asia, Manchester: Manchester University Press, 1997.
- Anwar Khan, M.* England, Russia and Central Asia: A Study in Diplomacy 1857-1878, Peshawar: University Book Agency, 1963.
- Arvanitopoulos, C.* The Geopolitics of Oil in Central Asia // *Thesis*, 1997/1998, Vol. 1, No. 4, pp. 18-27.
- Ayoob, M.; Ismayilov, M.* Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus, London: Routledge, 2017.
- Baumer, C.* History of Central Asia, I.B. Tauris, 2018;
- Jukes, G.* The Soviet Union in Asia, Sydney: Angus and Robertson, 1973.
- Becker, S.* Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924, Cambridge: Harvard University Press, 1968. Pp. 67-83.
- Becker, S.* The Muslim East in Nineteenth Century Russian Popular Historiography // *Central Asian Survey*, 1986, Vol.5, No. 3/4, pp. 25-47.
- Becker, S.* Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865-1924, Cambridge: Harvard University Press, 1968. Pp. 3-24.
- Black, A.* The History of Islamic Political Thought: From the Prophet to the Present, New York: Routledge, 2001. Pp. 33-37.
- Boulger, D.C.* England and Russia in Central Asia, 2 Vols, London: W.H. Allen and Co., 1879.
- Bremmer, I.* The Post-Soviet Nations after Independence. In Lowell W. Barrington, *After Independence: Making and Protecting the Nation in Postcolonial and Postcommunist States*, Michigan: University of Michigan Press, 2006.
- Epkenhans, T.* The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism, and Violent Conflict in Post-Soviet Space, London and New York: Lexington Books, 2016. Pp.19-22.
- Fuller, G.E.* Central Asia's geopolitical future // *Post Soviet Prospects*, 1994, Vol. II, No. 8, pp. 56-60.
- Giragosian R.; McDermott, R.N.* US Military Engagement in Central Asia: Great Game or Great Gain? // *Central Asia and the Caucasus*, 2004, Vol. 25, No. 1, pp. 53-61.
- Gladky, O.* American Foreign Policy and US Relations with Russia and China after 11 September // *World Affairs*, 2003, Vol. 166, No. 1, pp. 3-24.
- Hopkirk, P.* The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia, New York: Kodansha International, 1994.
- Hunter, S.T.* Central Asia since Independence, London: Praeger, 1996. Pp. 3-19.
- Hunter, S.T.* Iran's Pragmatic Regional Policy // *Journal of International Affairs*, 2003, Vol. 56, No. 2, pp. 133-147.
- Huntington, S.P.* The Clash of Civilizations // *Foreign Affairs*, 1993, Vol. 72, No. 3, pp. 22-28; Kadivar, J. Iran and Its Region Post-11 September. Mode of access: <http://www.asialink.unimelb.edu.au/cpp/transcripts/kadivar200203.html>
- Jafalian, A.* Globalization through Oil and Gas: Central Asia's Predicament // *Tla-melaua*, 2020, Vol. 13, No. 47, October 7.
- Jo-Ann, G.* ed.. Muslims in Central Asia: Expressions of Identity and Change, Durham: Duke University Press, 1992.
- Johnson, R.A.* Russians at the Gates of India: Planning the Defence of India, 1885-1900 // *The Journal of Military History*, 2003, Vol. 67, No. 3, pp. 697-743.
- Jukes, G.* The Soviet Union in Asia, Sydney: Angus and Robertson, 1973.
- Kakharov, J.* Uzbek-Russian Economic Relations and the Impact of the Russian Economic Performance on Uzbekistan's Growth and Foreign Trade // *Central Asia and the Caucasus*, 2004, Vol. 25, No. 5, pp. 167-172.
- Karimov, I.* Uzbekistan on the Threshold of Twenty-First Century, New York: St. Martin's Press, 1997.
- Kasenov, U.* Post-Soviet Modernization in Central Asia: Realities and prospects. In: *Central Asia: The Challenges of Independence*. Ed. by B. Rumer, S. Zhukov. New York: M E Sharpe, 1998. Pp. 28-53.
- Kliashorniy, J.V.S.* Russia and Kazakhstan: Geopolitical Alternatives and Civilization // *Central Asia and the Caucasus*, 2003, Vol. 24, No. 6, pp. 112-119.
- Laruelle M.; Peyrouse, S.* Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency Marlene Laruelle and Sebastien Peyrouse, Central Asia University, Working Paper, 2012, No. 10, 2012.
- MacKinder, H.J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. London: Constable and Co. Ltd, 1919.
- Menon, R.* The New Great Game in Central Asia // *Survival*, 2003, Vol. 45, No. 2, London, pp. 187-210.
- Olcott, M.B.* Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy, and Regional Security, Washington: United States Institute of Peace, 1996..
- Olcott, M.B.* Islamic Consciousness and Nationalist Ideology in Central Asia: What Role for Foreign Actors? In: *From the Gulf to Central Asia: Players in the New Great Game*. Ed. by A. Ehteshami. Exeter: University of Exeter press, 1994. Pp. 6-24.
- Qazi, M.Sh.* Central Asia: Crossroads for Global Economic Stratagem // *Journal of Political Studies*, 2015, Vol. 22, pp. 289-301.
- Rahimov, R.* Geopolitics and Conflict Potential in Central Asia and South Caucasus / *Geopolitical Monitor*, May 25, 2018. Mode of access: <https://www.geopoliticalmonitor.com/geopolitics>
- Robins, P.* The Middle East and Central Asia. In: *The New Central Asia and Its Neighbours*. Ed. by P. Ferdinand. London: Pinter Publishers, 1994. Pp. 123-141.
- Russia, China Share Positions on CIS Relations // BBC Monitoring Former Soviet Union, London, 23 March 2004.
- Tokaev, K.* The major Geopolitical Challenges of Central Asia Today / Palais d'Egmont, Brussels, October 30, 2003.
- Vassiliev, A. ed.* Central Asia: Political and Economic Challenges in the Post-Soviet Era, London: Saqi Books, 2001. Pp. 31-37.
- Voll, J.O.* Central Asia as a Part of the Modern Islamic World. In *Central Asia in Historical Perspective*. Ed. by B.F. Manz. Boulder: Westview Press, 1994. Pp. 62-81.
- Ze, S.* Situation in Central Asia and Transcaucasia and Its Prospect at Threshold of the New Century // *Marco Polo Magazine*, 1998, No. 3, pp. 1-6.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10040

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНЕНИЕ СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХ

Энайятолах Яздани

*Университет Сунь Ятсена,
Китайская Народная Республика*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 15 августа 2021</p> <p><i>Принята к печати:</i> 13 сентября 2021</p>	<p>Аннотация: Особое географическое положение Центральной Азии позволяло ей играть особую роль в отношениях между народами Евразии в средние века в качестве моста между Китаем и Европой. Во время российского, а затем и советского контроля Средней Азии республики региона не обладали независимостью в осуществлении иностранных дел. Распад Советского Союза в 1991 году позволил странам региона играть новую, важную геополитическую, экономическую и культурную роль в мире. Они возродились как независимые игроки в глобальной межгосударственной системе и смогли играть значительную роль в международных делах в течение последних трех десятилетий. Статья направлена на анализ положения регионов Центральной Азии в советское и постсоветское время. В ней исследуется, каким образом Центральная Азия как «закрытый» регион в советский период изменила свое геополитическое положение и стала влиятельным игроком в международных делах. Кроме того, в статье рассматриваются факторы, которые имели ключевое значение в глобализации Центральной Азии.</p>
<p>Об авторе:</p> <p>PhD, доцент кафедры международных отношений, Университет Сунь Ятсена, кампус Чжухай</p> <p>e-mail: yazdani@mail.sysu.edu.cn</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>международные отношения; Центральная Азия; СССР; Китай</p>	

Для цитирования: Yazdani, Enayatolah. Foreign Relations in Central Asia: a Comparison between the Soviet and Post-Soviet Era // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 56-67.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10040

For citation: Yazdani, Enayatolah. Foreign Relations in Central Asia: a Comparison between the Soviet and Post-Soviet Era // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 56-67.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10040

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10041

ИНИЦИАТИВЫ SAGAR (SECURITY AND GROWTH FOR ALL IN THE REGION) И IPOI (INDO-PACIFIC OCEANS INITIATIVE): ФОРМИРОВАНИЕ СФЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИИ ЧЕРЕЗ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Алексей Владимирович Куприянов

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 23 февраля 2021 Принята к печати: 30 августа 2021</p>	<p>Аннотация: Мировая система в настоящий момент переживает период трансформации и рефрагментации – распада единого политического пространства на сферы влияния, образующиеся вокруг великих держав, которые с их помощью обеспечивают экономическую и военную безопасность. Индия при попытке сформировать собственную сферу влияния столкнулась с рядом проблем, основной из которых стало серьезное экономическое и военное отставание от Китая, пытающегося, как считают индийские элиты, добиться гегемонии в Юго-Восточной и Южной Азии и регионе Индийского океана. Чтобы парировать эти попытки, Индия выдвинула две концепции: «Безопасность и развитие для всего региона» (SAGAR) и «Индо-Тихоокеанскую инициативу» (IPOI). Статья посвящена анализу задач, которые Нью-Дели пытается решить при помощи этих концепций, и рассмотрению процесса их реализации. Автор отмечает, что и SAGAR (Security and Growth for All in the Region), и IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative) представляют из себя не разработанные стратегические документы, а типичное для индийского внешнеполитического дискурса «видение», позволяющее при необходимости включать в концептуальные рамки любые внешнеполитические акции, проводимые в регионе. При этом активная помощь, оказываемая Индией странам региона Индийского океана в рамках SAGAR (передача кораблей и вооружений, предоставление кредитов и оказание помощи во время пандемии COVID-19), демонстрирует, что Индия воспринимает эти страны как часть своей сферы влияния и пытается привязать их к себе политически и экономически. Напротив, концепция IPOI нацелена на формирование партнерских и неформальных союзнических отношений со странами АСЕАН и Австралией и представляет из себя «партнерство на основе общих проблем», предполагая добровольное участие стран Индо-Тихоокеанского региона в их разрешении. Автор приходит к выводу, что индийские региональные концепции представляют интерес для России, позволяя ей, с одной стороны, использовать индийский опыт для оформления своей сферы влияния, с другой – участвовать в индийских инициативах.</p>
<p>Об авторе: к.и.н., с.н.с., руководитель Группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра Азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО РАН e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: SAGAR; IPOI; Индия; Индийский океан; ИТР; АСЕАН; Тихий океан</p>	

Постоянное изменение баланса сил, носительное усиление одних держав и ослабление других – неотъемлемое свойство мировой политической системы с момента ее возникновения как единой структуры в середине XIX в. Это изменение осуществляется при помощи различных методов, в разном темпе и выражается в разных формах – от экономического соперничества до мировых войн.

Трансформация мировой системы продолжается и сейчас. Нынешнюю стадию можно охарактеризовать как *восстановление естественной полицентричности*, временно утраченной в процессе двух мировых и холодной войн. Важным ее свойством является *рефрагментация* единого политического пространства; в ходе этого процесса центры силы, не разрывая единую ткань экономических, культурных, политических связей,

продолжая действовать по установленным правилам, формируют вокруг себя сферы влияния, в которых та или иная великая держава выступает в качестве экономического, политического, культурного центра и гаранта безопасности. Сами эти сферы влияния, в свою очередь, необходимы для великих держав, так как отсюда они черпают ресурсы для экономического развития и используют их для формирования пояса безопасности. Анализ изменения относительного баланса сил требует учета сфер влияния: альянсы и договоренности заключаются в том числе с учетом экономической и военной мощи, ресурсов, географической и демографической значимости не только великой державы, но и ее вассалов и сателлитов. Как следствие, борьба за сферы влияния, определение и перекраивание их границ становится важным фактором мировой политики.

Индия, претендуя на место одного из центров силы, действует полностью в рамках этой логики, очерчивая свою сферу влияния как на суше, так и на море. В первом случае границы сферы пролегают по линии индо-пакистанской границы, по Гималаям и по джунглям Юго-Восточной Азии; во втором – по побережью и «точкам входа» в Индийский океан (регион Индийского океана, далее РИО) или по островным цепям Западной Пацифики (т. н. Индо-Тихоокеанский регион, далее ИТР). Для консолидации этой сферы влияния Индия использует как двусторонние, так и многосторонние механизмы, включая международные организации, где она занимает позицию безусловного лидера: Ассоциацию регионального сотрудничества Южной Азии (SAARC), Инициативу стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (BIMSTEC), Военно-морской симпозиум Индийского океана (IONS), Ассоциацию регионального сотрудничества стран Индийского океана (IORA). Вопрос деятельности Индии в рамках этих организациях представляет отдельный интерес (ее подробный обзор представлен в монографии Н.Б. Лебедевой¹); но необходимо учитывать, что эта

деятельность осуществляется с целью реализации общей долговременной внешнеполитической стратегии. При этом в силу того, что современная индийская стратегическая культура в значительной степени является наследницей британской, она унаследовала ряд признаков, характерных для британской стратегической культуры XIX–XX в. – к примеру, общее понимание стратегических целей, подтверждаемое регулярными выступлениями политиков, чиновников и экспертов и рабочими документами, при отсутствии единого документа, где эти цели закреплены.

Как следует из анализа подобных выступлений, публикаций в прессе и на сайтах аналитических центров, индийские политические элиты воспринимают Индию как центральную державу, политического и экономического лидера региона. Нью-Дели претендует на то, что именно он будет в ближайшие десятилетия формировать основные пункты повестки в РИО и ИТР – в сотрудничестве и/или конкуренции с местными и внешними игроками, наиболее активными из которых являются США, КНР, Пакистан, страны АСЕАН, Япония, Франция, Великобритания. Ни одна из перечисленных стран не в состоянии проводить свою политику в регионе без учета индийского фактора; как следствие, Индия, будучи региональным лидером по объему ВВП, численности населения, военной мощи, видит себя как стержень, вокруг которого будет выстраиваться все развитие региона в обозримом будущем.

Поскольку для индийской стратегической культуры последних десятилетий императивом является приоритет экономического развития, высокий уровень которого воспринимается как обязательное условие вхождения в клуб великих держав, а соперничество в экономической области рассматривается как не менее важное, чем военное и политическое, при разработке проектов региональной интеграции в целях закрепле-

¹ Лебедева, Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI века и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 575 с. [Lebedeva, N.B.

Indiiskii okean: vyzovy XXI veka i Indii (ocherki mezhdunarodnykh otноshenii). (The Indian Ocean – Challenges of XXI Century and India (Studies of the International Relations)). Moscow: IOS RAS, 2018. 575 p.]

ния своей сферы влияния Индия пытается делать основной упор на укрепление экономических связей, создание своего рода “сферы процветания”. После прихода к власти правительства Нарендры Моды также заметно повысилась роль культурной составляющей, дополняющей экономическую и создающей в представлении делейских политиков гармоничный фундамент индийского регионального доминирования.

Настоящая статья посвящена изучению ключевых инициатив Индии в двух частично перекрывающихся географических конструктах – РИО и ИТР: *SAGAR (Security and Growth for All in the Region)* и *IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative)*, их влиянию на формирование региональной системы безопасности и экономическое развитие. Автор полагает, что реализация этих инициатив должна помочь Индии выйти из периода рефрагментации мировой системы в качестве великой державы и превратить ее в ценного союзника для других центров силы. Методологически статья основана главным образом на положениях критической теории и исторической социологии международных отношений (ИСМО), которая позволяет рассматривать оба этих конструкта, с одной стороны, как искусственно созданные в целях реализации интересов государства в тех рамках, в которых они понимаются правящими элитами, и с другой – анализировать реально происходившие процессы, которые способствовали формированию такого представления об интересах.

Статья разбита на пять подразделов. В первом дается общая характеристика РИО и ИТР, во втором анализируется генезис современного индийского представления о морских пространных, в третьем рассматривается инициатива *SAGAR*, в четвертом – *IPOI*. Завершается статья выводами.

Регион Индийского океана и Индо-Тихоокеанский регион

В границы региона Индийского океана включают, как правило, акваторию Индийского океана и прибрежные государства; зачастую к нему относят также не имеющие выхода к морю страны, экономически тесно

связанные с прибрежными государствами (Эфиопию, Зимбабве, Малави, Бутан, Непал). В регионе Индийского океана проживают более 40% населения мира; в РИО находятся важные источники полезных ископаемых (преимущественно в Восточной Африке), основные мировые разрабатываемые месторождения углеводородов (на Аравийском полуострове и в Персидском заливе). Через воды Индийского океана проходят более двух третей мирового нефтяного грузопотока, перевозится треть всех насыпных грузов и проходит половина контейнерного транзита. Через Индийский океан пролегает основной торговый путь – из стран Восточной и Юго-Восточной Азии в Европу. При этом все эти маршруты достаточно уязвимы, так как проходят через узкие проливы – Бабель-Мандебский и Ормузский на западе и Малаккский, Зондский и Ломбок на востоке. Если раздвинуть границы региона до островных цепочек, отделяемых Западную Пацифику от остальной части Тихого океана (как правило, именно этот регион, в работах историков обычно именуемый Большим Индийским океаном, понимается в Нью-Дели под названием ИТР, или Индо-Пацифика), то картина будет еще более впечатляющей. В ИТР проживают более 60% всего мирового населения и находятся три страны, экономики которых входят в первую десятку мировых (КНР, Индия, Япония).

При этом ни РИО, ни ИТР на протяжении всей своей истории никогда не были полностью стабильными регионами: они страдали от пиратства, которое было широко распространено от Африканского Рога до Малаккского пролива и Филиппин. В регионе существовали и существуют до сих пор подпольные торговые сети, по которым перевозятся товары, торговля которыми считается в настоящее время незаконной – рабы, оружие, наркотики². Регулярно происходят неконтролируемые миграции населения, бегущего из зон конфликтов или природных бедствий в безопасные регионы. Вспыхи-

² Biswas, A. *Assessing Insecurity in the Indian Ocean Region / The Security of Sea Lanes of Communication in the Indian Ocean Region*. Ed. by D. Rumley, S. Chaturvedi, M.T. Yasin. London, New York: Routledge, 2007. Pp. 161-181.

вающие внутренние конфликты приводят к развитию терроризма всех видов³. В ИТР, помимо этого, существует ряд территориальных споров о принадлежности прибрежных акваторий. Часть из них находится в замороженном состоянии, но обострившийся в 2020 г. кенийско-сомалийский спор может существенно осложнить обстановку в западной части Индийского океана. Продолжаются территориальные споры из-за островов Сенкаку/Дяоюй между Японией и Китаем, острова Пратас/Дунша – между Тайванем и Китаем, Парасельских островов – между Китаем и Вьетнамом, Скарборо-Шоул – между КНР и Филиппинами, островов Спратли – между Китаем, Вьетнамом, Малайзией, Филиппинами и Брунеем. Попытки ряда внешних игроков, прежде всего США, интернационализировать эти споры с целью сдерживания КНР лишь способствуют ухудшению ситуации.

Ведется хищнический вылов рыбы и морских животных; истощение морских ресурсов становится новым источником дестабилизации в регионе. В частности, по мнению ряда экспертов, именно чрезмерный вылов рыбы иностранными и местными судами стал причиной всплеска пиратства у берегов Сомали и в Бенгальском заливе⁴. Истощение морских запасов грозит и государствам Кораллового треугольника, так как может вызвать рост политической нестабильности в приморских районах Филиппин и Индонезии, где и без того ведется исламистская пропаганда. Свой вклад в гибель морских животных и рыб вносит процесс глобального потепления⁵.

Устойчивое развитие стран региона требует ликвидации этих угроз. Это возмож-

но сделать либо в том случае, если удастся создать региональную систему коллективной безопасности, либо если одна из стран региона возьмет на себя функции «поставщика безопасности». Наиболее логичным кандидатом на эту роль выглядит Индия, тем более что обеспечение стабильности в регионе имеет для нее критическое значение: более 90% всей индийской торговли осуществляется по морю, и нестабильность в районах, через которые проходят морские торговые пути, может пагубно отразиться на ее экономике. Тем не менее, до сих пор все попытки сформировать подобную систему оканчивались неудачей.

От «морской слепоты» к морскому господству

В индийском экспертном дискурсе принято объяснять эту неудачу «морской слепотой» политических элит Индии – исторически сложившейся недооценкой роли морских угроз и господства на море⁶. Частично с этим можно согласиться: хотя исторически полуостров Индостан служил перевалочным пунктом на торговом маршруте Китай-Европа и сам по себе был экспортером предметов роскоши, на протяжении большей части истории индийской цивилизации правители и аристократия демонстрировали отсутствие интереса к морским путешествиям, завоеваниям и торговле. Такое отношение было связано прежде всего со специфическим общественно-политическим устройством большинства местных государств, где главенствующую роль играла землевладельческая аристократия, а бюджет пополнялся в основном за счет взимания податей с землевладельцев и арендаторов. С точки зрения земельной аристократии торговля как таковая представляла из себя «низкое» занятие, которым не подобало заниматься воинам и мудрецам;

³ Khurana, G.S. *Asymmetric Maritime Threats in the IOR / Indian Ocean Challenges: A Quest for Cooperative Solutions*. Ed. by P. Kaushiva, A. Singh. New Delhi: KW Publishers, 2013. Pp. 35-52.

⁴ Nong Hong. *Charting a Maritime Security Cooperation Mechanism in the Indian Ocean: Sharing Responsibilities among Littoral States and User States // Strategic Analysis*, 2012. Volume 36, Issue 3, pp. 400-412.

⁵ Techera, E. *Supporting Blue Economy Agenda: Fisheries, Food Security and Climate Change in the Indian Ocean // Journal of the Indian Ocean Region*, 2018. Vol. 14, 2018, Issue 1, pp. 7-27.

⁶ Winner, A.C. *India: Dominance, Balance, or Predominance in the Indian Ocean? / Deep Currents and Rising Tides: The Indian Ocean and International Security*. Ed. by J. Garofano, A.J. Dew. New Delhi: Cambridge University Press, 2013. P. 111-135; Upadhyaya, S. *India's Maritime Strategy: Balancing Regional Ambitions and China*. London, New York: Routledge, 2020. 242 p.

морская же торговля подразумевала дальние путешествия через «кала пани» – «черную воду», что могло привести к потере касты. Война на море не приносила славы; когда местные торговцы пожаловались гуджаратскому правителю Бахадур-шаху на бесчинства португальцев на море, он ответил: «Война на море – дело купцов, она не касается репутации правителя»⁷. Это привело к тому, что изначально сравнительно слабые европейские флотилии быстро начали доминировать в Индийском океане; единственная региональная держава, пытавшаяся оказать им сопротивление на море, Османская империя, потерпела поражение. После этого уже никто не оспаривал господство европейцев в океане, позволившее им сперва интегрироваться в сложную политико-экономическую региональную систему, а затем занять в ней доминирующие позиции.

Осознание того, что именно отсутствие адекватного восприятия роли морской силы индийскими правителями дало возможность западным державам захватить Индию, позволило индийскому ученому и чиновнику Паниккару в 1920-30-х гг. выдвинуть теорию о важности морской силы для будущей независимой Индии. После получения Индией независимости в 1947 г. Паниккар написал ряд работ, в которых отстаивал необходимость «замкнуть стальным кольцом» Индийский океан, начав экспансию в восточном направлении и установив тесные связи с Юго-Восточной Азией⁸. Тех же взглядов придерживался журналист Ваидья, выпустивший работу «Оборона Индии»⁹. Однако их призывы к доминированию в регионе, хотя и были изначально встречены руководством Индии довольно благожелательно, невозможно было реализовать

по финансово-экономическим причинам: правительство Неру не могло позволить себе тратить ограниченные ресурсы Индии на строительство флота в условиях острой необходимости проведения социальных и экономических преобразований. Аналогичный подход индийское руководство демонстрировало и в дальнейшем; это, в частности, привело к тому, что, когда после ухода британских ВМС из акваторий к востоку от Суэца в Индийском океане возник «вакуум силы», Индия вместо того, чтобы пытаться заполнить его, сделала ставку на временное закрепление этого вакуума и создание под эгидой ООН «Зоны мира». В целом этот подход лежал в русле общей индийской внешнеполитической стратегии того периода, в рамках которой основное внимание уделялось не налаживанию связей с соседями по региону, а увеличению роли и повышению статуса Индии в структуре ООН. Как следствие, в основном Нью-Дели интересовало расширение контактов со странами Ближнего Востока и Африки и общее укрепление позиций Движения неприсоединения.

Геополитические и геоэкономические перемены в конце 1980-х гг., ознаменовавшие конец холодной войны, привели к концептуальному изменению позиции Индии. Нью-Дели, осознав бесперспективность дальнейшей ставки на Движение неприсоединения после окончания противостояния между США и СССР, начал уделять повышенное внимание укреплению политических и экономических связей со странами региона, прежде всего государствами АСЕАН, в рамках политики «Смотри на Восток». Параллельно началась активизация двусторонних контактов с островными странами Индийского океана. Общее изменение курса индийской внешней политики отразилось в политическом дискурсе, в котором все сильнее проявлялась тема возрождения былого величия, воссоздания региона Индийского океана как подсистемы с доминирующей ролью Индии. Так как путем прямой военной экспансии добиться этого было нельзя, Индия начала прилагать усилия к образованию и поддержанию деятельности региональных международных организаций.

⁷ Khalilieh, H.S. *Islamic Law of the Sea: Freedom of Navigation and Passage Rights in Islamic Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 87.

⁸ Panikkar, K.M. *The Strategic Problems of the Indian Ocean*. New Delhi: The Indian Institute of International Affairs, 1944. 18 p.; Panikkar, K.M. *India and the Indian Ocean: an Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company, 1945. 109 p.

⁹ Vaidya, K.B. *The Naval Defence of India*. Bombay: Thacker & Co, 1949. 248 p.

При этом Индия столкнулась с серьезными вызовами в сферах безопасности и экономики. Глубокое недоверие, которое питают к Китаю индийские политические элиты, восприятие КНР как изначально экспансионистской державы, пытающейся установить доминирование в Азии, привело к тому, что любые действия КНР воспринимаются как агрессивные, а экспансия Китая в регион Индийского океана, который с начала 2000-х гг., в соответствии со словами бывшего главы МИД Индии П. Мукерджи, является «ареной непосредственных индийских морских интересов»¹⁰ – как неизбежная и угрожающая жизненным интересам Индии¹¹. В результате индийские военные и политические элиты сконцентрировались на парировании этой экспансии¹². Так как основным инструментом этой политики являются ВМС, то их развитие в течение последних десятилетий ведется с расчетом на сдерживание КНР, при этом Индия не может в полной мере выполнять роль «поставщика безопасности» и вести борьбу с нетрадиционными угрозами, на которую существует запрос у малых и средних государств региона.

В экономической сфере основная проблема состоит в том, что экономические реалии изменились настолько кардинально, что возрождение существовавшей до европейского завоевания подсистемы на прежних началах невозможно. Индия больше не может играть роль посредника в торговле между Китаем и Европой. Для того, чтобы выстроить подсистему заново, необходимо дать ей новое экономическое наполнение, создать новые производственные цепочки, замкнутые на Индию.

¹⁰ Brewster, D. *India's Ocean: The Story of India's bid for regional leadership*. London, New York: Routledge, 2014. P. 36.

¹¹ Chaudhuri, P.P. *The China Factor in Indian Ocean Policy of the Modi and Singh Governments / India and China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*. Ed. by D. Brewster. New Delhi: Oxford University Press, 2018, pp. 56-74.

¹² Mohan, C.R. *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. New Delhi: Oxford University Press, 2013. 329 p.

Ситуацию осложняет то, что Индия позже Китая начала экономические реформы и провела либерализацию экономики и в результате заметно отстала. Индия уступает КНР по ВВП и не может конкурировать с ней в том, что касается реализации инфраструктурных проектов в третьих странах или выдачи им кредитов. Помимо этого, портовая инфраструктура Индии заметно устарела; Индия пропустила «контейнерную революцию» и оказалась на обочине общемировых товарных потоков. Исправить эту ситуацию призвана инициатива «Сагармала», представленная впервые правительством Атала Бихари Ваджапи в 2003 г. и актуализированная при Нарендре Модии. Она нацелена на то, чтобы модернизировать порты Индии и расширить их сеть и проложить систему судоходных каналов, создав условия для включения Индии в товарные потоки и превращения ее в экономический центр региона. Эта инициатива стала фундаментом для концепции SAGAR.

SAGAR

Слово SAGAR представляет из себя акроним фразы *Security and Growth for All in the Region* – «Безопасность и развитие для всего региона»; при этом *sagar* на хинди означает «море».

О создании SAGAR было объявлено во время визита премьер-министра Нарендры Модии на Маврикий в 2015 г. Индийский лидер представил новую концепцию во время церемонии передачи береговой охране Маврикия патрульного судна «Барракуда», построенного в Индии. Акт получился символическим: «Барракуда» стала первым военным кораблем, построенным в Индии на экспорт, и сам факт передачи его Маврикию символизировал важную роль, которую он и другие малые островные государства региона играют в индийской внешней политике.

Ключевой идеей SAGAR является всемерное сотрудничество всех стран региона в сферах экономики и безопасности во имя построения более стабильного, безопасного и преуспевающего РИО; при этом неявно предполагается, что лидером в этом процессе должна выступить Индия как наиболее

мощная региональная держава¹³. Моди выделил пять основных императивов, которыми будет руководствоваться Нью-Дели:

1. Защита своих берегов и островных владений,

2. Укрепление экономического и оборонного сотрудничества с дружественными державами региона, в первую очередь с теми, с кем Индия имеет морскую границу, и с островными государствами,

3. Коллективные действия с целью сохранения мира и безопасности при помощи формальных и неформальных международных механизмов (IONS, IORA, трехсторонний механизм сотрудничества Индия-Мальдивы-Шри-Ланка с перспективой присоединения к нему Маврикия и Сейшел),

4. Сотрудничество в сферах торговли, туризма, инвестиций, инфраструктурных проектов, рыбной ловли, защиты морской флоры и фауны, в развитии синей экономики (Моди в этой связи использовал поэтичную метафору, упомянув, что синее колесо-чакра в центре индийского государственного флага можно рассматривать как символ «синей экономики»),

5. Сотрудничество с другими государствами, имеющими интересы в регионе Индийского океана.¹⁴

Моди позиционировал SAGAR как инклюзивную концепцию, принять участие в которой могли все заинтересованные стра-

ны региона; для Индии она стала первым стратегическим видением, где воедино были сведены вопросы сотрудничества, безопасности и развития. SAGAR хорошо подходил на роль концептуальной основы, на которой можно развивать взаимодействие в региональных организациях, при этом отсутствие опубликованного четкого плана действий позволяет индийским политикам проявлять известную гибкость, при необходимости расширяя рамки SAGAR. Более того, некоторые индийские специалисты по теории международных отношений увидели в SAGAR базу для создания долгожданной незападной теории международных отношений¹⁵.

В последующие годы Нью-Дели постоянно подчеркивал свое внимание к региону и к концепции. Начало положило уже упомянутое региональное турне Моди, во время которого была предложена идея SAGAR. Помимо Маврикия, который индийский премьер посетил впервые за 10 лет, он побывал также на Шри-Ланке (первый визит за 28 лет) и на Сейшелах (впервые за 34 года). В дальнейшем высокопоставленные политики многократно наносили визиты в страны региона: так, в том же 2015 г. Моди посетил Бангладеш, в 2017 г. президент Рам Натх Ковинд свой первый визит в должности главы государства совершил в Джибути, в следующем году посетил Маврикий и Мадагаскар. Активно шло строительство боевых кораблей на экспорт: в марте 2016 г. береговой охране Маврикия были переданы 10 быстроходных лодок, в декабре того же года – патрульное субно «Виктори» и два вертолета «Четак», в августе 2017 г. – патрульное судно «Вэлиэнт». В сентябре того же года Индия передала Шри-Ланке судно береговой охраны «Варуна», переименованное в «Суракша». Индия также передала патрульные суда береговой охране Сейшел; кроме того, на островах была развернута радарная станция.

¹³ Лебедева Н.Б. Международные отношения в Большом Индийском океане через призму концепций геополитики и геостратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2020. Т. 20. № 2. С. 318-332. [Lebedeva, N.B. *Mezhdunarodnye otnosheniia v Bol'shom Indiiskom okeane cherez prizmu kontseptsii geopolitiki i geostrategii* (International Relations in the Great Indian Ocean through the Prism of Geopolitics and Geostrategy) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2020. Vol. 20. № 2. P. 318-332; Doyle, T., Rumley, D. *The Rise and Return of the Indo-Pacific*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 93.

¹⁴ Text of the PM's Remarks on the Commissioning of Coast Ship Barracuda. Mode of access: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/text-of-the-pms-remarks-on-the-commissioning-of-coast-ship-barracuda/

¹⁵ Chaturvedi, S. Mapping the Maritime Order from International Relations' Theoretical Perspectives / Whither Indian Ocean Maritime Order? Contributions to a Seminar on Narendra Modi's SAGAR Speech. Ed. by Y. Kumar, New Delhi: KW Publishers, 2017. Pp. 33-70.

Индия продолжала строительство большого флота, необходимого для регионально-го гегемона: за годы первого премьерского срока Моди вступили в строй АПЛ «Арихант», 2 ПЛ типа «Калвари», 3 эсминца типа «Колкатта», шло строительство второго авианосца. Продолжалось укрепление базы ВМС Индии на Андаманских островах, расширялась единая сеть радарных станций, которая должна в результате позволить индийским военным и гражданским службам отслеживать все перемещения судов в северной части Индийского океана. При этом укрепление ВМС велось с расчетом на перспективу: после вступления в строй второго авианосца и формирования авианосной ударной группы (АУГ) планировалось заложить третий авианосец, в результате сформировав три АУГ. С учетом нахождения одной из них на обслуживании или в ремонте такая конфигурация вполне позволяла Индии устойчиво контролировать обстановку в регионе Индийского океана.

В экономическом плане Индия в 2016 г. возобновила работы по плану «Сагармала», одновременно наращивая инвестиции в экономику приморских государств. Серьезным подспорьем для Индии в реализации ее стратегических планов стали региональные экономические группировки: после того, как из-за разногласий с Пакистаном ценность СААРК для Нью-Дели упала, приоритетным стало взаимодействие в рамках БИМСТЕК.

Случались и сбои. Так, в 2018 г. разразился политический кризис на Мальдивах, в том же году произошел конституционный кризис на Шри-Ланке, продемонстрировавший наличие серьезных разногласий в политических элитах. Эти события нанесли заметный, хотя и временный, ущерб сотрудничеству этих стран с Индией как в экономической сфере, так и в сфере безопасности. В целом можно заключить, что в течение первого срока Нарендры Моди концепция SAGAR реализовывалась достаточно успешно; любопытно, что при этом во внутривнутриполитическом дискурсе инициатива занимала сравнительно мало места. Индийские чиновники если и упоминали о ней, то в самых расплывчатых выражениях.

Однако после избрания Нарендры Моди на второй срок эта тема актуализировалась¹⁶. Так, в июле 2019 г. министр обороны Раджанатх Сингх во время своего первого зарубежного визита – в Мозамбик – вновь упомянул о SAGAR; помимо этого, он передал мозамбикам два быстроходных патрульных катера и договорился об обмене информацией и помощи в операциях в особой экономической зоне. Сам же Нарендра Моди 8 июня 2019 г. посетил с государственным визитом Мальдивы, откуда отправился на Шри-Ланку, продемонстрировав тем самым, что Индия отдает приоритет отношениям, во-первых, со странами непосредственного соседства, во-вторых, с островными государствами региона Индийского океана – Шри-Ланка и Мальдивы попадают в обе эти группы. Кроме того, поездка Моди – первый визит премьера Индии на Мальдивы с 2011 г. – стала сигналом о восстановлении индийско-мальдивской дружбы: осенью 2018 г. Абдулла Ямин, которого считали прокитайским кандидатом, потерпел поражение на выборах, уступив Мохаммеду Солиху, вернувшемуся к политике «Индия первым делом».

Такое внимание к Мальдивам и Шри-Ланке вполне объяснимо: поддержание высокого уровня индийского политического влияния там воспринимается в Нью-Дели как критически необходимое для безопасности страны. Не случайно в первый же год второго срока Нарендры Моди было объявлено вводе в строй радара для наблюдения за побережьем и комплексного учебного центра для местных сил обороны – оба объекта были построены при непосредственном индийском участии. Помимо этого, власти Индии в декабре 2018 г. выделили Мальдивам 1,4 млрд долл., а в августе 2020 г. – еще 500 млн долл. Во время визита Моди на Шри-Ланку было объявлено о реализации многочисленных инфраструктурных и социальных проектов. Часть из них реали-

¹⁶ Dixit, R. Modi 2.0 Foreign Policy to Lay Stress on 'SAGAR Doctrine' and 'Act East' // *The Week*. 06.06.2019. Mode of access: <https://www.theweek.in/news/india/2019/06/06/modi-foreign-policy-lay-stress-sagar-doctrine-and-act-east.html>

зуется с участием Японии (в частности, по развитию порта Коломбо¹⁷). Визит Моды на Шри-Ланку имел также важное символическое значение: индийский премьер-министр стал первым иностранным лидером, посетившим остров после терактов 2019 г., когда в результате атаки исламистов погибли 269 человек и более 500 получили ранения.

Пандемия COVID-19 стала вызовом для всех стран региона. Индия использовала ее как возможность продемонстрировать заинтересованность в укреплении отношений со странами РИО. Операция по оказанию им помощи получила название «SAGAR» – по имени инициативы; в ее рамках госпитальное судно «Кесари» посетило Мальдивы, Сейшелы, Коморы, Мадагаскар, доставив туда врачей, медикаменты и предметы первой необходимости. Передача груза неизменно сопровождалась торжественной церемонией, служащей напоминанием о готовности Индии прийти на помощь странам, которые она считает своими друзьями.

IPOI

Почти одновременно с активизацией концепции SAGAR после начала второго срока Нарендры Моды Нью-Дели выдвинул другую концепцию – так называемую Индо-Тихоокеанскую инициативу (*IPOI, Indo-Pacific Oceans Initiative*).

Сама по себе идея Индо-Тихоокеанского региона появилась в индийском политическом дискурсе в 2007 г. после того, как военно-морской аналитик Гурприт Кхурана опубликовал статью «Безопасность морских путей: перспективы индийско-японского сотрудничества»¹⁸, актуализировав в ней предложенный Карлом Хаусхофером в первой половине XX века термин «Индо-Пацифика». В августе того же года эту концепцию подхватил Синдзо Абэ,

¹⁷ Chaudhury, D.R. India, Japan, Sri Lanka move to counter China // *The Economic Times*. 27.05.2019. Mode of access: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-japan-sri-lanka-move-to-counter-china/articleshow/69511171.cms>

¹⁸ Khurana, G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation // *Strategic Analysis*, 2007. Vol. 31, Issue 1, pp. 139–153.

провозгласивший в своей речи перед парламентом Индии идею «слияния океанов». Сравнительно быстро Индо-Пацифика превратилась в одну из ключевых тем индийского внешнеполитического дискурса, при этом концептуально она была оформлена достаточно слабо, опираясь в основном на «элементы», сформулированные Нарендрой Моды на «Диалоге Шангри-Ла» 1 июня 2018 г.: открытость, свобода и инклюзивность на всем пространстве ИТР; ведущая роль АСЕАН; порядок, основанный на правилах и установленный путем добровольного согласия; равный доступ к морскому и воздушному пространству региона в соответствии с международным правом; создание открытого и стабильного торгового режима; строительство «мостов доверия» и укрепление внутренней связности региона. Эти тезисы давали определенное представление о том, как именно в Нью-Дели видят будущее Индо-Пацифики, но не о путях, которыми предполагается этого будущего достичь.

Тем не менее, сам по себе вектор на смену внимания с региона Индийского океана на Индо-Пацифику прослеживается в последние годы достаточно четко. В апреле 2019 г. в МИД Индии был создан Индо-Тихоокеанский отдел (*Indo-Pacific Wing*), в обязанности которого входит, в частности, работа с такими организациями, как ИОРА, АСЕАН и Quad¹⁹.

Прорыв произошел 4 ноября 2019 г., когда Нарендра Моды на Восточноазиатском саммите в Бангкоке объявил о формализации индийского видения Индо-Пацифики в форме «Индо-Тихоокеанской инициативы». В качестве основной цели IPOI было заявлено обеспечение безопасности, стабильности и развития региона. Моды предложил «семь столпов» – ключевых сфер сотрудничества: морская безопасность, морская экология, морские ресурсы, развитие потенциала и совместное использование ресурсов,

¹⁹ Bagchi, I. In a Show of Intent, External Affairs Ministry Sets up Indo-Pacific Wing // *The Times of India*. 15.04.2019. Mode of access: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/in-a-show-of-intent-external-affairs-ministry-sets-up-indo-pacific-wing/articleshow/68880720.cms>

снижение рисков стихийных бедствий и управление ими, сотрудничество в сфере науки и технологии, сопряженность в торговле и развитие морских перевозок. При этом индийский премьер-министр подчеркнул, что сформулированные ранее принципы индийского видения ИТР остаются неизменными: Нью-Дели по-прежнему настаивает на необходимости асеаноцентризма, выступает за инклюзивность концепций, порядок, основанный на правилах, свободу судоходства и т. п.

Учитывая специфику регионального восприятия подобных инициатив (в частности, нежелание стран Юго-Восточной Азии участвовать в проектах, которые могли бы быть истолкованы как антикитайские, их беспокойство из-за возможной утраты АСЕАН центральной роли в регионе), Индия предложила перспективный формат взаимодействия в рамках IPOI: предполагается, что любая страна или группа стран может взять на себя инициативу по формулированию программных положений и обеспечению взаимодействия в рамках заявленных «столпов», после чего другие страны по желанию могут к ним присоединиться. Такой механизм, как считает Нью-Дели, обеспечит желаемую прозрачность и инклюзивность и снимет подозрения в том, что IPOI нацелен на исключение из региональной повестки конкретных держав, непосредственно Китая. Сама Индия заявила о готовности взять на себя реализацию программ по морской безопасности и по снижению рисков стихийных бедствий и управлению ими. В качестве одного из шагов в этом направлении Нью-Дели рассматривал, в частности, проведение совместно с Индонезией и Австралией Восточноазиатского семинара по морской безопасности в феврале 2020 г.

Индия многократно подчеркивала совместимость IPOI с идеей асеаноцентризма и настаивала на необходимости сопряжения IPOI и «Асеановского видения ИТР» – об этом, в частности, заявил глава МИД Индии С. Джайшанкар, выступая на 15-м Восточноазиатском саммите в ноябре 2020 г. В этой связи Индия стремится добиться от стран АСЕАН одобрения своей инициативы и заручиться их поддержкой. В настоящий

момент готовность участвовать в развитии «столпов» IPOI выразили Австралия, Вьетнам и Филиппины. В целом, как указывают индийские эксперты, основные положения «Асеановского видения» совпадают с идеей «семи столпов», и проблем с сопряжением двух концепций ИТР возникнуть не должно²⁰.

Нью-Дели в перспективе рассчитывает на более широкое участие стран АСЕАН, озабоченных экспансионистскими устремлениями Китая и заинтересованных в налаживании отношений с Индией, которая поддерживает позиции Вьетнама и Филиппин в территориальных спорах в Южно-Китайском море. Индийские аналитики и военные неоднократно заявляли о заинтересованности Индии в более широком присутствии в Западной Пацифике. Эти заявления подтверждаются как действиями ВМС Индии (так, во время инцидента в долине реки Галван один из индийских боевых кораблей демонстративно вошел в Южно-Китайское море), так и ростом интенсивности обменов информацией и визитами между высшими морскими офицерами Индии, Вьетнама, Сингапура, Индонезии и Японии.

В целом можно сказать, что IPOI представляет из себя «партнерство на основе общих проблем». Оно не требует обязательной формализации, подразумевает прозрачные процедуры, побуждает страны сотрудничать по направлениям, в которых они наиболее заинтересованы. При этом Индия берет на себя именно ту сферу, которая наиболее интересна ей (безопасность и борьба с последствиями стихийных бедствий) и где она может сотрудничать с внешними игроками типа США и Японии в рамках Quad, подчеркивая в то же время свою важность как противовеса КНР в сфере безопасности в ИТР и рассчитывая предупредить рост китайского влияния в регионе Индийского океана²¹.

²⁰ Saha, P., Mishra, A. The Indo-Pacific Oceans Initiative: Towards a Coherent Indo-Pacific Policy for India / ORF Occasional Papers. 23.12.2020. Mode of access: <https://www.orfonline.org/research/indo-pacific-oceans-initiative-towards-coherent-indo-pacific-policy-india/>.

²¹ Panda, J. The Strategic Imperatives of Modi's Indo-Pacific Ocean Initiative // *Asia Pacific*

Выводы

Таким образом, в настоящий момент в индийском внешнеполитическом дискурсе существует две примерно одинаково институционализированные концепции, различающиеся числом и составом предполагаемых участников и формами взаимодействия. При этом территориально сферы их приложения перекрываются: если регион Индийского океана, в котором реализуется SAGAR, простирается от восточных берегов Африки до проливов Малайского барьера, то в ИТР индийские политики до последнего времени включали, как правило, только восточную часть Индийского океана и западную часть Тихого, не используя тему Индо-Пацифики на переговорах и конференциях с африканскими и арабскими политиками, учеными и экспертами.

Однако в декабре 2019 г. глава МИД Индии С. Джайшанкар заявил: «Пока государства восточной части Индийского океана и соседних морей определяются со своим видением Индо-Пацифики, существует возможность формирования аналогичной версии и в отношении западной части Индийского океана – в соответствии с нашим взглядом, согласно которому Индо-Пацифика естественным образом включает наших западных соседей по океану в Персидском заливе, островные государства Аравийского моря и наших партнеров в Африке»²². Таким образом, географически весь регион Индийского океана, в соответствии с новым индийским видением, входит в состав ИТР; но означает ли это, что SAGAR войдет в состав IPOI?

Между этими инициативами существует концептуальная разница: в рамках SAGAR Индия претендует на роль единственной державы-спонсора, регионального лидера и поставщика безопасности для малых островных стран, которые, как отмечают индийские эксперты, «в силу самой

Bulletin, 2020, No. 503. Mode of access: <https://www.eastwestcenter.org/publications/the-strategic-imperatives-modi%E2%80%99s-indo-pacific-ocean-initiative>.

²² Bagchi, I. India expands Indo-Pacific policy // *The Times of India*. 15.12.2016. Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/72644806.cms>.

своей географии.. почти или совершенно не могут контролировать свою безопасность... и страдают от ощущения нехватки безопасности перед лицом своих более крупных соседей»²³. Нью-Дели ожидает от них ответных услуг: речь идет прежде всего о предоставлении военно-морских баз для ВМС Индии, участии в единой системе отслеживания морского трафика²⁴, посильной помощи индийскому флоту и отказе от военного партнерства с третьими странами, которое бы угрожало интересам Индии – подобный обмен услугами в индийском внешнеполитическом дискурсе определяется как «безопасность на основе сотрудничества»²⁵. По сути, SAGAR представляет из себя один из инструментов формирования в Индийском океане зоны безопасности Индии, где индийский флот занимал бы доминирующую позицию, уступая только флоту мирового гегемона – США. Так как соперничество между государствами в современную эпоху имеет не только геополитический, но и геоэкономический характер, укрепление экономических связей с островными государствами региона Индийского океана, превращение их в индийских клиентов или, по меньшей мере, стратегических партнеров представляется необходимым. Основной целью SAGAR становится формирование «сферы сопроцветания» в регионе Индийского океана и превращение его в зону устойчивого развития.

IPOI, с другой стороны, концептуально оформляет границы индийской зоны экономических и политических интересов.

²³ Moorthy, N.S. India and the Indian Ocean: Strategic Security of Small Island Nations / India's National Security: A Maritime Security Perspective. Ed. by R. Suresh. New Delhi: Vij Books, 2020. P. 47.

²⁴ Sarangi, S. Unpacking SAGAR (Security and Growth for All in the Region). USI Occasional Paper No. 2, 2019. Mode of access: https://usiofindia.org/wp-content/uploads/2020/02/USI-Occasional-Paper_2_19-Unpacking-SAGAR-Final-print-File-1.pdf

²⁵ Pattanaik, S.S. Indian Ocean in the Emerging Geostategic Context: Examining India's Relations with Its Maritime South Asian Neighbors // *Journal of the Indian Ocean Region*, 2016. Volume 12, Issue 2, p. 139.

АСЕАН и Австралия в рамках этой инициативы выступают как ключевые партнеры и неформальные союзники Индии в ИТР. Так как Индия не претендует на гегемонию в Индо-Пацифике, в отличие от региона Индийского океана, то страны ЮВА служат, с одной стороны, дальним рубежом, на котором можно затормозить китайскую экспансию, и с другой – источником средств и технологий для Индии. В этом контексте Индия как держава, заинтересованная в сдерживании Китая, представляет для них особую ценность; в свою очередь, Индия рассчитывает на фактическое признание со стороны АСЕАН и Австралии своей роли регионального гегемона в Индийском океане и развитие экономических связей со странами Юго-Восточной Азии. В силу экономических проблем как системного (замедление темпов роста ВВП в течение последних лет), так и временного (экономические потери, вызванные пандемией) характера, Индия вряд ли сможет в ближайшем будущем проецировать силу в Западную Пацифику, так что сотрудничество с АСЕАН и Австралией в противостоянии Китаю является для нее безальтернативным.

Анализ индийской региональной стратегии представляет интерес для России по нескольким причинам. Прежде всего, Россия, как и Индия, занимает положение «колеблющегося государства», стремясь избежать участия в новой холодной войне, и индийский путь укрепления своего положения в рефрагментирующемся мире заслуживает изучения. Разумеется, индийский опыт невозможно прямо проецировать на российские реалии по целому ряду причин, включая географические; но сходство позиций обеих стран в мировой системе заставляет внимательнее к нему приглядеться.

Помимо этого, Россия в сложившейся ситуации вполне может принять участие в реализации инициатив в рамках ряда «столпов» и даже взять на себя роль лидера (к примеру, в том, что касается научного сотрудничества или охраны морских ресурсов), а также присоединиться к индийским инициативам по морской безопасности, продемонстрировав тем самым их инклюзивность и развеяв опасения Пекина.

Учитывая, что Россия, как заявил министр иностранных дел С.В. Лавров, планирует «сделать всё возможное для того, чтобы гарантировать, что Индия и Китай – два наших больших друга и брата – жили в мире друг с другом»²⁶, это может стать сильным ходом в процессе продвижения российских интересов в ИТР.

Литература:

Лебедева, Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI века и Индия (очерки международных отношений). М.: ИВ РАН, 2018. 575 с.

Лебедева, Н.Б. Международные отношения в Большом Индийском океане через призму концепций геополитики и геостратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2020. Т. 20. № 2. С. 318-332.

Biswas, A. Assessing Insecurity in the Indian Ocean Region / The Security of Sea Lanes of Communication in the Indian Ocean Region. Ed. by D. Rumley, S. Chaturvedi, M.T. Yasin. London, New York: Routledge, 2007. Pp. 161-181.

Brewster, D. India's Ocean: The Story of India's bid for regional leadership. London, New York: Routledge, 2014.

Chaturvedi, S. Mapping the Maritime Order from International Relations' Theoretical Perspectives / Whither Indian Ocean Maritime Order? Contributions to a Seminar on Narendra Modi's SAGAR Speech. Ed. by Y. Kumar, New Delhi: KW Publishers, 2017. Pp. 33-70.

Chaudhuri, P.P. The China Factor in Indian Ocean Policy of the Modi and Singh Governments / India and China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean. Ed. by D. Brewster. New Delhi: Oxford University Press, 2018, pp. 56-74.

Khalilieh, H.S. Islamic Law of the Sea: Freedom of Navigation and Passage Rights in Islamic Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Khurana, G.S. Asymmetric Maritime Threats in the IOR / Indian Ocean Challenges: A Quest for Cooperative Solutions. Ed. by P. Kaushiva, A. Singh. New Delhi: KW Publishers, 2013. Pp. 35-52.

Khurana, G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation // *Strategic Analysis*, 2007. Vol. 31, Issue 1, pp. 139-153.

Mohan, C.R. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. New Delhi: Oxford University Press, 2013. 329 p.

Moorthy, N.S. India and the Indian Ocean: Strategic Security of Small Island Nations / India's National Security: A Maritime Security Perspective. Ed. by Suresh R. New Delhi: Vij Books, 2020.

Nong Hong. Charting a Maritime Security Cooperation Mechanism in the Indian Ocean: Sharing Responsibilities

²⁶ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2020 году, Москва, 18 января 2021 года. Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4527635.

among Littoral States and User States // *Strategic Analysis*, 2012. Volume 36, Issue 3, pp. 400-412.

Panda, J. The Strategic Imperatives of Modi's Indo-Pacific Ocean Initiative // *Asia Pacific Bulletin*, 2020, No. 503. Mode of access: <https://www.eastwestcenter.org/publications/the-strategic-imperatives-modi%E2%80%99s-indo-pacific-ocean-initiative>.

Panikkar, K.M. *India and the Indian Ocean: an Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company, 1945. 109 p.

Panikkar, K.M. *The Strategic Problems of the Indian Ocean*. New Delhi: The Indian Institute of International Affairs, 1944. 18 p.

Pattanaik, S.S. Indian Ocean in the Emerging Geo-strategic Context: Examining India's Relations with Its Maritime South Asian Neighbors // *Journal of the Indian Ocean Region*, 2016. Volume 12, Issue 2.

Sarangi, S. Unpacking SAGAR (Security and Growth for All in the Region). USI Occasional Paper No 2, 2019. Mode of access: https://usiofindia.org/wp-content/uploads/2020/02/USI-Occasional-Paper_2_19-Unpacking-SAGAR-Final-print-File-1.pdf

Techera, E. Supporting Blue Economy Agenda: Fisheries, Food Security and Climate Change in the Indian Ocean // *Journal of the Indian Ocean Region*, 2018. Vol. 14, 2018, Issue 1, pp. 7-27.

Upadhyaya, S. *India's Maritime Strategy: Balancing Regional Ambitions and China*. London, New York: Routledge, 2020. 242 p.

Vaidya, K.B. *The Naval Defence of India*. Bombay: Thacker & Co, 1949. 248 p.

Winner, A.C. *India: Dominance, Balance, or Predominance in the Indian Ocean? / Deep Currents and Rising Tides: The Indian Ocean and International Security*. Ed. by J. Garofano, A.J. Dew. New Delhi: Cambridge University Press, 2013. P. 111-135.

References:

Biswas, A. Assessing Insecurity in the Indian Ocean Region / *The Security of Sea Lanes of Communication in the Indian Ocean Region*. Ed. by D. Rumley, S. Chaturvedi, M.T. Yasin. London, New York: Routledge, 2007. Pp. 161-181.

Brewster, D. *India's Ocean: The Story of India's bid for regional leadership*. London, New York: Routledge, 2014.

Chaturvedi, S. Mapping the Maritime Order from International Relations' Theoretical Perspectives / *Whither Indian Ocean Maritime Order? Contributions to a Seminar on Narendra Modi's SAGAR Speech*. Ed. by Y. Kumar, New Delhi: KW Publishers, 2017. Pp. 33-70.

Chaudhuri, P.P. *The China Factor in Indian Ocean Policy of the Modi and Singh Governments / India and China at Sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*. Ed. by D. Brewster. New Delhi: Oxford University Press, 2018, pp. 56-74.

Khalilieh, H.S. *Islamic Law of the Sea: Freedom of Navigation and Passage Rights in Islamic Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Khurana, G.S. *Asymmetric Maritime Threats in the IOR / Indian Ocean Challenges: A Quest for Cooperative Solutions*. Ed. by P. Kaushiva, A. Singh. New Delhi: KW Publishers, 2013. Pp. 35-52.

Khurana, G.S. *Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation* // *Strategic Analysis*, 2007. Vol. 31, Issue 1, pp. 139-153.

Lebedeva, N.B. *Indiiskii okean: vyzovy XXI veka i India (oчерki mezhdunarodnykh otноsheniі)*. (The Indian Ocean – Challenges of XXI Century and India (Studies of the International Relations)). Moscow: IOS RAS, 2018. 575 p.

Lebedeva, N.B. *Mezhdunarodnye otноsheniі v Bol'shom Indiiskom okeane cherez prizmu kontseptsii geopolitiki i geostrategii (International Relations in the Great Indian Ocean through the Prism of Geopolitics and Geostrategy)* // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otноsheniі*, 2020. Vol. 20. № 2. P. 318-332; Doyle, T., Rumley, D. *The Rise and Return of the Indo-Pacific*. New York: Oxford University Press, 2019.

Mohan, C.R. *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. New Delhi: Oxford University Press, 2013. 329 p.

Moorthy, N.S. *India and the Indian Ocean: Strategic Security of Small Island Nations / India's National Security: A Maritime Security Perspective*. Ed. by Suresh R. New Delhi: Vij Books, 2020.

Nong Hong. *Charting a Maritime Security Cooperation Mechanism in the Indian Ocean: Sharing Responsibilities among Littoral States and User States* // *Strategic Analysis*, 2012. Volume 36, Issue 3, pp. 400-412.

Panda, J. The Strategic Imperatives of Modi's Indo-Pacific Ocean Initiative // *Asia Pacific Bulletin*, 2020, No. 503. Mode of access: <https://www.eastwestcenter.org/publications/the-strategic-imperatives-modi%E2%80%99s-indo-pacific-ocean-initiative>.

Panikkar, K.M. *India and the Indian Ocean: an Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company, 1945. 109 p.

Panikkar, K.M. *The Strategic Problems of the Indian Ocean*. New Delhi: The Indian Institute of International Affairs, 1944. 18 p.

Pattanaik, S.S. Indian Ocean in the Emerging Geo-strategic Context: Examining India's Relations with Its Maritime South Asian Neighbors // *Journal of the Indian Ocean Region*, 2016. Volume 12, Issue 2.

Sarangi, S. Unpacking SAGAR (Security and Growth for All in the Region). USI Occasional Paper No. 2, 2019. Mode of access: https://usiofindia.org/wp-content/uploads/2020/02/USI-Occasional-Paper_2_19-Unpacking-SAGAR-Final-print-File-1.pdf

Techera, E. Supporting Blue Economy Agenda: Fisheries, Food Security and Climate Change in the Indian Ocean // *Journal of the Indian Ocean Region*, 2018. Vol. 14, 2018, Issue 1, pp. 7-27.

Upadhyaya, S. *India's Maritime Strategy: Balancing Regional Ambitions and China*. London, New York: Routledge, 2020. 242 p.

Vaidya, K.B. *The Naval Defence of India*. Bombay: Thacker & Co, 1949. 248 p.

Winner, A.C. *India: Dominance, Balance, or Predominance in the Indian Ocean? / Deep Currents and Rising Tides: The Indian Ocean and International Security*. Ed. by J. Garofano, A.J. Dew. New Delhi: Cambridge University Press, 2013. P. 111-135.

SAGAR (SECURITY AND GROWTH FOR ALL IN THE REGION) AND IPOI (INDO-PACIFIC OCEANS INITIATIVE): SHAPING INDIA'S SECURITY THROUGH REGIONAL DEVELOPMENT

Alexey V. Kupriyanov

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">23.02.2021</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">30.08.2021</p>	<p>Abstract: The world system is undergoing a period of transformation and refragmentation, the disintegration of a single political space into spheres of influence formed by the great powers. India, which forms such a sphere around itself, is faced with the problem: a serious economic and military lag behind China, trying, following the ideas of the Indian elites, to achieve hegemony in Southeast and South Asia and the Indian Ocean region. To fend off these attempts, India has put forward two concepts: Security and Growth for All in the Region (SAGAR) and the Indo-Pacific Oceans Initiative (IPOI). The article is devoted to the analysis of the problems that New Delhi is trying to solve with the help of these concepts, and the consideration of the very process of their implementation. The author notes that both SAGAR and IPOI are not developed strategic documents, but a type of 'vision' typical for Indian foreign policy discourse. At the same time, the active assistance provided by India to the countries of the Indian Ocean region within the framework of SAGAR demonstrates that India perceives these countries as part of its sphere of influence and is trying to tie them to itself both politically and economically. On the contrary, the concept of ITOI aims to form partnerships and informal alliances with ASEAN countries and Australia. The author believes that Indian regional concepts are of interest to Russia, allowing it to use the Indian experience and to participate in Indian initiatives.</p>
<p>About the author: Candidate of History, Senior Research Fellow, Head of the Research Group on South Asia and the Indian Ocean Region, Center for Asia Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru</p>	
<p>Key words: SAGAR; IPOI; India; Indian Ocean; Indo-Pacific; ASEAN; Pacific Ocean</p>	

Для цитирования: Куприянов А.В. Инициативы SAGAR (Security and Growth for All in the Region) и IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): формирование сферы безопасности Индии через региональное развитие // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 68-81.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10041

For citation: Kupriyanov, Alexey V. Initiativy SAGAR (Security and Growth for All in the Region) i IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): formirovaniye sfery bezopasnosti indii cherez regional'noye razvitiye (SAGAR (Security and Growth for All in the Region) and IPOI (Indo-Pacific Oceans Initiative): Shaping India's Security Through Regional Development) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 68-81.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10041

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10042

*Обсуждаем логику новой мироустроительной
архитектоники и проблематику уровней анализа*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: К «БЕСШОВНОЙ» МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

**Размышляя над книгой: Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав /
Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.**

Денис Андреевич Дегтерев

*Российский университет дружбы народов,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 18 августа 2021</p> <p><i>Отправлено на редактирование:</i> 21 августа 2021</p> <p><i>Принята к печати:</i> 7 сентября 2021</p>	<p>Аннотация: В данной статье рассматриваются ключевые методологические проблемы международных и региональных исследований и перспективы формирования единой, «бесшовной» методологии. Авторские рассуждения иллюстрируются примерами из коллективной монографии под ред. А.Д. Воскресенского «Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав» (2021 г.).</p> <p>На первом этапе исследуется вопрос уровней анализа в международных отношениях с особым акцентом на системный уровень, а также рассматриваются практические сложности декомпозиции международно-политических ситуаций с учетом большой плотности социальных связей. Показано прикладное значение сетевого анализа и инвент-анализа. С сетевых позиций рассмотрен феномен трансрегионализма, имеющий важное значение для международных экономических отношений. Представлен методологический инструментарий для анализа трансрегиональных институтов. Большое внимание уделяется организмической концепции общей теории системы и ее адаптации к системе международных отношений. Показано практическое использование данной концепции при организации ситуационных анализов международных процессов. Региональный уровень анализа и место «держав среднего уровня» в мировой системе раскрывается сквозь призму агент-структурной «матрешки» (агент-структурная проблема на разных уровнях анализа). Исследуются пределы и возможности применения теории сложности в анализе международных отношений. Особое внимание уделяется концепции комплексной взаимозависимости Р. Кохейна и Дж. Ная, которая, по мнению автора, адекватно отражает современные международные процессы и является ключом к пониманию формирования зон влияния великих держав в мировой политике.</p> <p>Наконец, в работе вскрывается нормативная составляющая ТМО и показано повышение популярности западных ТМО в последние несколько лет. Исследуется нормативность региональных исследований, показаны частные случаи применения западных подходов в региональном ведении. Делается вывод о необходимости интеграции западных подходов в ТМО и региональные исследования.</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., к.э.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений РУДН; профессор МГИМО МИД России; профессор СПбГУ</p> <p>e-mail: Degterev-da@rudn.ru</p>	
<p>Ключевые слова: теория международных отношений; незападные ТМО; прикладной анализ; системное моделирование; ситуационные анализы; сетевой анализ; инвент-анализ; трансрегионализм; организмический подход; агент-структурная проблема; теория сложности; комплексная взаимозависимость</p>	

Методология исследования международных отношений (МО), а также зарубежного регионоведения (ЗР) до сих пор во многом остается *Terra Incognita*. Традиционно международные отношения рассматриваются как практическая деятельность или искусство («искусство дипломатии»), аналогично – с зарубежным регионоведением / востоковедением. В самом деле, большинство выпускников МГИМО (кузница дипломатов) и ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (альма-матер российского востоковедения) реализуют себя преимущественно в практической сфере.

Если мы говорим о МО и ЗР как сфере исследований, то встает вопрос о том, какая это наука? Чаше других упоминают политическую (общественную) или историческую (гуманитарную) науку¹, причем в РФ на уровне бакалавриата-магистратуры (образование) и аспирантуры (наука) наблюдаются асинхронные процессы. В рамках аспирантуры постепенно завершается «трансфер» МО из исторических наук в политические – согласно новой номенклатуре научных специальностей собственно специальность «Международные отношения» относится к политическим наукам, хотя сохраняется «История международных отношений и внешней политики» по историческим наукам².

В рамках первых двух уровней высшего образования планируется выделить МО и ЗР в отдельную Укрупненную группу специ-

альностей (УГС) – «Международные исследования» (в рамках общественных наук), а политологию – объединить с ГМУ, социологией и публичной политикой в рамках другой УГС³. Тем самым, будут разделены внешнеполитический и внутривластный блоки, как это уже имеет место в рамках РАН, где существует Отделение глобальных проблем и международных отношений.

От «спора о науках» необходимо перейти «к спору о методах» (*Methodenstreit*), что также имеет практическую составляющую, ведь при переходе к единому набору на УГС важен единый набор компетенций для международныхников и регионоведов и их «стыковка» в рамках общего учебного плана. «Бесшовность» актуальна и для исследовательской деятельности – при анализе международных процессов важен конечный результат в виде цельного исследования. В этом контексте знаковой публикацией стала вышедшая в 2021 году коллективная монография под редакцией А.Д. Воскресенского «Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав», во многом стирающая грани между МО и ЗР и примечательная по ряду причин.

Во-первых, это фундаментальный труд, сочетающий как обширный методологический раздел, удобный в том числе и для обучения (Часть 1), так и анализ основных мировых и региональных трендов, в том числе с использованием описанной ранее методологии. Охват исследуемых стран и регионов впечатляет (КНР, Африка, Большая Евразия, Ближний Восток, АТР, Центральная Азия) – в общем, за исключением Латинской Америки, затронуты все основные регионы «Коллективного Не-Запада». Поражает и география авторов – помимо авторов ведущих московских вузов и институтов РАН (МГИМО МИД России, ИМЭМО, НИУ ВШЭ, ИДВ РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, ИЗСП при Правительстве РФ, РИСИ) много региональ-

¹ Алексеева Т.А., Дегтерев Д.А. Международные отношения: спор о науке и методе // Вестник Российской академии наук. 2017. № 87 (09). С. 848-857. [Alekseeva, T.A.; Degterev, D.A. *Mezhdunarodnyye otnosheniya: spor o nauke i metode* (International Studies: a Dispute on Science and Method) // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, No. 87 (09), pp. 848-857.]

² Приказ Минобрнауки РФ от 24 февраля 2021 года № 118. «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положении о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043>

³ Проект Приказа Министерства науки и высшего образования РФ «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» (подготовлен Минобрнауки России 12.05.2021). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56776893/>

ных авторов из ННГУ им. Н.Н. Лобачевского, ДВФУ и ДВ ДВО РАН, Бурятского ГУ, а также проф. Чжао Хуашэн из Фуданьского университета (КНР).

Во-вторых, это обобщение многолетней работы А.Д. Воскресенского как главного редактора журнала «Сравнительная политика», ставшего за эти годы ведущим российским научным изданием с узнаваемой спецификой, акцентом на Китай, не-западность и прикладные исследования. Наконец, это логическое продолжение исследовательской программы А.Д. Воскресенского по созданию методологии комплексного регионоведения⁴, результат его научного поиска длинной в несколько десятилетий⁵.

Рассмотрим основные методологические проблемы МО и ЗР в привязке к основным разделам коллективной монографии под ред. А.Д. Воскресенского. По сути, речь идет об авторском прочтении данной книги.

Системный уровень: «новая биполярность» и стратегические треугольники

В теории, для исследования миро-строительной архитектоники выделяют три основных уровня анализа. Наивысший – это системный (глобальный в трактовке отечественных исследователей⁶ или

Third Image Theory по К. Уолцу⁷), далее – уровень государства (*Second Image Theory*) и, наконец, индивидуальный, уровень лица, принимающего решения (*First Image Theory*). Отечественные международники выделяют также региональный и субрегиональные уровни, уровень международно-политической ситуации, уровень групповых (коалиционных) соглашений и уровень двусторонних отношений⁸.

Наибольшее значение имеет уровень, связанный с самой системой международных отношений. На данном этапе, по мере формирования «новой биполярности»⁹, ключевое значение для мирового развития играют отношения между КНР и США, которые все больше переходят в плоскость соперничества, по мере реализации «властного транзита» (перехода мирового лидерства от США к КНР)¹⁰. В коллективной монографии неплохо показаны основные направления данного со-

⁴ Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020. [Mirovoe kompleksnoe regionovedeniye (World Comprehensive Regional Studies). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M publ., 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020].

⁵ Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. № 20 (02). С. 356-366. [Mirovoe kompleksnoye regionovedeniye kak issledovatel'skiy podkhod i nauchnaya shkola (World Regional Studies as a Research Approach and Scientific School). Interview with Alexei D. Voskressenski, Professor, MGIMO University // Vestnik RUDN. International Relations, 2020, No. 20 (02), pp. 356-366.]

⁶ Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв.

ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1984. С. 310-398. [Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy (System, Structure and Development Process of Modern International Relations). Ed. by V.I. Gantman. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 310-398.]

⁷ Waltz, K. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 2001. 263 p.

⁸ Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1984. С. 310-398. [Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy (System, Structure and Development Process of Modern International Relations). Ed. by V.I. Gantman. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 310-398.]

⁹ Дегтерев Д.А. Многополярность или новая биполярность? РСМД, 16.01.2020 [Degterev, D.A. Multipolarity or New Bipolarity? Mnogopolyarnost' ili novaya bipolyarnost' (Russian International Affairs Council), 16.01.2020]. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/>

¹⁰ Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. США-КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. № 2. С. 210-231. [Degterev, D.A.; Ramich, M.S.; Tsyvk, A.V. U.S.-China: "Power Transition" and the Outlines of "Conflict Bipolarity" // Vestnik RUDN. International Relations, 2021, No. 2, pp. 210-231.]

перничества: декаплинг (от англ. decoupling – разрыв) в общем виде раскрывается в Главе 10 (авторы – А.Н. Карнеев, А.С. Пятчкова из НИУ ВШЭ)¹¹, И.В. Данилин (ИМЭМО РАН) в Главе 11 исследует хронику технологической войны между США-КНР¹², а Е.А. Антюхова (МГИМО) в Главе 15 показывает конкуренцию в сфере образования¹³.

Формирование китаецентричных институтов в контексте укрепления структурной власти (по С. Стрэндж¹⁴) нового гегемона раскрывает Я.В. Лексютина (СПбГУ) в Главе 9¹⁵, а неудавшиеся попытки реформативировать под себя торговую систему (структурная власть второго порядка по С. Стрэндж) на примере ТТП и ТТИП раскрываются в Главе 14 (Д.А. Кузнецов, МГИМО)¹⁶. Безусловно, после подписания в ноябре 2020 г. соглашения о создании Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) с участием КНР, перспективы альтернативного Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о ТТИП (без США, но при участии Великобритании как кандидата на вступление) выглядят менее определенными.

Системный уровень анализа блестяще представлен в Главе 13 Чжао Хуашэна (Фунданский университет), посвященной стратегическому треугольнику КНР-РФ-США,

значение которого сохраняется и в пост-биполярный период¹⁷. Отношениям КНР-РФ (одно из ребер данного треугольника) посвящены сразу три главы монографии: 17 «Китайский вектор в современной внешней политике России» (В.В. Севальнев, Е.В. Черепанова, ИЗСП), 18 «Дальний Восток России в китайской инициативе «Пояс и путь»¹⁸ (А.В. Губин, ДВФУ) и 26 «Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР» (А.В. Лукин, В.Б. Кашин)¹⁹. Мировую динамику во-многом определяет и треугольник США-КНР-Индия, отношения в котором в контексте подходов Индии к ИТР (Индо-Тихоокеанскому региону) показаны в Главе 27 А.В. Куприяновым (ИМЭМО РАН)²⁰. В Главе 30 (С.И. Лунев, МГИМО) раскрывается взаимодействие в сфере безопасности в треугольнике РФ-Индия-Китай²¹. В целом, стратегические треугольники остаются эффективным инструментарием для исследования мироустроительной архитектоники на системном уровне²².

После анализа системы международных отношений необходим переход к «нижним» иерархическим уровням. Однако, международные и региональные процессы взаимосвязаны и достаточно сложно (в ряде случаев – даже методологически неверно) проводить их декомпозицию, разбивая на отдельные локальные явления, каждое из которых впоследствии подвергать тщательно-му анализу с использованием методологии, характерной, например, для ЗР. С другой стороны, без декомпозиции, оперируя лишь на системном уровне анализа, исключительно в рамках методологии МО, невозможно

¹¹ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 190-204. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 190-204.]]

¹² Ibid. С. 275-293.

¹³ Ibid. С. 261-274.

¹⁴ Strange, S. *State and Markets*. 2nd Edition. London: Continuum, 1994.

¹⁵ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 171-189. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 171-189.]

¹⁶ Ibid. С. 251-260.

¹⁷ Ibid. С. 231-250.

¹⁸ Ibid. С. 294-306; С. 307-318.

¹⁹ Ibid. С. 465-486.

²⁰ Ibid. С. 487-496.

²¹ Ibid. С. 538-551.

²² Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. № 3. С. 23-43. [Degterev, D.A.; Ramich, M.S. Strategicheskkiye treugol'niki kak instrument balansirovaniya v mirovoy politike (Strategic Triangles and Balancing in World Politics) // *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2021, No. 3, pp. 23-43.]

выйти на комплексное понимание международной динамики.

Пределы декомпозиции в пространстве сетей и феномен трансрегионализма

В самом деле, международная система обладает высокой плотностью связей (как государственных, так и негосударственных акторов) в терминах сетевого анализа²³. Так, например, Россия поддерживает дипломатические отношения со 189 странами мира, кроме Грузии (отношения прекращены в 2008 г.), Бутана и Соломоновых островов. Российский бизнес имеет внешнеторговые связи (пусть в сотни, или даже в десятки тысяч долларов США) почти со всеми странами мира, включая небольшие государства Африки, Океании или Карибские острова. С другой стороны, на территории РФ действуют филиалы почти всех крупнейших компаний мира, да и российские компании состоят в бизнес-отношениях с крупнейшими мировыми банками, держателями их акций, покупателями сырья и готовой продукции. Таким образом, в рамках феномена транснационализации формируются многочисленные негосударственные сетевые структуры, размывающие национальный суверенитет²⁴. Британские исследователи Б. Бузан и Р. Литтл в этой связи говорят о феномене транснациональной дипломатии между ТНК и МНПО (см. Рис. 1).

Рисунок 1.

Схема современной международной системы

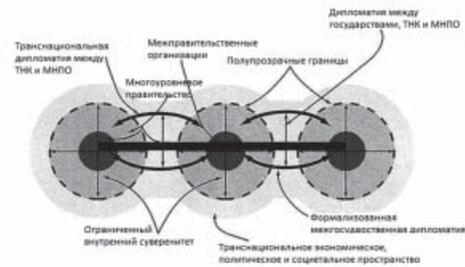

Рис. 1. Outline of the modern international system
 Источник: Buzan, B.; Little, R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 367.

Наличие такой разветвленной системы взаимоотношений означает формирование зависимостей со всеми данными акторами мировой политики. Соответственно, любая декомпозиция, ведет к игнорированию целого «пучка» данных зависимостей (и соответствующих механизмов обратных связей²⁵), многие из которых могут иметь для данного актора определяющее значение. Так, в Главе 22 коллективной монографии (Л.Э. Слуцкий, Е.А. Худоренко, МГУ имени М.В. Ломоносова) показаны сложности обеспечения «прочих равных условий» для исследования влияния пандемии на ЕАЭС²⁶.

В этом контексте особенно актуальным становится сетевой анализ международного взаимодействия, выявление центральных (по степени, по посредничеству, по иным показателям центральности) вершин сети,

²³ Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 4. С. 119-138. [Degterev, D.A. Setevoy analiz mezhdunarodnykh otnosheniy (Network Analysis of International Relations) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2015, No. 4, pp. 119-138.]

²⁴ В этом контексте стоит искать ответ на вопрос, почему, например, в Крыму не работают филиалы крупнейших российских компаний и банков, но открыты магазины «Метро» (ФРГ) и «Ашан» (Франция).

²⁵ Ятманова М.Г. Системный анализ в исследованиях международных отношений. СПб: СПбГУ, 2010. 156 с. [Yatmanova, M.G. *Sistemnyy analiz v issledovaniyakh mezhdunarodnykh otnosheniy* (Systems Analysis in the Study of International Relations). SPb: SPbGU, 2010. 156 p.]

²⁶ Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 385-398. [Logikanovoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 385-398.]

а также связанных подгрупп (кластеров)²⁷. Именно на основе кластеров целесообразно делать декомпозицию международных процессов, т.к. влияние внешних связей на входящие в кластеры акторов существенно меньше плотности и взаимного влияния внутри кластеров. Это позволяет формализовано вычленять подсистемы международных отношений.

Преодолеть недостатки декомпозиции можно за счет акцента на ребрах сети (а не на вершинах), исследуя не самого актора, а его отношения с другими участниками сети. Например, в рамках китайской теории международных отношений в последние годы широко развитие получила реляционная теория (теория отношений) мировой политики Цин Яцина²⁸. В коллективной монографии такую попытку предприняли (во 2-й главе) исследователи ДВ ДВО РАН С.К. Песцов и А.Б. Волынчук, исследуя феномен напряженности в двусторонних отношениях²⁹. Они разобрали западный академический дискурс по данной теме, но не вышли на уровень операционализации основных понятий, что можно сделать в рамках автоматизированных систем ивент-анализа, например, GDELT (Global Database of Events, Language,

and Tone)³⁰. Данные системы позволяют, используя, например, шкалу соперничества-сотрудничества Дж. Гольдштейна³¹, мониторить «пульс» двусторонних отношений как по линии межгосударственных акторов, так и в более широком контексте сотрудничества, в т.ч. по линии гражданского общества³². На повестке дня – создание российских аналогов данных информационных систем на основе сервисов «Яндекса» или специализированной поисковой системы «Ехactus» Института системного анализа РАН (НИЦ «Информатика и управление»).

Сетевое пространство породило феномен трансрегионализма, когда плотность отношений с дальними странами и континентами может быть существенно выше, чем с ближайшими соседями. В мировой торговле данный феномен усилился посредством т.н. аддитивного регионализма, когда на фоне провала дальнейшей либерализации торговли в глобальном формате в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО, страны заключают двусторонние соглашения со своими крупнейшими торговыми партнерами. Это формирует невероятный клубок (т.н. «миска спагетти») преференциальных торговых соглашений.

В этом же контексте стоит рассматривать и попытку создания ТТП и ТТИП в рамках уже упоминавшейся Главы 14 коллективной монографии³³ – США не имея

²⁷ Дегтерев Д.А., Моисеев В.Б. Разделительные линии во внешней политике стран Южной Америки: опыт прикладного анализа // Латинская Америка. 2017. № 3. С. 29-42. [Degterev, D.A.; Moiseev, V.B. Razdelitel'nyye linii vo vneshney politike stran Yuzhnoy Ameriki: opyt prikladnogo analiza (South American Dividing Lines: an Attempt to Use Applied Analysis) // *Latinskaya Amerika*, 2017, No. 3, pp. 29-42.]

²⁸ Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 220-254. [Grachikov, E.N. Kitayskaya shkola mezhdunarodnykh otnosheniy: na puti k bol'shim teoriyam (Chinese School of International Relations: Towards Big Theories). Moscow: Aspect Press, 2021. Pp. 220-254]

²⁹ Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 33-46. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 33-46.]

³⁰ The GDELT Project. Mode of access: <https://www.gdelproject.org/>

³¹ Goldstein, J. A Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data // *Journal of Conflict Resolution*, 1992, No. 2, pp. 369-385.

³² Баум В.В., Дегтерёв Д.А., Зябкина Е.И. Десять лет без дипломатического признания: прикладной анализ российско-грузинских отношений (2008-2018 гг.) // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4. С. 70-86. [Baum, V.V.; Degterev, D.A.; Zyabkina, E.I. Desyat' let bez diplomaticheskogo priznaniya: prikladnoy analiz rossiysko-gruzinskikh otnosheniy (2008-2018 gg.) (10 year without Diplomatic Recognition: Applied Analysis of Russia-Georgia Bilateral Relations (2008-2018)) // *Problemy natsional'noy strategii*, 2019, No. 4, pp. 70-86.]

³³ Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 251-260. [Logika novoy miroustroitel'noy

достаточно сил для «продавливания» выгодного для себя глобального соглашения о дальнейшей либерализации торговли и инвестиций, перешли на трансрегиональный уровень и даже стали формировать новые правовые институты (см. Главу 23, авторы М.Л. и Е.Г. Энтины, Е.А. Торкунова из МГИМО³⁴), но в итоге отказались и от него. В самом деле можно говорить о «постзападной» международной реальности³⁵ – у США, да и у «Коллективного запада» в целом уже не хватает совокупной мощи для «сплошного» реформирования мира и наблюдается переход к ресурсосберегающим сетечетричным форматам.

В целом, трансрегионализм побуждает исследователей обращать более серьезное внимание на фактор расстояния. В Главе 5 коллективной монографии И.О. Окунев (МГИМО) блестяще показывает роль пространственного подхода в построении региональных моделей³⁶, однако достаточно сложно экстраполировать данные методики, собственно, на международные отношения, скорее речь идет о внутривнутриполитических исследованиях. Как представляется, в международном пространстве сетей, эффективным инструментарием для анализа являются гравитационные модели – эконометрические модели торговых, инвестиционных, миграционных и иных потоков, одной из переменных которых выступает фактор расстояния³⁷.

Организмическая теория и практика ситанализов

Наиболее радикальный подход к критике необдуманной декомпозиции – это организмическая концепция в рамках общей теории систем (ОТС). Система международных отно-

ou arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 251-260.]

³⁴ Ibid. С. 399-436.

³⁵ Ibid. С. 131-152.

³⁶ Ibid. С. 83-102.

³⁷ Anderson, J.; van Wincoop, E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*, 2003, No. 1, pp. 170-192.

шений в рамках данного подхода сравнивается с живым организмом, а любая декомпозиция – это попытка «резать по живому», разрывая множественные «сосуды» и «капилляры» социальных связей. Так, один из основоположников ОТС, биолог по образованию, Р. Жерар разрабатывал организмическую концепцию живых систем (см. *Таб. 1*), при этом выделенные им объекты упорядочены по принципу включения (или «матрешки»).

Такие системы обладают, по мнению Р. Жерара, структурой (совокупностью отношений между частями), функцией (совокупностью реакций на условия внутренней и внешней среды) и историей (длительными, необратимыми изменениями).

Согласно принципу гомеостаза, система стремится к сохранению в границах навязанных нарушений. Также Р. Жерар говорил о принципе циклической взаимозависимости структуры, функции и истории системы. Например, структура нервной системы (орган – это промежуточное звено по классификации Р. Жерара между клеткой и особью) определяет поведение особи, а поведение индивидуумов определяет историю их общества.

Примечательно, что организмическую терминологию использовали авторы, пожалуй, наиболее известной методики ситуационных анализов в нашей стране, проводимой по инициативе академика РАН д.э.н. Е.М. Примакова в 1970-е гг. совместно с д.и.н. В.И. Гантманом и к.т.н. В.И. Любченко в ИМЭМО АН СССР. При разработке данной методики авторы исходили из «системно-исторического представления о международно-политических ситуациях как целостных динамических подсистемах в системе международных отношений». При этом исследуемая ситуация, по их мнению, «может рассматриваться как своеобразная “клетка” современной международной жизни»³⁸. В общей сложности было проведе-

³⁸ Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И. Методика ситуационного анализа международных отношений. М.: ИМЭМО. 1974 // Архив ИМЭМО РАН. С. 5-7. [Primakov, E.M.; Gantman, V.I.; Lyubchenko, V.I. (Methodology for Situational Analysis of International Relations). Moscow: IMEMO. 1974 // *Archive of IMEMO RAS*. Pp. 5-7.]

Таблица 1.

Понятийная схема общей теории систем Р. Жерара

Объект	Структура	Действие (функция)	Становление (история)
Общество	Этнография, описательная социология	Экономическая теория, социальная психология	История
Группа	Социометрия	Динамика групп	Динамика групп
Особь	Анатомия	Экспериментальная психология	Психология развития
Клетка	Гистология	Физиология клетки	Эмбриология, дифференциация тканей

Table 1. Conceptual scheme of the general theory of systems by R. Gerard

Источник: Цит. по Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1969. М.: Наука, 1969. С. 68.

но несколько десятков ситуационных анализов, в т.ч. с привлечением экспертов из МИД СССР, Международного отдела ЦК КПСС, других ведомств и научных институтов.

Под влиянием «организмического» подхода ИМЭМО, автор данной работы в 2014-2018 гг. проводил в РУДН серию ситуационных анализов международных конфликтов, разработав собственную междисциплинарную методику³⁹. В рамках «матричного подхода» часть докладчиков рассматривали все основные характеристики актора (государственного или негосударственного); другие брали на себя исследование какой-либо общей характеристики (роль армии, роль СМИ, социально-экономического положение) по всем акторам⁴⁰. Это позволяло «пле-

сти» практически «бесшовную» мозаику, исследуя региональные конфликты.

В коллективной монографии данной проблематике посвящена заключительная, 32 глава⁴¹, автор которой, проф. А.Д. Богатуров, поднимает целый ряд актуальных вопросов организации ситуационных анализов в современных условиях. Среди них, например, дихотомия: онлайн-формат vs личное присутствие, при этом в каждом есть свои достоинства и недостатки. В последнее время ряд организаций сочетает оба формата: в начале проводя более кулуарную офлайн-дискуссию, после которой переходит в «широкоформатный» онлайн с участием ведущих международных экспертов. Еще одна дихотомия, уже обсуждавшаяся в начале статьи: между историками (специалистами по ИМО) и теоретиками (политологами-международниками). Аналитические конструкции последних необходимо подкреплять отсылкой к конкретно-историческому материалу первых. Заключительная дихотомия – между взаимодополняющими категориями: более общей теорией и прикладным международно-политическим анализом.

³⁹ Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов / Под ред. Д.А. Дегтерева, В.Г. Джангирияна, В.А. Цвыка. М.: РУДН, 2014. 110 с. [Kompleksnaya mezhdistsiplinarnaya metodika RUDN situatsionnogo analiza mezhdunarodnykh konfliktov (A Comprehensive Interdisciplinary Methodology of the RUDN University for the Situational Analysis of International Conflicts). Ed. by D.A. Degterev, V.G. Dzhangiryan, V.A. Tsvyk. Moscow: RUDN, 2014. 110 p.]

⁴⁰ Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (материалы Экспертного семинара и Ситуационного анализа РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 9-23. [Degterev, D.A.; Savicheva, E.M.; Mateva, I.M. Dinamicheskiy kaos, konflikty na Bol'shom Blizhnem Vostoke i mekhanizmy global'nogo upravleniya v XXI v. (materialy Ekspertnogo seminar i Situatsionnogo analiza RUDN) (Dynamic Chaos, Conflicts in

the Greater Middle East and Global Governance Mechanisms in the XXI Century (Proceedings of PFUR's Expert Seminars and Situational Analysis)) // Vestnik RUDN. International Relations, 2015, No. 3, pp. 9-23.]

⁴¹ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 566-575. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 566-575.]

Агент-структурная «матрешка» и региональный уровень

Организмическая концепция (см. Таб. 1) подводит нас к рельефному пониманию агент-структурной проблемы в международных отношениях. Данная проблема заимствована из социологии (теория структуры Э. Гидденса) и получила широкую известность в МО благодаря основоположнику структурного реализма К. Уолтцу, показавшему, что особое влияние на поведение акторов оказывает структура системы международных отношений⁴². По Э. Гидденсу, социальный агент – это проводник норм и ценностей окружающей его среды. В контексте конструктивистской концепции, структура и агенты выступают как взаимообусловленные и динамически меняющиеся в процессе взаимодействия сущности.

Более того, делается попытка увязать агент-структурную проблему с вопросом уровней анализа международных отношений. Так, факторы, которые могут быть отнесены к структурным ограничениям (макроуровень), при смещении на более высокий уровень анализа, переходят в разряд факторов, контролируемых более влиятельными социальными агентами (микроуровень). При этом, однако, у последних на более высоком уровне появляются свои структурные ограничения⁴³. В этой связи, политика на более низком уровне анализа, как матрешка, является «вложенной» в политику, определяемую на более высоком уровне (*nested politics*)⁴⁴.

Агент-структурная «матрешка» помогает лучше понять феномен «средних держав», балансирующих «между великими» в период турбулентности (например, Турция в нынешнюю эпоху «транзита власти») и в большей

степени скованных блоковой дисциплиной (т.н. *sub-imperial power*)⁴⁵ в периоды жесткой иерархии «стабильной биполярности». В Главе 4 коллективной монографии В.В. Вершининой (МГИМО) проведен качественный анализ международного дискурса о «державках среднего уровня»⁴⁶. Требуется дальнейшая операционализация рассмотренных понятий, позволяющая отнести конкретные страны к разным группам (в контексте разных классификаций) в зависимости от их показателей мощи.

Феномен регионального балансирования раскрыт сразу в нескольких материалах коллективной монографии, написанных авторами из МГИМО, в т.ч. в Главе 24 «Российские стратегии союзничества на Ближнем Востоке» (М.С. Ходынская-Голенищева и М.А. Сучков)⁴⁷, а также в Главах 28 «Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или новый консенсус?» (А.Д. Дикарев)⁴⁸ и 29 «Региональные линии разлома как фактор институциональной динамики АТР» (Е.Г. Кожин)⁴⁹. В последних двух главах показано балансирование стран АСЕАН между КНР и США, а в 24 главе – использование РФ (великой державой) региональных треугольников для укрепления своего влияния на Ближнем Востоке.

Поликомпоненты и комплексная взаимозависимость

Формирование сетецентричного мира – это уход от монокомпонент и блоковой

⁴² Waltz, K. *Theory of International Politics*. N.Y.: Addison-Wisley Publishing Company, 1979. Pp. 73-77.

⁴³ Temby, O. What Are Levels of Analysis and What Do They Contribute to International Relations Theory? // *Cambridge Review of International Affairs*, 2015, No. 4, pp. 721-742.

⁴⁴ Braumoeller, B. *The Great Powers and the International System: Systemic Theory in Empirical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 16.

⁴⁵ Ngwane, T.; Bond, P. South Africa's Shrinking Sovereignty: Economic Crises, Ecological Damage, Sub-Imperialism and Social Resistances // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2020, No. 1, pp. 67-83.

⁴⁶ Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 47-66. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 47-66.]

⁴⁷ Ibid. С. 437-450.

⁴⁸ Ibid. С. 497-512.

⁴⁹ Ibid. С. 513-538.

Таблица 2.

Сравнение парадигм порядка, сложности и беспорядка

Порядок	Сложность	Беспорядок/ хаос
Линейная парадигма Основана на:	Нелинейная системная парадигма Основана на:	Алинейная парадигма Основана на:
– рациональности	– ограниченной рациональности	– иррациональности
– предсказуемости	– ограниченной (не)предсказуемости	– полной непредсказуемости
– детерминизме	– эволюционных изменениях	– бессмысленности причинности
– не признается врожденная ограниченность человеческого познания и прогресса	– существенных ограничениях познания и прогресса из-за неопределенности	– невозможности познать познания и прогресс

Table 2. Comparison of Paradigms of Order, Complexity and Disorder

Источник: Kavalski, E. *The Fifth Debate and the Emergence of Complex International Relations Theory: Notes on the Application of Complexity Theory to the Study of International Life* // *Cambridge Review of International Affairs*, 2007, No. 3, p. 438.

Notes on the Application of Complexity Theory to the Study of International Life // *Cambridge Review of International Affairs*, 2007, No. 3, p. 438.

дисциплины «холодной войны» в сторону поликомпонент и взаимозависимостей пост-биополярного мира, нелинейных эффектов, моделирования в терминах сложных систем⁵⁰. В коллективной монографии этому посвящены две последних главы (7-8) методологической части⁵¹. При всей аналитической полезности данного инструментария, существует ряд заблуждений, связанных с теорией сложности, о якобы принципиальной непознаваемости, алогичности и иррациональности современного мира (см. Таб. 2), который, например, продвигает в своих работа Э. Кавальски. Он даже выдвигает гипотезу о начале пятого «Великого спора» в ТМО: линейность против нелинейности⁵², а также продвигает «алинейную парадигму».

С данными подходами достаточно сложно согласиться. Степень управления международными процессами со стороны доминирующей державы (пока остается США) достаточно высока. Остальным же

внушается тезис о невозможности не только управления мировыми процессами, но даже понимания механизмов управления – мол, «расслабьтесь и получайте удовольствие», созерцая, как мир переформатируется.

Несмотря на размывание суверенитета и более сложную конфигурацию международной системы, продвижение национальных интересов в новых реалиях более чем возможно, о чем еще в 1977 г. писали Р. Кохейн и Дж. Най в контексте разработки теории комплексной взаимозависимости в своей монографии, которая была четырежды переиздана⁵³. При переходе от простой системы монокомпонент («свой»-«чужой») к новому состоянию взаимозависимости, основанному на множестве социальных взаимопересечений по межгосударственной, трансправительственной и транснациональной линиям, важно не бояться зависимостей, а управлять ими. Т.е. мы должны зависеть от «партнеров» меньше, чем они от нас. Иначе возникает асимметричная зависимость и власть «партнеров» над нами.

Взаимозависимость – необходимый контекст для прочтения сразу двух методологических глав коллективной монографии: 3 («Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира») и 11 (Китайская политика в сфере применения экономических санкций). В третьей главе исследователи из ННГУ (М.Л. Горбунова и И.Д. Комаров) берутся за очень амбициозную тему – моделирование

⁵⁰ Дегтерев Д.А., Истомин И.А. Системное моделирование международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 22. [Degterev, D.A.; Istomin, I.A. *Sistemnoye modelirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy* (Systemic Modeling of International Relations) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2015, No. 11, p. 22.]

⁵¹ Ibid. С. 131-170.

⁵² Kavalski, E. *The Fifth Debate and the Emergence of Complex International Relations Theory: Notes on the Application of Complexity Theory to the Study of International Life* // *Cambridge Review of International Affairs*, 2007, No. 3, p. 445.

⁵³ Keohane, R.; Nye, J. *Power & Interdependence*, 4th Edition. N.Y.: Pearson, 2012.

зависимости от ведущих стран мира по ряду товарных групп, в т.ч. продовольствие (злаки), минеральное сырье и оружие⁵⁴. Авторы заслуживают поощрения за «интеллектуальную дерзость» и выход на операционализацию (и квантификацию) основных понятий (т.е. успешный переход от дискурса к собственно математическому моделированию). Вместе с тем, необходимо комплексное моделирование их внешней торговли (т.е. по всем основным товарным группам) для выявления асимметричной взаимозависимости (по Р. Кохейну и Дж. Наю). Хорошим примером такого моделирования является исследование Денверского университета по выявлению зон влияния великих держав на основе анализа взаимозависимостей⁵⁵. В.Б. Кашин, А.С. Пятчкова и Л.С. Крашенинникова (НИУ ВШЭ) показывают, как растет эффективность санкционной политики Китая по мере увеличения китайского потенциала и усиления торговой зависимости других стран от КНР⁵⁶.

Взаимозависимость африканских стран от КНР через компоненты структурной власти второго порядка (по С. Стрэндж) – транспорт и энергетику – показана в Главах 20 (М.А. Володина, ИМЭМО)⁵⁷ и 21 (К.А. Гемуева, ИМЭМО)⁵⁸, а механизмы комплексной взаимозависимости стран континента от КНР раскрывается в Главе 19 (Е.И. Зе-

ленев, М.А. Солощева, НИУ ВШЭ СПб)⁵⁹. Отдельный вид взаимозависимости связан с совместной эксплуатацией водных ресурсов – этому посвящена Глава 31 (А.В. Михалев, Бурятский ГУ)⁶⁰, где раскрывается взаимодействие РФ и Монголии по использованию р. Селенга.

Теория МО и ЗР: нормативная составляющая

МО и ЗР, как и любая социальная наука, имеют значительную нормативную (идеологическую) составляющую. По мере формирования однополярного мироустройства, в РФ происходил отход от марксистско-ленинской идеологии в общественных науках, однако «идеологический вакуум» в данной сфере был достаточно быстро заполнен – со второй половины 1990-х гг. в отечественной науке при анализе МО на передний план вышли различные теории международных отношений⁶¹ – продукт «американской социальной науки» с 1960-х гг.⁶² В коллективной монографии отмечается нормативность западного дискурса по «держavam среднего уровня» (Глава 4). Так, если ранее о них говорилось исключительно в русле ответственных членов международного сообщества, охотно вступающих в международные организации и соблюдающих международные нормы, то в последние годы появился дискурс и о средних державах – ревизионистах (яркий пример – это Турция)⁶³. Таким образом ре-

⁵⁴ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 47-66. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 47-66.]

⁵⁵ Power and Influence in the Globalized World. Atlantic Council, 2018.

⁵⁶ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 205-222. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 205-222.]

⁵⁷ Ibid. С. 339-358.

⁵⁸ Ibid. С. 357-384.

⁵⁹ Ibid. С. 319-338.

⁶⁰ Ibid. С. 552-565.

⁶¹ От системной истории к российской теории международных отношений. Интервью с профессором Алексеем Демосфеновичем Богатуровым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. № 3. С. 574-584. [Ot sistemnoy istorii k rossiyskoy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy. Interv'yu s professorom Alekseyem Demosfenovichem Bogaturovym (From Systemic IR History to the Russian IR Theory. Interview with Professor Alexei D. Bogaturov) // Vestnik RUDN. International Relations, 2020, No. 3, pp. 574-584.]

⁶² Hoffmann, S. An American Social Science: International Relations // *Daedalus*, 1977, No. 3, pp. 41-60.

⁶³ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред.

альное внешнеполитическое поведение целого ряда игроков перестало укладываться в аналитическую рамку, призванную идеализировать либеральный миропорядок.

Однако представляется несколько упрощенным мнение о том, что все современные американоцентричные теории МО необходимо скорее отвергнуть, обезопасив себя от «тлетворного влияния Запада»⁶⁴. Данные теории преимущественно инструментальны и могут быть использованы в разных направлениях. Например, уже упоминавшаяся теория «властного транзита», разработанная в 1960-е гг. американскими исследователями, в настоящее время работает против США, т.к. обуславливает потерю ими лидерства в пользу КНР.

С другой стороны, получают популярность т.н. незападные теории международных отношений, а точнее – общественно-политическая мысль стран «Глобального Юга». Так, в 2018-2020 гг. на кафедре ТИМО РУДН было проведено в общей сложности восемь научных семинаров по данной проблематике с участием десятков ведущих российских и зарубежных исследователей (см. Таб. 3), по итогам которых планируется выход обобщающей монографии.

Таблица 3

Научные семинары кафедры ТИМО по незападным ТМО в 2018-2020 гг.

Дата	Тема научного семинара
30 октября 2018	Может ли евразийство стать основой российской ТМО?
23 ноября 2018	Японские, корейские и монгольские концепции мироустройства: перспективы паназиатской модели

А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 79. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. P. 79.]

⁶⁴ Бовдунов А. Влияние американской идеологии на российское сообщество международных (The Influence of American Ideology on the Russian Community of International Studies) / Katehon, 24.02.2016. Mode of access: <http://katehon.com/ru/article/vliyanie-amerikanskoy-ideologii-na-rossiyskoe-soobshchestvo-mezhdunarodnikov>

Дата	Тема научного семинара
1 марта 2019	Китайская школа международных отношений: реализм, либерализм и конструктивизм
26 апреля 2019	Концепции международных отношений стран Юго-Восточной Азии
8 ноября 2019	Концепции международных отношений стран Южной Азии
12 декабря 2019	Концепции международных отношений Турции
28 февраля 2020	Исследования международных отношений в странах Африки
22 октября 2020	Латиноамериканские концепции международных отношений

Table 3. Scientific Seminars of the Department of IR Theory on Non-Western TMO in 2018-2020.

В попытке вовлечь незападный мир в конвенциональный западный академический дискурс А. Ачария (США) уже несколько лет продвигает идею «Глобальных МО» (*Global IR*)⁶⁵, в этом же русле можно рассматривать и постколониальные исследования⁶⁶. В коллективной монографии вопросы нормативности существующих теорий МО и ЗР поднимаются в Главе 1 (А.Д. Воскресенский, МГИМО)⁶⁷, а также в Главе 6 (В.В. Макаренко, ИВ РАН)⁶⁸. Так, А.Д. Воскресенский исследует феномен Незапада в социальных науках, постколониальных исследований и глобальной ТМО.

⁶⁵ Acharya, A. Towards a Global International Relations? E-International Relations, 10.12.2017. Mode of access: <https://www.e-ir.info/2017/12/10/towards-a-global-international-relations/>

⁶⁶ Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26-40. [Fituni, L.L.; Abramova, I.O. Political Theory of Decolonization: Imperatives of Modern Reading // *Polis. Political Studies*, 2020, No. 6, pp. 26-40.]

⁶⁷ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 8-32. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 8-32.]

⁶⁸ Ibid. С. 103-130.

Региональные исследования не менее нормативны. Можно вспомнить и «Ориентализм» Э. Саида⁶⁹, и приснопамятную советологию и кремлинологию, которая в постбиполярный период трансформировалась в ангажированные исследования России. В этом контексте примечательна Глава 12 коллективной монографии (В.А. Скосырев, ИСАА МГУ), посвященная антикитайским синологическим исследованиям в США⁷⁰, значение которых будет только возрастать по мере становления «конфликтной биполярности».

Существует ряд западных методик региональных исследований, например, подходы Ибн-Хальдуна⁷¹, западные дуальные типологии цивилизаций мусульманских мыслителей⁷². В Главе 25 коллективной монографии (Е.В. Колдунова, МГИМО) в позитивном ракурсе представлен западный регионализм АСЕАН⁷³. Однако это скорее частности, и как

справедливо отмечается В.В. Макаренко в 6 главе, всеобъемлющей западной теории регионализма (наподобие марксистского формационного подхода) пока не разработано. Предлагаемая им к использованию мир-системная теория И. Валлерстайна – это, по сути, все тот же нео- (или современный) марксизм, значение которого в эпоху глобального капитализма снизилось⁷⁴. Более того, небывалый подъем КНР ставит под вопрос релевантность ряда положений мир-системного подхода в его классической трактовке, что признает и сам И. Валлерстайн⁷⁵.

В первой главе А.Д. Воскресенский убедительно показывает, каким образом классическая работа Б. Бузана и О. Уэвера «Регионы и власть» способствовала интеграции регионального уровня анализа в ТМО и способствовала синтезу международных и региональных исследований⁷⁶. На повестке дня – интеграция западных подходов в ТМО и региональные исследования.

⁶⁹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Восток. Пер. с англ. СПб: Русский мир, 2006. 636 с. [Russian Translation of: Said E. Orientalism. N.Y.: Vintage Books, 1979].

⁷⁰ Логикановой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 223-230. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 223-230.]

⁷¹ Кузнецов В. Нужна специализация по отдельным регионам арабского мира // РСМД, 23.07.2021 (We Need Specialization in Certain Regions of the Arab world // Russian International Affairs Council, 23.07.2021). Mode of access: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/nuzhna-spetsializatsiya-po-otdelnym-regionam-arabskogo-mira/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁷² Савин Л.В. Ordo Pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства. М.: Издательский дом «Кислород», 2020. С. 437-440. [Savin, L.V. Ordo Pluriversalis. Vozrozhdeniye mnogopolyarnogo miroustroystva (Ordo Pluriversalis. Revival of a Multipolar World Order). Moscow: Publishing house «Kislod», 2020. Pp. 437-440.]

⁷³ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 451-464. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav

(The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 451-464.]

⁷⁴ Дегтерев Д.А. Западные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 4. С. 113-122. [Degterev, D.A. Zapadnyye teorii razvitiya v epokhu global'nogo kapitalizma (Non-Western Theories of Development in the Global Capitalism Era) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2021, No. 4, pp. 113-122.]

⁷⁵ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. XXX-XXXII. [Russian translation of: Wallerstein, I. The Modern World-System. I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y.: Academic Press, 2011.]

⁷⁶ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 21-22. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 21-22.]

Литература:

Алексеева Т.А., Дегтерев Д.А. Международные отношения: спор о науке и методе // Вестник Российской академии наук. 2017. № 87 (09). С. 848-857.

Баум В.В., Дегтерев Д.А., Зябкина Е.И. Десять лет без дипломатического признания: прикладной анализ российско-грузинских отношений (2008-2018, гг.) // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 4. С. 70-86.

Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. XXX-XXXII.

Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 220-254.

Дегтерев Д.А. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 4. С. 113-122.

Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 4. С. 119-138.

Дегтерев Д.А., Истомин И.А. Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11.

Дегтерев Д.А., Моисеев В.Б. Разделительные линии во внешней политике стран Южной Америки: опыт прикладного анализа // Латинская Америка. 2017. № 3. С. 29-42.

Дегтерев Д.А., Рамич М.С. Стратегические треугольники как инструмент балансирования в мировой политике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 3. С. 23-43.

Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цык А.В. США-КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. № 2. С. 210-231.

Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матеева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (материалы Экспертного семинара и Ситуационного анализа РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 9-23.

Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов / Под ред. Д.А. Дегтерева, В.Г. Джангириана, В.А. Цыка. М.: РУДН, 2014. 110 с.

Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.

Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020.

Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. № 20 (02). С. 356-366.

От системной истории к российской теории международных отношений. Интервью с профессором Алексеем Демосфеновичем Богатуровым // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. № 3. С. 574-584.

Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И. Методика ситуационного анализа международных отношений. М.: ИМЭМО. 1974 // Архив ИМЭМО РАН. С. 5-7.

Савин Л.В. Ordo Pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства. М.: Издательский дом «Кислород», 2020. С. 437-440.

Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. Пер. с англ. СПб: Русский мир, 2006. 636 с.

Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман М.: Наука, 1984. С. 310-398.

Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26-40.

Ятманова М.Г. Системный анализ в исследованиях международных отношений. СПб: СПбГУ, 2010. 156 с.

Acharya, A. Towards a Global International Relations? E-International Relations, 10.12.2017. Mode of access: <https://www.e-ir.info/2017/12/10/towards-a-global-international-relations/>

Anderson, J.; van Wincoop, E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*, 2003, No. 1, pp. 170-192.

Braumoeller, B. The Great Powers and the International System: Systemic Theory in Empirical Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 16.

Goldstein, J. A Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data // *Journal of Conflict Resolution*, 1992, No. 2, pp. 369-385.

Hoffmann, S. An American Social Science: International Relations // *Daedalus*, 1977, No. 3, pp. 41-60.

Kavalski, E. The Fifth Debate and the Emergence of Complex International Relations Theory: Notes on the Application of Complexity Theory to the Study of International Life // *Cambridge Review of International Affairs*, 2007, No. 3, p. 445.

Keohane, R.; Nye, J. Power & Interdependence, 4th Edition. N.Y.: Pearson, 2012.

Ngwane, T.; Bond, P. South Africa's Shrinking Sovereignty: Economic Crises, Ecological Damage, Sub-Imperialism and Social Resistances // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2020, No. 1, pp. 67-83.

Power and Influence in the Globalized World. Atlantic Council, 2018.

Strange, S. State and Markets. 2nd Edition. London: Continuum, 1994.

Temby, O. What Are Levels of Analysis and What Do They Contribute to International Relations Theory? // *Cambridge Review of International Affairs*, 2015, No. 4, pp. 721-742.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017.

Waltz, K. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 2001. 263 p.

Waltz, K. Theory of International Politics. N.Y.: Addison-Wisley Publishing Company, 1979. Pp. 73-77.

References:

Acharya, A. Towards a Global International Relations? E-International Relations, 10.12.2017. Mode of access: <https://www.e-ir.info/2017/12/10/towards-a-global-international-relations/>

- Alekseeva, T.A.; Degterev, D.A. Mezhdunarodnyye otnosheniya: spor o nauke i metode (International Studies: a Dispute on Science and Method) // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, No. 87 (09), pp. 848-857.
- Anderson, J.; van Wincoop, E. Gravity with Gravititas: A Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*, 2003, No. 1, pp. 170-192.
- Baum, V.V.; Degterev, D.A.; Zhabkina, E.I. Desyat' let bez diplomaticheskogo priznaniya: prikladnoy analiz rossiysko-gruzinskikh otnosheniy (2008-2018 gg.) (10 year without Diplomatic Recognition: Applied Analysis of Russia-Georgia Bilateral Relations (2008-2018)) // *Problemy natsional'noy strategii*, 2019, No. 4, pp. 70-86.
- Braumoeller, B. The Great Powers and the International System: Systemic Theory in Empirical Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 16.
- Degterev, D.A. Nezapadnyye teorii razvitiya v epokhu global'nogo kapitalizma (Non-Western Theories of Development in the Global Capitalism Era) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2021, No. 4, pp. 113-122.
- Degterev, D.A. Setevoy analiz mezhdunarodnykh otnosheniy (Network Analysis of International Relations) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2015, No. 4, pp. 119-138.
- Degterev, D.A.; Istomin, I.A. Sistemnoye modelirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy (Systemic Modeling of International Relations) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2015, No. 11, p. 22.
- Degterev, D.A.; Moiseev, V.B. Razdelitel'nyye linii vo vneshney politike stran Yuzhnoy Ameriki: opyt prikladnogo analiza (South American Dividing Lines: an Attempt to Use Applied Analysis) // *Latinskaya Amerika*, 2017, No. 3, pp. 29-42.
- Degterev, D.A.; Ramich, M.S. Strategicheskkiye treugol'niki kak instrument balansirovaniya v mirovoy politike (Strategic Triangles and Balancing in World Politics) // *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 2021, No. 3, pp. 23-43.
- Degterev, D.A.; Ramich, M.S.; Tsvyk, A.V. U.S.-China: "Power Transition" and the Outlines of "Conflict Bipolarity" // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2021, No. 2, pp. P. 210-231.
- Degterev, D.A.; Savicheva, E.M.; Mateva, I.M. Dinamicheskii khaos, konflikty na Bol'shom Blizhnem Vostoke i mekhanizmy global'nogo upravleniya v XXI v. (materialy Ekspertnogo seminaru i Situatsionnogo analiza RUDN) (Dynamic Chaos, Conflicts in the Greater Middle East and Global Governance Mechanisms in the XXI Century (Proceedings of PFUR's Expert Seminars and Situational Analysis)) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2015, No. 3, pp. 9-23.
- Fituni, L.L.; Abramova, I.O. Political Theory of Decolonization: Imperatives of Modern Reading // *Polis. Political Studies*, 2020, No. 6, pp. 26-40.
- Goldstein, J. A Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data // *Journal of Conflict Resolution*, 1992, No. 2, pp. 369-385.
- Grachikov, E.N. Kitayskaya shkola mezhdunarodnykh otnosheniy: na puti k bol'shim teoriyam (Chinese School of International Relations: Towards Big Theories). Moscow: Aspect Press, 2021. Pp. 220-254
- Hoffmann, S. An American Social Science: International Relations // *Daedalus*, 1977, No. 3, pp. 41-60.
- Kavalski, E. The Fifth Debate and the Emergence of Complex International Relations Theory: Notes on the Application of Complexity Theory to the Study of International Life // *Cambridge Review of International Affairs*, 2007, No. 3, p. 445.
- Keohane, R.; Nye, J. Power & Interdependence, 4th Edition. N.Y.: Pearson, 2012.
- Kompleksnaya mezhdistsiplinarnaya metodika RUDN situatsionnogo analiza mezhdunarodnykh konfliktov (A Comprehensive Interdisciplinary Methodology of the RUDN University for the Situational Analysis of International Conflicts). Ed. by D.A. Degterev, V.G. Dzhangiryan, V.A. Tsvyk. Moscow: RUDN, 2014. 110 p.
- Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. 576 p.
- Mirovoe kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M publ., 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020.
- Ngwane, T.; Bond, P. South Africa's Shrinking Sovereignty: Economic Crises, Ecological Damage, Sub-Imperialism and Social Resistances // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2020, No. 1, pp. 67-83.
- Otsistemnoy istorii k rossiyskoy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy. Interv'y u s professorom Alekseyem Demosfenovichem Bogaturovym (From Systemic IR History to the Russian IR Theory. Interview with Professor Alexei D. Bogaturov) // *Vestnik RUDN. International Relations*, 2020, No. 3, pp. 574-584.
- Power and Influence in the Globalized World. Atlantic Council, 2018.
- Primakov, E.M.; Gantman, V.I.; Lyubchenko, V.I. Metodika situatsionnogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy (Methodology for Situational Analysis of International Relations). Moscow: IMEMO. 1974 // *Archive of IMEMO RAS*. Pp. 5-7.
- Russian Translation of: Said, E. Orientalism. N.Y.: Vintage Books, 1979.
- Savin, L.V. Ordo Pluriversalis. Vozrozhdeniye mnogopolyarnogo miroustroystva (Ordo Pluriversalis. Revival of a Multipolar World Order). Moscow: Publishing house "Kislorod", 2020. Pp. 437-440.
- Systema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy (System, Structure and Development Process of Modern International Relations). Ed. by V.I. Gantman. Moscow: Nauka, 1984. Pp. 310-398.
- Strange, S. State and Markets. 2nd Edition. London: Continuum, 1994.
- Temby, O. What Are Levels of Analysis and What Do They Contribute to International Relations Theory? // *Cambridge Review of International Affairs*, 2015, No. 4, pp. 721-742.
- Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017.
- Wallerstein, I. The Modern World-System. I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y.: Academic Press, 2011.
- Waltz, K. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 2001. 263 p.
- Waltz, K. Theory of International Politics. N.Y.: Addison-Wisley Publishing Company, 1979. Pp. 73-77.
- Yatmanova, M.G. Sistemnyy analiz v issledovaniyakh mezhdunarodnykh otnosheniy (Systems Analysis in the Study of International Relations). SPb: SPbGU, 2010. 156 p.

INTERNATIONAL AND REGIONAL STUDIES:
TOWARDS A «SEAMLESS» METHODOLOGY OF ANALYSIS

Discussing the book: *Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav*
(The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers).
Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. 576 p.

Denis A. Degterev

RUDN University, MGIMO University, Moscow, Russia
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 18.08.2021</p> <p><i>Sent for editing:</i> 21.08.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 07.09.2021</p>	<p>Abstract: The paper is dedicated to the key methodological problems of international and regional studies and the prospects for the formation of a unified, «seamless» methodology. The author's reflections are illustrated by examples from the collective monograph, ed. by Alexei D. Voskressenski "The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers" (2021). At the first stage, the question of the levels of analysis in international studies is investigated with a special emphasis on the systemic level, as well as the practical difficulties of decomposition of international political situations, taking into account the high density of social ties. The applied value of network analysis and event analysis is shown. The phenomenon of transregionalism, which is of great importance for international economic relations, is considered from a network point of view. Methodological tools for the analysis of trans-regional institutions are presented as well. Much attention is paid to the organismic concept of the general theory of the system and its adaptation to the IR system. The practical use of this concept in organizing situational analyzes of international processes is shown. The regional level of analysis and the place of the "middle-level powers" in the world system are revealed through the prism of an agent-structural "matryoshka" (nested model) – agent-structural problem at different levels of analysis. The limits and possibilities of application of the complexity theory in the analysis of IR are explored. Special attention is paid to the concept of complex interdependence of R. Keohane and J. Nye, which, according to the author, adequately reflects modern IR and is the key to understanding the formation of zones of influence of great powers in world politics. Finally, the work reveals the normative component of IR theory and shows an increasing popularity of non-Western IR theories in the last few years. The normativity in regional studies is explored as well and particular cases of the application of non-Western approaches in regional studies are shown. The necessity of integration of non-Western approaches to IR theory and regional research is declared.</p>
<p>About the author: Doctor in Political Sciences, Candidate in Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; Professor of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; Professor of St. Petersburg State University</p> <p>e-mail: Degterev-da@rudn.ru</p>	
<p>Key words: IR theory; non-Western IR; applied analysis; system modeling; situational analyzes; network analysis; event analysis; trans-regionalism; organismic approach; agent-structural problem; complexity theory; transregionalism; complex interdependence;</p>	

Для цитирования: Дегтерев Д.А. Международные и региональные исследования: к «бесшовной» методологии анализа // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 82-97.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10042

For citation: Degterev, Denis A. *Mezhdunarodnyye i regional'nyye issledovaniya: k «besshovnoy» metodologii analiza* (International and Regional Studies: Towards a «Seamless» Methodology of Analysis) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 82-97.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10042

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10043

МЕНЯЮЩИЙСЯ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: НОВАЯ АРХИТЕКТОНИКА

Размышляя над книгой: Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.

Татьяна Александровна Алексеева

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 23 августа 2021</p> <p><i>Принята к печати:</i> 7 сентября 2021</p>	<p>Аннотация: Размышляя над книгой: Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с. Статья представляет собой подробный анализ проблематики, концептуальных положений, поднятых вопросов и проблем монографического исследования «Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав».</p>
<p>Об авторе: д. филос. н., профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки Российской Федерации</p> <p>e-mail: ataleks@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: мировая архитектоника; мировой порядок; великие державы; теория международных отношений</p>	

Вопрос о перспективах Теории международных отношений уже не протяжении ряда лет находится в центре дискуссий отечественных ученых-международников. Мир изменяется на наших глазах, причем перемены настолько фундаментальны, что уже как-то не совсем удобно продолжать рассуждать о возвращении к политическому реализму, приводить бесконечные перепевы либеральных взглядов на глобализацию или описывать не-западные теории как своего рода экзотику. И хотя инерция мышления, что вполне естественно, все же время от времени всплывает в статьях и книгах, появляется кое-что новое, причем заслуживающее самого внимательного отношения. Поэтому такая неординарная книга, как «Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав», подготовленная коллективом видных исследователей под редакцией профессора А.Д. Воскресенского, не

может и не должна остаться незамеченной российским научным сообществом.

Уже в самом начале исследования А.Д. Воскресенский обращает внимание читателей на два этапа в эволюции теории – долгое время это было всеобщее историческое осмысление мировых процессов, затем выявились две тенденции – мирополитическая и мироустроительная. На этом фоне постепенно начала вырисовываться концепция *многофакторного равновесия международных отношений*¹. Поначалу интерес ученых из Института Дальнего Востока и позднее МГИМО был направлен

¹ Воскресенский А.Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Свободная мысль. 2000. № 4. С. 7-24. [Voskressenski, Alexei D. Mnogofaktornoye Ravnovesiye v Mezhdunarodnikh Otnosheniyakh (A Multi-Factor Equilibrium in International Relations) // *Svobodnaya Misl'*, 2000, No. 4, pp. 7-24.]

вроде бы на российско-китайские отношения и, возможно, поэтому новый сюжет не сразу привлек внимание международных, многим из которых, что греха таить, по-прежнему присущ западо-центризм или америко-центризм. Между тем, в основе нового подхода лежала разработка, прежде всего, именно теории международных отношений². Другое дело, что в качестве кейса, позволившего в дальнейшем выйти на обобщения макроисторического и политического характера, были взяты примеры России и Китая, причем ни много ни мало на протяжении четырех столетий³. Речь идет не просто об описании тех или иных событий в отношениях двух стран, а о динамике и преемственности отношений, их моделирования, о влиянии исторического прошлого и его «конструирования» и «ре-конструирования» на разных этапах развития в самом широком региональном контексте, включая сценарное прогнозирование будущего⁴.

Однако рассмотрения данного кейса оказалось мало – и фокус внимания расширился на Восток в целом⁵, или, даже можно сказать,

на «Не-Запад» как таковой⁶, одновременно внеся немалый вклад в такую область познания как «комплексное регионоведение»⁷. Без такого взгляда, и с этим нельзя не согласиться, понимание структурно-политических характеристик мира стало бы в лучшем случае поверхностным. Кроме того, приходится принять во внимание, что и сам «восточный мир» активно участвует не только в конструировании нового миропорядка, но и в его осмыслении.

Хотелось бы подчеркнуть, что авторы не просто противопоставляют «западный» и «восточный» подходы к мироустройству, как это принято в традиционной дихотомии, а осмысливают мировые процессы в соответствии со свойственным постнеклассической рациональности концепции целостности подхода. Поэтому А.Д. Воскресенский с самого начала показывает, что термины «Незапад» и «Запад» носят инструментальный характер, и переоценивать их конструктивистское значение не следует⁸.

² Voskressenski, Alexei D. *Russia and China: A Theory of Inter-State Relations*. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.

³ Воскресенский А.Д. *Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений*. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 408 с. [Voskressenski, Alexei D. *Rossiya i Kitay: teoriya i istoriya mezghosudarstvennykh otnosheniy* (Russia and China: Theory and History of Interstate Relations). Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond; Izdatel'skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh programm, 1999. 408 p.]

⁴ Воскресенский А.Д. *Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимодействий*. М.: Восток-Запад / Муравей, 2004. 603 с. [Voskressenski, Alexei D. *Kitay i Rossiya v Yevrazii: istoricheskaya dinamika politicheskikh vzaimovliyaniy* (China and Russia in Eurasia: the Historical Dynamics of Political Interactions). Moscow: Vostok-Zapad / Muravey, 2004. 603 p.]

⁵ Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2015. 624 с. [Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political

Cultures, Political Processes). Ed. by Alexei D. Voskressenski; 2nd ed. Moscow: Aspekt Press, 2015. 624 p.]

⁶ Voskressenski, Alexei D. *Non-Western Theories of International Relations*. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017. 270 p.; *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective*. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chennai, Tokyo: World Scientific, 2017. 738 p.

⁷ *Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского*. М.: Магистр: ИНФРА-М., 2020. 416 с. [Mirovye kompleksnoye regionovedeniye (World Comprehensive Regional Studies). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2020. 416 p.]

⁸ Воскресенский А.Д. *Логика новой мироустроительной архитектоники: о практике и теории переосмысления многомерного мира // Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского*. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 15. [Voskressenski, Alexei D. *Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav* (The Logic of the New World Architectonics: On Practice and Theory of Rethinking the Multidimensional World) / The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. P. 15.]

Конкретика истории и процессов функционирования государств и обществ на уровне регионального анализа вносит в понимание логики новой мироустроительной архитектоники существенные поправки, акцентирует иногда неожиданные нюансы.

Более того, А.Д. Воскресенский⁹, а также В.В. Макаренко, глава которого также включена в монографию¹⁰, выстраивают «мировое комплексное регионоведение» как новую теоретическую область познания международно ориентированных исследований. Эта область существенно отличается от довольно банальных утверждений относительно глобального универсализма системного характера и даже от привычного представления о «комплексном регионоведении».

В размышлениях авторов современный мир предстает как формирующаяся архитектура трансрегиональных процессов усиления/ослабления взаимосвязанности регионов мира, которым одновременно свойственна и иерархичность, и равноположенность. Более того, мировое

комплексное регионоведение впервые пытаются преодолеть онтологический разрыв между региональным и глобальным¹¹. Помимо более традиционных представлений о регионе как историческом, культурном, географическом и т.д. понятии, авторы вводят категорию «функционального» региона, не обязательно имеющего жесткую географическую привязку, а делающего акцент на функциональных связях. Иначе говоря, такой регион может быть определен как «макрорегион», «мезорегион», или даже «глобальный регион». Мировое комплексное регионоведение, кроме того, указывает на «трансрегионализм», раскрывающий традиционные и совершенно новые аспекты взаимосвязанности сегментов мира в условиях складывания обновленной мировой архитектоники. Здесь важно также отметить, что мировое комплексное регионоведение отнюдь не отвергает глобализацию, но подходит к ней с позиций трансрегионализма, причем разных типов, и функциональности в разных вариантах, при подвижных границах и отнюдь неодинаковых вариантах разрыва и стягивания глобального и национального.

Мировое комплексное регионоведение предполагает разговор об универсализованности (не путать – с универсальностью) самого понятия региона, позволяющего исследовать, прогнозировать и управлять процессами регионализации и связи регионального с глобальным, которое, в свою очередь, может быть рассмотрено как система регионов разного типа и в то же время как единый макрорегион пространственной разверстки глобальных связей. Но самое главное, и с чем невозможно не согласиться, формулирование универсализованного определения региона позволяет переформулировать характеристики самого современного периода трансформации глобального порядка.

Кроме того, мировое комплексное регионоведение позволяет преодолеть традиционное реалистское утверждение, что

⁹ Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: о практике и теории переосмысления многомерного мира // Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 8-32. [Voskressenski, Alexei D. Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics: On Practice and Theory of Rethinking the Multidimensional World) / The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 8-32.]

¹⁰ Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду социальных наук // Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 103-130. [Makarenko, V.V. Ob obyektно-predmetnom pole regionovedeniya i yego meste v ryadu sotsial'nykh nauk (On the Object-Subject Field of Regional Studies and Its Place in the Social Sciences) / Logika Novoi Miroustroitel'noi Arkhitektoniki I Strategii (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 103-130.]

¹¹ The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2019. 228 p..

мировое устройство – результат деятельности исключительно крупнейших «центров силы». Вопреки популярному подходу, вновь и вновь всплывающему в целом ряде монографий, в том числе, последнего времени, в которых продолжается «игра» через все тот же «старый» баланс сил с присущими ему рассуждениями об «однополярности» или «мультиполярности», А.Д. Воскресенский и его коллеги предлагают совершенно иной взгляд на мировые процессы. В многомерном полицентрическом мире каждая страна, а отнюдь не только сверхдержавы, обретает возможность оказывать влияние на формирование многомерного полицентрического мира. Глокальное, доказывают авторы, – это новая форма осуществления взаимосвязанности, а трансрегионализм – ее инструментальное проявление¹². «Следовательно, – подчеркивает В.В. Макаренко, – чтобы изучать закономерности развития районов, стран, региональных объединений и союзов, необходимо развивать теорию общественного развития как доминирующего системного процесса происходящего в географической оболочке Земли»¹³.

Однако А.Д. Воскресенский совершенно правильно указывает, что Незапад пока еще не смог предложить ни более универсального, ни более привлекательного варианта осмысления мировых процессов, если не считать простого отрицания опыта Запада, которое в ряде случаев выглядит даже весьма убедительно. Однако это отнюдь не означает, что попытки по определению неудачны. Некоторые из них заслуживают тщательного анализа.

Но и Запад также буксует в понимании новых тенденций, ибо он и сам существенно изменился. Он уже «не тот». Те же США продолжают не признавать полицентричность мироустройства, навя-

зывая стратегическую униполярность, но одновременно нуждаются в пересмотренном национальном консенсусе по поводу новой стратегии.

В любом случае, встает вопрос о необходимости формирования новых общественных наук и науки о международных отношениях, международных исследований, которые могли бы осмыслить все более глобальный, сложный, турбулентный, взаимозависимый и многоуровневый мир¹⁴, в котором традиционные представления сплошь и рядом просто «не работают».

В гл. 8 монографии, содержащей отсылку к теоретически мощной статье А.П. и П.А. Цыганковых¹⁵, содержится вариант гибкого алгоритма, который позволил бы в будущем интегрировать разработку

¹⁴ Воскресенский А.Д. Особенности мирового комплексного регионоведения (МКР) как направления в международных исследованиях и методологической платформы для исследования региональной проблематики // X Юбилейный Южно-российский политологический конвент «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты». Материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием. Ростов-на-Дону–Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 54-57. [Voskressenski, A.D. Osobennosti mirovogo kompleksnogo regionovedeniya (MKR) kak napravleniya v mezhdunarodnykh issledovaniyakh i metodologicheskoy platformy dlya issledovaniya regional'noy problematiki (Features of the World Regional Studies as a Direction in International Research and a Methodological Platform for the Study of Regional Problems) // XX Yubileynyy Yuzhno-rossiyskiy politologicheskiiy konvent «Politicheskaya vlast' v usloviyakh sotsial'noy turbulentsii: regional'nyye i global'nyye aspekty». Materialy Vserossiyskoy onlayn-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Rostov-na-Donu–Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2020. Pp. 54-57.]

¹⁵ Цит. по: Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 154. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. P. 153.]

¹² Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 20-22. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 20-22.]

¹³ Ibid. С. 129.

концепций и теорий совместно с созданием адекватной им методологии. Такой алгоритм может включать следующие семь шагов:

1) выявить общие фундаментальные основы научного творчества;

2) осуществить внутридисциплинарный диалог, найти поочередно основы для разработки новой теории или концепции и соответствующей ей методологии;

3) если предыдущий шаг не позволил решить поставленные задачи, необходимо изучить соответствующий опыт наиболее близких дисциплин, уже столкнувшихся с подобной проблемой и успешно ее преодолевших;

4) для интеграции результатов, полученных на втором и третьем этапе важно выявить сферы соприкосновения близких дисциплин и необходимости базовой дисциплины, в интересах которой проводится междисциплинарный синтез;

5) проверить, соотносится ли перспективный синтез между дисциплинами с явлениями и процессами, существующими независимо от исследователя и принадлежащему исследовательскому полю, в рамках которого работает аналитик;

6) создать концептуальный каркас для разработки прикладной методологии и определение базовых ее параметров;

7) разработать прикладную методологию¹⁶.

В этой связи совершенно точным представляется замечание, что из всех философских концептов наиболее полно этим задачам отвечает трансдисциплинарность (не путать с междисциплинарностью, предполагающей отдельные заимствования из смежных дисциплин)¹⁷. Речь идет о прони-

цаемости границ между науками, допустимости переноса исследовательских схем и подходов, методов и понятий. Только такой взгляд на мир будет соответствовать новому мировому порядку, уже не укладывающемуся в традиционные узкие и, в сущности, почти непроницаемые подходы.

Соответственно, как представляется, смысл весьма амбициозного проекта авторов монографии – в попытке решения проблемы развития на уровне методологии и теории. Авторы монографии считают, что мировое комплексное регионоведение (МКР) можно рассматривать как стартовую методологическую платформу для формирования теории построения будущего многомерного полицентрического мира и практических рекомендаций на трех уровнях – глобальном, региональном и национальном в их системности, комплексности и интерактивности. И в этом они вполне убедительны. Здесь важно также пояснение: несмотря на то, что школы комплексного регионоведения существуют во многих странах, над мировым комплексным регионоведением интенсивно

miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. P. 165.]; См. также динамику дискуссии: Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. С. 368-383. [Mirovye kompleksnoye regionovedeniye (World Comprehensive Regional Studies). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. Pp. 368-383.]; Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. В 2 т. / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2018. Т. 1. 598 с. [Mirovoye kompleksnoyeregionovedeniyevpedagogicheskoy praktike: uchebno-metodicheskiy kompleks dlya obucheniya, proverki ostatochnykh znaniy, podgotovki i provedeniya gosudarstvennykh ispytaniy (World Comprehensive Regional Studies in Pedagogical Practice: Educational and Methodological Complex for Teaching, Checking Residual Knowledge, Preparing and Conducting State Tests). In 2 vol. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2018. Vol. 1. 598 p.]

¹⁶ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 154-155. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 154-155.]

¹⁷ Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 165. [Logika novoy

работают в России, Китае, Франции, ФРГ и США. Например, в России неформально присутствуют две версии: первая опирается на практику национально-ориентированного анализа взаимодействия системного типа, другая – на достижения «западной» теории международных отношений.

В книге три части. Первая часть «Новая мироустроительная архитектура и логика стратегии держав» содержит мощный анализ сегодняшнего мироустройства. При этом он отнюдь не банален. Весьма характерно, что рассмотрение проблемы начинается с уточнения привычного, но недостаточно осмысленного в теории термина «напряжённость» как некоей «серой зоны» между миром (безопасностью) и конфликтом (войной). Для С.К. Песцова и А.Б. Вольнчука (Гл. 2) напряженность – особое динамическое состояние, присутствующее как в отношениях конкуренции (война), так и в отношениях сотрудничества (мир). Более того, это «естественная» характеристика взаимоотношений между акторами, способствующая поступательной эволюции всей системы международных отношений. Вместе с тем, напряженность как таковая нуждается в операционализации, пока еще она остается преимущественно теоретическим конструктом, хотя и обладает весьма существенной эвристической ценностью.

Еще одно понятие, без анализа которого представление о нынешней мировой архитектуре будет как минимум декларативным – восходящие центры силы и, по контрасту, неустойчивые государства, которые в литературе нередко обозначают ярлыком «недееспособные». М.Л. Горбунова, И.Д. Комаров (Гл. 3) подчеркивают, что, рассуждая в логике конструктивизма, именно неустойчивые государства формируют одно из «полей» глобального пространства, где державы проявляют свой потенциал влияния. Поскольку в современных условиях, что признают также многие западные международники, центры силы формируются зачастую не в результате войн, а вследствие «работы» с неустойчивыми государствами и их участия в решении множества экономических, социальных, климатических и т.д. проблем, применение ими не только «жест-

кой» и «мягкой» силы, обращение к методам дескриптивной статистики позволяет выявить важнейшие «точки» пересечения интересов. Вполне логичен следующий шаг – осмысление роли стран «среднего уровня» (Гл. 4), влияние которых на существующие мировые проблемы зачастую недооценивается. Между тем, ослабление иерархичности в международной системе открывает перед «средними» странами возможности увеличения их участия и возможности влиять на новый миропорядок.

Но как именно осуществляется влияние? Есть ли в этом какие-либо черты, которые могут дать нам возможность анализа и предвидения? Авторы ряда глав пытаются ответить на эти вопросы, причем, весьма убедительно. Отталкиваясь от известного первого закона географии швейцарского географа Вальдо Тоблера «все влияет на все, но то, что ближе, влияет сильнее», И.Ю. Окунев раскрывает пространственные закономерности развития различных явлений (Гл. 5). Но речь идет не просто об описании пространственного расположения того или иного объекта (вертикальная обусловленность), автор с помощью пространственного моделирования предлагает расчет матрицы соседства, исходя из гипотезы, что горизонтальная обусловленность (т.е. результат отношений с другими объектами в пространстве) оказывается зачастую сильнее. Но в какой степени? И почему? Насколько вообще похожи соседние явления? И здесь И.Ю. Окунев использует антикорреляционный анализ. Разумеется, в одной главе невозможно дать ответы на все вопросы, возникающие в процессе пространственного исследования. Но вывод о том, что разработки в сфере компьютерного пространственного моделирования и анализа, критической геополитики, так называемой новой экономической географии делают географию международных отношений уже не столько описательной, сколько аналитической дисциплиной, заслуживает самого внимательного отношения.

Мировые трансформации находятся в состоянии постоянного реформирования, но ключом к их пониманию сегодня, безусловно, является Китай, – полагают авторы работы. Китай оказался на пике ми-

ровой экономической и политической конкуренции, определяющей ход, направление и скорость мирового развития. Но и сам он переживает трансформации, превращаясь в новый тип глокальности. Поэтому дискуссия о Китае позволяет выявить логику формирования интегрированного многообразия в полицентрическом мире глобальной взаимозависимости.

В этой связи авторы книги поднимают вопрос о национальных школах международных отношений, в частности, китайской, которая хотя и опиралась на достижения «западной» ТМО, но привнесла в нее свою специфику, помогавшую «смикшировать» процесс вписывания страны в глобальный мир при сохранении стабильности своего внутреннего развития.

Отечественная политическая мысль по-прежнему дрейфует, сохраняя свою приверженность идеям всеобщей универсализации, подменяет поиск реальных постулатов рассуждениями о цифровизации и стандартизации, которые, возможно, могут упорядочить процессы, но при этом не способствуют нахождению рецептов реального развития. Попытки разработки «метатеории» развития, в равной степени применимой для всех стран, успехом, как известно, не увенчались. А вот, как показал опыт Китая, модель «национального развития» на основе сочетания глобальных, макрорегиональных и региональных рецептов, включающих концепцию трансрегионализма, международной кооперации и передачи новых технологий, продемонстрировала свою эффективность.

Отдельная часть работы посвящена влиянию подъема Китая на формирование мироустроительной архитектуры. Еще в конце 1970-х гг. КНР провозгласила политику «реформ и открытости», предполагавшую вхождение в мировую экономическую систему. Почти за пятьдесят лет он сумел не просто войти в международные финансовые и экономические институты, но во многом стать одним из ключевых «игроков». Таким образом, Китай вышел на новый уровень своего взаимодействия с международной экономической системой: от роли рядового ее участника, ведомого развитыми странами,

к роли одного из ведущих ее акторов, способного определять повестку дня и оказывать влияние на принятие решений в вопросах глобального экономического управления¹⁸.

Авторы работы совершенно правильно акцентируют внимание читателей на инициативе «Пояс и путь», выдвинутой Си Цзиньпином еще в 2013 году, иначе «Экономическом поясе Шелкового пути», который поначалу был крупномасштабным инфраструктурным проектом, но со временем превратился в глобальную многовекторную инклюзивную инициативу – новую модель регионального и глобального сотрудничества.

Особый интерес представляет Глава 10 А.Н. Карнеева и А.С. Пятачковой, посвященная анализу дискуссий внутри Китая о его положении в мире в период пандемии, разрушающая банальные представления о монолитности китайского общества и неоспоримости принимаемых руководством решений. На фоне дискуссий о дальнейшей стратегии страны и решений по конкретным тактическим вопросам, становится очевидным, что надежды на избавление от проблем двусторонних отношений с США в целом не оправдываются – диалог между двумя странами отнюдь не сглаживается, а носит все более конфронтационный характер. Не случайно многие эксперты приходят к выводу о необратимости декаплинга. А это, в свою очередь, приведет к существенным изменениям в мировом порядке.

Хотелось бы отметить, что авторы совершенно правильно отмечают, что спор между КНР и США – это не только разные представления о геополитических вопросах, коронавирусе и торговле. Это, прежде всего, ценностное противостояние и, как следствие, неочерченность границ «расщепления отношений». Поэтому для понимания китайской линии исключительно важ-

¹⁸ Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 179. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. P. 179.]

на глава В.А. Скосырева «Идеологическая трансформация в КНР: параллели с поздним социализмом в СССР» (Гл. 12). На конкретных примерах автор приходит к выводу о том, что сегодня Китай претерпевает процесс, который можно назвать «реидеологизацией», причем «новая нормальность», требующая искренности и отвергающая приспособленчество со стороны членов партии, непосредственно связана с личностью Си Цзиньпина.

Раздел книги «Новые паттерны взаимодействия крупных мирополитических игроков: трансформирующаяся архитектура региональных театров мировой политики» посвящен анализу роли и поведения четырех основных «игроков» – США, ЕС, Китая и России. Вопросы, которые ставят перед собой авторы, имеют отнюдь не умозрительное значение. Например, Чжао Хуашэн в Главе 13 исследует вопрос, воссоздаст ли конфигурация отношений Китая, России и США знаменитый «большой треугольник» КНР-СССР-США? Подробный анализ самых разных аспектов взаимодействия трех стран в прошлом и сейчас позволил автору сделать вывод о том, что китайско-российско-американские отношения в принципе неверно рассматривать как переиздание прежнего «большого треугольника» – при некотором внешнем сходстве, имеются важные отличия. Если прежний «треугольник» отражал конфронтационные отношения, то новый – сплав конкуренции и сотрудничества, даже в том, что касается вопросов безопасности¹⁹. В книге подробно рассматриваются проекты, в том числе геополитические, имеющие место сегодня во внешней политике США, России, ЕС и Китая. Более того, в отдельные разделы вынесены конкурентные стратегии и варианты сотрудничества и компромиссов ведущих «игроков» на Африканском континенте, в Большой Евразии, на Ближнем Вос-

¹⁹ Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 179. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. Pp. 237-238.]

токе, в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Центральной Азии. Авторам действительно удалось сочетать фундаментальность подходов с исследованиями новейших факторов, оказывающих влияние на мировую политику и международные отношения.

Например, обращает на себя внимание глава «ЕАЭС: уроки пандемии» (Гл. 22) Не секрет, что пандемия разрушила многие связи и традиционные представления. Не случайно авторы главы – Л.Э. Слудский и Е.А. Худоренко – разбили анализ интеграционных процессов в регионе на три периода: до пандемии; во время пандемии и после пандемии. Являясь, по сути, обстоятельством непреодолимой силы, подчеркивают авторы, пандемия формирует глобальный кризис, имеющий ряд ключевых особенностей, так или иначе воздействующих на каждое государство в мире. Как известно, М. Орешкин выделил три основные черты пандемии: синхронность воздействия, скорость воздействия и падение мирового ВВП. Авторы книги добавили еще шесть черт: системность влияния на все стороны человеческой жизни; укрепление роли национальных государств на фоне краха глобализации, как ее трактовали совсем недавно; эффективность управления как важнейший фактор глобальной конкуренции; усиление роли и значимости науки; «взрывная» цифровизация коммуникаций; и, наконец, превращение интернета в одну из базовых потребностей человека²⁰.

Во время пандемии, кроме того, высветился процесс снижения влияния международных организаций, приобретший поистине грандиозный размах вследствие политики национализма и протекционизма. Что же дальше? Прогнозы весьма различны. Например, американские политологи предвидят наступление многополярного мира G-Zero, способного взорваться новыми геополитическими конфликтами на фоне крайней неопределенности, нестабильности и замыкания в себе традиционных участников современной системы международных отношений. И хотя некоторые черты «большого нуля» уже сегодня проявляются, авторы книги скорее соглашаются с прогнозом

²⁰ Ibid. С. 388-389.

Института международных исследований МГИМО, согласно которому, пандемия, не меняя существующую картинку мира, значительно усилит уже существующие тренды и одновременно будет способствовать созданию техноэкономических блоков – крупных сообществ государств, сориентированных на технологического лидера, одним из которых может стать Россия.

Хотелось бы обратить внимание на важную особенность обсуждаемой и рецензируемой работы – значительная часть статей была опубликована в журнале «Сравнительная политика», быстро набирающим вес и признание в профессиональной среде. Но сама специфика журнала делала картину мировых процессов мозаичной – отбор статей в соответствии с логикой нынешней архитектоники и анализа стратегий держав позволяет выйти на качественно более высокий уровень обобщения и размышлений, в том числе и по причине наличия в монографии специально переработанных глав, а также текстов глав, до этого ранее никогда не публиковавшихся.

Разумеется, работ без недостатков не бывает. Огромный фактический материал, профессиональный анализ и исследование – все это делает представленную работу рядовым событием в отечественной науке о международных отношениях. Мне несколько не хватило контекста, в частности, более тесной увязки теории с пост-неклассической картиной мира в целом, но нельзя объять необъятное. И так сделано очень много и сделано на редкость качественно.

Вместо послесловия в книгу включена глава авторства известного отечественного международника А.Д. Богатурова «Анализ и теория в международных отношениях» (Гл. 32). Пафос автора вполне понятен – навести порядок в головах международников, развести анализ и теоретические построения, смещение которых зачастую вызывает изрядную путаницу, поскольку требует разной методологии и разного уровня анализа и рассмотрения проблем.

В целом, книга – важный шаг в направлении формирования новой теории международных отношений, отвечающей «вызовам» сегодняшнего, быстро изменяю-

щегося мира. Можно надеяться, что она займет достойное место на письменном столе как ученых-теоретиков, так и дипломатов.

Литература:

Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний; МГИМО МИД РФ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Восток-Запад / Муравей, 2004. 603 с.

Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: о практике и теории переосмысления многомерного мира // Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. С. 8-32.

Воскресенский А.Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Свободная мысль. 2000. № 4. С. 7-24.

Воскресенский А.Д. Особенности мирового комплексного регионоведения (МКР) как направления в международных исследованиях и методологической платформы для исследования региональной проблематики // X Юбилейный Южно-российский политологический конвент «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты». Материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием. Ростов-на-Дону–Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 54-57.

Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 408 с.

Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2015. 624 с.

Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.

Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2020. 416 с.

Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике: учебно-методический комплекс для обучения, проверки остаточных знаний, подготовки и проведения государственных испытаний. В 2 т. / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2018. Т. 1. 598 с.

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chennai, Tokyo: World Scientific, 2017. 738 p.

Russia and China: A Theory of Inter-State Relations. Ed. by Alexei D. Voskressenski. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXV, 278 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2019. 228 p.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017.

References:

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chennai, Tokyo: World Scientific, 2017. 738 p.

Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. 576 p.

Mirovye kompleksnoe regionovedenie (World Comprehensive Regional Studies). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr: INFRA-M, 2020. 416 p.

Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye v pedagogicheskoy praktike: uchebno-metodicheskiy kompleks dlya obucheniya, proverki ostatochnykh znaniy, podgotovki i provedeniya gosudarstvennykh ispytaniy (World Comprehensive Regional Studies in Pedagogical Practice: Educational and Methodological Complex for Teaching, Checking Residual Knowledge, Preparing and Conducting State Tests). In 2 vol. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2018. Vol. 1. 598 p.

Russia and China: A Theory of Inter-State Relations. Ed. by Alexei D. Voskressenski. London & New York: RoutledgeCurzon, 2003. XXXV, 278 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2019. 228 p.

Voskressenski, Alexei D. Kitay i Rossiya v Yevrazii: istoricheskaya dinamika politicheskikh vzaimovliyaniy (China and Russia in Eurasia: the Historical Dynamics of Political Interactions); MGIMO MID RF; In-t Dal'nego Vostoka RAN. M.: Vostok-Zapad / Muravey, 2004. 603 p.

Voskressenski, Alexei D. Logika novoy miro-ustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic

of the New World Architectonics: On Practice and Theory of Rethinking the Multidimensional World) / The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. Pp. 8-32.

Voskressenski, Alexei D. Mnogofaktornoye Ravnovesiye v Mezhdunarodnikh Otnosheniyakh (A Multi-Factor Equilibrium in International Relations) // *Svobodnaya Misl'*, 2000, No. 4, pp. 7-24.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017.

Voskressenski, Alexei D. Osobennosti mirovogo kompleksnogo regionovedeniya (MKR) kak napravleniya v mezhdunarodnykh issledovaniyakh i metodologicheskoy platformy dlya issledovaniya regional'noy problematiki (Features of the World Regional Studies as a Direction in International Research and a Methodological Platform for the Study of Regional Problems) // XX Yubileynny Yuzhnorossiyskiy politologicheskii konvent «Politicheskaya vlast' v usloviyakh sotsial'noy turbulentnosti: regional'nyye i global'nyye aspekty». Materialy Vserossiyskoy onlaynkonferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Rostovna-Donu – Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta, 2020. Pp. 54-57.

Voskressenski, Alexei D. Rossiya i Kitay: teoriya i istoriya mezhgosudarstvennykh otnosheniy (Russia and China: Theory and History of Interstate Relations). Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond; Izdatel'skiy tsentr nauchnykh i uchebnykh programm, 1999. 408 p.

Vostok i politika: politicheskie sistemy, politicheskie kul'tury, politicheskie protsessy (The East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes). Ed. by Alexei D. Voskressenski; 2nd ed. Moscow: Aspekt Press, 2015. 624 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10043

CHANGING WORLD ORDER: NEW ARCHITECTONICS

Discussing the book: Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. 576 p.

Tatiana A. Alekseeva

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 23.08.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 07.09.2021</p>	<p>Abstract: Discussing the book: <i>The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the States</i>. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. 576 p.</p> <p>The article discusses the problematic, questions and presents an analysis of the problems, raised in the book “The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the States”.</p>
<p>About the author: Dr. of Philosophy, Professor, Head of the Department for Political Theory, MGIMO University, Distinguished Researcher of the Russian Federation</p> <p>e-mail: ataleks@mail.ru</p>	
<p>Key words: world architectonics; world order; great powers; theory of international relations</p>	

Для цитирования: Алексеева Т.А. Меняющийся мировой порядок: новая архитектоника // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 98-108.
 DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10043

For citation: Alekseeva, Tatiana A. Menyayushchiysya mirovoy poryadok: novaya arkhitektonika (Changing World Order: New Architectonics) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 98-108.
 DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10043

ИДЕИ ФЕДЕРАЛИЗМА В УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Андрей Николаевич Вавилов

*Управление Президента РФ по межрегиональным и культурным связям
с зарубежными странами,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 декабря 2020 <i>Принята к печати:</i> 7 июня 2021</p>	<p>Аннотация: После обретения суверенитета в 1991 году идеи федерализации в той или иной степени присутствовали в общественно-политической жизни Украины на всех этапах ее развития. Это является следствием и выражением исторически присущего этой стране регионализма. Однако несмотря на очевидное наличие социокультурных и экономических региональных различий, которые позволяют проводить параллели с такими странами как, например, Швейцария, Бельгия или Канада, где они выступили объективной основой федерализма, на Украине федеративные принципы государственного устройства внедрены не были. Причины этого связаны, прежде всего, с особенностями внутривнутриполитического развития Украины, которые предопределили отсутствие реальных политических и экономических условий для воплощения на практике идей федерализма. В частности, незаинтересованность в переходе к федеративному государственному устройству в различные периоды продемонстрировали все ведущие политические силы, способные отстаивать подобную реформу в общегосударственном масштабе. Обращение к идеям федерализма выступало по большей части как инструмент мобилизации электората и становилось удобным объектом для критики со стороны прозападного и национал-патриотического политического лагеря, что особенно наглядно проявилось во время «оранжевой революции» и в последующий период. Также можно констатировать, что на Украине не получили закрепление на уровне массового сознания базовые идеи федерализма. После 2014 г. негативное отношение к федерализму заметно усилилось. В условиях острого конфликта на Донбассе и глубокого кризиса российско-украинских отношений федерализация страны представлялась правящим режимом механизмом разрушения украинской государственности, а призывы к изменению государственного устройства были фактически криминализованы. В то же время вследствие актуализации проявлений регионализма отдельные элементы федерализма обсуждались в рамках общественных дискуссий о децентрализации системы государственного управления..</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., главный советник Управления Президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами e-mail: anvavilov12@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Украина; федерализм; федерализация; децентрализация; регионализм; украинский кризис; конфликт на Донбассе</p>	

Конфликт на юго-востоке Украины остается одной из важнейших и наиболее острых тем мировой политики. В нем отразилось не только столкновение интересов других держав, прежде всего России и США, но и внутриюкраинские противоречия.

Минские соглашения, которые с 2014 г. выступают политико-правовой основой урегулирования на Донбассе, фактически означают создание в системе государственного устройства Украины федеративных элементов. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что идеи федерализма играли заметную роль как в политической жизни постсоветской Украины, так и были присущи творчеству многих видных деятелей,

которых принято считать теоретиками и основоположниками идеологии украинской государственности.

Представляется, что ретроспективный взгляд на развитие идей федерализации страны позволит не только лучше понять сложившуюся в настоящее время на Украине ситуацию, но и будет способствовать решению задач политического прогнозирования в интересах мирного урегулирования на Донбассе.

Следует отметить, что на современном этапе федерализм проявляет себя как форма административно-территориального устройства, связанные с ней политические идеология и практика, а также формирующийся на их базе социокультурный феномен.

Представляется возможным выделить следующие основные черты федеративного устройства: наличие в системе государственного управления по меньшей мере двух территориальных уровней; разделение полномочий регионального и общегосударственного уровня, наличие государственно-правовых гарантий, в том числе конституционных, самостоятельности в их осуществлении; опора на территориальный принцип в обеспечении политического представительства граждан, включая формирование верхней палаты парламента.

При этом самостоятельность регионов в осуществлении своих полномочий не ограничивается вопросами социально-экономической и политической самоорганизации, но и распространяется также и на сферу международных отношений. Так, в мировой практике утвердился подход, в соответствии с которым субъекты федерации обладают правом в рамках своих конституционных полномочий и в установленном порядке заключать международные договоры.

Функционально федерализм направлен, прежде всего, на гармонизацию интересов социальных групп и разрешение противоречий. В этом смысле он предстает как форма организации общества и государства, которая обеспечивает перманентный процесс поиска и поддержания компромиссов между центром и регионами во всех сферах общественной жизни. По мнению отечественного исследователя федерализма И. Гоптарева, «...федерализм имеет достаточно оснований для того, чтобы его признать как одно из наиболее эффективных средств разрешения и управления социальными конфликтами, а также – трансформации их в менее тяжелое и менее острое состояние»¹.

Распространение идей федерализма характерно для государств, отличающихся

достаточно высоким уровнем политического и социально-культурного регионализма. В XX веке процессы регионализации получили мощный импульс, и целый ряд государств избрали федеративную или конфедеративную форму государственного устройства. Кроме того, как указывает И.Н. Тарасов, имеет место зависимость между численностью населения и парламентаризмом в государствах постсоветского пространства. По его оценке, среди унитарных государств с населением более пяти млн человек возрастает доля двухпалатных парламентов². Особое значение при этом имеет полиэтничный состав общества, который зачастую выступает в качестве основы для федеративного устройства. Наличие титульного этноса и национального меньшинства или меньшинств являются важным фактором обращения к идеям федерализма.

В ряде случаев национальное законодательство не содержит прямого указания на федеративный характер государственного устройства, однако федеративные принципы реализуются на практике, как например во Франции, Дании или Испании. Получила развитие тенденция распространения двухпалатных парламентов в унитарных государствах, например, в Европе их доля превышает 40%.

Нетрудно заметить, что Украина в силу исторических особенностей формирования своей территории представляет собой сложносоставное этнически неоднородное общество, и соответственно пример ярко выраженного регионализма, что, безусловно, следует рассматривать в качестве объективной основы для обращения к федеративной модели государственного устройства. Налицо и общность актуальных для Украины связанных с регионализмом проблем с задачами, которые решают в своей региональной политике Франция, Испания и Швейцария.

Отмечая наличие исторически обусловленных предпосылок для развития федерализма на Украине, уместно также упомянуть

¹ Гоптарева И.Б. Федерализм как политико-правовой и социальный способ управления конфликтами и как средство их перманентного разрешения // *Credo*. 1998. № 7. [Goptareva, I.B. Federalizm kak politiko-pravovoj i social'nyj sposob upravlenija konfliktami i kak sredstvo ih permanentnogo razreshenija (Federalism as a Political, Legal and Social Way to Manage Conflicts and as a Means of Their Permanent Resolution) // *Credo*, 1998, No. 7.]

² Тарасов И.Н. Бикамерализм в постсоветском пространстве // *Политэкс*. 2006. № 4 С. 178-184. [Tarasov, I.N. Bikameralizm v postsovetskom prostranstve (Bicameralism in the Post-Soviet Space) // *Politeks*, 2006, No. 4, pp. 178-184.]

и том, что идеи федерализма были частью взглядов основателей идеологии украинства. Так, М. Грушевский писал: «Будет ли Украинская Республика формально называться федеративной или нет, – фактически она все равно должна организовываться как федерация своих фактических республик-громад. Всякое навязывание громадам механической унитарности, принудительных связей будет большой ошибкой, которая вызовет только отпор, реакцию, центробежность или же даст основание для новых усобиц»³. На схожих позициях стоял и другой видных украинский идеолог В. Липинский, по мнению которого, «различные попытки механического объединения Украины при помощи «соборных» словесных деклараций только подчеркивают ... отличия и закончатся увеличением взаимного недоверия и взаимного непонимания. Еще большей катастрофой может закончиться культурная централизация Украины полицейскими средствами...»⁴. В то же время следует указать на то, что в контексте развития украинского национального движения идеи федерализма во второй половине XIX – начале XX века рассматривались украинскими мыслителями преимущественно в контексте реформы административного устройства Российской империи, за счет которой Украина могла бы получить большую степень автономии. Такой подход наглядно отразился в творчестве М. Драгоманова и Н. Костомарова⁵.

После обретения суверенитета в 1991 г. идеи федерализма стали постоянным и заметным элементом общественно-политического дискурса на Украине. При-

чем они выдвигались как в западной, так и в восточной частях страны. Так, политики, олицетворяющие различные векторы развития страны, – один из лидеров перестроечного движения в УССР и создатель «Народного руха» В. Черновол и яркий харьковский политик Е. Кушнарев выступили в поддержку федерализации независимой Украины⁶. Еще до развала СССР в 1989 г. при активной роли В. Черновола была созвана Галицкая ассамблея, призванная объединить общественность Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей и содействовать выработке единой региональной идеологической платформы экономического и политического развития западной Украины. В. Черновол, в частности, заявлял: «Я представляю будущую Украину федеративным государством – союзом земель, которые сложились исторически и несут на себе природно-климатические, культурно-этнографические, диалектно-языковые, хозяйственно-бытовые и другие отличия, создающие неповторимо разноликий образ единого народа. Вижу в составе УНР такие земли как Киевщина, Подолия, Волинь, Галиция, Буковина, Закарпатье, Гетманщина, Слобожанщина, Запорожье, Донеччина, Таврия, а Крым – как независимого соседа или автономную республику в союзе с Украиной»⁷. На востоке Украины местные элиты также рассматривали свои интересы на пути активного отстаивания и расширения своих прав в диалоге с Киевом. В условиях промышленно развитого юго-востока такая позиция имела под собой, прежде всего, экономическое обоснование. В 1993 г. Донецкий областной совет выступил с требованием к президенту и кабинету министров изменить нормативы отчислений от общегосударственных налогов и сборов с учетом средних показателей на

³ Дергачев А. Украинская государственность в 20 веке. Киев: Политична Думка, 1996. С. 90. [Dergachev, A. Ukrainskaja gosudarstvennost' v 20 veke (Ukrainian Statehood in the 20th Century). Kiev: Politichna Dumka, 1996. P. 90.]

⁴ Ibid. С. 133.

⁵ Трусин С.В. Осмысление феномена федерализма в трудах отечественных философов // Основы управления, экономики и права. 2012. № 5. С. 90-93. [Trusin, S.V. Osmyslenie fenomena federalizma v trudah otechestvennyh filosofov (Understanding the phenomenon of federalism in the works of Russian philosophers) // *Osnovy upravlenija, jekonomiki i prava*, 2012, No. 5, pp. 90-93.]

⁶ Матвеев В.Е. Этно-историческая составляющая украинского федерализма // Вестник КемГУ. 2013. № 4 (56). Т. 2. [Matveev, V.E. Jethno-istoricheskaja sostavljajushhaja ukrainskogo federalizma (Ethno-historical Component of Ukrainian Federalism) // *Vestnik KemGU*, 2013, No. 4 (56).]

⁷ Чорновіл В. Твори. В 10 т. Т. 7. «Смолоскип». С. 151. [Chornovil V. Tvori (Essays). V 10 t. T. 7. «Smoloskip». P. 151.]

Украине и тем самым существенно повысить свою бюджетную самостоятельность⁸.

Однако в 90-е годы XX в. дискуссии о федерализации не были воплощены в практические шаги. Тяжелые последствия распада СССР, решение задач становления государственности в условиях затяжного периода социально-политической турбулентности, который переживала Украина, не оставили место идеям федерализации в актуальной повестке социально-экономического и политического развития страны.

Их заметная актуализация стала одним из последствий острого политического кризиса 2004-2005 гг., вошедшего в историю как «оранжевая революция». Борьба кандидатов в президенты страны В. Ющенко и В. Януковича, опиравшихся преимущественно на электорат соответственно запада и востока на пике противостояния стала сопровождаться автономистскими проявлениями регионов. Так, демонстрируя отказ признавать победу В. Януковича во втором туре голосования, облсовет Львовской области в нарушение действующего законодательства сформировал исполнительный комитет, который наделил всей полнотой исполнительной власти в регионе. В свою очередь, в ноябре 2004 г. в качестве ответа на действия прозападного политического лагеря в Северодонецке был проведен съезд депутатов местных органов власти Крыма, Днепропетровской, Донецкой, Житомирской, Запорожской, Киевской, Кировградской, Луганской, Николаевской, Одесской, Полтавской, Сумской, Харьковской, Херсонской, Черкасской областей, городов Севастополя и Киева провели Всеукраинский съезд, на котором был сформирован Межрегиональный союз органов местного самоуправления Украины, а также выдвинут проект создания федеративной Юго-восточной украинской автономной республики со столицей в Харькове. Однако В. Янукович высказался за то, чтобы отложить данный вопрос до предстоящего

⁸ Бюллетень «Украина: информационно-аналитический мониторинг». № 1-2 (89-90), апрель 2014 г. С. 11. [Ukraine: information and analytical monitoring. № 1-2(89-90), April 2014. P. 11.]

очередного голосования и затем вынести вопрос на общегосударственный референдум.

Следует отметить, что именно в разгар «оранжевой революции» в период становления «оранжевой власти» сложилась традиция представлять федерализацию страны как враждебный проект, угрожающий безопасности и целостности страны, а на его сторонников навешивать ярлык «сепаратистов». Данная позиция отразилась и на уровне общественно-политического дискурса, когда сторонников идей федерализации Украины оппоненты стали называть «федерастами»⁹.

Однако по мере возвращения политической борьбы в нормальное русло федерализация страны стала все чаще фигурировать в декларациях и лозунгах политиков юго-востока. Например, в 2007 г. вице-премьер В. Рыбак заявил о том, что «варианты федерализации обсуждаются. Это больше не считается преступлением, не объявляется сепаратизмом и попыткой свержения государственного строя»¹⁰. Также в 2007 г. Партией регионов был вынесен на рассмотрение парламента законопроект о децентрализации системы государственного управления, который можно характеризовать как достаточно консервативный и осторожный. Надо сказать, что в этот период идеи федерализации стали важной и традиционной частью политических выступлений представителей Партии регионов и других политических сил, опирающихся на электорат юго-востока. Этому способствовала набравшая значительную динамику при президенте В. Ющенко политика украинизации и вытеснения русского языка из всех сфер общественной жизни. В своих выступлениях «регионалы» отмечали, что крайне низкий уровень вовлечения региональных элит в процесс принятия государственных

⁹ Советник Тимошенко Дмитрий Выдрин: из-за Еханурова президент и его политическая сила потеряли треть голосов // Новый день. 24.09.2005. Режим доступа: <https://newdaynews.ru/kiev/interview/40070.html>

¹⁰ Вице-премьер Украины Владимир Рыбак: «По поводу вступления в НАТО мы обязательно посоветуемся с Россией» // Известия. 23 марта 2007 г. Режим доступа: <https://iz.ru/news/322892>

решений на фоне культурных, исторических, экономических и политических отличий регионов Украины остается одним из главных дестабилизирующих факторов украинского общества¹¹. Видный представитель «регионалов» Д. Табачник заявлял, что Украина состоит из настолько различных этнически, духовно, исторически и культурно регионов, что единственной возможностью его сохранения является проведение не националистической а общегосударственной объединительной политики¹². В контексте идеологической борьбы запада и востока Украины федерализация выступала в качестве альтернативы политике «оранжевых властей».

Победа В. Януковича на президентских выборах 2010 г., безусловно, стала важной вехой в политическом развитии Украины. Однако, этот успех ничего принципиально не изменил в развитии федерализма на Украине. Более того, если ранее влиятельные «регионалы» позволяли себе публично высказываться в поддержку федерализма, то после того как «регионалы» получили власть, данные заявления фактически были дезавуированы. Так, вице-премьер В. Тихонов заявил: «На самом деле сегодня мы говорим исключительно об унитарном государстве, потому что ни общество, ни власть не готовы вести разговор о классическом федерализме. Государство может стать классической федерацией, когда оно богато. Чтобы никто – ни Галиция, ни Донецк – даже и подумать не могли, что надо отделиться. Только богатая и сильная страна может позволить себе федерацию»¹³.

После избрания на пост президента страны В. Янукович выдвинул программу реформ «Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство», рассчитанную на 2010-2013 гг., составной частью которой являлась и реформа межбюджетных отношений. Она, в частности, предполагала решение задач по повышению финансовой независимости и увеличению инвестиционных ресурсов местных бюджетов, финансовому обеспечению делегированных на местный уровень полномочий, местных бюджетов, а также упорядочению межбюджетных отношений¹⁴. Летом 2010 г. был принят новый бюджетный кодекс Украины, что стало осторожной попыткой сделать первый шаг по внедрению на Украине базовых принципов и норм Европейской хартии местного самоуправления. Однако на практике муниципалитеты оказались лишены возможностей реализовать свои права и некоторые функциональные обязанности. Например, в 2012 г. предприятия Донецка перечислили в бюджеты разного уровня 17,8 млрд гривен, из этой суммы 2,9 млрд грн. осталось в городе, 1,8 млрд было перечислено в область, а все остальное ушло государству. При этом на реализацию социальной политики Донецкий регион получил всего 620 млн грн. Для сравнения: Ростовская область, входящая наряду с Донецкой в еврорегион «Донбасс», в период с января-сентябрь 2013 г. оставила в региональном бюджете 73% налоговых поступлений, а Донецкая область за первые 7 месяцев 2013 г. перечислила в сводный бюджет Украины 70,7%¹⁵. Можно с уверенностью констатировать, что реальная региональная политика при президенте В. Януковиче, в первую очередь в сфере финансов, не только не способствовала внедрению федеративных начал, но и вела к усилению централизации управления. В этих условиях потенциальными проводни-

¹¹ Янукович В. Три постулата оппозиции. К чему стремится Партия регионов, 2000. № 43 (291). 28 октября 2005 г. Режим доступа: https://www.2000.ua/v-nomere/forum/puls/viktor-janukovich-tri-postulata-oppozitsii_arhiv_art.htm

¹² Табачник Д. Миф национального государства. 2000. 12 декабря 2008 г. Режим доступа: https://www.2000.ua/v-nomere/svoboda-slova/ukraina-svoboda-slova/mif-natsionalnogo-gosudarstva_arhiv_art.htm

¹³ Виктор Тихонов: Мы не готовы вести разговор о федерализме. Зеркало недели. 21 мая 2020 г. Режим доступа: https://zn.ua/internal/viktor_tihonov_my_ne_gotovy_vesti_razgovor_o_federalizme

¹⁴ Програма економічних реформ на 2010-2014 роки «Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава» від 2 червня 2010 року Режим доступа: https://ips.ligazakon.net/document/view/mus14838?an=1468&ed=2010_06_02

¹⁵ Бюллетень «Україна: інформаційно-аналітичний моніторинг». № 1-2 (89-90), апрель 2014 г. С. 12. [Ukraine: information and analytical monitoring. № 1-2 (89-90), April 2014. P. 12.]

ками идей федерализации выступали представители региональных элит юго-восточных регионов, которые были скованы партийной дисциплиной в рамках Партии регионов, а также политики и политические силы второго эшелона. С 2011 г. идеи федерализма активно продвигались общественным объединением «Украинский выбор», созданным экс-руководителем администрации Л. Кучмы В. Медведчуком, в частности, в формате дискуссионного клуба «Украинская федерация». При этом в тот период В. Медведчука нельзя было отнести к числу ведущих и популярных политиков. В пользу федерализма активно выступал и лидер партии «Родина» И. Марков, который заявлял о том, что западноукраинские области «постоянно погружают страну в конфликт, единственным решением проблемы могут быть федерализация или цивилизованный развод с Галицией по чехословацкому образцу»¹⁶. «Родина», будучи гораздо более радикальной по сравнению с «регионалами» политической силой, осталась региональным политическим проектом, а ее попытка выйти на общегосударственный уровень была решительно пресечена.

Таким образом, можно говорить о том, что с момента обретения суверенитета и до государственного переворота 2014 г. в своем политическом развитии Украина не смогла приблизиться к внедрению начал федерализма на практике, хотя такого рода идеи практически постоянно в разной степени присутствовали в политическом дискурсе. Почему так произошло?

Прежде всего, необходимо констатировать, что в украинской элите и значительной части общества утвердилось представление о том, что успешное решение задачи «общенациональной консолидации является ключевым условием преодоления затяжного кризиса, связанного с национально-государственным строительством»¹⁷.

¹⁶ «Родина»: Лекарство от постоянного конфликта Запада и Юго-Востока Украины – федерализация или развод. Новый день. 30.04.2011. Режим доступа: <https://newdaynews.ru/kyiv/330067.html>

¹⁷ Грицак Я.И. Страсти за национализмом. Историчні есеї. – Київ: Критика. 2004. С. 216-228. [Gricak, J. Strasti za nacionalizmom. Istorichni eseї (Passion

for Nationalism. Historical essays). Kiiv: Kritika. 2004. Pp. 216-228.]; Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1(33). С. 84-86. [Miller, A.I. Dualizm identichnostey na Ukraine (Identity Dualism in Ukraine) // *Otechestvennyye zapiski*, 2007, No. 1(33), pp. 84-86.]; Ципко А. О различиях в процессах формирования новых российской и украинской идентификаций // Политика. 2001. №1. С. 172-186. [Tsipko, A. O razlichiyakh v protsessakh formirovaniya novykh rossiyskoy i ukrainskoy identifikatsiy (On the Differences in the Processes of Formation of New Russian and Ukrainian Identifications) // *Politiya*, 2001, No. 1, pp. 172-186.]

В этом контексте присущее Украине многообразие социокультурных укладов воспринималось преимущественно как фактор, ослабляющий единство страны, и угроза ее территориальной целостности. Подобные представления получили широкое распространение в украинском научном и экспертном сообществе. Его представителями, в частности, отмечалось, что «национально-культурное пространство Украины характеризуется значительными различиями, обусловленными этническим и социальным составом их населения, влиянием ряда исторических факторов и пограничными культурными связями отдельных регионов, а иногда и откровенной культурной экспансией стран-соседей на эти территории. Такая региональная фрагментация национально-культурного пространства является значительным препятствием для общенациональных процессов интеграции украинского общества»¹⁸. Говорилось о том, что «значительным риском является дистанцированность между жителями разных регионов Украины, в частности Галичины и Донбасса, которая считается большей, чем между украинскими и русскими в целом»¹⁹. Такого рода

for Nationalism. Historical essays). Kiiv: Kritika. 2004. Pp. 216-228.]; Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1(33). С. 84-86. [Miller, A.I. Dualizm identichnostey na Ukraine (Identity Dualism in Ukraine) // *Otechestvennyye zapiski*, 2007, No. 1(33), pp. 84-86.]; Ципко А. О различиях в процессах формирования новых российской и украинской идентификаций // Политика. 2001. №1. С. 172-186. [Tsipko, A. O razlichiyakh v protsessakh formirovaniya novykh rossiyskoy i ukrainskoy identifikatsiy (On the Differences in the Processes of Formation of New Russian and Ukrainian Identifications) // *Politiya*, 2001, No. 1, pp. 172-186.]

¹⁸ Бокальчук В.О. Подолання регіональної фрагментованості культурного простору України. НИСИ. С. 1-2. Режим доступа: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2017-03/Bakalchuk_analit-b8d2c.pdf [Bokal'chuk, V. Podolanni regional'noї fragmentovanosti kul'turnogo prostoru Ukraїni (Overcoming the Regional Fragmentation of the Cultural Space of Ukraine). NISI. Pp. 1-2. Mode of access: https://niss.gov.ua/sites/default/files/2017-03/Bakalchuk_analit-b8d2c.pdf]

¹⁹ Дегтеренко А.М. Етнополітичні загрози та ризики національної консолідації: регіональний

опасения нашли свое отражение и в документах доктринального характера. Так, в утвержденной в 2007 г. «Стратегии национальной безопасности Украины» задачи сохранения целостности и национального единства были указаны в качестве фундаментальных²⁰.

Для решения задачи общенациональной консолидации Киевом была выбрана политическая модель, которую А. Степан назвал «нация-государство»²¹. Ее отличает приверженность одной культурной цивилизационной традиции, ассимиляторская культурная политика, выбор в пользу унитарного государственного устройства. Кроме того, А. Степан подчеркивает принципиальное геополитическое отличие ситуации Украины по сравнению с теми странами, ситуация в которых может быть описана при помощи альтернативной плюралистичной модели («государство-нация»), например Бельгии Канады и Испании. По его мнению, ни одна из этих стран не имела соседа, который представлял бы реальную ирредентистскую угрозу, в то время как у Украины такая потенциальная угроза со стороны России есть²². Данный тезис разделяют как зарубежные, так и отечественные авторы. Так,

вимір. Аналітична записка / Національний інститут стратегічних досліджень України. С. 18. Режим доступа: http://old2.niss.gov.ua/content/articles/files/nats_konsol-eee72.pdf [Degerenko, A. Etnopolitichni zagrozi ta riziki nacional'noi konsolidacii: regional'nij vimir. Analitichna zapiska (Ethnopolitical Threats and Risks of National Consolidation: a Regional Dimension. Analytical note) / Nacional'nij institut strategichnih dosli-dzhen' Ukraini. P. 18. Mode of access: http://old2.niss.gov.ua/content/articles/files/nats_konsol-eee72.pdf].

²⁰ Стратегія національної безпеки України 2007. Режим доступа: <http://www.rnbo.gov.ua/documents/104.html>

²¹ Stepan, A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State” But Possible Democratic “State-Nation”? // *Post-Soviet Affairs*, 2005, No. 4, pp. 279-308. Цит. по: Миллер А. Нация-государство или государство-нация? Россия в глобальной политике. 4 октября 2008 г. Режим доступа: https://globalaffairs.ru/number/n_11632 [Miller, A. Nacija-gosudarstvo ili gosudarstvonaacija? (Nation-state or State-nation?) // *Rossija v global'noj politike*, 2005, No. 5.]

²² Ibid.

по мнению ряда видных американских политологов, слишком тесные гуманитарные и экономические связи юго-восточных регионов страны с Россией создавали опасение, что при соответствующих благоприятных условиях возникнет реальная опасность отделения восточной части Украины и присоединения ее к России или создания отдельной Русской Украины, ориентированной на Восток²³. В силу указанных факторов для Украины утверждение собственной идентичности стало куда более важной и политически значимой задачей в первые годы независимости, чем, например, для Беларуси²⁴. Российский исследователь С. Суший также отмечает, что «социокультурная близость двух народов, с точки зрения украинских националистов таила в себе постоянную угрозу актуализации вопроса о необходимости самостоятельного существования Украины. Чтобы размежевание сделать необратимым следовало провести глубокую черту с сознанием»²⁵.

Для решения задачи общенациональной консолидации и укрепления государственности украинской элитой был избран путь формирования идентичности по описанной Э. Спайсером оппозиционной модели, в соответствии с которой этнические различия сохраняются благодаря межэтническим контактам в тех случаях, когда одна идентичность противопоставляется другой²⁶. В усло-

²³ Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / Под ред. Р. Легволда и С. Уолландер. Кембридж, 2003. С. 10. [Mечи i orala: jekonomika nacional'noj bezopasnosti Belarusi i Ukrainy (Swords and Plowshares: Economics of National Security of Belarus and Ukraine). Ed. by R. Legvolda, S. Uollander. Kembridzh, 2003. P. 10.]

²⁴ Ibid.

²⁵ Суший С.Я. Украина, Россия и мир. Кризис 2014 года: предпосылки, последствия, этнополитические перспективы. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 44. [Sushhij, S.J. Ukraina, Rossija i mir. Krizis 2014 goda: predposylki, posledstvija, jetnopoliticheskie perspektivy (Ukraine, Russia and the World. The 2014 Crisis: Background, Consequences, and Ethno-political Perspectives). Moscow: LENAND, 2015. P. 44.]

²⁶ Spicer, E. Persistent Identity System // *Science*, 1971, Vol. 4011, pp. 795-800. Цит. по: Колосов В.А. Примордиализм и современное

виях постсоветской Украины укрепление идентичности естественным образом строилось за счет противопоставления России и русским. Такой подход нашел отражение в монографии второго президента Украины Л. Кучмы «Украина не Россия»²⁷. В этой связи показательно и другое высказывание Л. Кучмы, который на втором всемирном форуме украинцев заявил, что «не только нации создают государства, но и государства нации»²⁸. Очевидно, что в подобной системе координат внедрение федеративной модели означало бы опасность консервирования украинского социокультурного ландшафта и формирование дополнительных барьеров на пути политики тотальной украинизации, а также актуализацию угроз регионального сепаратизма, связанного, прежде всего, с тесными контактами юго-восточных регионов с Россией. В результате унитарный характер государственного устройства приобрел значение органичной части идеологии постсоветской украинской государственности. Причем эта идеология не только продвигалась сторонниками прозападного вектора и «национал-патриотами», но и их политическими оппонентами, которых иногда называли пророссийскими политиками. Так, несмотря на отдельные высказывания и лозунги и Л. Кучма, и В. Янукович не только не поддерживали, но пресекали высту-

пления в поддержку федерализации в юго-восточных регионах страны.

Особенности политического развития и политической системы, в постсоветский период стали другим важным фактором, который не позволил идеям федерализации на Украине воплотиться на практике. Условия унитарного государственного устройства и централизованного бюджетного процесса диктовали региональным элитарным олигархическим группам, которые превратились в основных политических игроков, необходимость борьбы за власть в общегосударственном масштабе. Успех в борьбе за власть в Киеве обеспечивал реализацию политических и экономических интересов ведущих финансово-промышленных групп, деятельность которых носила внерегиональный характер. Одержав победу, та или иная группировка получала возможность за счет административного ресурса усилить свои политические и экономические позиции, начать экспансию в другие регионы и на другие рынки, что диктовало целесообразность подавления автономистских устремлений региональных элит и общественности.

Кроме того, в начале 2000-х годов в украинской политике начала формироваться биполярная модель противостояния запада и востока, которая проявила себя в дальнейшем на всех парламентских и президентских выборах. Политическое разделение страны сделало актуальными весь спектр проблем и вопросов, связанных с идентичностью. Основные политические соперники в интересах мобилизации электората активно использовали вопросы языка, религии, внешней политики, национальный фактор. При этом, как отмечают В. Лапкин и В. Пантин, возможности, заложенные в выборе компромиссной стратегии, отвергающей «игру на противоречиях востока и запада и снимающей табу с обсуждения проблем автономизации и федерализации страны, а также придания русскому языку статуса государственного были проигнорированы украинской элитой как не соответствующие ее сиюминутным интересам»²⁹. В результате

национально-государственной строитель-
ство // Полис. 1998. № 3. С. 98. [Kolosov, V.A. Primordializm i sovremennoe nacional'no-gosudarstvennoj stroitel'stvo (Primordialism and Modern National-state Building) // *Polis*, 1998, No. 3, p. 98.]

²⁷ Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2003. 560 с. [Kuchma, L. *Ukraina – ne Rossija* (Ukraine is not Russia). Moscow: Vremja, 2003. 560 p.]

²⁸ Цит. по: Смолин М. Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет. Украинифильство в России. Идеология раскола / Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М. 1998. С. 20. [Smolin, M. *Ukrainskij tuman dolzhen rassejat'sja, i russkoe solnce vzojdet. Ukrainofil'stvo v Rossii. Ideologija raskola* (The Ukrainian Fog Should Clear and the Russian Sun Will Rise. Ukrainophilism in Russia. The Ideology of the Split) / *Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologija nacional'nogo raskola*. Moscow, 1998. P. 20.]

²⁹ Лапкин В.В., Пантин В.И. Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе // Полис.

идеи федерализма стали частью политтехнологического инструментария мобилизации электората и имели по большей части характер ситуативно мотивированного политического давления, а не составляющей реальной политической идеологии и долгосрочной программы реформ. В связи с этим показательно, что идеи федерализации, несмотря на их активное использование в предвыборной риторике, никогда не были включены в официальные предвыборные программы «регионалов», в том числе программу «Украина для людей», с которой В. Янукович шел на выборы 2010 г. Особенно ярко это проявилось в региональной политике В. Януковича после победы на президентских выборах 2010 г., который не только не следовал предвыборным обещаниями, но и взял курс на усиление унитарных начал в системе госуправления. Также следует согласиться с А. Зоткиным и в том, что автономистские и федералистские выступления со стороны региональных элит юго-восточных регионов имели черты «не столько осознанного политического интереса для достижения определенных целей при помощи институтов автономной власти, сколько проявления реакции самозащиты в условиях неудовлетворенности неразрешимостью вопросов их культурно-цивилизационной самоидентификации»³⁰. В то же время, идеи федерализма выступали в качестве удобного объекта нападков со стороны «национал-патриотов» при явной незаинтересованности прозападных и националистических сил в федеративном переустройстве Украины.

Чрезмерной политизации идеи федерализма способствовал и российской фактор.

Как указывает А. Окара, идея федерализации Украина оказалась настолько популярна среди российского политического класса, что стала выступать своего рода политической константой политики России на украинском направлении³¹. В силу этого зачастую федералистские выступления ассоциировались с внешним вмешательством и «рукой Москвы», что создавало благоприятную почву для политических спекуляций и в целом дискредитировало идеи федерализма.

Вследствие указанных обстоятельств автономистские и федералистские устремления значительной части украинского общества не смогли найти воплощения на политическом уровне. На Украине не сформировались какие-либо по-настоящему влиятельные политические силы, готовые отстаивать проект федерализации и в нем заинтересованные. Использование лозунгов федерализации в качестве инструментов политической мобилизации электората или в качестве рычага давления на политических соперников, а не в качестве продуманной долгосрочной программы реформ, не способствовало развитию необходимого для полноценного федерализма общественного сознания. Как на уровне массового обыденного сознания, так и на уровне научного сознания представления о федерализме отличались поверхностным характером либо были искажены. Как отмечал член-корреспондент Академии правовых наук Украины В. Маляренко, «судя по аргументам, используемым сторонниками и противниками двухпалатного парламента, в нашем обществе нет более-менее систематизированных знаний об этом институте власти и его месте и значении в сегодняшнем мире»³².

Таким образом, за годы независимости региональные элиты не смогли выработать эффективных моделей сосуществования, данная проблема находилась в законсерви-

2009. № 2. С. 103. [Lapkin, V.V.; Pantin, V.I. Rossiya i Ukraina: faktory social'no-politicheskoj poljarizacii v sravnitel'noj perspective (Russia and Ukraine: Factors of Socio-political Polarization in a Comparative Perspective) // *Polis*, 2009, No. 2, p. 103.]

³⁰ Зоткин А. Автономизм на Украине как механизм реализации политических интересов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 3. С. 102 [Zotkin, A. Avtonomizm na Ukraine kak mehanizm realizacii politicheskikh interesov (Autonomism in Ukraine as a Mechanism for Implementing Political Interests) // *Sociologija: teorija, metody, marketing*, 2010, No. 3, p. 102.]

³¹ Окара А. Мат в два хода. Как федерализация может уничтожить Украину в течение нескольких лет. День. 22 февраля 2014 г. Режим доступа: <https://day.kyiv.ua/ru/article/politika/mat-v-dva-hoda>

³² Маляренко В. Ведет ли двухпалатный парламент к федерализации государства? // Зеркало недели. 2009. 12 апреля.

рованном состоянии и не способствовала гармонизации региональных противоречий.

В ходе резкого обострения политической борьбы зимой 2013-2014 гг. противостоящие стороны в целом воспроизвели тактику действий периода «оранжевой революции». На западе страны прокатилась волна акций неповиновения центральным властям и захвата органов власти, на востоке – 12 февраля 2014 г. был организован Всеукраинский форум областных советов в Крыму, который в итоговом заявлении призвал к реформе системы государственного устройства, в том числе к децентрализации власти в интересах местных территориальных общин, к внедрению двухпалатного парламента, одна из палат которого формировалась бы политическими партиями на пропорциональной основе, а вторая – по мажоритарному принципу с равным представительством от каждого региона Украины, что позволяет расценивать его в качестве своего рода повторения Северодонецкого съезда 2004 г. Государственный переворот 2014 г. кардинально изменил политическую ситуацию на Украине и стал причиной развития конфликта на Донбассе, который «приобрел черты гражданского внутриукраинского конфликта, оппозиции политического выбора и регионального самоопределения, противостояния между курсом на унификацию и автономизацию»³³. Массовые протестные настроения на юго-востоке вылились в неповиновение киевским властям, а затем и в провозглашение Луганской и Донецкой народных республик. Итогом вооруженного противостояния стало подписание в сентябре 2014 г. т.н. Минских соглашений. Пункт 11 соглашений предполагал проведение на Украине конституционной реформы, которая бы предусматривала децентрализацию

³³ Конфликты на постсоветском пространстве: перспективы урегулирования и роль России. Рабочая тетрадь № 36/2016 / Под ред. И.С. Иванов. М.: Российский совет по международным делам, 2016. 52 с. [Konflikty na postsovetском prostranstve: perspektivy uregulirovaniya i rol' Rossii (Conflicts in the Post-Soviet Space: Prospects for Settlement and the Role of Russia). Rabochaja tetrad' № 36/2016. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow: Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 2016. P. 11.]

(с учетом особенностей отдельных районов Донецкой и Луганской областей, согласованных с представителями этих районов), а также принятие постоянного законодательства об особом статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей³⁴. При этом предусматривалось, что самопровозглашенные республики должны получить право на: языковое самоопределение; участие органов местного самоуправления в назначении глав органов прокуратуры и судов в отдельных районах Донецкой и Луганской областей; возможность для центральных органов исполнительной власти заключать с соответствующими органами местного самоуправления соглашения относительно экономического, социального и культурного развития отдельных районов Донецкой и Луганской областей и ряд другим полномочий. Тем самым Минские соглашения фактически стали попыткой установить федеративные отношения Киева с отдельными регионами в условиях острого гражданского конфликта.

Последующее развитие ситуации вокруг конфликта на Донбассе наглядно продемонстрировало крайне негативное отношение украинской элиты и значительной части общества к перспективе федерализации страны. Сформировавшийся по итогам государственного переворота режим фактически криминализировал предложения федерализации страны, сделав невозможной дискуссии на эту тему. В разгар эскалации внутривнутриполитического кризиса, последовавшего после государственного переворота в феврале 2014 г. Верховная Рада приняла изменения в уголовный кодекс, ужесточающие наказание за умышленные действия, совершенные с целью изменения границ территории или государственной границы Украины³⁵, трактовка которых стала зачастую включать и

³⁴ Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию мирного плана президента Украины Петра Порошенко и инициатив президента России Владимира Путина Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/home/123258?download=true>

³⁵ Закон України «Про внесення змін до Кримінального кодексу». Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T141183.html

призывы к изменению государственного устройства страны. Так, премьер-министр А. Яценюк заявил, что «любые призывы к федерализации являются попыткой уничтожения украинской государственности по сценарию, который был написан в России, цель которого – расчленение и уничтожение Украины»³⁶. Прокурор Харьковской области В. Синчук прямо предостерегал, что призывы к нарушению территориальной целостности и неприкосновенности Украины, в частности, к федерализации, противоречат закону и влекут за собой уголовную ответственность»³⁷.

В мае 2014 г., то есть еще до подписания Минских соглашений, по данным Центра им. Разумкова 61% опрошенных украинцев высказались против федерализации, и лишь 16% – за³⁸. Нет сомнений в том, что в условиях эскалации острого внутривосточного конфликта и достаточно распространенных и активно навязываемых представлений о том, что Украина стала жертвой внешней агрессии, идеи федерализации, которые фактически заложены в основу Минских соглашений, стали восприниматься преимущественно как инструмент разрушения украинской государственности. Правящая часть украинской элиты демонстрировала большую готовность порвать все контакты с неподконтрольным и враждебными ей Донбассом, чем согласиться на его инкорпорирование в политическое поле Украины на федеративных принципах, что означало бы образование достаточного сильного противовеса и ограничителя ее влияния в стране в целом. Это обстоятельство выступает важ-

нейшим фактором, препятствующим полноценной реализации Минских соглашений.

Прошедшие с 2014 г. президентские и парламентские избирательные кампании показали, что идеи федерализации страны фактически исключены из актуальной политической повестки на Украине. В то же время ситуативный вакуум власти и общеполитическая нестабильность стали причиной актуализации политического регионализма, что нашло свое отражение в разного рода автономистских выступлениях, пик которых пришелся на 2016 г. Следует отметить, что некоторые автономистские выступления сопровождались призывами заключать между центром и регионами договора о разграничений полномочий, что характерно для федеративной модели взаимоотношений между центром и регионами. Так, в течение 2016 г. Одесский, Кировоградский и Житомирский областные советы выступили с инициативой заключения договора о разграничении полномочий между правительством страны и областью. С таким же требованием в октябре 2016 г. обратились Киевский, Ивано-Франковский и Львовский областные советы³⁹.

Во всех партийных программах и программах кандидатов в президенты присутствовало положение о децентрализации, которое, как правило, трактовалось как реорганизация системы местных государственных администраций и расширение возможностей муниципальных образований за счет перераспределения государственных доходов и полномочий⁴⁰. При этом лозунг федерализации страны не использовался, будучи фактически приравнен к посягатель-

³⁶ Яценюк заявил о недопустимости дестабилизации востока Украины. ИНТЕРФАКС. 7 апреля 2014. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/369872>

³⁷ Призывы к федерализации влекут за собой уголовную ответственность – Синчук. АТН. 23 апреля 2014 г. Режим доступа: <https://www.atn.ua/obshchestvo/prizyvyy-k-federalizacii-vlekuut-za-soboy-ugolovnyu-otvetstvennost-sinchuk>

³⁸ Малинкович В. Дорога на Майдан. Причины украинского кризиса. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 152. [Malinkovich, V. Doroga na Majdan. Prichiny ukrainskogo krizisa (The Road to Maidan. Causes of the Ukrainian Crisis). Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2017. P. 152.]

³⁹ Три области Украины предложат Порошенко подписать договоры об автономии. Лента.RU, 31 октября 2016. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/10/31/zahid/>

⁴⁰ Передвиборна програма партії «Блок Петра Порошенка». Режим доступа: <https://rada.election.com.ua/ppr-blok-petra-poroshenko/> Програма політичної партії «Народний фронт» «Віновлення України». Режим доступа: <https://rada.election.com.ua/ppr-narodnyj-front/> Передвиборча програма «Всеукраїнського об'єднання «Батьківщина» «Україна переможе!» Режим доступа: <https://rada.election.com.ua/ppr-batkivshhina/>

ству на конституционный строй и территориальную целостность. Следует отметить, что в выступлениях отдельных представителей Оппозиционного блока тема федерализации все же косвенно звучала. Так, в ходе одного из интервью, В. Рабинович заявил, что «оптимальное землеустройство для Украины – это немецкая или швейцарская система. Это 6-7 земель»⁴¹.

В июне 2015 г. было инициировано проведение реформы местного самоуправления, в основу которой лег польский опыт. Предполагалось укрупнить районы, расширить финансовую, и управленческую независимость местных общин. При этом украинские политики четко разграничивали возможности проведения реформы административно – территориальной реформы с федерализацией, в том числе в контексте конфликта на Донбассе.

Так, в июле 2015 г., заручившись одобрением проекта реформы по децентрализации со стороны Венецианской комиссии Совета Европы, президент П. Порошенко внес на рассмотрение Верховной Рады проект изменений в конституцию страны, который 31 августа был принят в первом чтении. Он предполагал внесение в переходные положения конституции пункта о том, что особый статус Донбасса будет закреплен отдельным законом. При очевидной поддержке со стороны Запада (при голосовании присутствовала помощник государственного секретаря по делам Европы и Евразии В. Нуланд) проект реформы не был согласован с представителями самопровозглашенных республик Донбасса и был ими отвергнут как несоответствующий Минским соглашениям. Выдвигая свой проект децентрализации, П. Порошенко заявил, что она сделает страну сильнее и крепче и станет надежной прививкой «бациллы федерализации»⁴².

⁴¹ Децентрализация в Украине невозможна из-за политиков. Рабинович. 24 канал. 22 октября 2014. Режим доступа: https://24tv.ua/ru/detsentralizatsiya_v_ukraine_nevozmozhna_iz_za_politikov_rabinovich_n499640

⁴² Порошенко рассказал, как в Украине победить «бациллу федерализации». Обозреватель. 01.07.2015. Режим доступа: <https://www.>

В августе 2018 г. первый президент Украины Л. Кравчук также заявил, что урегулировать конфликт в Донбассе можно только через предоставление региону полномочий автономии. Он назвал федерализацию «неприемлемой», так как она охватит всю страну⁴³.

Превратившись в элемент стратегии Киева по саботированию Минских соглашений и предмет внутривластной борьбы, конституционная реформа оказалась «заморожена», а вместе с ней и существенно заторможен и деформирован весь процесс децентрализации, который в дальнейшем осуществлялся фрагментарно. Работа по созданию территориальных общин была продолжена, но привела к противоречивым результатам. С 2014 по 2017 гг. объем доходов местных бюджетов в долларовом исчислении не только не вырос, но по сравнению с 2013 г. снизился⁴⁴. Это привело к росту зависимости муниципалитетов от бюджетных трансфертов, которые по прежнему существенно превышают местные ресурсы, в то время как целью реформы являлось снижение такой зависимости. Можно констатировать, что на данный момент ни один из компонентов реформы не завершен, и ни одна из значимых целей не достигнута.

Несмотря на то, что в результате нетерпимого отношения властей к лозунгу федерализации отдельные составляющие федерализма стали после 2014 г. фактически обсуждаться в рамках дискуссий о децентрализации, события в Крыму и острый конфликт на юго-востоке страны оказали

obozrevatel.com/politics/81064-poroshenko-rasskazal-kak-v-ukraine-pobedit-batsillu-federalizatsii.htm

⁴³ Кравчук предложил предоставить Донбассу полномочия автономии. АиФ. 22.08.2018 г. Режим доступа: https://aif.ru/politics/world/kravchuk_predlozhit_predostavit_donbassu_polnomochiya_avtonomii

⁴⁴ Украина после Евромайдана. Пять лет кризиса и надежд: рабочая тетрадь № 54/2019. М.: НП РСМД, 2019. С.9. [Ukraina posle Evromajdana. Pjat' let krizisa i nadezhd: rabochaja tetrad' (Ukraine after Euromaidan. Five Years of Crisis and Hope: a Workbook). № 54/2019. Moscow: NP RSMD, 2019. P. 9.]

сильное влияние на восприятие украинским обществом и элитой проблемы реформирования государственного устройства страны, существенного ограничив пространство возможных подходов к ее разрешению. Украина очевидно не только не приблизилась к федерализму, но отдалилась от него. При принятии на словах идей повышения финансовой и административно-правовой самостоятельности муниципалитетов, в том числе на юго-востоке страны, в то же время отвергалась сама возможность политического компромисса интересов центра и Донбасса, что выступает идейной основой федерализма.

Несмотря на неоднократные попытки административно-территориальных реформ, существующая на Украине система государственного устройства по-прежнему в значительной степени игнорирует региональные социокультурные и политико-экономические различия. И если в краткосрочной перспективе политика унитаризма, направленная на укрепление государственности в период ее становления, способна привести к решению актуальных политических задач, то в долгосрочной перспективе отказ от принципов федерализма в условиях выраженного регионализма, на наш взгляд, не будет способствовать интересам социально-экономического развития и политической стабильности в стране.

Прошлое Украины свидетельствует о том, что на фоне острых конфликтов не прекращался поиск форм гармоничного сосуществования различных этносов, культур и социально-экономических укладов. Социокультурное многообразие украинских земель при этом сохранялось несмотря ни на какие потрясения и испытания. И это дает надежду на то, что идеи федерализма еще не сказали свое последнее слово в истории Украины.

Литература:

- Гончарева И.Б.* Федерализм как политико-правовой и социальный способ управления конфликтами и как средство их перманентного разрешения // *Credo*. 1998. № 7.
- Грицак Я.И.* Страсті за націоналізмом. Історичні есеї. – Київ: Критика. 2004. С. 216-228.
- Дергачев А.* Украинская государственность в 20 веке. Киев: Политична Думка, 1996.

Зоткин А. Автономизм на Украине как механизм реализации политических интересов // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2010. № 3.

Колосов В.А. Примордиализм и современное национально-государственное строительство // *Полис*. 1998. № 3.

Конфликты на постсоветском пространстве: перспективы урегулирования и роль России. Рабочая тетрадь № 36/2016 / Под ред. И.С. Иванов. М.: Российский совет по международным делам, 2016. 52 с.

Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2003. 560 с.

Лапкин В.В., Пантин В.И. Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе // *Полис*. 2009. № 2.

Малинкович В. Дорога на Майдан. Причины украинского кризиса. М.: Издательство «Весь мир», 2017.

Матвеев В.Е. Этно-историческая составляющая украинского федерализма // *Вестник КемГУ*. 2013. № 4 (56). Т. 2.

Мечи и орала: экономика национальной безопасности Беларуси и Украины / Под ред. Р. Легвольда и С. Уолландер. Кембридж, 2003.

Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // *Отечественные записки*. 2007. № 1(33). С. 84-86.

Смолин М. Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет. Украинофильство в России. Идеология раскола / Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М. 1998.

Суцый С.Я. Украина, Россия и мир. Кризис 2014 года: предпосылки, последствия, этнополитические перспективы. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Тарасов И.Н. Бикамерализм в постсоветском пространстве // *Политэкс*. 2006. № 4 С. 178-184.

Трусин С.В. Осмысление феномена федерализма в трудах отечественных философов // *Основы управления, экономики и права*. 2012. № 5. С. 90-93.

Ципко А. О различиях в процессах формирования новых российской и украинской идентификаций // *Полития*. 2001. №1. С. 172-186.

Чорновіл В. Твори. В 10 т. Т. 7. «Смолоскип».

Spicer, E. Persistent Identity System // *Science*, 1971, Vol. 4011, pp. 795-800.

Stepan, A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State” But Possible Democratic “State-Nation”? // *Post-Soviet Affairs*, 2005, No. 4, pp. 279-308.

References:

- Chornovil, V.* Tвори (Essays). V 10 t. T. 7. «Smoloskip».
- Dergachev, A.* Ukrainskaja gosudarstvennost' v 20 veke (Ukrainian Statehood in the 20th Century). Kiev: Politichna Dumka, 1996.
- Goptareva, I.B.* Federalizm kak politiko-pravovoj i social'nyj sposob upravlenija konfliktami i kak sredstvo ih permanentnogo razreshenija (Federalism as a Political, Legal and Social Way to Manage Conflicts and as a Means of Their Permanent Resolution) // *Credo*, 1998, No. 7.
- Gricak, J.* Strasti za nacionalizmom. Istorichni eseї (Passion for Nationalism. Historical essays). Kiїv: Kritika. 2004. Pp. 216-228.
- Kolosov, V.A.* Primordializm i sovremennoe nacional'no-gosudarstvennoj stroitel'stvo (Primordialism and Modern National-state Building) // *Polis*, 1998, No. 3.
- Конфлікты на постсоветском пространстве: перспективы урегулирования и роль России (Conflicts in the Post-Soviet

Space: Prospects for Settlement and the Role of Russia). *Rabochaja tetrad'* № 36/2016. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow: Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 2016.

Kuchma, L. Ukraina – ne Rossija (Ukraine is not Russia). Moscow: Vremja, 2003. 560 p.

Lapkin, V.V.; Pantin, V.I. Rossija i Ukraina: faktory social'no-politicheskoj poljarizacii v sravnitel'noj perspective (Russia and Ukraine: Factors of Socio-political Polarization in a Comparative Perspective) // *Polis*, 2009, No. 2.

Malinkovich, V. Doroga na Majdan. Prichiny ukrainskogo krizisa (The Road to Maidan. Causes of the Ukrainian Crisis). Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2017.

Matveev, V.E. Jetno-istoricheskaja sostavljajushhaja ukrainskogo federalizma (Ethno-historical Component of Ukrainian Federalism) // *Vestnik KemGU*, 2013, No. 4 (56).

Mechi i orala: jekonomika nacional'noj bezopasnosti Belarusi i Ukrainy (Swords and Plowshares: Economics of National Security of Belarus and Ukraine). Ed. by R. Legvolda, S. Uollander. Kembridzh, 2003.

Miller, A. Nacija-gosudarstvo ili gosudarstvo-nacija? (Nation-state or State-nation?) // *Rossija v global'noj politike*, 2005, No. 5.

Miller, A.I. Dualizm identichnostey na Ukraine (Identity Dualism in Ukraine) // *Otechestvennyye zapiski*, 2007, No. 1(33), pp. 84-86.

Smolin, M. Ukrainskij tuman dolzhen rassejat'sja, i russkoe solnce vzojdet. Ukrainofil'stvo v Rossii. Ideologija raskola (The Ukrainian Fog Should Clear and the Russian Sun Will Rise. Ukrainophilism in Russia. The Ideology of the Split) / Ukrainskij separatizm v Rossii. Ideologija

nacional'nogo raskola. Moscow, 1998.

Spicer, E. Persistent Identity System // *Science*, 1971, Vol. 4011, pp. 795-800.

Stepan, A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State” But Possible Democratic “State-Nation”? // *Post-Soviet Affairs*, 2005, No. 4, pp. 279-308.

Sushhij, S.J. Ukraina, Rossija i mir. Krizis 2014 goda: predposylki, posledstvija, jetnopoliticheskie perspektivy (Ukraine, Russia and the World. The 2014 Crisis: Background, Consequences, and Ethno-political Perspectives). Moscow: LENAND, 2015.

Tarasov, I.N. Bikameralizm v postsovetском prostranstve (Bicameralism in the Post-Soviet Space) // *Politeks*, 2006, No. 4, pp. 178-184.

Trusin, S.V. Osmyslenie fenomena federalizma v trudah otechestvennyh filosofov (Understanding the phenomenon of federalism in the works of Russian philosophers) // *Osnovy upravlenija, jekonomiki i prava*, 2012, No. 5, pp. 90-93.

Tsipko, A. O razlichyakh v protsessakh formirovaniya novykh rossijskoj i ukrainskoj identifikatsiy (On the Differences in the Processes of Formation of New Russian and Ukrainian Identifications) // *Politiya*, 2001, No. 1, pp. 172-186.

Zotkin, A. Avtonomizm na Ukraine kak mehanizm realizacii politicheskikh interesov (Autonomism in Ukraine as a Mechanism for Implementing Political Interests) // *Sociologija: teorija, metody, marketing*, 2010, No. 3.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10044

FEDERALIST IDEAS IN UKRAINIAN POLITICS

Andrey N. Vavilov

*Department of the President of the Russian Federation
for Interregional and Cultural Relations
with Foreign Countries,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 15.12.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 07.06.2021</p>	<p>Abstract: After gaining sovereignty in 1991, the ideas of federalization were more or less present in the socio-political life of Ukraine at all stages of its development. This is a consequence and expression of the regionalism historically inherent in this country.</p> <p>However, despite the obvious presence of socio-cultural and economic regional differences, which allow us to draw parallels with such countries as Switzerland, Belgium, or Canada, where they were the objective basis of federalism, in Ukraine the federal principles of state structure were not implemented.</p> <p>The reasons for this are primarily related to the peculiarities of the internal political development of Ukraine, which predetermined the lack of real political and economic conditions for the implementation of the ideas of federalism in practice. In particular, all the leading political forces capable of advocating such a reform on a national scale have demonstrated their disinterest in the transition to a federal state system in various periods.</p> <p>The appeal to the ideas of federalism was for the most part a tool for mobilizing the electorate and became a convenient object for criticism from the Pro-Western and national-Patriotic political camp, which was especially evident during the «orange revolution» and in the subsequent period. It can also be stated that the basic ideas of federalism have not been consolidated at the level of mass consciousness in Ukraine.</p> <p>After 2014, the negative attitude towards federalism has significantly increased. In the context of the acute conflict in the Donbas and the deep crisis of Russian-Ukrainian relations, the federalization of the country was presented by the ruling regime as a mechanism for destroying Ukrainian statehood, and calls for changing the state structure were actually criminalized. At the same time, due to the actualization of the manifestations of regionalism, certain elements of federalism were discussed in the framework of public discussions on the decentralization of the public administration system.</p>
<p>About the author: Ph.D., Chief Adviser, Department of the President of the Russian Federation for Interregional and Cultural Relations with Foreign Countries</p> <p>e-mail: anvavilov12@yandex.ru</p>	
<p>Key words: Ukraine; federalism; federalization; decentralization; regionalism; Ukrainian crisis; conflict in the Donbas</p>	

Для цитирования: Вавилов А.Н. Идеи федерализма в украинской политике // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 109-123.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10044

For citation: Vavilov, Andrey N. Idei federalizma v ukrainskoy politike (Federalist Ideas in Ukrainian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 109-123.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10044

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10045

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПОСТСОВЕТСКИХ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ

Сергей Валерьевич Голунов

*Институт мировой экономики и международных отношений РАН,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 7 мая 2021 Принята к печати: 7 сентября 2021</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена приграничному сотрудничеству постсоветских де-факто государств (Абхазии, Донецкой и Луганской народных республик, Приднестровской Молдавской Республики и Южной Осетии) за период с начала 1990-х годов по 2021 г. Приграничное сотрудничество большинство постсоветских де-факто государств, за исключением Приднестровья, не отличается особой эффективностью. Свою роль играют сложные политические отношения с частью сопредельных государств, нелегитимность де-факто границ для значительной части потенциальных партнеров, чрезмерный контроль центральных органов власти над кросс-граничными связями, ограниченность экономических потенциалов де-факто государств и восприятие их соседями (включая даже союзников) как потенциального источника угроз и нестабильности.</p> <p>При всех имеющихся проблемах сотрудничество постсоветских де-факто государств с сопредельными регионами государства-«покровителя» («патрона», в данном случае России), по большей части, решает наиболее острые проблемы выживания де-факто государства, его функционирования в сферах здравоохранения, связи, развития ряда отраслей экономики. При этом сотрудничество России с признанными им постсоветскими де-факто государствами гораздо шире и разнообразнее, чем с непризнанными. Приграничное сотрудничество между де-факто государствами и прежде контролировавшими их территории материнскими государствами в большинстве случаев находится в зачаточном состоянии. Частичным исключением можно считать относительно успешное сотрудничество между Молдавией и Приднестровьем, которое, однако, регулярно осложняется многочисленными политическими противоречиями. Наконец, приграничное сотрудничество де-факто государства с третьей страной (ПМР–Украина) осложняется фактором непризнанности и неблагоприятной политической конъюнктурой, а между двумя непризнанными государствами (ДНР–ЛНР) – гиперцентрализацией управления в обеих республиках</p>
<p>Об авторе: д.полит.н., ведущий научный сотрудник, Группа по исследованию проблем мира и конфликтов, Институт мировой экономики и международных отношений РАН e-mail: sgolunov@mail.ru</p>	
<p>Ключевые слова: де-факто государство; непризнанное государство; приграничное сотрудничество; постсоветское пространство; материнское государство; государство-патрон; Абхазия; Донецкая Народная Республика; Луганская Народная Республика; Приднестровская Молдавская Республика; Южная Осетия</p>	

Термин «де-факто государство» применяется к эффективно управляющим своей территорией в течение продолжительного периода (квази-)государственным образованиям, фактически провозгласившим свою независимость, но при этом не признанным ООН. Некоторые из такого рода политических образований (например, Абхазия, Косово, Тайвань и Южная Осетия) удостоились признания своей государственности со стороны некоторых стран-членов ООН. Вместо термина «де-факто государство» или в качестве синонима нередко употребляются и другие понятия, в особенности «непризнанное государство»¹.

Постсоветское пространство – регион наибольшей в мире концентрации непризнанных государств. В их число входят Абхазия, Донецкая Народная Республика (ДНР), Луганская Народная Республика (ЛНР), Нагорно-Карабахская Республика (НРК), Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) и Республика Южная Осетия (РЮО). В настоящей работе не рассматривается случай НКР, поскольку после поражения республики в войне 2020 г. с Азербайджаном предыдущая конфигурация ее приграничного сотрудничества с Арменией во многом утратила свою актуальность.

¹ См., например: Ó Beacháin, D.; Comai, G.; Tsursumia-Zurabashvili, A. The Secret Lives of Unrecognised States: Internal Dynamics, External

Relations, and Counter-Recognition Strategies // *Small Wars & Insurgencies*, 2016, Vol. 2, No. 73, pp. 440-466.

Одним из важнейших атрибутов фактической государственности является контроль над границами и трансграничными потоками. Как и для «обычных стран», для де-факто государств полноценное сообщение с внешним миром имеет жизненно важное значение. При этом ограниченная легитимность де-факто государств создает серьезный вызов устойчивости их границ и регулируемых этими границами потоков. В чем заключается специфика приграничного сотрудничества постсоветских де-факто государств? Как влияют на эту специфику характер их отношений с сопредельными политическими образованиями? В каких рассматриваемых случаях приграничное сотрудничество де-факто государств развиваются более успешно, чем в других?

Проблемам постсоветских де-факто государств посвящено большое количество как отечественных, так и зарубежных исследований. При этом работы, ставящие целью концептуализации приграничного сотрудничества хотя бы одного из этих де-факто государств, практически отсутствуют. Ряд исследований посвящен частным проблемам такого сотрудничества, включая совместное поддержание работоспособности трансграничных инфраструктурных объектов²; неформальную приграничную торговлю³ и влияние опыта приграничного сотрудничества до образования на участвовавшей в нем территории де-факто государства⁴.

² См., например: Margvelashvili, M. Enguri HPP and Energy Supply to Abkhazia. World Experience for Georgia, 2017. Mode of access: <http://weg.ge/sites/default/files/enguri-hpp-and-energy-supply-to-abkhazia-1.pdf>

³ См., например: Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332; Mirimanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / *International Alert*. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

⁴ Бредихин А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // *Альманах Казачество*, 2016. Т. 6. № 19. С. 12-17. [Bredikhin, A.V. Donetsk-Makeevskaya aglomeratsiia: puti razvitiia

Основная часть настоящей работы состоит из пяти разделов. В первом анализируется феномен приграничного сотрудничества, включая его содержательное наполнение и международный опыт), во втором – феномен границ де-факто государств. Последующие три раздела посвящены специфике сотрудничества де-факто государств в зависимости от конкретного типа границ: границ с государствами-патронами⁵, материнскими государствами⁶ и границ с третьими странами и с другими де-факто государствами.

Феномен приграничного сотрудничества

В качестве «канонического» определения приграничного сотрудничества чаще всего цитируется формулировка, содержащаяся в Мадридской конвенции 1980 г. Согласно этой формулировке, понятие «приграничное сотрудничество» применимо к совместным действиям с целью укрепления добрососедских отношений между сопредельными органами власти или сообществами⁷.

Как представляется, данное определение более применимо для практических целей институционализации и систематического развития сотрудничества между административно-территориальными единицами различных уровней, нежели для концептуализации случаев «стихийного» сотрудничества, не ставшего результатом систематических усилий органов власти. Известная классификация О. Мартинеса подразделяет границы на отчужденные

prigranichnogo sotrudnichestva (Donetsk-Makiivka Agglomeration: Pathways of Cross-Border Cooperation) // *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, Vol. 6, No. 19, pp. 12-17.]

⁵ Государства-патроны – страны, поддержка и покровительство которых жизненно важны для де-факто государств.

⁶ Материнские государства – международно признанные государства, от которых де-факто государства фактически отделились.

⁷ European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities. Madrid, 21.V.1980 / Council of Europe. Mode of access: <https://rm.coe.int/1680078b0c>

(когда кросс-границные контакты сведены к минимуму), сосуществования (когда сотрудничество нестабильно и ограничено), взаимозависимые (со стабильными партнерскими отношениями) и интеграционные (когда трансграничные институты и элементы инфраструктуры функционируют как единое целое)⁸. Сотрудничество между акторами, действующими в условиях отчужденных границ и границ сосуществования, не обязательно преследует амбициозные цели, но, в то же время, может стихийно закладывать семена таких взаимоотношений, которые дадут всходы лишь в долгосрочной перспективе.

Свои проблемы с применением определения Мадридской конвенции могут возникнуть и в приграничном сотрудничестве доминируют центральные органы власти. Хотя принципиальная возможность Центра принимать участие в приграничном сотрудничестве особому сомнению не подвергается, в «мадридском формате» он рассматривается лишь как один из многих акторов такого сотрудничества, в котором, чаще всего, тон задают местные акторы. Одна из особенностей большинства постсоветских де-факто государств заключается в том, что они могут быть отнесены к категории «малых», обладающих значительно меньшими ресурсами по сравнению с «типичными» государствами⁹. В такого рода «малых государствах» правительства решают очень широкий круг вопросов локального характера. Доминирование Центра в приграничном сотрудничестве «малого государства» может сделать затруднительным выделение такого сотрудничества из комплекса дипломатических отношений «малого государства» с соседними странами.

С учетом этих проблем, в контексте настоящего исследования автор определяет приграничное сотрудничество как периодические кооперативные взаимодействия

между акторами из граничащих друг с другом стран, связанные с физическим пересечением данной границы. Как правило, взаимодействующие друг с другом акторы из сопредельных стран находятся друг от друга на относительно небольшой физической дистанции.

Приграничное сотрудничество может принимать самые различные формы, начиная частными инициативами и символическими официальными мероприятиями и кончая созданием наделенных обширными полномочиями совместных органов. Не менее широк возможный диапазон выполняемых им функций: развитие коммерчески успешных проектов, преодоление маргинального положения сопредельных территорий, смягчение прямо (пограничный контроль) и косвенно (нормативные различия и т.п.) связанных с границей барьеров, создание рабочих мест, разрешение общих проблем, развитие сетевых связей, устранение дублирующей инфраструктуры, смягчение этнических и политических конфликтов, повышение информированности сторон друг о друге и т.д.¹⁰

Было бы поверхностным судить об успешности приграничного сотрудничества лишь на основе наличия или отсутствия четко измеримых экономических результатов. Следует учитывать различие стартовых условий, так и многочисленность тех количественных и качественных критериев, по которым может оцениваться прогресс. В частности, стартовые условия могут определяться воздействием многочисленных барьеров, включая плохие политические отношения; жесткость пограничного, таможенного и миграционного контроля; недостаток полномочий у сотрудничающих акторов, их слабость и пассивность; чрезмерное бюрократическое регулирование внешних контактов; недостаток информации; языковые и культурные различия; неадекватность инфраструктуры; слабое финансирование проектов; различия экономических и других потенциалов (как слишком большие, так и

⁸ Martinez, O. *Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands*. Tucson: The University of Arizona Press, 1994. 375 p.

⁹ См., например: Frear, Th. *The Foreign Policy Options of a Small Unrecognised State: The Case of Abkhazia // Caucasus Survey*, 2014, Vol. 1, No. 2, pp. 83-107.

¹⁰ См., например: Sousa, L. *Understanding European Cross-border Cooperation: a Framework for Analysis // Journal of European Integration*, 2013, Vol. 35, No. 6, pp. 669-687.

слишком маленькие различия снижают экономическую привлекательность сторон друг для друга)¹¹ и т.п.

Вполне объяснимо, что приграничное сотрудничество далеко не во всех случаях оказывается эффективным, что в ряде случаев его успех оказывается частичным и относительным, и что попытки экспортировать успешно работающую модель в другие условия не обязательно приносят ожидаемые результаты.

В глобальном масштабе наиболее успешными зарекомендовали себя несколько моделей приграничного сотрудничества, причем чаще других эталонной считается модель Европейского Союза. Данная модель основывается на идеологиях и практиках европейской интеграции и регионализации (часть трансграничных еврорегионов имеет эффективные органы управления с значительными полномочиями), принципе многоуровневого управления, а также на щедром конкурсном финансировании проектов различного масштаба¹². Ее эффективность, однако, снижается в условиях, когда местные органы власти какой-либо из сотрудничающих сторон имеют недостаточно полномочий, когда финансирование неадекватно и в широких масштабах практикуется нецелевое исследование выделенных средств¹³. Специфическая модель сотрудничества, основанная на постепенном и дозированном стимулировании трансграничных контактов при финансовой поддержке проектов с участием конфликтующих сторон применялась ЕС в процессе урегулирования североирландского и балканских конфликтов¹⁴.

Давние традиции также имеет североамериканская модель. Она сложилась во многом стихийно, и ее главным двигателем являются интересы сильных негосударственных акторов из США, Канады и Мексики. Часть этих акторов (например, связанных с автомобильным бизнесом) имеет сильные лоббистские возможности в органах власти. В отличие от модели ЕС, в рамках североамериканской модели приграничного сотрудничества отношение к интеграции с созданием трансграничных регионов довольно скептическое: такого рода идеи воспринимаются как умножение бюрократии и неэффективное расходование средств¹⁵.

Суть более молодой китайской модели заключается, в первую очередь, в создании свободных зон на границе с сотрудничающим государством, а также в предоставлении Центром особых полномочий, финансирования и приоритетных каналов для быстрой коммуникации избранным приграничным регионам¹⁶. Успешность реализации данной модели обеспечивается, в первую очередь, усилиями китайской стороны, располагающей огромным экономическим потенциалом и широкими возможностями для финансирования. Это ставит под вопрос возможность реализации данной модели странами с меньшим потенциалом и с другими системами управления. Еще одной проблемой китайской модели является контроль над расходованием выделенных средств, значительная часть которых может быть растратчена как региональными властями, так и коррумпированными зарубежными партнерами¹⁷.

¹¹ Blatter, J.; Clement, N.. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*, 2000, Vol. 15, No. 1, pp. 15-53.

¹² См., например: Klatt, M.; Herrmann, H. Half Empty or Half Full? Over 30 Years of Regional Cross-Border Cooperation Within the EU: Experiences at the Dutch–German and Danish–German Border // *Journal of Borderlands Studies*, 2011, Vol. 26, No. 1, pp. 65-87.

¹³ Ibid.

¹⁴ См., например: Anderson, J. Partition, Consociation, Border-Crossing: Some Lessons from the National Conflict in Ireland/Northern

Ireland // *Nations and Nationalism*, 2008, Vol. 14, No. 1, pp. 85-104.

¹⁵ См., например: Blatter, J.; Clement, N.. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*, 2000, Vol. 15, No. 1, pp. 15-53.

¹⁶ См., например: Zhao, S. China's Approaches toward Regional Cooperation in East Asia: Motivations and Calculations // *Journal of Contemporary China*, 2011, Vol. 20, No. 68, pp. 53-67.

¹⁷ См., например: Peyrouse, S.; Raballand, G. Central Asia: The New Silk Road Initiative's Questionable Economic Rationality // *Eurasian*

Под эгидой Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) поддерживаются многосторонние проекты в рамках «треугольников роста», основанные на слаженном применении имеющихся у участников взаимодополняющих ресурсов (например, сырья, производственных мощностей, рабочей силы и инвестиций)¹⁸. Определенного внимания заслуживает и опыт некоторых африканских государств – участников Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС): несмотря на скудность финансирования, им удалось добиться успехов в деле привлечения зарубежных грантов и их точечного использования для решения локальных экологических, медицинских и других проблем¹⁹.

За пределами упомянутых «моделей» приграничное сотрудничество, как правило, менее результативно. В Латинской Америке, несмотря на языковую близость населения сопредельных стран, сотрудничество нестабильно и относительно слабо институционализировано: сказываются высокая централизованность систем управления большинства государств региона, территориальные споры и политические противоречия²⁰. В случае с Россией серьезной проблемой является чрезмерный и забюрократизированный контроль Центра над внешними связями региона. Как представляется, данная проблема во многом связана с малоуспешным поиском центральными властями оптимального баланса между эко-

номической самостоятельностью субъектов приграничного сотрудничества и предотвращением использования упрощенных режимов ведения внешнеэкономической активности для массированного уклонения от уплаты таможенных пошлин и других махинаций²¹.

Наименее благоприятные условия для приграничного сотрудничества возникают в контексте длительных конфликтов между сопредельными странами, а также из-за гиперцентрализации системы управления в одной из них. Несмотря на мирное урегулирование между Израилем и Иорданией, в общественном мнении этих стран (особенно Иордании) отношение к перспективе расширения двусторонних связей довольно критическое, и потому приграничное сотрудничество сводится, в основном, к нескольким локальным проектам, которые не афишируются²². Приграничное сотрудничество КНДР малоэффективно из-за гиперцентрализации ее политической системы: почти любые переговоры даже по проектам локального уровня координируются чиновниками из Пхеньяна²³.

Феномен границы де-факто государства

Если руководствоваться предложенной С. Краснером классификацией видов суверенитета, то де-факто государства в лучшем случае обладают только его двумя видами – внутренним (монополией на использование

Geography and Economics, 2015, Vol. 56, No. 4, pp. 405-420.

¹⁸ См., например: Nadalutti, E. The Rise of Trans-Border Regions in Southeast Asia: Behind the Dynamics of Informal and Formal Integration Processes in the “Indonesia–Malaysia–Singapore” Growth Triangle // *The Pacific Review*, 2015, Vol. 28, No. 4, pp. 607-630.

¹⁹ См., например: Asiwaju, A.I. 2010. Cross-border Initiatives and Regional Integration in West Africa: The Nigerian Experience / *Nation-States and the Challenges of Regional Integration in West Africa: The Case of Nigeria*. Ed. by Y. Akinyeye. Paris: Karthala, 2010. Pp. 137-148.

²⁰ См., например: Iranzo, A.; Caballero, S. The Periphery at the Centre: An Analysis of Latin American Regionalism from the Borders // *Space and Polity*, 2020, Vol. 24, Issue 3, pp. 346-361.

²¹ См., например: Анимитца П.Е. Особые экономические зоны России: проблемы и особенности налогового регулирования // *Налогообложение*. 2012. № 12. С. 30-37 [Animitsa, P.E. Osobyе ekonomicheskie zony Rossii: problemy i osobennosti nalogovogo regulirovaniia (Russian Special Economic Zones: Problems and Specific Features of Tax Regulation) // *Nalogooblozhenie*, 2012, No. 12, pp. 30-37.]

²² Arieli, T. Borders of Peace in Policy and Practice: National and Local Perspectives of Israel-Jordan Border Management // *Geopolitics*, 2012, Vol. 17, No. 3, pp. 658-680.

²³ Golunov, S. The Russian – North Korean Borderland: A Narrow Border of Boundless Ambition / *Border Briefings* 2016, No. 1. Mode of access: https://www.academia.edu/24138601/The-Russian-North-Korean-Borderland_A-Narrow-Border-of-Boundless-Ambition.

Таблица 1.

Некоторые характеристики границ постсоветских де-факто государств*

Де-факто государство	Общая протяженность фактических границ (км)	Типы сопредельных политических образований	Специфические характеристики границ
Абхазия	408	Государство-патрон (Россия) и материнское государство (Грузия)	Горный ландшафт, для кросс-границного сообщения в основном задействуются приморские коридоры. Имеет морскую де-факто границу.
Донецкая Народная Республика (ДНР)	Около 860 (вместе с границей ЛНР)	Государство-патрон (Россия), материнское государство (Украина), другое де-факто государство (ЛНР)	Равнинный ландшафт, имеет единственную на постсоветском пространстве границу с другим де-факто государством. Имеет морскую де-факто границу.
Луганская Народная Республика (ЛНР)	Около 860 (вместе с границей ДНР)	Государство-патрон (Россия), материнское государство (Украина), другое де-факто государство (ДНР)	Равнинный ландшафт, имеет единственную на постсоветском пространстве границу с другим де-факто государством
Республика Южная Осетия (РЮО)	440	Государство-патрон (Россия) и материнское государство (Грузия)	Горный ландшафт; кросс-границное сообщение осуществляется, в основном, через границу с государством-патроном, хотя граница с материнским государством примерно в шесть раз длиннее и неподалеку от нее сосредоточена основная часть населения
Приднестровская Молдавская Республика (ПМР)	816	Материнское государство (Молдавия) и третья страна (Украина)	Не имеет границы с государством-патроном, поэтому граница с материнским государством играет главную коммуникационную роль. Материнское государство имеет в ПМР несколько де-факто эксclaveв.

* Рассчитано по: Аваков: протяженность границы Украины с ДНР и ЛНР составляет 450 км / МК.ру, 24.03.2015. Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2015/03/24/avakov-protyazhennost-granicy-ukrainy-s-dnr-i-lnr-sostavlyayet-450-km.html>; Гончарук Т. Мы привыкли, что каждую ночь стреляют / OpenDemocracy, 21.07.2017. Режим доступа: <https://www.opendemocracy.net/ru/ato-donbas>. Автору не удалось обнаружить информацию о протяженности фактических границ ДНР и ЛНР в отдельности. Следует отметить, что ни Украина, ни де-факто республики не считают нынешнюю линию разграничения легитимной и претендуют на ее изменение.

Table 1. Some characteristics of the borders of post-Soviet de facto states

насилия в пределах своих территорий) и, отчасти, суверенитетом контроля над трансграничными потоками. В то же время, де-факто государства не обладают «вестфальским» суверенитетом (который заключается как в юридической, так и фактической независимости от властей более высокого уровня) и международно-правовым суверенитетом (то есть не удостоились международного признания)²⁴. Что касается границ,

то де-факто государства могут обеспечивать их целостность в тех случаях, когда баланс сил (собственный военный потенциал в сочетании с военным потенциалом союзников) складывается в их пользу и, в основном, способны контролировать трансграничные потоки людей и товаров. Вместе с тем, нелегитимность такого рода границ для материнского государства и большинства других стран мира ставит под сомнение не только неприкосновенность рубежей (в первую очередь, де-факто границы с материнским государством), но и легитимность трансгра-

²⁴ Krasner, S. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

ничных потоков. В самом деле, физическое пересечение границы участниками сотрудничества с де-факто государством может рассматриваться как нарушение суверенитета материнского государства и повлечь за собой односторонние или многосторонние санкции. Дефицит международной легитимности отражается не только на самих границах, но и на объектах, используемых для трансграничного сообщения. В частности, ни одно постсоветское де-факто государство не имеет международно признанных аэропортов, и сообщение с внешним миром происходит, в основном, через сухопутные границы.

Помимо дефицита легитимности, границы постсоветских де-факто государств обладают рядом специфических характеристик, часть которых показана в *Таблице 1*.

Таким образом, значительное большинство границ постсоветских де-факто государств – это границы либо с материнскими государствами, либо с «патронами». Именно явное преобладание этих двух типов границ в сочетании с вытекающими из дефицита международного признания проблемами довольно жестко определяют специфику приграничного сотрудничества постсоветских де-факто государств по сравнению с сотрудничеством признанных ООН государств: последние, чаще всего, не имеют столь жестких оппонентов, отрицающих само их право на существование, и столь явно не нуждаются в «покровителях» для выживания. Рассмотрим приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств с «патроном» (которым является Россия) и материнскими государствами подробнее.

Приграничное сотрудничество с государством-патроном

Стабильность такого рода сотрудничества имеет для большинства постсоветских де-факто государств ключевое значение, поскольку именно «патрон», как правило, является для них окном в мир. Упомянутое сотрудничество, в числе прочего, служит для обеспечения выполнения тех функций, которые эти республики как «малые государства» не в состоянии полноценно осуществлять

сами: речь идет, например, о телефонных и интернет-коммуникациях, оказании высоко-технологичной медпомощи и т.п.

И все же статус непризнанности остро ощущается даже на приграничных контактах через дружественные границы. Пограничный и таможенный контроль между РФ и сопредельными де-факто государствами довольно жесток, в ряде случаев создавая помехи для перемещения через эти границы людей и товаров. Свою роль играет повестка безопасности, поскольку российская сторона опасается нелегальной миграции контрабанды и других разновидностей трансграничной преступности²⁵, не будучи уверенной в способности партнеров самостоятельно разрешить эти проблемы. Во время пандемии коронавируса границы с «патронами» стали восприниматься в контексте эпидемиологической угрозы уже в де-факто государствах. Наконец, препятствием для рассматриваемого сотрудничества ограниченность возможностей для привлечения партнеров из третьих стран, опасующихся санкций со стороны собственных правительств, стран-патронов или могущественных западных государств.

Что касается российских приграничных регионов (в первую очередь, Краснодарского края и Северной Осетии), то примерно до второй половины 2000-х гг. они определяли свою политику по отношению к сопредельным де-факто государствам во многом самостоятельно вплоть до несанкционированных Москвой попыток вмешиваться во внутриполитическую жизнь непризнанных республик²⁶. После того как в 2008 г. РФ признала независимость Абхазии и Южной Осетии, Москва делегировала Краснодарскому краю и Северной Осетии особые полномочия для взаимодействия с сопредельными респу-

²⁵ См., например: Козлов П., Ракуль Е., Никольский А. Пограничники укрепляют границу Ростовской области с ДНР и ЛНР // Ведомости, 26.05.2015. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/05/27/593828-pogranichniki-ukreplyayut-granitsu-rostovskoi-oblasti-s-samoprovozglashennimi-respublikami>

²⁶ См., например: Андрухин А., Завадская С. Пытка мандаринами // Известия, 26.11.2004. Режим доступа: <https://iz.ru/586287/pytka-mandarinami>.

бликами. Представители власти приграничных регионов нередко проводят с властями данных республик переговоры от имени центра²⁷, через эти регионы проходит распределение значительной части финансовой помощи, их медицинские учреждения принимают остро нуждающихся в получении высокотехнологичной медицинской помощи жителей сопредельных территорий.²⁸ Данная конфигурация отчасти напоминает механизм усиления центром роли избранных регионов в рамках китайской модели приграничного сотрудничества, однако в российском случае такое сотрудничество носит гораздо более политизированный характер и в меньшей степени определяется соображениями экономической рентабельности.

Приграничное сотрудничество России с соседними де-факто государствами имеет и ряд других типичных черт. Одной из них является доминирование в нем российских регионов, которые, даже будучи взятыми отдельно от центра, обладают заметно бóльшим экономическим и другим потенциалом по сравнению со своими партнерами. Далее, заметную роль в сотрудничестве играют различного рода формальные мероприятия (официальные визиты, памятные и спортивные мероприятия и т.п.), призванные продемонстрировать политическую солидарность партнеров. Во всех случаях значительна роль неформальных кросс-граничных контактов и практик (например, неформальной торговли), которые, зачастую, оказываются эффективнее и динамичнее официально санкционированных проектов.

Вместе с тем, сотрудничество РФ с сопредельными де-факто государствами в конкретных случаях имеет свою специфику, ко-

торая заключается в особенностях истории развития кросс-граничных взаимодействий, степени признания Россией субъектности партнеров и вытекающем отсюда статусе отношений сотрудничества, а также в особенностях приоритетов и потенциалов сотрудничающих сторон.

Характер взаимодействия Краснодарского края с Абхазией и Северной Осетии с Южной в 1990-х и отчасти в 2000-х гг. во многом определялся интересами соответствующих российских региональных элит, с которыми, в случае отношений между Южной Осетией и Северной Осетией, сочетался фактор этнокультурной солидарности разделенного осетинского народа. Как уже отмечалось выше, со временем контроль центра над отношениями соответствующих регионов с де-факто государствами усилился, однако регионы, все-таки, сохранили определенные полномочия для осуществления приграничного сотрудничества (заключение соглашений, проведение мероприятий, поощрение коммерческих связей и т.п.) и при этом стали инструментами реализации определенных аспектов политики центра.

Что касается сотрудничества Ростовской области с ДНР и ЛНР, то сложившаяся ныне система контактов (в том числе и неафишируемых) между властями и другими участниками была отчасти выстроена в тот период, когда Украина осуществляла над данными территориями эффективный контроль. Становлению региональных кросс-граничных сетевых связей в данном случае способствовала попытка внедрения европейской модели приграничного сотрудничества, вылившаяся в создание еврорегиона «Донбасс» в 2010-2011 гг. Хотя намеченные планы развития еврорегиона остались во многом нереализованными, его деятельность способствовала интенсификации контактов между представителями власти различных уровней, в том числе и уровня приграничных районов²⁹.

²⁷ См., например: Президент Абхазии одобрил назначение А. Ткачева спецпредставителем Президента РФ // Независимая газета, 21.03.2012. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2012-03-21/7_abhazia.html?id_user=Y

²⁸ См., например: Зантария Р. Минздравы Абхазии и Краснодарского края договорились о более тесном сотрудничестве // Sputnik Абхазия, 2.04.2019. Режим доступа: <https://sputnik-abkhazia.ru/society/20190402/1027001439/Minzdravy-Abkhazii-i-Krasnodarskogo-kraya-dogovorilis-o-bole-tesnom-sotrudnichestve.html>

²⁹ Бредихин А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // Альманах Казачество, 2016. Т. 6. № 19. С. 12-17. [Bredikhin, A.V. Donetsk-Makeevskaya aglomeratsiya: puti razvitiia prigranichnogo sotrudnichestva (Donetsk-

Любопытно, что некоторые активисты, выступавшие за углубление региональной интеграции по европейской модели, впоследствии вошли в состав руководства непризнанных республик³⁰.

Важными факторами сотрудничества также являются степень формального признания Россией статуса партнеров и риски подвергнуться санкциям третьих стран за открытое присутствие на территории де-факто государств. Абхазия и Южная Осетия официально признаны РФ в качестве независимых государств, тогда как ДНР и ЛНР такого признания не удостоились. В то время как для сотрудничающих с Абхазией и Южной Осетией акторов угроза подвергнуться широкомасштабным западным санкциям относительно невелика, в случаях с ДНР и ЛНР такая угроза (учитывая осуществляемые с 2014 г. США и ЕС санкционные меры в связи с конфликтом вокруг Украины) гораздо серьезнее.

Неудивительно, что приграничное сотрудничество регионов РФ с Абхазией и Южной Осетией легитимизируется многочисленными официальными мероприятиями и визитами и рядом соглашений³¹, включая в себя прямые контакты между довольно широким кругом предприятий и организаций. Спектр же форм приграничного сотрудничества РФ с ДНР и ЛНР гораздо уже, сводясь к оказанию российской

стороной гуманитарной помощи непризнанным республикам, отдельным важным инфраструктурным проектам (в частности, с Украины на Ростовскую область были довольно быстро переключены телефонная и интернет-связь³²), оказанию российской стороной гуманитарной помощи, российскому содействию в получении жителями двух де-факто республик высококвалифицированной медицинской помощи и образования³³, неофициальному участию представителей сопредельных территорий в ряде праздничных, спортивных и других мероприятий³⁴ и т.п. При этом велика роль неафишируемых и неформальных контактов, а значительная часть коммерческих сделок (например, при поставках из ДНР и ЛНР угля и сельскохозяйственной продукции или поставках металлических изделий из Ростовской области) во избежание санкций осуществляются через посредников³⁵.

Что касается экономических и демографическими потенциалов и географических условий сопредельных территорий, то наи-

Makiivka Agglomeration: Pathways of Cross-Border Cooperation) // *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, Vol. 6, No. 19, pp. 12-17.]

³⁰ Ibid.

³¹ См., например: Соглашение между Правительством Республики Южная Осетия и Правительством Республики Северная Осетия-Алания (Российская Федерация) о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (26.11.2013). Режим доступа: http://economyrso.org/files/Soglashenie_mezhdu_Pravitelstvom_RYUO_i_Pravitelstvom_RSO-A_RF_o_sotcialno-ekonomicheskom_nauchno-tehnicheskom_i_kulturnom_sotrudnichestve.PDF; Соглашение № 24 между администрацией Краснодарского края (Российская Федерация) и Правительством Республики Абхазия о торгово-экономическом, научно-техническом, гуманитарном и культурном сотрудничестве от 28 июля 2009 года.

³² См., например: Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / под ред. А.В. Половяна и Р.Н. Лепы. Донецк-Москва: Институт экономических исследований 2017. С. 37-38. [Ekonomika Donetskoi Narodnoi Respubliki: sostoianie, problemy, puti resheniia: nauchnyi doklad (Economy of the Donetsk People's Republic: State, Problems, Solutions) / ed. by A.V. Polovian i R.N. Lepa. Donetsk-Moskva: Institut ekonomicheskikh issledovani, 2017. Pp. 37-38.]

³³ См., например: ЕГЭ впервые проведут в ДНР в 2021 году // ТАСС, 25.01.2021. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/10541801>; Минздрав Республики в очередной раз отправил детей на лечение в Российскую Федерацию // Министерство здравоохранения Луганской Народной Республики, 26.08.2016. Режим доступа: <https://mzlnr.su/2016/08/26/dvoe-malyshej-sporokom-serdca-poluchat-pomoshh-v-moskve/>

³⁴ См., например: Клуб из ДНР примет участие в российском турнире по футболу // Известия, 21.09.2016. Режим доступа: <https://iz.ru/news/633464>

³⁵ См., например: Васильев И., Грузинова И., Буракова Е. Кто и как зарабатывает на поставках продуктов в ДНР и ЛНР // Ведомости. 20.02.2017. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/02/20/678337-zarabivaet-postavkah-dnr-lnr>

менее благоприятны условия для сотрудничества между Северной и Южной Осетией; учитывая, что их близлежащие к границе районы малонаселены и расположены в высокогорье. Аналогичные проблемы характерны и для большей части российско-абхазского пограничья, за исключением прилегающей к побережью зоны. Наибольшим потенциалом для приграничного сотрудничества среди рассматриваемых де-факто государств обладают ЛНР и особенно ДНР, однако это сотрудничество серьезно затрудняется уже упомянутыми факторами непризнания и угрозы санкций.

Наконец, существенную роль играет совместимость экономических специализаций российских регионов и сопредельных де-факто государств. В условиях невысокого экономического потенциала Южной Осетии приоритетные направления ее сотрудничества с Северной Осетией в официальных документах были определены как интеграция систем гидроэнергетики и газораспределительной инфраструктуры, развитие дорожной и телекоммуникационной инфраструктуры, поставки североосетинского продовольствия, Южной Осетии в сферах образования и здравоохранения, мероприятия по сохранению осетинского языка и культурного наследия и поддержка малого и среднего бизнеса³⁶. Более масштабно и разнообразно приграничное сотрудничество РФ с Абхазией, характер которого, во многом определяется значимостью абхазского рекреационного потенциала (республика принимает порядка 1 млн российских туристов в год³⁷), что де-

лает особенно важным сотрудничество по вопросам облегчения пропускного режима через границу, координации работы транспорта, взаимодействия между туристическими предприятиями. В канун сочинской зимней олимпиады 2014 г. крупным проектом сотрудничества стали поставки абхазских стройматериалов для развития олимпийской и другой инфраструктуры³⁸. Важными направлениями сотрудничества стали также участие краснодарских строительных организаций в восстановлении абхазской инфраструктуры, систематическое оказание краснодарскими учреждениями здравоохранения помощи абхазским пациентам, материальная поддержка краем культурного наследия соотечественников и рядом объектов абхазской образовательной инфраструктуры и подготовка в крае высококвалифицированных специалистов для республики и совместное производство сельхозпродукции³⁹.

Приграничное сотрудничество с материнскими государствами

Неблагоприятные политические условия, как правило, сводят к минимуму приграничное сотрудничество де-факто государств с материнскими. При отсутствии доверия между сторонами даже внешне взаимовыгодные инициативы не без оснований воспринимаются потенциальными партнерами в алармистском ключе. Материнские государства опасаются, что сотрудничество укрепляет «сепаратистские режимы» и способствует их легитимизации на международной арене, тогда как де-факто государства усматривают в поступающих им предложениях развивать сотрудничество стремление материнских государств осуще-

million-chislo-turistov-v-Abkhaziyu-vyroslo-na-10-v-2019-godu.html#

³⁶ См., например: Взаимодействие Республики Северная Осетия-Алания с Республикой Южная Осетия // Министерство экономического развития Республики Северная Осетия-Алания. Режим доступа: <http://economy.alania.gov.ru/sites/economy/files/media/pages/inline-files/ves%204.2.1..pdf>

³⁷ См., например: Есиава Б. За миллион: число туристов в Абхазию выросло по сравнению с 2018 годом // Sputnik Абхазия. 21.10.2019. Режим доступа: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20191021/1028660636/Perevalit-zamillion-chislo-turistov-v-Abkhaziyu-vyroslo-na-10-v-2019-godu.html><https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20191021/1028660636/Perevalit-za->

³⁸ См., например: Безменов А. Южный поток // Российская газета. 7.10.2009. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/10/07/reg-jugrossii/abkhazia.html>

³⁹ См., например: Соглашение № 24 между администрацией Краснодарского края (Российская Федерация) и Правительством Республики Абхазия о торгово-экономическом, научно-техническом, гуманитарном и культурном сотрудничестве от 28 июля 2009 года.

ствить «ползучую реинтеграцию» отделившихся территорий⁴⁰. При этом сотрудничество все же дает сторонам определенные выгоды, которых они лишаются, полностью отказываясь от него.

В первые годы после прекращения сепаратистских вооруженных конфликтов приграничные связи молодых де-факто государств со своими материнскими государствами развивались по сходному сценарию. В первую очередь, речь шла о соблюдении режима прекращения огня; позже начинались переговоры о частичном возобновлении разрушенных в советский период экономических связей, в восстановлении трансграничной инфраструктуры и развитии связей в новых условиях⁴¹. Параллельно восстанавливалась и неформальная приграничная торговля. Если контакты Молдавии с ПМР перешли на более высокую стадию, то связи Грузии с Абхазией и Южной Осетии после некоторого прогресса практически вернулись в прежнее состояние после войны 2008 г. В зачаточном состоянии остаются и связи Украины с ЛНР и ДНР, пока сводящиеся, в первую очередь, к предотвращению вооруженных инцидентов, обеспечению функционирования пунктов пропуска (в первую очередь, в интересах получающих украинские пенсии жителей де-факто республик⁴²) и неформальной торговле с широким участием посредников (официально торговля была запрещена Киевом в 2017 г.⁴³). Одним из

самых значимых актов сотрудничества между Украиной и де-факто республиками стало состоявшееся в конце 2019 г. открытие восстановленного моста через реку Северский Донец, разделяющую столицу ЛНР г. Луганск и контролируемый украинскими властями поселок Станица Луганская. Показательно, что ширина моста была сужена для того, чтобы исключить возможность проезда танков⁴⁴.

Со второй половины 1990-х временно интенсифицировалось грузино-южноосетинское приграничное сотрудничество. Его двигателем стала торговля между РФ и Грузией через Южную Осетию, осуществлявшаяся через приграничный рынок в грузинском поселке Эргнети и во многих случаях сопровождавшаяся массивным уклонением от уплаты таможенных пошлин. В этой торговле прямо или косвенно участвовал широкий круг акторов, включая коррумпированных официальных лиц⁴⁵. Оценки проходившего через Эргнети ежегодного товарооборота примерно в 10 раз превышали аналогичные оценки товарооборота через грузинско-абхазскую де-факто границу⁴⁶. В последнем случае сотрудничество развивалось гораздо менее динамично, что

⁴⁰ Caspersen, N. *Unrecognized States. The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. Cambridge, UK: Polity, 2012.

⁴¹ См., например: Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта, подписанное 4 апреля 1994 года. Документ ООН S/1994/397. Режим доступа: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/GE_940404_DeclarationOnMeasuresForPoliticalSettlementGeogianAbkhazConflict%28ru%29.pdf; Бродадзе Н. Восстанавливается экономическое сотрудничество // Независимая газета. 26.09.1997.

⁴² См., например: Украина вводит ограничения в пунктах пропуска, заявили в ДНР // РИА Новости. 15.03.2020. Режим доступа: <https://ria.ru/20200315/1568638310.html>

⁴³ Украина полностью закрыла грузовое транспортное сообщение с ДНР и ЛНР // РБК. 15.03.2017. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/15/03/2017/58c90af09a7947ca11013646>

⁴⁴ Мищенко О. На линии разграничения у Станицы Луганской восстановлен мост // Deutsche Welle. 20.11.2019. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/на-линии-разграничения-у-станции-луганской-восстановлен-мост/a-51337709>

⁴⁵ См., например: Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332; Mirimanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / *International Alert*. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

⁴⁶ Рассчитано автором на основе данных из работ: Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332; Mirimanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / *International Alert*. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

во многом было связано с подозрительным отношением Сухуми к его основной движущей силе – преобладавшим в приграничном Гальском районе этническим мингрелам (грузинам), подспудно воспринимавшимся в качестве «пятой колонны» материнского государства. Вместе с тем, вынужденное абхазско-грузинское сотрудничество в деле поддержания работы трансграничной Ингурской ГЭС (игравшей ключевую роль в энергоснабжении как Абхазии, так и Грузии) оказалось устойчивым и не разрушилось в условиях даже самой неблагоприятной политической конъюнктуры⁴⁷. Нетипичный для грузино-абхазской границы феномен успешного сотрудничества для поддержания работы объекте дает основание в духе упомянутой концепции О. Мартинеса назвать Ингурскую ГЭС «островом взаимозависимости» на «границе отчуждения».

В случаях как с Абхазией, так и с Южной Осетией значительный ущерб развитию приграничного сотрудничества сыграла попытка пришедшего к власти в 2004 г. грузинского президента М. Саакашвили использовать политику «кнута и пряника» для форсированной реинтеграции. С одной стороны, под предлогом борьбы с преступностью и коррупцией и для оказания давления на Южную Осетию, Саакашвили принял решение закрыть рынок в Эргнети, с другой – предложил абхазскому и южноосетинскому населению бесплатную медицинскую помощь, инфраструктурные проекты и создание свободных экономических зон у границы.⁴⁸ Такие инициативы были восприняты в Сухуме и Цхинвале как попытки «ползучей оккупации», а последовавшая далее эскалация и война 2008 г. побудили Абхазию и Северную Осетию свести любые контакты с Грузией к минимуму: предотвращению вооруженных инцидентов, дозированному кросс-граничному сообщению для

местного грузинского населения, в абхазском случае – также к поддержанию работы Ингурской ГЭС. Подобно кейсу израильско-иорданского сотрудничества, редкие конструктивные контакты с грузинской стороной в Абхазии и Южной Осетии обычно не афишируются.

Со своей стороны, потерпевшая военное поражение Грузия сочла мирную и долгосрочную реинтеграцию с упором на восстановление экономических связей и налаживание отношений с абхазским и южноосетинским населением единственным реалистичным способом восстановления своего суверенитета в долгосрочной перспективе. Попытки Тбилиси установить рабочие контакты с властями Абхазии и Южной Осетии теперь оказались почти безуспешными, хотя, в случае с Абхазией был, все же, налажен механизм взаимодействия через посредников, заключавшийся в поставках лекарств и другой гуманитарной помощи под эгидой ряда авторитетных международных организаций⁴⁹. Несколько более успешной оказалась попытка Тбилиси вовлечь в свои гуманитарные инициативы население де-факто государств, включая не только грузинские этнические меньшинства в этих республиках, но также этнических абхазов и осетин. От сотен до тысяч жителей Абхазии и Южной Осетии в год стали получать бесплатную медицинскую помощь в рамках специальной программы⁵⁰, сопровождавшейся строительством новых медучреждений, в частности современного госпиталя в расположенной неподалеку от границы деревне Рухи. Менее успешными, однако, оказались грузинские усилия вовлечь абхазское и южноосетинское население

⁴⁷ См., например: Margvelashvili, M. Enguri HPP and Energy Supply to Abkhazia. World Experience for Georgia, 2017. Mode of access: <http://weg.ge/sites/default/files/enguri-hpp-and-energy-supply-to-abkhazia-1.pdf>

⁴⁸ Saakashvili Outlines Tbilisi's Abkhaz Initiatives / Civil.ge, 28.03.2008. Mode of access: <https://civil.ge/archives/114633>

⁴⁹ Report on the implementation activities in 2017 / Government of Georgia. 2017. Mode of access: https://smr.gov.ge/uploads/prev/2017_Report_6ff9b4fb.pdf. В числе прочего, такая помощь сыграла для Абхазии значительную роль в период пандемии COVID-19. См., например: De Waal Th. Can the Coronavirus Reset the Abkhazia Conflict? / Carnegie Europe. 2.04.2020. Mode of access: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/81436>

⁵⁰ Activity Report 2018 / Government of Georgia. Mode of access: https://smr.gov.ge/uploads/prev/Report_201_771641a4.pdf.

в сотрудничество в других сферах, включая приграничную торговлю, туризм и образование⁵¹.

Наиболее эффективным и устойчивым к неблагоприятной политической конъюнктуре оказалось приграничное сотрудничество между Молдавией и Приднестровьем. Свою роль сыграло то, что молдавско-приднестровский конфликт не усугублялся выраженными межэтническими противоречиями, а страна-патрон (Россия) не граничила с де-факто государством и, соответственно, не могла быть для него ключевым партнером по приграничному сотрудничеству. Кроме того, Молдавия изначально взяла устойчивый курс на реинтеграцию мирными методами, среди которых развитию сотрудничества отводилось ключевое место.

Закономерно, что уже с середины 1990-х стал набирать силу процесс институционализации молдавско-приднестровского сотрудничества, которое было подкреплено вступлением в силу десятков совместных документов (прежде всего, протоколов), а также созданием постоянно действующих совместных органов. Первыми (в 1994-96 гг.) стали протоколы о порядке взаиморасчетов, борьбе с преступностью, восстановлении мостов, свободном движении транспорта, образовании, взаимодействии карантинных и фитосанитарных служб, связи и таможенным проблемам⁵². Позже были подписаны протоколы о сотрудничестве по санитарно-эпидемиологическим вопросам; молодежным обменам; взаимодействию в областях медицины (включая направление приднестровских пациентов на лечение в Молдавию), охраны окружающей среды, гидроэнергетики, трансграничного распро-

странения прессы, связи, регулирования приграничного землепользования, транспортных перевозок, ремонта инфраструктуры и т.п. Были созданы совместные органы, которые регулярно обсуждали возникавшие проблемы. Основная часть официальных решений по сотрудничеству принималась на уровне республик, тогда как контакты между нижестоящими административно-территориальными образованиями сводились, в основном, к взаимным приглашениям деятелей культуры и спортсменов на соответствующие мероприятия⁵³.

Побочным эффектом расширения молдавско-приднестровского приграничного сотрудничества стало возникновение проистекавших из главного конфликта вокруг политического статуса Приднестровья большое количество мелких конфликтов, а также неисполнение значительной части заключенных договоренностей. В числе возникших проблем можно упомянуть периодическое ужесточение сторонами контроля над пересечением де-факто границы и над периметром международно признанных границ Молдавии⁵⁴, возникновение инцидентов в связи с локальными территориальными спорами⁵⁵, перекрытия подачи электроэнергии⁵⁶, молдавское требование сертифицировать отправляемые через нее на экспорт

⁵¹ См.: Report on the implementation activities in 2017 / Government of Georgia. 2017. Mode of access: https://smr.gov.ge/uploads/prev/2017_Report_6ff9b4fb.pdf

⁵² С соответствующими документами можно ознакомиться на сайте Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. Режим доступа: <http://mfa-pmr.org/ru/node/7253> (документы за 1994 г.), <http://mfa-pmr.org/ru/node/7254> (документы за 1995 г.) и <http://mfa-pmr.org/ru/node/7255> (документы за 1996 г.).

⁵³ См., например: В преддверии Старого Нового года в Дубоссарах прошел юбилейный фестиваль новогодних обрядов / Дубоссары. Официальный сайт. 13.01.2020. Режим доступа: <http://www.dubossary.ru/news-9713>

⁵⁴ См., например: Балахнова В. Приднестровье закрыло границы. Для кого сделают исключение? // NewsMaker. 16.03.2000. Режим доступа: <https://newsmaker.md/rus/novosti/pridnestrovezakrylo-granitsy-dlya-kogo-sdelayut-isklyuchenie>; Украина не открывает границу с Приднестровьем, действуя по указке Молдавии // REGNUM. 4.06.2020. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2972195.html>

⁵⁵ См., например: Соловьев В. Приднестровье собирается с селами // Коммерсантъ. 14.06.2013. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2210821>

⁵⁶ Приходко Н., Байкова Е. Экономическому противостоянию Кишинева и Тирасполя способствуют западные структуры // Независимая газета. 24.07.2003. Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2003-07-24/5_moldavia.html

приднестровские товары⁵⁷, перекрытие приднестровской стороной железнодорожного сообщения⁵⁸ и т.п. Многие из этих вопросов были, все же, со временем решены в компромиссном ключе.

Со второй половины 2000-х гг. все более важным фактором формирования молдавско-приднестровского сотрудничества становилась политика ЕС, продвигавшего элементы своей модели приграничного сотрудничества для урегулирования конфликтов.

Конкретные шаги осуществлялись ЕС, прежде всего, в рамках курса на реализацию «мер по укреплению доверия» между Кишиневом и Тирасполем и компенсационных мер, призванных смягчить негативную реакцию Тирасполя на действия Миссии Европейского союза по приграничной помощи Молдавии и Украине (EUBAM) по регулированию всего периметра международно признанных границ Молдавии (что создало значительные препятствия для приднестровской внешней торговли). В числе связанных с пограничным менеджментом приоритетов EUBAM фигурировали, в частности, упрощение движения транспорта и формальностей взаимной торговли, сближение правовой базы и организация совместных действий против контрабанды⁵⁹. Более широким оказался круг приоритетов мер по укреплению доверия, включая поддержку сотрудничества между неправительственными организациями, секторами здравоохранения, образования и СМИ; поддержку местных инициатив развития, совместное развитие культуры и исторического наследия и т.п.⁶⁰ Подобного рода инициативы не

привели к разрешению многочисленных молдавско-приднестровских противоречий, но создали дополнительные, в том числе материальные и политические, стимулы для приграничного сотрудничества.

Другие границы

Две границы рассматриваемых постсоветских де-факто государств являются «нетипичными случаями: они не относятся ни к одной из двух ранее рассмотренных категорий. Де-факто граница ПМР с Украиной разделяет непризнанную республику и «третью» (то есть не относящуюся ни к материнским государствам, ни к «патронам») страну, а линия разграничения между ДНР и ЛНР является единственной на постсоветском пространстве границей между самими де-факто государствами.

Граница между ПМР и Украиной

Украина, имеет границу как с «собственно Молдавией», так и с ПМР; с последней граничат два украинских региона – Одесская (на которую приходится основная часть границы) и Винницкая области. Украина – один из ключевых участников процесса урегулирования приднестровского конфликта. По крайней мере с середины 2000-х гг. она занимает в основном, промолдавскую позицию⁶¹, согласившись, в частности, на ужесточение контроля над своим участком границы с Приднестровьем в рамках уже упомянутой миссии EUBAM и с размещением на своей территории совместных с Молдавией контрольно-пропускных пунктов 2017 г.

Одесская область является ключевым регионом не только для экономических, но

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Демидецкий В. Молдавия и Приднестровье начали вторую рельсовую войну // Коммерсантъ. 04.08.2004. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/494870>

⁵⁹ EU Border Assistance Mission to the Republic of Moldova and Ukraine (EUBAM) / EU Neighbours. Mode of access: <https://www.euneighbours.eu/en/east/stay-informed/projects/eu-border-assistance-mission-republic-moldova-and-ukraine-eubam>

⁶⁰ Confidence-Building Measures across the river Nistru/Dniester / Council of Europe. Mode of access: <https://www.coe.int/en/web/>

chisinau/confidence-building-measures-across-the-river-nistru/dniester/-/asset_publisher/sCMGySdz2K11/content/cbm-programme-overvi-1?inheritRedirect=false

⁶¹ Ростовецкая Т.В. Украина в приднестровском урегулировании (1992-2014 гг.) // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 158-164 [Rostovetskaia, T.V. Ukraine v pridnestrovskom uregulirovanii (1992-2014 gg.) (Ukraine in the Transnistrian Settlement (1992-2014)) // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, No. 2, pp. 158-164.]

и для политических контактов Украины с Приднестровьем. Одесса не раз становилась площадкой для переговоров по урегулированию приднестровского конфликта, там же расположена штаб-квартира EUBAM. При этом в контексте начавшегося конфликта вокруг Украины в восприятии сторонами друг друга появились алармистские мотивы: часть политиков стала воспринимать сопредельную сторону в качестве плацдарма, который мог быть использован потенциальным противником для военного вторжения⁶².

В экономическом плане Одесская область также играет для ПМР важнейшую роль как транзитная территория для автомобильных, железнодорожных и морских перевозок и поставок газа, привлекательный центр оптовой торговли и туристическая дестинация. В 2011 г. власти ПМР предлагали РФ и Украине проект создания свободной экономической зоны (еврорегиона) на базе ПМР и Одесской области с упором на развитие транспортной инфраструктуры, включая Тираспольский аэропорт, порты Одесской области и трансграничную автомагистраль⁶³. Данный проект не получил, однако, поддержки и утратил свою актуальность в связи с конфликтом 2014 г.

Формальные контакты между Одесской областью и ПМР ограничены и практически не освещаются в официальных медиа. Вместе с тем, ряд вопросов, включая взаимодействие пунктов пропуска, автобусные и железнодорожные перевозки и т.п., требуют поддержания довольно интенсивных рабочих контактов между сторонами, информация о которых в самом общем виде иногда появляется в СМИ⁶⁴. Даже в неблагоприят-

ных политических условиях в конце 2014 г. активно обсуждался вопрос о поставках в Одесскую область электричества из ПМР⁶⁵, а в период губернаторства М. Саакашвили, при всем его алармистском восприятии ПМР, предпринимались шаги для улучшения пропускной способности границы⁶⁶.

Ограниченность контактов между органами власти не является непреодолимым препятствием для сотрудничества между прочими акторами. В частности, приднестровские сельхозпредприятия сотрудничают с одесскими и другими украинскими научно-исследовательскими центрами по внедрению в ПМР новых злаковых культур⁶⁷, а спортсмены и творческие коллективы из ПМР и Одесской области принимают участие в соответствующих мероприятиях на сопредельной территории. К систематическому приграничному сотрудничеству проявляют интерес некоторые предприниматели⁶⁸, а Одесская область является довольно привлекательным для приднестровцев направлением для шоппинга⁶⁹.

boyatsya-drug-druga-iz-za-sluhov-glava-oga-21538.html

⁶⁵ Электричество для Одесской области власти хотят покупать у непризнанного Приднестровья / Трасса Е-95. 10.12.2014. Режим доступа: <http://trassae95.com/jug/search/2014/12/10/elektrichestvodlya-odesskoj-oblasti-vlasti-hotyat-pokupatj-unepriznannogo-pridnestrovjya-19147.html>

⁶⁶ Кравченко Е. Саакашвили на таможенном пункте «Кучурган» решал вопросы с «непонятными металлическими штуками» // Odessa Daily. 13.01.2016. Режим доступа: <http://odessa-daily.com.ua/news/saakashvilina-tamozhennom-punkte-kuchurgan-reshal-voprosy-s-neponyatnymi-metallicheskimishtukami-video-id82905.html>

⁶⁷ О новых направлениях в сельском хозяйстве Приднестровья / Приднестровская Молдавская Республика. Официальный сайт Правительства. 30.06.2016. Режим доступа: <http://mail.gov-pmr.org/item/7143>

⁶⁸ См., например: Туризм – драйвер экономики / Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики. 11.10.2019. Режим доступа: <http://www.vspmr.org/news/supreme-council/turizm-drayver-ekonomiki.html>

⁶⁹ Одесскому Промтоварному рынку «7 километр» – 30 лет! // 048.ua. 24.12.2019. Режим доступа: <https://www.048.ua/news/2613796/odesskomu-promtovarnomu-rynku-7-kilometr-30-let>

⁶² См., например: Гамова С. В Тирасполе ждут нападения с юга Украины // Независимая газета. 07.08.2014. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2014-08-07/1_tiraspol.html

⁶³ Гамова С. Тирасполь дрейфует в сторону Одессы // Независимая газета. 15.01.2012. Режим доступа: https://www.ng.ru/cis/2013-01-15/6_tiraspol.html

⁶⁴ Жители Одесской области и жители Приднестровья боятся друг друга из-за слухов - глава ОГА / Трасса Е-95. 19.03.2015. Режим доступа: <http://trassae95.com/jug/search/2015/03/19/zhiteli-odesskoj-oblasti-i-zhiteli-pridnestrovjya->

Граница между ДНР и ЛНР

Данная граница разделяет территории, которые давно были тесно связаны друг с другом в экономическом, социальном и политическом плане еще до произошедшего в 2014 г. фактического отделения от материнского государства. Однако, несмотря на тесные связи, а также на военно-политическую солидарность между непризнанными республиками, их общая граница вопреки многочисленным ожиданиям, отнюдь не стала прозрачной. Уже в первый год существования данных республик на данной границы появились пункты таможенного контроля, что официально обосновывалось необходимостью защиты более слабой промышленности ЛНР, а неофициально – контролем за оборотом оружия и распределением гуманитарной помощи из РФ, а также борьбой с контрабандой и другими видами преступности⁷⁰. При этом жесткие ограничительные нормы были установлены даже для мелких партий продуктов: например, до 3 кг мяса и молока⁷¹.

Несмотря на периодические официальные заявления представителей двух республик о намерении снять таможенный контроль, этого сделано не было. Противоречия по поводу режима контроля над границей обострились на фоне коронавирусной пандемии 2020 г., поскольку ЛНР предпочла гораздо более либеральный подход к пересечению границы, чем ДНР⁷². В результате, по состоянию на апрель 2021 г., граница между ДНР и ЛНР оставалась закрытой для пересечения обычными путешественниками.

Наряду с этим, властями ДНР и ЛНР были предприняты определенные меры по

стимулированию кросс-границных контактов. Проводятся официальные мероприятия научного, спортивного, культурного и мемориального характера⁷³, налажено сотрудничество почтовых служб. Наиболее заметным шагом к экономической интеграции стало создание Трансграничного концерна «Железные дороги Донбасса» в июле 2019 г.⁷⁴ Властями республик предпринимаются определенные меры и по стимулированию кросс-границного пассажирского сообщения: в частности, в 2020 г. некоторым категориям жителей было предоставлено право на льготный проезд на таких маршрутах⁷⁵. Тем не менее, в соответствии с классификацией О. Мартинеса, границу между ДНР и ЛНР можно отнести к границам сосуществования без серьезных признаков углубляющихся отношений взаимозависимости.

Заключение

В значительном большинстве рассмотренных случаев приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств не отличается успешностью и динамизмом. Свою роль играют сложные политические отношения со значительной частью сопредельных легитимных государств (в особенности, с материнскими государствами) нелегитимность де-факто границ для значительной части партнеров, ограниченность потенциалов де-факто государств и восприятие их как потенциального источника угроз и нестабильности даже со стороны дружественных государств-патронов и (в слу-

⁷⁰ См.: например: Махов Е. Граница между ЛНР и ДНР с годами всё неприступнее // Военное обозрение. 5.10.2020. Режим доступа: <https://topwar.ru/175683-granica-mezhdu-lnr-i-dnr-s-godami-vse-nepristupnee.html>

⁷¹ Гальская О. Таможни между ДНР и ЛНР теперь нет! // Комсомольская правда. 1.02.2018. Режим доступа: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/26789/3823382>

⁷² Махов Е. Граница между ЛНР и ДНР с годами всё неприступнее // Военное обозрение. 5.10.2020. Режим доступа: <https://topwar.ru/175683-granica-mezhdu-lnr-i-dnr-s-godami-vse-nepristupnee.html>

⁷³ См., например: В Республике начал работу VI Международный научный форум – Минобрнауки / Правительство Донецкой Народной Республики. 26.05.2020. Режим доступа: <https://pravdnr.ru/news/v-respublike-nachal-rabotu-vi-mezhdunarodnyj-nauchnyj-forum-minobrnauki>

⁷⁴ Трансграничный концерн «Железные дороги Донбасса». 25.07.2019. Режим доступа: <https://tkzhd.ru/o-koncerne>

⁷⁵ Правительством инициировано возобновление права граждан на льготный проезд на маршрутах между ДНР и ЛНР / Правительство Донецкой Народной Республики. 17.07.2020. Режим доступа: <https://pravdnr.ru/news/pravitelstvoiniczirovano-vozobnovlenie-prava-invalidov-nalgotnyj-proezd-na-marshrutah-mezhdu-dnr-i-lnr>

чае границы между ДНР и ЛНР) соседних непризнанных государств и чрезмерная централизация управления официальными кросс-границными связями.

При всех имеющихся проблемах сотрудничество постсоветских де-факто государств с сопредельными регионами, по большей части, решает наиболее острые проблемы выживания де-факто государства, его функционирования в сферах здравоохранения, связи, развития ряда отраслей экономики. При этом приграничное сотрудничество России с признанными им де-факто государствами (Абхазией и Южной Осетией) гораздо шире и разнообразнее, чем с непризнанными (ДНР и ЛНР).

Приграничное сотрудничество между де-факто и материнскими государствами в большинстве случаев находится в зачаточном состоянии. Частичным исключением можно считать относительно успешное сотрудничество между Молдавией и Приднестровьем, которое, однако, регулярно осложняется многочисленными политическими противоречиями. Наконец, приграничное сотрудничество с третьей страной (ПМР–Украина) осложняется фактором непризнанности и неблагоприятной политической конъюнктурой, а между двумя непризнанными государствами (ДНР–ЛНР) – гиперцентрализацией управления в обеих республиках.

Литература:

Анимица П.Е. Особые экономические зоны России: проблемы и особенности налогового регулирования // Налогообложение. 2012. № 12. С. 30-37.

Бредихин А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества // Альманах Казачество, 2016. Т. 6. № 19. С. 12-17.

Ростовецкая Т.В. Украина в приднестровском урегулировании (1992-2014 гг.) // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 158-164.

Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / под ред. А.В. Половяна и Р.Н. Лепы. Донецк-Москва: Институт экономических исследований 2017. С. 37-38.

Anderson, J. Partition, Consociation, Border-Crossing: Some Lessons from the National Conflict in Ireland/Northern Ireland // *Nations and Nationalism*, 2008, Vol. 14, No. 1, pp. 85-104.

Arieli, T. Borders of Peace in Policy and Practice: National and Local Perspectives of Israel-Jordan Border Management // *Geopolitics*, 2012, Vol. 17, No. 3, pp. 658-680.

Asiwaju, A.I. Cross-border Initiatives and Regional Integration in West Africa: The Nigerian Experience /

Nation-States and the Challenges of Regional Integration in West Africa: The Case of Nigeria. Ed. by Y. Akinoye. Paris: Karthala, 2010. Pp. 137-148.

Blatter, J.; Clement, N. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*, 2000, Vol. 15, No. 1, pp. 15-53.

Frear, Th. The Foreign Policy Options of a Small Unrecognised State: The Case of Abkhazia // *Caucasus Survey*, 2014, Vol. 1, No. 2, pp. 83-107.

Golunov, S. The Russian – North Korean Borderland: A Narrow Border of Boundless Ambition / Border Briefings 2016, No. 1. Mode of access: <https://www.academia.edu/24138601/The-Russian-North-Korean-Borderland-A-Narrow-Border-of-Boundless-Ambition>.

Iranzo, A.; Caballero, S. The Periphery at the Centre: An Analysis of Latin American Regionalism from the Borders // *Space and Polity*, 2020, Vol. 24, Issue 3, pp. 346-361.

Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332.

Klatt, M.; Herrmann, H. Half Empty or Half Full? Over 30 Years of Regional Cross-Border Cooperation Within the EU: Experiences at the Dutch-German and Danish-German Border // *Journal of Borderlands Studies*, 2011, Vol. 26, No. 1, pp. 65-87.

Krasner, S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

Martinez, O. Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tucson: The University of Arizona Press, 1994. 375 p.

Mirimanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / International Alert. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

Nadalutti, E. The Rise of Trans-Border Regions in Southeast Asia: Behind the Dynamics of Informal and Formal Integration Processes in the “Indonesia–Malaysia–Singapore” Growth Triangle // *The Pacific Review*, 2015, Vol. 28, No. 4, pp. 607-630.

Ó Beacháin, D.; Comai, G.; Tsursumia-Zurabashvili, A. The Secret Lives of Unrecognised States: Internal Dynamics, External Relations, and Counter-Recognition Strategies // *Small Wars & Insurgencies*, 2016, Vol. 2, No. 73, pp. 440-466.

Peyrouse, S.; Raballand, G. Central Asia: The New Silk Road Initiative’s Questionable Economic Rationality // *Eurasian Geography and Economics*, 2015, Vol. 56, No. 4, pp. 405-420.

Sousa, L. Understanding European Cross-border Cooperation: a Framework for Analysis // *Journal of European Integration*, 2013, Vol. 35, No. 6, pp. 669-687.

Zhao, S. China’s Approaches toward Regional Cooperation in East Asia: Motivations and Calculations // *Journal of Contemporary China*, 2011, Vol. 20, No. 68, pp. 53-67.

References:

Anderson, J. Partition, Consociation, Border-Crossing: Some Lessons from the National Conflict in Ireland/Northern Ireland // *Nations and Nationalism*, 2008, Vol. 14, No. 1, pp. 85-104.

Animitsa, P.E. Osobyie ekonomicheskie zony Rossii: problemy i osobennosti nalogovogo regulirovaniia (Russian Special Economic Zones: Problems and Specific Features of Tax Regulation) // *Nalogooblozhenie*, 2012, No. 12, pp. 30-37.

Arieli, T. Borders of Peace in Policy and Practice: National and Local Perspectives of Israel-Jordan Border Management // *Geopolitics*, 2012, Vol. 17, No. 3, pp. 658-680.

Asiwaju, A.I. Cross-border Initiatives and Regional Integration in West Africa: The Nigerian Experience / Nation-States and the Challenges of Regional Integration in West Africa: The Case of Nigeria. Ed. by Y. Akinyeye. Paris: Karthala, 2010. Pp. 137-148.

Blatter, J.; Clement, N. Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*, 2000, Vol. 15, No. 1, pp. 15-53.

Bredikhin, A.V. Donetsk-Makeevskaiia aglomeratsiia: puti razvitiia prigranichnogo sotrudnichestva (Donetsk-Makiivka Agglomeration: Pathways of Cross-Border Cooperation) // *Al'manakh Kazachestvo*, 2016, Vol. 6, No. 19, pp. 12-17.

Ekonomika Donetskoi Narodnoi Respubliki: sostoiianie, problemy, puti resheniia: nauchnyi doklad (Economy of the Donetsk People's Republic: State, Problems, Solutions) / ed. by A.V. Polovian i R.N. Lepa. Donetsk-Moskva: Institut ekonomicheskikh issledovani, 2017. Pp. 37-38.

Frear, Th. The Foreign Policy Options of a Small Unrecognised State: The Case of Abkhazia // *Caucasus Survey*, 2014, Vol. 1, No. 2, pp. 83-107.

Golunov, S. The Russian – North Korean Borderland: A Narrow Border of Boundless Ambition / Border Briefings 2016, No. 1. Mode of access: <https://www.academia.edu/24138601/The-Russian-North-Korean-Borderland-A-Narrow-Border-of-Boundless-Ambition>.

Iranzo, A.; Caballero, S. The Periphery at the Centre: An Analysis of Latin American Regionalism from the Borders // *Space and Polity*, 2020, Vol. 24, Issue 3, pp. 346-361.

Kemoklidze, N.; Wolff, S. Trade as a Confidence-building Measure in Protracted Conflicts: The Cases of Georgia and Moldova Compared // *Eurasian Geography and Economics*, 2019, Vol. 61, No. 3, pp. 305-332.

Klatt, M.; Herrmann, H. Half Empty or Half Full? Over 30 Years of Regional Cross-Border Cooperation Within the EU: Experiences at the Dutch-German and Danish-German Border // *Journal of Borderlands Studies*, 2011, Vol. 26, No. 1, pp. 65-87.

Krasner, S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

Martinez, O. Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tucson: The University of Arizona Press, 1994. 375 p.

Mirimanova, N. Between Pragmatism and Idealism: Businesses Coping with Conflict in the South Caucasus / International Alert. 2006. Mode of access: https://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/28_section_2_South_Caucasus.pdf

Nadalutti, E. The Rise of Trans-Border Regions in Southeast Asia: Behind the Dynamics of Informal and Formal Integration Processes in the "Indonesia-Malaysia-Singapore" Growth Triangle // *The Pacific Review*, 2015, Vol. 28, No. 4, pp. 607-630.

Ó Beacháin, D.; Comai, G.; Tsurtsumia-Zurabashvili, A. The Secret Lives of Unrecognised States: Internal Dynamics, External Relations, and Counter-Recognition Strategies // *Small Wars & Insurgencies*, 2016, Vol. 2, No. 73, pp. 440-466.

Peyrouse, S.; Raballand, G. Central Asia: The New Silk Road Initiative's Questionable Economic Rationality // *Eurasian Geography and Economics*, 2015, Vol. 56, No. 4, pp. 405-420.

Rostovetskaia, T.V. Ukraina v pridnestrovskom uregulirovanii (1992-2014 gg.) (Ukraine in the Transnistrian Settlement (1992-2014)) // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, No. 2, pp. 158-164.

Sousa, L. Understanding European Cross-border Cooperation: a Framework for Analysis // *Journal of European Integration*, 2013, Vol. 35, No. 6, pp. 669-687.

Zhao, S. China's Approaches toward Regional Cooperation in East Asia: Motivations and Calculations // *Journal of Contemporary China*, 2011, Vol. 20, No. 68, pp. 53-67.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10045

CROSS-BORDER COOPERATION OF POST-SOVIET DE FACTO STATES

Sergei V. Golunov

*Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 07.05.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 07.09.2021</p>	<p>Abstract: The article focuses on cross-border cooperation of post-Soviet de facto states (Abkhazia, Donetsk, and Lugansk people’s republics, Pridnestrovian Moldavian Republic, and South Ossetia) from the early 1990s until 2021. The author argues that in the most of examined cases cross-border cooperation of post-Soviet de facto states is not particularly effective. It can be largely explained by de facto states’ complicated political relations with some adjacent recognized states, the illegitimacy of de facto borders for many potential partners, limited economic potentials of de facto states, perceiving them as a potential source of threats and instability even by friendly adjacent legitimate states, and over-centralized management of cross-border interactions by governments.</p> <p>Despite numerous problems, cross-border cooperation between post-Soviet de facto states and adjacent provinces of the relevant patron state (that is Russia) largely contributes to solving a de facto state’s survival problems in the domains of health care, communication, and economic development. It should be noted that Russia’s cooperation with those de facto states whose independence it has recognized is much more dynamic than cooperation with a non-recognized state. Cross-border cooperation between parent states and their “breakaway territories” is in its infancy in most cases. Relatively successful cooperation between Moldova and Transnistria can be considered as a partial exception but even in this case cooperation is periodically complicated with political contradictions. Finally, cross-border cooperation of a de facto state with a third country (Ukraine-Transnistria) is complicated with non-recognition and unfavorable political situation, while cooperation between two de facto states (between Donetsk and Lugansk People’s Republics) by hypercentralized governance in both republics.</p>
<p>About the author: Lead Researcher, Group on Peace and Conflict Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences</p> <p>e-mail: sgolunov@mail.ru</p>	
<p>Key words: de facto state; unrecognized state; cross-border cooperation; post-Soviet Eurasia; parent state; patron state; Abkhazia; Donetsk People’s Republic; Lugansk People’s Republic; Transnistria; South Ossetia</p>	

Для цитирования: Голунов С.В. Приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 124-142.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10045

For citation: Golunov, Serghei V. Prigranichnoye sotrudnichestvo postsovetskikh de-fakto gosudarstv (Cross-Border Cooperation of Post-Soviet De Facto States) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 124-142.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10045

СОБЫТИЯ В МЬЯНМЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРУПНЫХ ДЕРЖАВ В РЕГИОНЕ

Круглый стол Центра комплексного китаеведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 20 марта 2021</p> <p><i>Принята к печати:</i> 7 июня 2021</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	<p>Аннотация: Публикация представляет собой журнальный вариант научно-аналитического материала круглого стола Центра комплексного китаеведения и региональных проектов (ЦККиРП) и Центра АСЕАН МГИМО. В работе круглого стола приняли участие научные сотрудники ЦККиРП, Центра АСЕАН, МИД России, ИМЭМО РАН, ИДВ РАН, ИВ РАН, РИСИ, ИСАА МГУ, РУДН, Общества Дружбы и Сотрудничества с Республикой Мьянма, РСМД, ПИР-Центра. В научно-аналитическом материале раскрываются вопросы причин и возможных последствий политического переворота в Мьянме 1 февраля 2021 для политического, военно-политического, социально-экономического развития страны, анализируются линии расколов в мьянманском обществе, оценивается возможность воздействия общества на государство. Рассматриваются интересы Китая, Индии, Японии, США, стран АСЕАН, анализируется роль событий Мьянмы в региональной системе взаимоотношений и в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Анализируется роль других значимых игроков в регионе, а также значение событий в Мьянме для России.</p>
<p>Ключевые слова: Мьянма; политический переворот; Китай; США; Индия; Япония; АСЕАН; региональная система отношений</p>	

Круглый стол прошел 15 марта 2021 г. в МГИМО под руководством директора Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО профессора А.Д. Воскресенского и директора Центра АСЕАН д.и.н. В.В. Сумского. В работе приняли участие научные сотрудники ЦККиРП, Центр АСЕАН, МИД России, ИМЭМО РАН, ИДВ РАН, ИВ РАН, РИСИ, ИСАА МГУ, РУДН, Общества Дружбы и Сотрудничества с Республикой Мьянма, РСМД, ПИР-Центра.

Обсуждаемые вопросы:

1. Что произошло в Мьянме 1 февраля 2021 г.? Насколько эти события можно/нельзя считать военным переворотом? Каковы их причины и возможные последствия для политического и экономического развития Мьянмы в ближайшей перспективе?

2. Какие линии расколов в мьянманском обществе не были преодолены за период нахождения у власти гражданских правительств, какие из них усилились? Возможно ли воздействие общества на государство?

3. Последствия переворота для политического и экономического развития Мьянмы, Каковы интересы и политика Индии по отношению к Мьянме в контексте ее Индо-Тихоокеанской стратегии? Какова роль индийско-мьянманских отношений в региональной системе взаимоотношений и в Восточной и Южной Азии? Какую роль готова сыграть Индия в урегулировании сложившейся ситуации?

4. Положения страны в регионе: из чего исходят негативные и умеренные сценарии?

5. Как ситуация в Мьянме вписывается в региональный контекст политического развития стран АСЕАН? Какова реакция государств ЮВА на события в Мьянме?

6. Каким образом можно охарактеризовать отношения Мьянмы с Китаем во время нахождения у власти правительства Национальной лиги за демократию? Насколько Мьянма была вовлечена в проекты по реализации Инициативы пояса и пути и какого прогресса удалось достигнуть за это время? Какие вызовы возникли перед Мьянмой в этой связи? Что будет дальше?

7. Насколько развиты связи Японии и Мьянмы, и как разворачивается конкуренция между Японией и Китаем за экономические проекты? Как Япония отреагировала на мьянманские события? Какой реакции можно ожидать в случае усугубления кризиса?

8. Какова роль других значимых игроков? (АСЕАН, Р. Корея, США) Что события в Мьянме означают для России?

* * *

К.А. Ефремова, к.полит.н., доцент, н.с. Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО. 1 февраля 2021 г. в Нейпидо произошло то, что агентство «Синьхуа» деликатно назвало «крупными перестановками в кабинете министров»: законно избранный президент У Вин Мьин и государственный советник До Аун Сан Су Чжи были арестованы, а первый вице-президент

У Мьян Схвей ввёл в стране чрезвычайное положение сроком на один год, передав всю полноту власти верховному главнокомандующему вооружёнными силами Мьянмы, старшему генералу Мин Аун Хлайну. Эти события, безусловно, нельзя назвать «классическим» военным переворотом, поскольку они проходили в формальном соответствии с конституцией страны — но, по сути, это было отстранение действующего главы государства от власти военными.

Почему для этого было выбрано именно 1 февраля? Дело в том, что в этот день должно было состояться инаугурационное заседание Союзного парламента третьего созыва, на котором избранные в ноябре прошлого года депутаты должны были быть приведены к присяге. Напомним, что по результатам этих выборов убедительную победу одержала правящая Национальная лига за демократию (НЛД), председателем которой является До Аун Сан Су Чжи. Проармейская оппозиция настаивала, что результаты выборов были подтасованы союзным избиркомом, назначенным правящей партией, и требовала пересчёта голосов либо проведения повторных выборов. Но ей было отказано.

На следующий же день после объявления режима чрезвычайного положения, 2 февраля, старший генерал Мин Аун Хлайн сформировал новый правящий орган — Государственный административный совет, куда включил не только военных, но и гражданских лиц (в том числе, представителей крупных этнических партий). Госсовет произвёл значительные кадровые перестановки в правительстве и на местах. В ответ на это, 5 февраля избранные депутаты от НЛД создали Комитет, представляющий Союзный парламент, и начали выстраивать параллельные властные структуры, назначая собственных министров из числа представителей мьянманской элиты, участвующих в Движении гражданского неповиновения.

Таким образом, в ближайшей перспективе действующему правительству придётся преодолевать серьёзный кризис легитимности, который уже начал негативно сказываться на экономике страны: масштабные забастовки рабочих и служащих, бойкот товаров и услуг армейских корпораций вкупе с продолжающимися уличными протестами вынуждают зарубежных партнёров и инвесторов уходить из Мьянмы и искать другие места для приложения своего капитала.

Мьянма — глубоко расколотое общество. Самые серьёзные линии раскола проходят между армией (Тамадо) и сторонниками До Аун Сан Су Чжи, а также между титульной нацией — бирманцами и представителями этноконфессиональных меньшинств. Обострение этих противоречий в связи с февральскими событиями привело к появлению Движения гражданского неповиновения (Civil Disobedience Movement), известного также под аббревиатурой CDM, которое быстро превратилось в довольно мощную политическую силу.

Костяк CDM составляет либеральная городская интеллигенция: врачи, учителя, офисные и банков-

ские работники, госслужащие. Его участники призывают сограждан ко всеобщей забастовке и дезорганизации системы государственного управления, что, по их мнению, заставит нынешнюю (с их точки зрения, нелегитимную) администрацию отказаться от идеи проведения повторных выборов и вернуть власть свергнутому правительству НЛД. Кроме того, наиболее радикальные активисты выступают за введение в Мьянму миротворческих сил ООН в соответствии с международно-признанными принципами «обязанности защищать» (*Responsibility to Protect, R2P*).

«Боевым крылом» CDM являются молодые сторонники уличного сопротивления, координирующие свои действия через социальные сети с аналогичными молодёжными движениями в Таиланде, Индии, Гонконге и на Тайване. Это интернациональное объединение, известное как Альянс любителей чая с молоком (*Milk Tea Alliance*), проводит антиправительственные выступления под продемократическими лозунгами, обменивается накопленным опытом и т.п. Так, например, сейчас в интернете легко можно найти инструкции по организации массовых протестов в городских условиях, составленные участниками гонконгских событий 2019 г., в переводе на бирманский язык.

Таким образом, в Мьянме происходит постепенная самоорганизация гражданского общества (пусть и не без поддержки извне), в ходе которой могут выдвинуться новые, молодые лидеры, готовые занять политическую нишу, которая частично освободилась после ареста До Аун Сан Су Чжи. Можно, безусловно, говорить о том, что в Мьянме формируются новые каналы политического давления и влияния общества на государство.

Сейчас, на мой взгляд, все возможные сценарии развития событий должны исходить из того, сумеют ли военные удержать власть. Если они сумеют подавить уличные протесты, пресечь деятельность политической верхушки Движения гражданского неповиновения (в первую очередь — лидеров самопровозглашённого Комитета, представляющего Союзный парламент) и стабилизировать ситуацию в стране до такой степени, чтобы в неё вернулись иностранные инвесторы (хотя бы из азиатских стран), то экономика постепенно начнёт восстанавливаться, и будут созданы предпосылки для проведения новых парламентских выборов.

Скорее всего, военные изменят избирательную систему, отказавшись от принципа *First Past the Post* («первый получает всё»), который обеспечил бывшей правящей партии очередную победу в ноябре 2020 года, в пользу более инклюзивной пропорциональной системы с сохранением 25%-ной квоты для депутатов от Тамадо. Вероятность того, что они освободят государственного советника До Аун Сан Су Чжи, как этого требует мировое сообщество, крайне невелика, учитывая тяжесть предъявленных ей обвинений в коррупции и государственной измене.

Если военные изолируют лидера Национальной лиги за демократию (НЛД) и найдут благовидный предлог, чтобы не допустить саму эту партию до уча-

ствия в парламентских выборах (как это было сделано в 2010 г.), то в результате мы увидим очередное квазигражданское правительство, сформированное военными и реализующее их политическую программу. Если же Тамадо не сумеет удержать власть (будь то вследствие внутреннего раскола на враждующие фракции или вооружённого вмешательства извне, на которое надеются их политические соперники), то мьянманское общество окажется перед тяжёлым выбором между анархией и внешним управлением.

Но даже если события пойдут по относительно благоприятному сценарию и враждующие сторонам удастся достичь компромисса без вмешательства внешних сил, возвратить ситуацию в прежнее русло уже не получится. До Аун Сан Су Чжи (которой в прошлом году исполнилось 75 лет), выйдя из-под ареста, вряд ли сможет вернуть себе реальные властные полномочия и консолидировать расколотую страну. Скорее всего, она превратится в символ победы продемократических сил, из среды которых к тому времени выдвинутся новые, молодые и амбициозные лидеры, ориентирующиеся на США и страны ЕС, которые и займут ведущие позиции на переговорах с Тамадо (если такие переговоры вообще когда-либо состоятся).

Мьянманские события, по сути, мало чем отличаются от государственного переворота в Камбодже 1999 г. или военных переворотов в Таиланде 2006 и 2014 гг. Это вполне характерный для стран Юго-Восточной Азии способ политической борьбы, применяющийся тогда, когда все остальные доступные одной из сторон конфликта аргументы уже исчерпаны. Однако в случае с Мьянмой, занимающей стратегически важное геополитическое положение, ситуация осложняется высокой степенью вовлечённости внешних игроков – в первую очередь, Китая, усиления влияния которого опасаются страны АСЕАН, и США, оказывающих на АСЕАН непрерывное давление по мьянманскому вопросу.

Внутри самой АСЕАН, несмотря на исповедуемый ею принцип невмешательства во внутренние дела друг друга, также звучат голоса о необходимости приостановить членство Мьянмы в Ассоциации до тех пор, пока политический кризис не будет разрешён и военные не вернуться в казармы. Отсутствие единого мнения о сложившейся в этой стране ситуации не позволило АСЕАН выступить с совместным заявлением по итогам специального совещания министров иностранных дел Ассоциации, состоявшегося 2 марта. В заявлении государства-председателя, с которым выступил Бруней-Даруссалам, содержится призыв ко всем сторонам мьянманского конфликта прекратить насилие и сесть за стол переговоров. Но, насколько этот призыв реально может быть услышан в условиях жёсткого принципиального противостояния различных политических сил, очевидно, не готовых к компромиссу, остаётся неизвестным.

Китайско-мьянманские отношения «всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства», установленные 27 мая 2011 г., ещё при президенте У Тейн Сейне, получили новый импульс с приходом к власти До Аун Сан Су Чжи и её партии.

В период правления НЛД китайские официальные лица неизменно называли китайско-мьянманские отношения «братскими» (паупхо), подчёркивая их доверительный характер. Именно в этот период состоялось подписание меморандума о создании экономического коридора Китай-Мьянма (сентябрь 2018), за которым последовал исторический визит Си Цзиньпина в Нейпидо (январь 2020) – первый визит такого уровня за последние 19 лет.

Пекинские стратеги уделяют Мьянме важное место в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Через её территорию проходят нефтепровод и газопровод, соединяющие терминалы в Чаупхью (Ракхайнская национальная область) с нефтеперерабатывающим заводом в Аньнине (провинция Юньнань) и с газораспределительной станцией в Гуйгане (Гуанси-Чжуанский автономный район). Мьянманско-китайский газопровод был официально введен в эксплуатацию в июле 2013 г. а, а нефтепровод – в июне 2017 г. В рамках проекта экономического коридора Китай-Мьянма планируется также построить железную дорогу и магистральную автодорогу вдоль уже действующих трубопроводов.

Однако реализация китайских инвестиционных проектов на территории Мьянмы находится сейчас под угрозой из-за масштабной кампании по бойкоту китайских товаров и услуг, развернувшейся в крупных городах Мьянмы в связи с отказом КНР поддержать в Совбезе ООН проект резолюции, осуждающий действия мьянманских военных.

Не обошлось и без провокаций: по сообщениям местных СМИ, 14 марта 2021 г. неизвестные разграбили и подожгли несколько фабрик по производству одежды и обуви, принадлежавших китайским и тайваньским бизнесменам, в промышленной зоне Хлайнтая на западной окраине Янгона. Пекин в достаточно резкой форме потребовал от мьянманских властей навести порядок и обеспечить безопасность китайских граждан и их собственности. Это заявление было воспринято мьянманской общественностью как фактическое одобрение Китаем жёстких действий полиции по отношению к протестующим.

Вместе с тем, говорить о каком-либо дальнейшем китайско-мьянманском сближении в сложившейся ситуации было бы некорректным. Нынешний глава Мьянмы, старший генерал Мин Аун Хлайн, известен своим настороженным отношением к Китаю, который он неоднократно обвинял в негласной поддержке качинских и шанских сепаратистов. Очевидно, он и далее будет использовать тактику лавирования между Китаем, Россией, Индией и Японией с целью диверсифицировать источники внешней помощи и хеджировать политические риски, которые стоят сегодня перед Мьянмой.

В силу своего геополитического положения Мьянма является для Индии естественными «воротами» в Юго-Восточную Азию, куда нацелен приоритетный вектор индийской внешней политики в рамках провозглашённой в августе 2014 г. премьер-министром Нарендрой Модии политики «Действуй на Востоке» (*Act East Policy*). По территории Мьянмы планируется провести Каладанский мультимодальный транспортный коридор.

дальний транзитный транспортный коридор, который свяжет Анджал, столицу индийского штата Мизорам, со столицей Ракхайнской национальной области Мьянмы, городом-портом Ситвей. Таким образом Индия планирует оживить экономику своих депрессивных северо-восточных штатов, обеспечив их непосредственным выходом к морю.

Данный проект планировалось завершить ещё в 2014 г., однако сроки его осуществления постоянно переносились из-за сложной политической обстановки в Чинской и Ракхайнской национальных областях. В частности, на пути этого маршрута действуют боевые группировки Араканской армии, выступающей за самоопределение этнических ракхайнцев (образована в апреле 2009 г. на территории Качинской национальной области). Можно предположить, что такой расклад выгоден Китаю и в той или иной степени поддерживается им. Потенциально это может привести к обострению китайско-индийского соперничества, от которого пострадает не только Мьянма, но и другие страны АСЕАН.

Другим значимым совместным проектом является строительство автострады Индия-Мьянма-Таиланд, начинающейся в индийском Морехе, проходящей через мьянманские Мандалай, Нейпидо и Татон, и заканчивающейся в таиландском Мэсоте. Этот проект был анонсирован ещё в апреле 2002 года, и на данный момент практически завершён. Далее, Индия в сотрудничестве с АСЕАН рассчитывает продолжить эту автомагистраль, связав Мьянму и Таиланд с Лаосом, Камбоджей и Вьетнамом.

Таким образом, у Индии есть непосредственные экономические интересы и инфраструктурные проекты на территории Мьянмы, куда индийской стороной уже были вложены значительные финансовые средства. Поэтому Нью-Дели не спешит осуждать пришедших к власти в Нейпидо генералов, рассчитывая на продолжение двустороннего сотрудничества.

Мьянму и Японии связывают долгие и довольно сложные отношения, в которых Нейпидо и Токио предпочитают акцентировать преимущественно позитивные стороны. Япония участвует в мьянманском общенациональном мирном процессе в качестве донора (чем вызывает глубокое неудовольствие Китая), а также выделяет значительные средства по линии Японского агентства международного сотрудничества на реконструкцию железной дороги Янгон-Нейпидо-Мандалай. В силу этой заинтересованности Япония заняла весьма сдержанную позицию в отношении смены власти в Нейпидо и, по всей видимости, будет стараться придерживаться именно её.

В отличие от Индии, Японии и Китая, у России нет существенных интересов в Мьянме, кроме военно-технического сотрудничества. Безусловно, оно будет продолжено; однако исполнение уже заключённых контрактов на поставку российских вооружений в Мьянму (и уж тем более заключение новых) может вызвать негативную реакцию у целого ряда стран региона, обеспокоенных ситуацией с нарушением прав человека, допускаемых мьянманскими военными (а точнее, реакцией на эту ситуацию

влиятельных партнёров АСЕАН по диалогу – США, ЕС, Австралии и др.). Таким образом, в случае продолжения сотрудничества с нынешним правительством страны в военной сфере, Россия рискует не только своей международной репутацией, но и своими отношениями с АСЕАН как ведущей региональной организацией. С другой стороны, доверительные отношения, сложившиеся между главнокомандующим Тамадо и российским министром обороны, могут позволить России, наряду со странами АСЕАН, выступить в качестве международного посредника, содействующего процессу мирного урегулирования внутримьянманского политического кризиса.

А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. События в Мьянме проверяют на прочность новую политику Китая в отношении этой страны. В январе 2020 г. в ходе визита в Мьянму китайский лидер Си Цзиньпин сделал акцент на близости интересов двух народов и позитивных исторических воспоминаниях. На первое место вышло провозглашение новых стратегических лозунгов, а не новых экономических проектов.

Си Цзиньпин заявил, что договорился с руководством Мьянмы о совместном строительстве «китайско-мьянманского сообщества судьбы». Это производная от основополагающего для современной внешнеполитической идеологии КНР лозунга «строительства сообщества судьбы человечества». В данной оболочке двусторонние экономические проекты превращаются компонент долгосрочного вестороннего плана развития сотрудничества.

Одновременно Си Цзиньпин провозгласил наступление «новой эпохи китайско-мьянманских отношений». Изначально концепция «новой эпохи» появилась как обозначение нового периода в развитии КНР, нацеленного на обретение могущества и международного влияния. Со временем она вошла в лексикон китайской внешней политики для указания на качественное повышение уровня сотрудничества с партнером (о наступлении «новой эпохи» в российско-китайских отношениях было объявлено в июне 2019 г.). В выступлении на праздновании 70-летия установления дипломатических отношений двух стран и церемонии открытия Года культуры и туризма Китая и Мьянмы Си Цзиньпин заявил, что 2020 г. будет очень важным для каждой из стран и для их отношений: Китай собирается завершить строительство общества «малой зажиточности» (сяокан) и провести решающее сражение в борьбе с бедностью, «Мьянма проведет новые выборы, развитие государства войдет в новую эпоху». Однако в итоге выборы привели страну к серьезным потрясениям и возвращению к форме правления, позавидованной из «старой эпохи».

Редакционный комментарий «Жэньминь жибао» по итогам визита отмечал, что в беседах с руководством Мьянмы Си Цзиньпин «неоднократно подчеркивал братские чувства Китая и Бирмы». Следует пояснить, что фонетическое заимствование бирманского *Pauk-Phaw* (кит. *袍波*) стало в

политическом лексиконе КНР устойчивым и узнаваемым обозначением давних «братских чувств» двух народов. Лишь после этого было сказано о «стыковке» инициативы «пояса и пути» со стратегией развития Мьянмы, а также о разговорах Си Цзиньпина с мьянманским руководством о продвижении «высококачественного совместного строительства пояса и пути». Комментарий указывал, что экономический коридор Китай-Мьянма «от идеи и плана переходит к практическому осуществлению». При характеристике трех приоритетных проектов (СЭЗ Кьяукью, приграничный район экономического сотрудничества, инфраструктура в Янгоне) было отмечено, что коридор, который «на севере начинается от китайской Юньнани, проходит к югу от границы в Мандалай, а потом разделяется в Янгон и Кьяукью» – это напоминающая китайский иероглиф «человек» (*жэнь* 人) схема «большого сотрудничества», в которой «сосуд на трех ногах стоит прочно» и которая «скоро станет явью»¹.

События февраля-марта 2021 г. продемонстрировали неустойчивость «сосуда» и проблематичность быстрого осуществления заявленных планов. Многие будут зависеть от развития внутривнутриполитической ситуации в Мьянме и от готовности военных продолжить сотрудничество с Китаем на том уровне, на который оно вышло в годы правления НЛД. На встрече с Си Цзиньпином в январе 2020 г. Мин Аун Хлайн говорил, что провозглашение гостем строительства сообщества судьбы двух стран имело «историческое значение», что мьянманская сторона радуется огромным успехам в развитии Китая, благодарит китайскую сторону за долгосрочную поддержку социально-экономического развития Мьянмы и строительства национальной обороны, искренне надеется изучить успешный опыт развития Китая, осуществить в государстве Мьянма мир и развитие. Он заявил о приверженности мьянманской армии принципу «одного Китая», назвав проблемы Гонконга и Синьцзяна полностью внутренними делами Китая, в которые не должны вмешиваться иностранцы. «Я во время пребывания в должности буду продолжать всеми силами укреплять братские чувства Мьянмы и Китая и отношения двух армий, активно поддерживать совместное строительство «пояса и пути» и мьянмано-китайского экономического коридора, активно продвигать строительство мьянмано-китайского сообщества судьбы»².

В январе 2021 г. в беседе с Мин Аун Хлайном глава МИД КНР Ван И похвалил мьянманскую

армию за то, что она «ставит своей целью национальное возрождение» и «в долгосрочной перспективе думает о будущем развитии государства», привержена укреплению дружбы с Китаем. Ван И выразил надежду на продолжение поддержки военными строительства экономического коридора Китай-Мьянма после создания по итогам выборов нового правительства. В ответ Мин Аун Хлайн поблагодарил Китай за помощь в борьбе с эпидемией коронавируса, отметив, что мьянманская армия выступает за ускорение строительства экономического коридора и «готова общаться с китайской стороной по вопросам защиты стабильности государства, содействия экономическому развитию и укреплению общественной сплоченности»³.

Эти заверения, опубликованные в Китае, характеризуют военное руководство Мьянмы как сторонников развития сотрудничества. Если эта позиция действительно была пересмотрена, следует признать, что предполагаемое недовольство Китаем мьянманские военные скрывали глубоко и тщательно.

Подход Китая к переменам Мьянме глава МИД КНР изложил на пресс-конференции 7 марта 2021 г. Он отметил, что мир и стабильность являются предпосылками развития Мьянмы, поэтому всем сторонам следует сохранять хладнокровие и сдержанность, решать противоречия путем диалога и консультаций. Неотложной задачей министр назвал предотвращение новых кровопролитных стычек и снижение напряженности. Примечательным стало указание на необходимость «продолжать осуществлять внутри страны процесс демократического перехода», которое можно истолковать как неприятие Пекином перспективы долгосрочного военного правления в Мьянме.

Ван И напомнил, что Мьянма является членом «большой семьи АСЕАН». Китай поддерживает принцип невмешательства во внутренние дела и поиска консенсуса через обсуждение, но при этом готов на основе принципа уважения суверенитета Мьянмы и желания народа «войти в контакт со всеми сторонами, сыграть конструктивную роль в смягчении напряженной ситуации».

В заключение глава китайской дипломатии напомнил о братстве (*Pauk-Phaw*) двух стран и общности их судеб, подчеркнув, что дружественная политика КНР обращена ко всему народу Мьянмы. Он подчеркнул, что в Мьянме китайская сторона имеет «длительные дружественные обмены со всеми политическими партиями и течениями, включая НЛД». Это пояснение заслуживает внимания и может быть истолковано как заявка на сохранение связей с НЛД после произошедших политических

¹ Жэнь Хуаньюй. Сешоу гоуцзянь Чжун Мьянь минььюнь гунтунти (Взявшись за руки строить китайско-мьянманское сообщество судьбы) // *Жэньминь жибао*. 19.01.2020. [Ren Huanyu. Xieshou goujian Zhong Mian mingyun gongtongti (Join hands to build a China-Myanmar community with a shared future) // *Renmin ribao*. 19.01.2020]

² Си Цзиньпин хуйцзянь Мьяндянь гофанцзюнь цзунсылин Мин Ан Лай (Си Цзиньпин встретился с главнокомандующим Национальными силами обороны Мьянмы Мин Аун Хлайном) // *Жэньминь жибао*. 19.01.2020. [Xi Jinping huijian Miandian guofangjun zongsiling Min Ang Lai (Xi Jinping meets with the commander-in-chief of the Myanmar National Defense Forces Min Aung Hlaing) // *Renmin ribao*. 19.01.2020]

³ Ван И хуйцзянь Мьяндянь гофанцзюнь цзунсылин Мин Ан Лай (Ван И встретился с главнокомандующим Национальными силами обороны Мьянмы Мин Аун Хлайном) // Вайцзяобу. 12.01.2021. Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1845814.shtml> [Wang Yi huijian Miandian guofangjun zongsiling Min Ang Lai (Wang Yi meets with the commander-in-chief of the Myanmar National Defense Forces Min Aung Hlaing) // *Waijiaobu*. 12.01.2021. Mode of access: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1845814.shtml>]

изменений. Китай демонстрирует решимость развивать сотрудничество с Мьянмой вне зависимости от происходящих там перемен. Однако оптимистичный китайский тезис о том, что «дружба с Китаем от начала и до конца является консенсусом всех кругов мьянманского общества», подвергся серьезному испытанию во время нападений на китайские производственные предприятия в Мьянме в середине марта 2021 г.

Г.А. Сизов Г.А., эксперт РИСИ. После прихода Аун Сан Су Чжи и Национальной лиги за демократию к руководству Мьянмой в 2016 г. Пекин и Нейпидо значительным образом нарастили экономические⁴ и политические контакты. Мьянманское руководство одобрило реализацию Китайско-мьянманского экономического коридора (КМЭК)⁵ в качестве одного из ключевых направлений взаимодействия с КНР, была сформирована концептуальная основа данной инициативы. Вместе с тем Мьянма продолжила проводить осторожную политику по отношению к Китаю и стремиться уравновесить его влияние за счет расширения сотрудничества с другими странами (Японией, Индией, Таиландом и др.). Строительство КМЭК буксует уже несколько лет и остается на этапе концептуального планирования. В рамках экономического коридора Китай предложил Мьянме 38 проектов, однако Нейпидо одобрил лишь девять из них. Основными элементами Китайско-мьянманского экономического коридора в настоящее время являются следующие инфраструктурные объекты: глубоководный порт Чаупхью на острове Мадэй (1,3 млрд долл.)⁶ и соответствующая особая экономическая зона (ОЭЗ), ж/д Чаупхью – Куньмин⁷ (около 20 млрд долл., в

будущем данная магистраль, по оценкам китайских экспертов, будет функционировать «в синергии с китайско-лаосской и китайско-тайской железными дорогами»), три приграничных ОЭЗ в мьянманских городах Канпикети (штат Качин), Мусе (штат Шан) и Чиншвехо (район Кокан штата Шан), проект столичного строительства «Новый Янгон»⁸, а также функционирующие газо- (с 2013 г.) и нефтепроводы (с 2017 г.) Чаупхью – Куньмин. В 2019 г. по ним из Мьянмы в КНР было доставлено 10,8 млн т сырой нефти и 3,4 млн т сжиженного природного газа.

Отсутствие заметного прогресса по основным объектам Китайско-мьянманского экономического коридора во многом обусловлено стремлением Нейпидо избежать чрезмерной экономической зависимости от Пекина, что выразилось в торможении и пересмотре ранее одобренных проектов. Кроме того, негативное влияние на продвижение КМЭК оказывает сопротивление местных общин, военные действия (в штате Ракхайн и на севере страны), а также экономические трудности, вызванные пандемией COVID-19. Все это вызывает недовольство у руководства КНР, которое всеми силами стремится возобновить реализацию экономического коридора. Так, к примеру, в ходе государственного визита в Мьянму в январе 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин прямо призвал Нейпидо перейти к «ориентированному на результат сотрудничеству» и «конкретному планированию и реализации» проектов экономического коридора⁹. Спустя год, во время поездки министра иностранных дел КНР Ван И в Мьянму в январе 2021 г., была зафиксирована договоренность о том, что страны подпишут «План действий по созданию сообщества единой судьбы между Китаем и Мьянмой» и ускорят реализацию трех «столпов» Китайско-мьянманского экономического коридора (порт и ОЭЗ Чаупхью, «Новый Янгон» и приграничные зоны экономического сотрудничества). Китайская сторона также заявила, что активно рассматривает возможность предостав-

650 км. При этом аналогичные работы на участке Мандалай – Музе уже были завершены. См.: Mandalay-Kyaukpheuy railway to create economic benefits for China and Myanmar // *Global Times*. 11.01.2021. Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/page/202101/1212455.shtml>

⁸ В сентябре 2020 г. власти страны подтвердили свое намерение привлечь разных подрядчиков к процедуре государственных закупок по данному проекту. При этом его стоимость была уменьшена с 1,5 млрд до 800 млн долл. в июле 2020 г. В ноябре 2020 г. стало известно, что China Communications Construction Company будет конкурировать с девятью другими компаниями (в т. ч. из Индии, Сингапура, Франции и Тайваня) в ходе реализации проекта. Myanmar Moves Step Closer to New Bids on China-backed Belt and Road Project // *Bangkok Post*. 09.09.2020. Mode of access: <https://www.bangkokpost.com/business/1982571/myanmar-moves-step-closer-to-new-bids-on-china-backed-belt-and-road-project>

⁹ В Китае данное событие рассматривалось как знаковое, поскольку последний раз председатель КНР (тогда это был Цзянь Цзэминь) совершал подобный визит лишь в конце 2000 г. Xi Jinping Calls for 'Concrete Planning and Implementation' of Chinese Projects Ahead of Myanmar Visit // *The Irrawaddy*. 16.01.2020. Mode of access: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/xi-jinping-calls-concrete-planning-implementation-chinese-projects-ahead-myanmar-visit.html>

⁴ На Китай приходится около четверти всех иностранных капиталовложений в Мьянму (свыше 14 млрд долл. США) и порядка 40% (4 млрд долл.) внешнего долга страны. В 2019/2020 финансовом году торговый оборот между Китаем и Мьянмой достиг 12 млрд долл. (профицит 1,3 млрд долл. в пользу КНР). По официальной информации, объем одобренных китайских инвестиций в Мьянму на начало 2020 г. составил 21 млрд долл. См.: Foreign investment of permitted enterprises as of (31/3/2020) // Myanmar Investment Commission's Directorate of Investment and Company Administration. Mode of access: https://dica.gov.mm/sites/dica.gov.mm/files/document-files/bycountry_9.pdf

⁵ Китайско-мьянманский экономический коридор призван создать транспортную магистраль от китайской провинции Юньнань до мьянманского порта Чаупхью (штат Ракхайн) на берегу Бенгальского залива в обход стратегически уязвимого Малаккского пролива, через который проходит большая часть внешней торговли КНР.

⁶ В 2018 г. стоимость проекта была уменьшена с 7,5 млрд долл. до 1,3 млрд долл., а доля китайской стороны (в лице CITIC Group) была сокращена с 85 до 70 %. При этом работы по строительству портовой инфраструктуры продвигаются крайне медленно. Лишь в августе 2020 г. Китай добился согласия от мьянманских властей на создание совместного предприятия для развития порта и особой экономической зоны. См.: China's Strategic Port Project Moves Step Closer to Reality as Myanmar OKs Joint Venture // *The Irrawaddy*. 10.08.2020. Mode of access: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/chinas-strategic-port-project-moves-step-closer-reality-myanmar-oks-joint-venture.html>

⁷ В начале января 2021 г. КНР и Мьянма подписали меморандум о взаимопонимании по проведению технико-экономической оценки на участке Мандалай – Чаупхью длиной

ления Нейпидо льготного кредита и другой поддержки в контексте сотрудничества по совместным проектам¹⁰.

Для создания гарантий дальнейшего продвижения Китайско-мьянманского экономического коридора руководство КНР, судя по всему, будет стараться сохранить накопленный ранее политический капитал в Мьянме, прямо не вмешиваясь в противоборство между военными и Национальной лигой за демократию, а также оказывая Нейпидо поддержку на международном уровне. Вместе с тем возникающая в результате военного переворота социально-политическая нестабильность, неопределенность по вопросу мирного процесса между центральным правительством и вооруженными этническими группировками¹¹, а также рост антикитайских настроений и международной изоляции Нейпидо – все эти факторы будут тормозить реализацию КМЭК. В этой связи КНР, скорее всего, будет осторожно относиться к расширению экономического сотрудничества с Мьянмой. Военные круги в Нейпидо, вероятно, также не пойдут на чрезмерное увеличение своей экономической зависимости от Пекина, поскольку это будет провоцировать усиление антикитайских выступлений в обществе. Однако, несмотря на сложившуюся негативную ситуацию, руководство Китая вряд ли перестанет рассматривать Мьянму в качестве одного из ключевых звеньев инициативы «Пояс и путь».

А.А. Киреева, к.полит.н., доцент, н.с. Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России. Отношения Японии и Мьянмы характеризуются достаточно тесными историческими связями, включающими в себя поддержку Японии Бирмой во время войны на Тихом океане. Отношения двух стран характеризуются как «исторически дружественные», при этом и генерал Аун Сан и его дочь государственной советник Мьянмы Аун Сан Су Чжи имели хорошие связи с Японией. После начала процесса демократизации Мьянмы в 2011 г. Япония стала наращивать свои позиции как путем усиления политических контактов, так и с помощью расширения экономических инвестиций. Стремление японского правительства

способствовать интернационализации и экономической модернизации «последнего фронта» Юго-Восточной Азии было связано с целым рядом политических и экономических факторов, в особенности с конкуренцией с Китаем и стремлением не допустить его доминирования¹².

При увеличении присутствия и расширении экономических контактов Япония традиционно руководствовалась политикой невмешательства во внутренние дела Мьянмы. В частности, японское правительство не принимало санкций в отношении Мьянмы (в ответ на кризис вокруг рохинджа или военный переворот 2021 г.) для того, чтобы они не мешали развитию отношений, продолжая осуществлять прагматическое сотрудничество. В отношении рохинджа считалось, что санкционные меры только приведут к ухудшению ситуации и ничего не дадут Японии. Одновременно с этим, она предоставляла гранты на решение социально-экономических проблем в штате Ракхайн и на решение проблемы беженцев-рохинджа¹³.

1 февраля 2021 г. в связи с событиями в Мьянме было выпущено заявление Министра иностранных дел Японии Мотэги Тосимитсу, в котором он выразил озабоченность политической ситуацией, охарактеризовал произошедшие события как подрыв демократии, потребовал отпустить политических заключенных, включая Аун Сан Су Чжи, выразил поддержку процессу демократизации в Мьянме, выступил против любых действий, которые идут в разрез с этим процессом и призвал в кратчайшие сроки восстановить демократическое правление¹⁴. Как отмечается, в отличие от ряда других мировых лидеров, премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ длительное время не делал никаких заявлений в отношении Мьянмы, а 8 марта Посол Японии в Мьянме провел встречу с министром иностранных дел уже военного правительства. Помимо этого, после встречи японское правительство объявило о выделении гранта в размере 11 миллионов долларов для беженцев-рохинджа через международные организации. Подобные действия связаны со стремлением Японии сохранить канал диалога с мьянманским правительством вне зависимости от того, кто его возглавляет¹⁵. Следует отметить, что политика Японии вызывает противоречивую реакцию и критику со стороны представителей либерального спектра. На четырехсторонней встрече лидеров Японии, США, Индии и Австралии (*Quad*) 13 марта 2021 г. премьер-министр Ё. Суга заявил о том, что

¹⁰ 王毅訪緬甸達成多項政治共識，中方決定無償提供一批新冠疫苗 // 澎湃新聞 (В ходе визита Ван И в Мьянму был достигнут политический консенсус по множеству вопросов, КНР согласилась бесплатно предоставить партию новой вакцины от коронавируса // *Пэнтай синьвень*. 12.01.2021. Mode of access: https://www.sohu.com/a/444064240_260616

¹¹ Большинство вооруженных этнических группировок не поддерживают военный переворот. Даже десять менее влиятельных организаций, ранее присоединившиеся к Общенациональному соглашению о перемирии, 20 февраля 2021 г. объявили об отказе вести переговоры с Нейпидо, а также о намерении способствовать свержению военного режима. При этом данные группировки в целом негативно относятся к наследию НЛД и выступают в качестве ситуативных союзников партии, особенно в вопросах изменения конституции в пользу гражданских политических сил и федерализации. См.: Fawthrop T. Myanmar's Ethnic Groups Join Together to Reject Military Rule // *The Diplomat*. 27.02.2021. Mode of access: <https://thediplomat.com/2021/02/myanmars-ethnic-groups-join-together-to-reject-military-rule/>

¹² Hartley, R. Japan's Rush to Rejuvenate Burma Relations: A Critical Reading of post-2011 Efforts to Create "New Old Friends" // *South East Asia Research*. 2018. No. 26. Vol. 4. pp. 367-415.

¹³ Nagakoshi, Y. Japan and Myanmar's Toxic Friendship // *The Diplomat*. 15.01.2020. Mode of access: <https://thediplomat.com/2020/01/japan-and-myanmars-toxic-friendship/>

¹⁴ Мьянма кокунай дзэсэй ни цуитэ [О ситуации в Мьянме] / МИД Японии. 01.02.2021. [Myanma kokusai joesi ni tsuite [On the situation in Myanmar] / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 01.02.2021] Mode of access: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/danwa/page3_003009.html

¹⁵ Sasamori, K. Japan's Myanmar Missteps Are Damaging Its Image // *The Diplomat*. 01.03.2021. Mode of access: <https://thediplomat.com/2021/03/japans-myanmar-missteps-are-damaging-its-image/>

Япония потребовала военное правительство прекратить насилие в отношении граждан, отпустить заключенных и восстановить демократическое правительство, присоединившись к другим странам в призыве срочно восстановить демократию, однако японские оценки были достаточно мягкие по сравнению с западными¹⁶.

Инвестиции Японии в Мьянме объясняются не только сугубо экономической логикой, но и следуя из общей стратегической цели геополитической и геоэкономической конкуренции с Китаем. Япония выделяет Мьянме экономическую помощь в рамках Официальной помощи развитию (ОПР) и стремится расширять количество проектов и инвестиций, которые позволили бы создать конкурентную среду и КНР не стать доминирующей державой в экономике Мьянмы и других стран АСЕАН, а через них и во всей Восточной Азии. В частности, Япония опасается появления рычагов влияния у Китая в случае формирования ассиметричной экономической взаимозависимости, и их возможного влияния на небольшие или бедные развивающиеся страны¹⁷. Япония является одним из ключевых инвесторов в экономику Мьянмы, и объем ПИИ с 2011 по 2020 г. составил \$1,7 млрд. Помимо этого, она третий партнер по импорту и шестой по экспорту¹⁸. Как и в АСЕАН в целом, отношение общественного мнения Мьянмы к Японии является более положительным, чем к Китаю, несмотря на намного больший масштаб китайских экономических проектов и его присутствия. Опрос общественного мнения за 2018 г. в странах АСЕАН, проводимый МИД Японии, демонстрирует следующую картину: при ответе на вопрос «Какая страна в настоящее время является важным партнером?» опрошенные мьянманские респонденты ответили: 61% – Япония, 32% – США, 18% – Китай¹⁹.

Применительно к Мьянме важной целью для Китая является создание транспортных и энергетических коридоров, которые позволяли бы соединить юго-восточный Китай (провинцию Юньнань и ее столицу Куньмин) с Бенгальским заливом и давали бы выход в Индийский океан, минуя Малаккский пролив и позволяя разрешить так называемую «малаккскую дилемму». Усиление кооперации с Мьянмой и другими странами Индокитайского полуострова также должно способствовать развитию менее развитой по сравнению с прибрежными регионами

провинции Юньнань в качестве одного из промышленных центров. Одни из ключевых китайских проектов – действующие с 2013 и 2015 гг. соответственно нефте- и газопроводы из порта Чаупью в Бенгальском заливе в Куньмин. КНР с самого начала реализации Инициативы пояса и пути (ИПП) предлагала создать полномасштабный Китайско-мьянманский экономический коридор с 38 проектами, включая создание полноценной транспортной магистрали (в виде высокоскоростной железной дороги) от Куньмина до Чаупью, проект создания глубоководного порта в Чаупью и создание там специальной экономической зоны (СЭЗ). Правительство Мьянмы весьма осторожно подошло к реализации данных проектов, и, несмотря на демонстрируемое государственным советником Мьянмы Аун Сан Су Чжи при встречах с председателем КНР Си Цзиньпином радушие, только по девяти проектам согласилось на конкретные договоренности. При этом по железнодорожному проекту удалось договориться лишь о части Муза-Мандалай, а проект СЭЗ в Чаупью был существенно сокращен с \$7,2 млрд до \$1,3 млрд для того, чтобы избежать чрезмерной долговой нагрузки. При этом практическая реализация проектов задерживается²⁰.

Экономическая стратегия Японии отличается от китайской. В 2018 г. на саммите Меконг-Япония была принята Токийская стратегия, которая акцентирует внимание на многостороннем сотрудничестве в регионе Большого Меконга, создании качественной инфраструктуры и устойчивом развитии, которые являются приоритетами в реализации Индо-Тихоокеанской стратегии Японии. Для Японии сотрудничество с Мьянмой важно в контексте двухсторонних связей с Таиландом и укрепления горизонтальных связей между Мьянмой и Таиландом в рамках «треугольных» связей с Японией. Ее цель – улучшение взаимосвязанности в контексте Экономического коридора Восток-Запад и Южного экономического коридора АСЕАН²¹. Коридор Восток-Запад представляет собой проект создания зоны экономического развития вдоль 1.700-километрового маршрута, соединяющего Вьетнам с Мьянмой через Лаос и Таиланд, а через них – Южно-Китайское море с Бенгальским заливом с потенциальным выходом в Индийский океан. Первоначальный маршрут коридора пролегал до мьянманского города Мьявади (*Myawaddy*), но по-

¹⁶ Quad Leaders to Create Working Groups // *NHK World-Japan*. March 13, 2021. Mode of access: https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/20210313_08/

¹⁷ Insisa, A.; Pugliese, G. The free and open Indo-Pacific versus the belt and road: spheres of influence and Sino-Japanese relations // *The Pacific Review*. pp. 3-4.

¹⁸ Nagakoshi, Y. Japan and Myanmar's Toxic Friendship // *The Diplomat*. January 15, 2020. Mode of access: <https://thediplomat.com/2020/01/japan-and-myanmars-toxic-friendship/>

¹⁹ 2018nen, «Kaiigai ni okeru tainichi ёron chosa heisei 29nen-do ASEAN сёсай кэкка [2018 г., «Подобные результаты опроса зарубежного общественного мнения в отношении Японии за 2017 г.»] / МИД Японии. 28.12.2018. С. 2. [2018nen, «Kaiigai ni okeru tainichi yoron chosa heisei 29 nendo shosai kekka» / Ministry of Foreign Affairs of Japan. 28.12.2018. p. 2.] Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/000434061.pdf>

²⁰ Киреева, А.А. Морской шелковый путь XXI века: реализация в странах Юго-Восточной и Южной Азии // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 609-642. [Kireeva, A.A. Morskoy shelkovyj put' XXI veka: realizacija v stranah Jugo-Vostochnoj i Juzhnoj Azii [The Maritime Silk Road for the 21st Century: Implementation in Southeast and South Asia] // Model' razvitiya sovremennogo Kitaja: ocenki, diskussii, prognozy [The Model of the Development of Contemporary China: Assessment, Discussions, Prognosis]. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2019. Pp. 609-642.]; Wallace, C. Japan's Strategic Contrast: Continuing Influence Despite Relative Power Decline in Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2019, No. 32, Vol. 5, p. 869.

²¹ Insisa, A.; Pugliese, G. The Free and Open Indo-Pacific versus the Belt and Road: Spheres of Influence and Sino-Japanese Relations // *The Pacific Review*. Pp. 15-16.

следствии был продлен до экономического центра страны Янгона. Предполагается, что коридор будет связан со Специальной экономической зоной Тилава (*Thilawa*), которая развивается со значительным участием и ролью японского бизнеса²².

Стратегия Японии заключается в том, чтобы предоставить альтернативы для стран региона в контексте реализации Китаем ИПП, в особенности в сфере инфраструктурных проектов. Для Японии, которая уже более пяти десятилетий является одним из ключевых, если не ключевым, игроком на инфраструктурном рынке стран Азии, потенциальный успех Пояса и пути представлял бы очень большие вызовы, как с точки зрения возрастания долговой нагрузки и усиления китайского влияния, так и распространения более низких стандартов и низкого качества проектов. В рамках своей Инициативы строительства высококачественной инфраструктуры, ставшей экономической частью стратегии формирования Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства, Япония, наоборот, предлагает инфраструктуру высокого качества, основанную на высоких стандартах, не вредящую окружающей среде, с просчитанными бизнес-моделями, не ведущую к значительному росту долговой нагрузки и т.д.²³

Ключевое отличие японских экономических проектов от китайских – это направленность японских инвестиций на интеграцию Мьянмы с другими странами АСЕАН, в том числе создание горизонтальных связей на Индокитайском полуострове. Таким образом, у стран региона появляются различные альтернативы Китаю, в виде не только японских компаний, но и совместных цепочек со странами АСЕАН и западными партнерами, что в свою очередь позволит им модернизироваться, сохраняя многовекторную политику. Пояс и путь же представляется китаецентричной инициативой, направленной на создание вертикальных связей с Китаем и структурированной вокруг потребностей КНР²⁴. Помимо этого, такие факторы, как качество проектов, прозрачность экономических моделей, вовлеченность местной рабочей силы в их реализацию, повышение квалификации местных сотрудников и трансфер технологий выгодно отличают японские проекты от китайских.

С.И. Лунев, д.и.н., профессор МГИМО МИД России, г.н.с. ИВ РАН. В Индии относят Мьянму к Южной Азии, хотя практически все другие государства считают Мьянму страной Юго-Восточной Азии. Для подобного подхода существуют исторические основания. Северо-восток Индии вошел в состав Британской Индии после первой англо-бирманской войны, а после третьей войны вся Бирма вплоть до

1937 г. вошла в состав Британской Индии. Мьянме было предложено стать членом СААРК, наряду с Афганистаном. Этого не произошло, но страна получила в 2008 г. статус наблюдателя.

Мьянма является воротами Индии в Юго-Восточную Азию, что предопределяет ее значение для азиатского гиганта, почти 30 лет проводящего политику «Смотреть на восток», преобразованную Нарендрой Моди в политику «Действовать на Востоке». Восточная Азия является главным экономическим партнером Индии, а в системе ее внешнеполитических приоритетов регион занимает центральное место.

Индия способствовала включению Мьянмы в новые экономические интеграционные группировки, появившиеся в 1990-х гг. – «Меконг – Ганг» и БИМСТЕК, которые, правда, пока неэффективны. Дели также стремится к активному развитию такого интеграционного проекта, как БКИМ (Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма), образованного для реализации отдельных совместных проектов.

В постбиполярном мире первым шагом к укреплению индийско-мьянманских экономических отношений стало подписание в 1994 г. двустороннего торгового соглашения. В 2003 г. две стороны образовали Совместный торговый комитет для увеличения торгового оборота. Мьянма стала одной из 6 держав, которые подписали в рамках ВРЭП в 2014 г. «Соглашение о свободной торговле услугами и об инвестициях» с Индией. В 2019-2020 финансовом году торговый оборот составил 1,5 млрд долларов, что правда, на 0,5 млрд долларов меньше, чем 5 лет назад (сократился, в первую очередь, индийский импорт). Индия оказывает Мьянме значительную экономическую помощь, преимущественно в виде грантов. После начала пандемии Индия поставила в Мьянму 3,7 миллиона доз вакцины, из которых два миллиона – на коммерческой основе, а остальные – в виде гранта индийского правительства²⁵.

Дели очень интересуют возможные поставки газа из Мьянмы. 20 лет назад Индия проиграла Китаю в борьбе за газопроводы, и газ пошел в КНР, но Индия не оставляет надежды на строительство трубопроводов на ее территории. На мьянманском рынке уже закрепились индийские крупнейшие газовые компании, которые запустили проект по разработке крупного газового месторождения в Бенгальском заливе.

Мьянма очень важна для Индии с точки зрения транспортно-логистических проектов для получения стабильного наземного сообщения со странами Юго-Восточной Азии. Граница двух стран проходит по горам и труднопроходимым джунглям, что создает большие проблемы для транспортировки. Индия принимает участие в создании нескольких проектов, таких как реконструкция порта Ситтве (она включает как налаживание морского пути из Калькутты в Ситтве, так и строительство различных наземных дорог, в том числе и по индийской терри-

²² Southeast Asia's Trans-regional Corridor Takes Shape // *Nikkei Asia*. 02.12.2019. Mode of access: <https://asia.nikkei.com/Business/Transportation/Southeast-Asia-s-trans-regional-corridor-takes-shape>

²³ Insisa, A.; Pugliese, G. The Free and Open Indo-Pacific versus the Belt and Road: Spheres of Influence and Sino-Japanese Relations // *The Pacific Review*, pp. 4-5.

²⁴ Ibid. Pp. 16-17; Wallace, C. Japan's Strategic Contrast: Continuing Influence Despite Relative Power Decline in Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2019, No. 32, Vol. 5, pp. 881-884.

²⁵ Mitra, D. As Myanmar Returns to Crisis Mode, India Maintains Sanctions Are Not the Answer // *The Wire*, Feb 16, 2021. Mode of access: <https://thewire.in/south-asia/as-myanmar-returns-to-crisis-mode-india-maintains-sanctions-are-not-the-answer>

тории), создание 4-х полосной автомагистрали Индия – Мьянма – Таиланд (3200 км), которая позднее пойдет в страны Восточного Индокитая, и коридора «Каладан», который соединит индийские порты с Ситтве. В 2001 г. было открыто первое новое 160-километровое шоссе, названное «Дорогой дружбы» (и соединившей в Мьянме города Таму, Калаймио и Калева). Другие проекты не закончены из-за финансовых проблем и сложной обстановки на некоторых территориях юго-восточноазиатской страны. В феврале 2021 г. Нарендра Моди потребовал закончить работу по модернизации порта Ситтве к августу и ввести в эксплуатацию «Каладан» к концу 2024 г.

Экономическое сотрудничество затрагивает такие сферы, как сельское хозяйство, лесная промышленность, туристская сфера, информационные технологии, автомобильная, текстильная и агропромышленная промышленность. Нельзя игнорировать и желание Дели поднять экономический уровень своих северо-восточных штатов путем развития их взаимосвязей с Мьянмой.

Соперничество с Китаем является не менее важным фактором. Особенно беспокоит Дели военнотехническое сотрудничество КНР с Мьянмой, включающее поставки оружия и развитие мьянманских военно-морских сил, в частности модернизация военно-морской базы в городе Ситуэ. В Индии искренно верят в существование китайской стратегии «нити жемчуга» (которую на самом деле придумали американские политологи), в рамках которой Китай якобы создаст военные базы в Пакистане, Бангладеш, Шри Ланке, а также в Мьянме для получения контроля над акваторией Индийского океана (реальных свидетельств этому нет никаких). При этом укрепление китайско-мьянманских военнополитических связей вынуждает Индию принимать ответные меры. Они включают поставку вооружения (в 2019 г. Индия поставила Мьянме вооружение на сумму в 100 млн долларов, в 2 раза опередив Китай по данному показателю²⁶, а осенью 2020 г. поставила своему соседу подводную лодку, которыми еще не располагал ВМФ Мьянмы), проведение обучения мьянманских военнослужащих, совместных учений и антитеррористических операций, в первую очередь, против боевиков, переместившихся с северо-востока Индии на север Мьянмы. После происшедшего конфликта с китайскими пограничниками в Бутане в 2017 г. Дели увеличила военный контингент на границе с Мьянмой.

В своем соперничестве с КНР Индия пытается опереться на Японию и страны АСЕАН. Япония также выступает в Мьянме в качестве экономического конкурента Китая. Было объявлено, что Индия и Япония будут стремиться к сопряжению своих инфраструктурных проектов, в частности шоссе Индия – Мьянма – Таиланд и Экономического коридора Восток–Запад, который реализуют Япония и страны Индо-Китая. Многие страны АСЕАН также

²⁶ Ramachandran, S. India and Myanmar: Business as Usual Despite Power Grab // *The Diplomat*, Feb 08, 2021. Mode of access: <https://thediplomat.com/2021/02/india-and-myanmar-business-as-usual-despite-power-grab/>

в политических целях поддерживают желание Индии снизить зависимость Мьянмы от КНР.

Для Индии существуют и такие проблемы, как наркотрафик и незаконная миграция рохинджа. Индия расположена между двумя главными центрами производства героина – Золотым полумесяцем (Афганистан-Пакистан) и Золотым треугольником (Мьянма-Лаос-Таиланд). Главные поступления идут из Пакистана, но Мьянма считается основным поставщиком наркотиков в Манипур, Мизорам и Нагаленд. Был подписан целый ряд двусторонних соглашений о борьбе с наркоугрозой, и индийские власти стали даже возводить железную ограду вдоль 400-километровой границы Мизорам с Мьянмой и части границы Манипура для борьбы с наркокурьерами, контрабандистами и незаконными мигрантами.

Дели негативно относится к последней категории (речь идет, прежде всего о рохинджа, которых в Индии насчитываются 40 тыс.), а индусские коммуналлисты даже нападали на представителей данного этноса. В 2017 г. Нарендра Моди в ходе своего визита в Мьянму заявил, что рохинджа сами виноваты в своей трагедии. Индийские власти объявляют о необходимости депортировать всех незаконных мигрантов из Мьянмы (хотя в целом воздерживаются от данного шага). Это касается и последних событий. Новые беженцы в 2021 г. задерживаются, и их направляют в специальные центры с целью, как считают правозащитники, дальнейшей депортации.

Что касается реакции Индии на военный переворот, то уже через несколько часов Дели выступил с заявлением, в котором выразил «глубокую озабоченность» по поводу событий: «Индия всегда была непоколебима в своей поддержке процесса демократического перехода в Мьянме» призвал Мьянму поддерживать «верховенство закона и демократический процесс»²⁷. Через неделю в Совете Безопасности ООН Индия, как его непостоянный член, выступила против принятия резолюции, осуждающей переворот, и заявила, что могла бы выступить в качестве «важного моста» между сторонами конфликта²⁸. Индия подписала заявление, принятого на форуме четырехстороннего диалога США – Япония – Индия – Австралия о необходимости восстановления демократии в Мьянме, но не присоединилась к санкциям США и подходу Японии по резкому сокращению помощи развитию Мьянмы. Все государственные и частные компании продолжают работать в прежнем формате.

У Индии есть негативный опыт. После военного переворота в 1962 г. Дели осудила его, после чего военные Мьянмы приступили к депортации представи-

²⁷ We Believe Rule of Law and Democratic Process Must Be Upheld, Says India on Myanmar coup // *The Times of India* Feb 2, 2021. Mode of access: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/80640644.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

²⁸ India Played a Key Role in Shaping UNSC's Position on Myanmar Coup: Sources // *The Hindustan Times*, Feb 05, 2021. Mode of access: <https://www.hindustantimes.com/world-news/india-played-a-key-role-in-shaping-uns-c-s-position-on-myanmar-coup-sources-101612503254355.html>

телей индийской диаспоры и выбрали КНР как главного партнера. Осуждение Индией в 1988 г. подавления мирной демонстрации военной хунтой, и выступление в 1992 г. в качестве соавтора резолюции ООН, критикующей нарушение прав человека в Мьянме, привели только к негативным для Дели последствиям. С 1993 г. премьер-министры Индии таких ошибок не совершают. Так, в 2007 г. Индия проигнорировала антиправительственные протесты в Мьянме. Дели постоянно повторяет, что не будет вмешиваться во внутренние дела Мьянмы.

Таким образом, Индия будет занимать крайне осторожные позиции в отношении событий в соседней стране, призывать к диалогу между конфликтующими сторонами и их примирению, избегать критики их действий. Следует также учитывать, что Дели полагает, что отношения Мьянмы с Китаем существенно укрепились при прошлом правительстве.

А.В. Куприянов, к.и.н., рук. группы Южной Азии и Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. Политика Индии в отношении Мьянмы выстраивается в контексте долгих исторических и культурных связей двух стран и стратегического значения, которое Мьянма имеет для безопасности Индии.

В индийском общественном сознании Мьянма, сохраняющая с Индией многочисленные исторически сложившиеся культурные, религиозные, этнические связи и являющаяся домом для около 2,5 млн лиц индийского происхождения, является при этом страной, отделяющей собственно Индию как отдельную культурно-религиозную общность от стран Юго-Восточной Азии, входящих в состав Индосферы. Такое представление было закреплено в результате административной реформы 1937 г., в рамках которой Бирма, бывшая до того частью Британской Индии, но была выделена в отдельную провинцию.

Стратегическое значение Мьянмы для Индии определяется двумя факторами: 1) возможностью через территорию Мьянмы получить доступ к Северо-Востоку Индии, отделенному от основной территории страны коридором Силигури, 2) возможностью для третьей страны через территорию Мьянмы получить доступ к Бенгальскому заливу. Оба этих фактора имеют важное значение в контексте соперничества Нью-Дели и Пекина.

1) Протяженность сухопутного участка индийско-мьянманской границы составляет 1643 км. С Мьянмой граничат четыре индийских штата – Аруначал-Прадеш, Нагаленд, Манипур и Мизорам; в трех последних до недавнего времени активно действовали сепаратистские группировки, борющиеся за расширение самоуправления малых народов региона, отличающихся от остального населения Индии по этническому, культурному, языковому и религиозному признакам, и за выход в перспективе северо-восточных штатов из состава Индии. Индийская пресса, эксперты и политики неоднократно обвиняли КНР в поддержке сепаратистских движений, оказании им информационной и разведывательной

помощи.²⁹ Боевики этих группировок, пользуясь тем, что индийско-мьянманская граница охраняется сравнительно слабо, неоднократно находили убежище на территории Мьянмы, где перестроившись и пополняя разбитые отряды.

2) Порты Мьянмы (прежде всего Ситуэ и Янгон) предоставляют Индии кратчайший доступ к северо-восточным штатам, позволяя сократить время и стоимость доставки грузов; эти же порты (плюс Чаукпью) предоставляют контролирующей их стране доступ в Бенгальский залив. Неудивительно, что участие китайского бизнеса в строительстве и реконструкции портовой инфраструктуры, которое осуществляется за счет китайских кредитов, вызывает в Нью-Дели тревогу: индийское руководство опасается, что вслед за экономическим влиянием Китая в Мьянме начнет наращивать политическое. Наибольшее беспокойство у Индии вызывает проект транспортно-экономического коридора Юньнань – Бенгальский залив, который даст Китаю выход к Индийскому океану и позволит разрешить т. н. «малаккскую дилемму», избежав необходимости везти грузы через Малаккский пролив, и обойти Андаманскую оборонительную позицию.

Степень обеспокоенности индийской стороны китайским присутствием в Мьянме хорошо демонстрирует полуанекдотическая история с Кокосовыми островами, где, по уверениям индийских экспертов и СМИ, с 1990-х гг. находилась китайская станция слежения. Несмотря на то, что в конце концов Индия официально признала отсутствие этой станции³⁰, сообщения о ней регулярно появляются в индийских СМИ до сих пор.

После того, как Индия и Мьянма получили независимость в 1947 и 1948 г. соответственно, между странами установились дружественные отношения. Так, 4 января 1948 г., в день объявления независимости Бирмы, премьер-министр Джавахарлал Неру произнес речь, в которой заявил: «В будущем, как и прежде, народ Индии будет стоять плечом к плечу с народом Бирмы, и что бы ни ждало нас в будущем, доброе или дурное, мы разделим этот груз»³¹. Однако военный переворот в Бирме 2 марта 1962 г. и последовавшие за ним гонения на индийское этническое меньшинство существенно ухудшили отношения между странами. В результате радикальных политических и экономических реформ, начатых правительством Не Вина, была национализирована собственность бизнесменов индийского происхождения, проведены чистки в административном аппарате. Мьянму покинули около 300 тыс. этнических индийцев. Дополнительным фактором ухудшения отноше-

²⁹ Bhattacharyya, R. How China's 'Aid' To Rebel Groups Sustained Northeast Insurgency // *The Quint*. 01.07.2020. Mode of access: <https://www.thequint.com/voices/opinion/northeast-india-sustained-insurgency-covert-chinese-support-weapons-supply>

³⁰ Pant, H.V. China's Naval Expansion in the Indian Ocean and India-China Rivalry // *The Asia-Pacific Journal*. Vol. 8, Issue 18, No. 4, p. 2. Mode of access: <https://apjif.org/-Harsh-V--Pant/3353/article.pdf>

³¹ Choudhary, L.K. Indo-Myanmar Relations: Retrospect and Prospect // *India Quarterly*, 2005, Vol. 61, No. 4, p. 144.

ний стала нейтральная позиция Мьянмы во время индийско-китайской пограничной войны 1962 г., которую в Нью-Дели восприняли как демонстрацию дружественного нейтралитета в отношении КНР.

Не добавила отношениям сердечности отношениям между военным руководством Мьянмы и индийскими политическими элитами и попытка Нью-Дели вмешаться в события в соседнем государстве в 1988 г., во время «Восстания 8888»: индийское посольство тогда поддерживало активные контакты с мятежными студентами, снабжало их средствами на дорогу до индийской границы после подавления протестов, предоставило политическое убежище угонщикам самолета рейса Бангкок-Калькутта, бежавшим от преследований на родине. Индийские радиостанции вели антиправительственную пропаганду на бирманском языке, а индийская разведка оказывала материальную и финансовую помощь Качинской армии независимости и Каренскому национальному союзу. При этом Индия поддерживала Аун Сан Су Чжи, у которой сохранялись хорошие отношения с индийскими элитами с тех пор, как она училась в Индии и работала в одном из индийских аналитических центров.

Однако в середине 1990-х гг. отношения между странами начали постепенно улучшаться. Индийские элиты, осознав, что позиции военного режима достаточно крепки и что дальнейшее усиление конфронтации может привести к нарастанию проблем в северо-восточных штатах самой Индии, отказались от поддержки боевиков в Мьянме, подписав ряд двусторонних соглашений о совместной борьбе с «незаконной и повстанческой деятельностью». Окончательно отношения нормализовались с приходом к власти «Бхаратиа Джаната парти» в 1998 г.; глава МИД в правительстве БДП Джасвант Сингх заслужил прозвище «архитектор реализма» за свой практический подход к сотрудничеству с правительством Мьянмы. Тем не менее, индийское руководство продолжало поддерживать хорошие связи с Аун Сан Су Чжи и ее сторонниками и приветствовало освобождение ее из-под домашнего ареста в 2007 г.

В последние годы наблюдается определенное разочарование в индийских политических элитах в отношении Аун Сан Су Чжи. Ее возвращение к власти не привело, как надеялись в Нью-Дели, к сворачиванию сотрудничества с КНР и хотя бы частичной переориентации на Индию; наоборот, китайский бизнес все активнее участвует в проектах в Мьянме, а многие видные функционеры «Национальной лиги за демократию» заняли прокитайскую позицию. В то же время у индийского руководства укрепились отношения с мьянманскими военными как на почве взаимной заинтересованности в борьбе с пограничными повстанческими группировками, так и из-за того, что Татмадо вынуждены вести борьбу с этническими вооруженными формированиями на севере страны, пользуясь неофициальной поддержкой КНР.

Таким образом, переворот 2021 г. поставил Нью-Дели перед сложным выбором. С одной стороны, Индии необходимо сохранять имидж «крупнейшей демократии мира» и оплота демократических сил в регионе, что не позволяет ей открыто поддержать

мьянманский военный режим. С другой – приход к власти военных объективно выгоден Индии, так как тормозит китайскую экономическую и политическую экспансию в регионе, вынуждая Пекин заново налаживать отношения с мьянманским руководством. Дополнительно осложняет ситуацию позиция США, которые прямо осудили военный режим Мьянмы, и начавшимся бегством оппозиционеров и членов их семей в Индию: выдача беженцев ослабит позиции правительства на внутривнутриполитической арене и подставит его под огонь критики со стороны оппозиции.

Стоит ожидать, что индийское руководство будет придерживаться сбалансированной линии в мьянманском вопросе, стараясь не ссориться с военным режимом с одной стороны и не поддерживая его открыто с другой, чтобы не давать повода для критики. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны: так, Нью-Дели отдал распоряжение пограничной охране не пропускать на индийскую территорию беженцев из Мьянмы; главный министр штата Мизорам отказался подчиниться приказу из центра³², что позволяет Индии продемонстрировать готовность к сотрудничеству с военным режимом Мьянмы и в то же время продолжать прием беженцев. Показательны также итоги последнего саммита Quad: невзирая на жесткую американскую позицию, в совместном заявлении отсутствуют прямые обвинения в адрес военного руководства Мьянмы и содержатся лишь общие пожелания на тему восстановления демократии, что, по всей видимости, стало результатом совместных действий Индии и Японии³³.

А.А. Симония, к.э.н. в.н.с. Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. Проведенная 1 февраля 2021 г. армейская операция по захвату власти в Мьянме, или классический военный переворот, отбросила страну, по крайней мере, на 25 лет назад. Вспомним конец 1980-х, начало и середину 1990-х годов: многочисленные жертвы среди гражданского населения во время протестных выступлений весны-лета 1988 г., арест лидеров созданной в том же году Национальной лиги за демократию (НЛД) – Аун Сан Су Чжи, ее соратников, а также сотен участников протестного движения. Далее военный режим объявил о введении многопартийной системы и проведении свободных выборов. Однако потерпев поражение на всеобщих выборах 1990 г., военное руководство не признало победу НЛД. Все это привело сначала к военному эмбарго, а затем к широкомасштабным экономическим санкциям со стороны стран Запада.

Сейчас повторяется тот же сценарий: военные получили приказ использовать боевое оружие – жертв уже больше, чем во время «шафрановой революции» 2007 г. (на март 2021 г. 167 человек). Гражданское ру-

³² Kalita, J. Why Tiny Indian State Of Mizoram Is 'Openly Defying' Modi Govt's Diktat On Myanmar Issue // *The Eurasian Times*. 22.03.2021. Mode of access: <https://eurasianimes.com/why-tiny-indian-state-of-mizoram-is-openly-defying-modi-govts-diktat-on-myanmar-issue/>

³³ Sahoo, N., Ichihara, M. The Quad Can End the Crisis in Myanmar // *Foreign Policy*. 19.03.2021. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2021/03/19/quad-myanmar-crisis-protests-india-japan-tatmadaw/>

ководство страны смещено и содержится под арестом. Против лидеров страны – президента и госсоветника сначала выдвигались смехотворные обвинения, типа «незаконное приобретение и использование средств радиосвязи» и «нарушение режима локдауна во время пандемии». Затем последовали более серьезные обвинения в коррупции, предполагающие длительные сроки тюремного заключения. Это приведет к тому, что никто из осужденных лидеров НЛД, а главное сама Аун Сан Су Чжи, не смогут участвовать в выборах.

Таким образом повторится сценарий безальтернативных выборов 2010 г., победит Союзная партия солидарности и развития (СПСР), на самом деле не самостоятельная и неспособная одержать победу в парламенте без поддержки армии. В соответствии с конституцией 2008 г., полученное большинство мест в парламенте членами СПСР позволит президенту предствителю генералитета стать президентом.

Повторяется и сценарий с введением международных санкций. Вспомним, сколько времени потребовалось, а главное, на какие уступки пошли военные для того, чтобы они были сняты. Квазигражданское правительство президента Тейн Сейна (генерал-лейтенанта в отставке – бывшего человека № 4 в военной хунте) стало самым прогрессивным и самым революционным в новейшей истории Бирмы/Мьянмы, а сам бывший генерал получил известность как *президент-реформатор*. Правительство даже пошло на решение заморозить грандиозные китайские гидропроекты на севере страны, якобы из-за протестов местного населения и «зеленых». Принято считать, что санкции не были эффективными и очень действенными, тем не менее военные хотели вернуть свою страну в мировое сообщество в качестве равноправного партнера, ради этого они и выполнили все требования Запада.

В феврале 2021 года санкции снова введены, и постоянно ужесточаются. США заморозили активы, принадлежащие частным лицам и компаниям Мьянмы на 1 млрд долларов. Помимо частных лиц в санкционный список США включены два силовых ведомства Мьянмы – министерство обороны и министерство внутренних дел, а также две контролируемые военными экономические корпорации – Myanmar Economic Holding Ltd (MEHL) и Myanmar Economic Corporation (MEC), задействованные во всех сферах экономики – от горнодобывающей и легкой промышленности до телекоммуникаций, гостиничного и банковского бизнеса. О приостановке сотрудничества уже объявили некоторые международные финансовые организации, в частности, Азиатский банк развития.

Новая военная администрация провела грандиозную чистку с арестами среди руководства и штата сотрудников Центрального банка Мьянмы (ЦБМ). Негативная реакция Японии на эти действия новой военной администрации была закономерной. Когда Мьянма открылась миру и стала снимать свои финансовые барьеры на международных рынках, именно Банк Японии (*Bank of Japan*) оказывал содействие в обучении персонала ЦБМ и предоставил жизненно важную в тот момент необходимую техническую помощь. Именно Банк Японии и другие японские структуры осуществляли значительное содействие Мьянме

в модернизации ее рыночной инфраструктуры и вовлечении Мьянмы в глобальную матрицу валютных свопов. Арест руководства ЦБМ можно рассматривать как атаку на саму суть 10-летнего проекта модернизации экономики Мьянмы. Япония пока, как и после событий 1988 г., не ввела никаких официальных санкций в отношении Мьянмы в связи с государственным переворотом 2021 г., в очередной раз вырвавшись из кильватера внешней политики США. Япония также использовала свои военные связи, чтобы связаться с новой хунтой раньше крупных западных стран. Она, как всегда, стремится найти баланс между демократическими идеалами и своими традиционными связями с военными Мьянмы, которых изоляция от мирового сообщества может бросить в крепкие китайские объятия. В то же время на фоне растущего глобального возмущения по поводу военного переворота Япония рассматривает возможность прекращения новой официальной помощи развитию Мьянмы в обозримом будущем, исключая меры, которые могли бы повлиять на широкие слои населения.

Арест советника правительства НЛД и лично Аун Сан Су Чжи по экономической и финансовой политике австралийского экономиста Шона Тёрнелла является, по-видимому, еще одним звеном «финансового расследования» военной администрации в готовящемся деле о коррупции. Сразу же после объявления властями Мьянмы о предстоящем судебном иске против австралийского экономиста в связи с «секретной государственной финансовой информацией», Австралия объявила, что приостанавливает всю экономическую помощь Мьянме и оборонное сотрудничество.

Мьянма, как ни одна другая страна, могла бы выиграть от международных инвестиций, торговли и открытой экономики. Однако неслыханная атака на финансовый сектор страны может лишить ее этой возможности в ближайшие годы. Действия по модернизации экономики, как и доверие инвесторов сведены на нет, похоже, что генералы решили заморозить финансовую модернизацию. Прогнозы международных экспертов, что ВВП Мьянмы в 2030 г. составит 200 млрд долл. теперь вряд ли осуществимы. Под угрозой находятся и международные отношения, которые Нейпидо удалось установить за последние 10 лет. Наиболее яркий пример – действия Австралии в связи с арестом ее гражданина.

*Материал к публикации подготовлен
А.Д. Воскресенским*

Prepared for publication by Alexei D. Voskressenski

Литература:

Киреева А.А. Морской шелковый путь XXI века: реализация в странах Юго-Восточной и Южной Азии // Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. С. 609-642.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019.

Choudhary, L.K. Indo-Myanmar Relations: Retrospect and Prospect // *India Quarterly*, 2005, Vol. 61, No. 4.

Hartley, R. Japan's Rush to Rejuvenate Burma Relations: A Critical Reading of post-2011 Efforts to Create "New Old Friends" // *South East Asia Research*. 2018. No. 26. Vol. 4. pp. 367-415.

Pant, H.V. China's Naval Expansion in the Indian Ocean and India-China Rivalry // *The Asia-Pacific Journal*. Vol. 8, Issue 18, No. 4.

Wallace, C. Japan's Strategic Contrast: Continuing Influence Despite Relative Power Decline in Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2019, No. 32, Vol. 5.

References:

Choudhary, L.K. Indo-Myanmar Relations: Retrospect and Prospect // *India Quarterly*, 2005, Vol. 61, No. 4.

Hartley, R. Japan's Rush to Rejuvenate Burma Relations: A Critical Reading of post-2011 Efforts to Create "New Old Friends" // *South East Asia Research*. 2018. No. 26. Vol. 4. pp. 367-415.

Kireeva, A.A. Morskoj shelkovyj put' XXI veka: realizacija v stranah Jugo-Vostochnoj i Juzhnoj Azii [The Maritime Silk Road for the 21st Century: Implementation in Southeast and South Asia] // *Model' razvitija sovremennogo Kitaja: ocenki, diskussii, prognozy* [The Model of the Development of Contemporary China: Assessment, Discussions, Prognosis]. Ed. by Alexei D. Voskressensk. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2019. Pp. 609-642.

Model' razvitija sovremennogo Kitaja: ocenki, diskussii, prognozy [The Model of the Development of Contemporary China: Assessment, Discussions, Prognosis]. Ed. by Alexei D. Voskressensk. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2019.

Pant, H.V. China's Naval Expansion in the Indian Ocean and India-China Rivalry // *The Asia-Pacific Journal*. Vol. 8, Issue 18, No. 4.

Wallace, C. Japan's Strategic Contrast: Continuing Influence Despite Relative Power Decline in Southeast Asia // *The Pacific Review*, 2019, No. 32, Vol. 5.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10046

EVENTS IN MYANMAR IN THE CONTEXT OF RELATIONSHIP OF GREAT POWERS IN THE REGION

Edited by Alexei D. Voskressenski

Roundtable of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects and the ASEAN Center at MGIMO

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 20.03.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 07.06.2021</p> <p>e-mail: sravnitpolit@mail.ru</p>	<p>Abstract: The publication represents a journal version of scientific and analytical material of the round table of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, and the ASEAN Center, MGIMO University. Research associates of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, the Institute of Far Eastern Studies RAS, Primakov Institute of International Economic and International Studies RAS, the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, Ministry for Foreign Affairs of the RF, Peoples Friendship University, Society of Friendship and Cooperation with the Republic of Myanmar, Russian Council of International Affairs, the PIR-Center, etc. took part in the discussion and the preparation of the materials. Issues of the reasons and possible effects of a political overturn in Myanmar of 01.02.2021 for the political, military-political, social, and economic development of the country were revealed, lines of splits in the Myanmar society are analyzed, the possibility of impact of society on the state is explained. Interests of China, India, Japan, the USA, the ASEAN countries are considered, the role of events of Myanmar in the regional system of relationship and East, Southeast, and Southern Asia is analyzed. The role of other significant players in the region, and also the value of events in Myanmar for Russia are discussed.</p>
--	--

Для цитирования: События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе (круглый стол Центра комплексного китайоведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО) / Под ред. А.Д. Воскресенского // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 143-156.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10046

For citation: Sobytiya v M'yanme v kontekste vzaimootnosheniy krupnykh derzhav v regione (kruglyy stol Tsentra kompleksnogo kitayovedeniya i regional'nykh proyektov i Tsentra ASEAN MGIMO) (Events in Myanmar in the Context of Relationship of Great Powers in the Region (Roundtable of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects and the ASEAN Center at MGIMO)). Ed. by Alexei D. Voskressenski // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 143-156.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10046

**POLITICAL PARTIES AND PARTY SYSTEMS
IN THE REFORM ERA IN INDONESIA**

Ida Farida

University of Bandar Lampung, Indonesia

Refly Setiawan

University of Bandar Lampung, Indonesia

Asmaria

Saburai University, Indonesia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 08.02.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 16.09.2021</p>	<p>Abstract: In the “reform era” in Indonesia, political parties faced problems related to institutionalization, consolidating ideology, and sound platform. In addition, the party system in Indonesia is not yet compatible with the presidential system of government, so the government has not been effective. The study aims to identify the peculiarities of political parties and party systems in Indonesia developed during the reform era. The results showed that several factors made the level of party institutionalization not yet developed properly. First, the existing parties often experience draining and time-consuming conflicts so that there is no time to build the institutionalization of political parties. Second, party elites have not become party rules. And third, the party tradition that respects differences (democratic political culture) among party elites has not yet grown, elements of patrimonialism and even feudalism are still strong among party elites.</p> <p><i>The article is a research response to publications: Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chennai, Tokyo: World Scientific, 2017. 738 p.; Methodology and Praxis in Researching the Non-Western World: Dialogue between Alexei D. Voskressenski and Fred Eidlin as an Introduction to the Special Issue of “Comparative Politics Russia” // Comparative Politics Russia, 2019, No. 4, pp. 5-11.; “Non-Western Transformations” (special issue) // Comparative Politics Russia, 2019, No. 4. (Ed.)</i></p>
<p>About the authors:</p> <p><i>Ida Farida</i>, Doctor of Public Administration, Dean of Social and Political Science Faculty, Lecturer at the Department of Public Administration, University of Bandar Lampung</p> <p>e-mail: ida.farida@ubl.ac.id</p> <p><i>Refly Setiawan</i>, Lecturer at the Department of Public Administration, University of Bandar Lampung</p> <p>e-mail: reflly@ubl.ac.id</p> <p><i>Asmaria</i>, Lecturer at the Department of Public Administration, Saburai University, Universitas Sang Bumi Ruwa Jurai</p> <p>e-mail: asmarijisp@gmail.com</p>	
<p>Key words:</p> <p>political parties; party system; ideology; party recruitment; democracy; reformation era; Indonesia</p>	

The post-New Order state of Indonesia experienced changes in its political system, a shift from an authoritarian political system to a democratic one. Among the changes that have occurred is the guarantee of freedom of expression and associations and forms of political parties. Unlike the previous era, in the post-New Order era, which was known as the “reform era”, each group established a political party and there was no limitation on the number of them.

At the beginning of the reform, the number of political parties that had been established reached 184 parties, and 141 of them were approved as legal entities.

Of these, only 48 political parties met the requirements to participate in the 1999 elections. In the 2004 general elections, the number of political parties increased. More than 200 political parties are standing. Of the total number of political parties, only 50 political parties were approved as legal entities and only 24 political parties participated in the 2004 general elections.¹

In the 2009 elections, the number of political parties was around 132 parties, and around 22 political parties

¹ Miriam, B. Dasar-dasar Ilmu Politik. Jakarta: Gramedia, 2008. (In Indon.).

passed the verification so that they could participate in the elections plus 16 political parties, consisting of 7 political parties that passed the 3% electoral threshold (ET) and 9 political parties received seats in the House of Representatives. The total number of political parties participating in the 2009 general elections was 38 at the national level and 6 at the local in Nanggroe Aceh Darussalam (NAD).²

The problems which arise are related to the number of political parties formed and participated in elections, which are not directly proportional to the functions they carry out. The existence of political parties as one of the pillars of democracy that fights for the aspirations and interests of the people carries out political education, and resolves conflicts, has not been optimally implemented. Various surveys conducted by analytical centers say that the public is disappointed and dissatisfied with the existence of political parties since they do not fight for the people's aspirations and interests, but instead fight for the interests of their leaders³.

Political parties

In this "reform era" political parties appeared to face a crisis and had a bad image among people. This happens because they were not or had not been able to carry out their functions optimally⁴, could not mobilize and represent the interests of citizens, or represent a link between citizens with the government.

Such conditions are compounded by the problem of party institutionalization that has not yet been realized properly. What is meant by the institutionalization of political parties, according to S. Huntington, is the process of consolidating political parties either in the form of patterned behavior or in attitudes or culture. As he puts it, "institutionalization is the process by which organizations and procedures acquire value and stability."⁵ Huntington emphasized that in the context of political development what matters is not the number of parties, but the degree to which the robustness and adaptability of the party system take place. A party system is called strong and adaptable if it can absorb and unite all the new social forces that emerged as a result of modernization. From this point of view, the number of parties will only matter if it influences the system's capacity to set up the institutional channels needed to accommodate political participation.⁶

According to Huntington, a solid party system must have at least two capacities. Firstly, launching political

participation through party channels, to divert all forms of anomic and violent political activity. Secondly, it includes and channels the participation of many newly mobilized groups, which are intended to reduce the level of intense pressure faced by the political system. Thus, the political party system in Indonesia is still experiencing serious problems in terms of the institution and the implementation of internal democracy.⁷

S. Mainwaring stated that there are four requirements for a political party to be considered institutionalized. Firstly, the stability of competition between parties. In an institutionalized system, political parties play a major role in government. Secondly, the party has its roots in society. An institutionalized political party takes deep roots in society, with the average person choosing the same party and voting for it.⁸ Since political parties have strong "grassroots", various interest groups also tend to associate them with political parties. Thirdly, the legitimacy of political parties and elections. Party legitimacy and fair elections are considered democratic institutions that are important, desirable, and essential. Fourthly, political party organization. For an institutionalized political party, its resources are sufficient both materially and in human resources. Party leadership is not overshadowed by the interests of individual leaders, and the institutional process is working well.

Meanwhile, Erikson looked at internal democracy-based institutions, internal integrity, political identity related to party ideology, organizational resilience, and campaign capacity.⁹

Political parties and political party systems in the reform era

Despite the development of political parties in the reform era in Indonesia, they have not yet become a public institution that has responsibility or accountability for its voters. In the New Order era, political parties became the political "machines" of the rulers, so that they were more focused on the interests of maintaining the power of the ruler (status quo).¹⁰ When entering the reform era, it was as if political parties were shocked by the huge demands of the community but were not accompanied by good institution-building. Political parties today have not shown accountability to constituents.

In the reform era, they were also trapped in an oligarchic form in the strategic decision-making

² Firmanzah. *Pengelola Partai Politik*. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 2008. (In Indon.)

³ Farida, Ida; Lestari, Annisa. Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia // *RUDN Journal of Public Administration*, 2021, No. 1, pp. 72-79.

⁴ Inu Kencana, S. *Pengantar Ilmu Politik*. Bandung: Pustaka Reka Cipta, 2009. (In Indon.)

⁵ Setiawan, R.; Esti, M.; Sidorov, V.V. Islam and Politics in Indonesia // *RUDN Journal of Political Science*, 2020, Vol. 22 (4), pp. 731-740.

⁶ Setiawan, R. Peranan Etika Aparatur Sipil Negara Dalam Pelayanan Publik Pada Dinas Kependudukan Dan Catatan Sipil (Disdukcapil) Kota Bandar Lampung // *Jurnal e-JKPP*, 2016, Vol. 2 (2).

⁷ The list of all Indonesian parties can be seen in 2019 Republic of Indonesia Election Commission Online Portal by URL: <https://infopemilu.kpu.go.id/pileg2019/verpol/skparpol/>; Farida, Ida; Lestari, Annisa. Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia // *RUDN Journal of Public Administration*, 2021, No. 1, pp. 72-79.

⁸ Robin, F.; Peter, H. Young Muslim Women's Political Participation in Scotland: Exploring the Intersections of Gender, Religion, Class and Place // *Political Geography*, 2019, Vol. 74.

⁹ Mao, Z. Empirical Analysis of Rural Citizen's Politic Participation in the Underdeveloped Regions of Chinese Eastern Provinces // *Asian Social Science Review*, 2010, No. 6(5), pp. 160-174.

¹⁰ Ramlan, S. *Memahami Ilmu Politik*. Jakarta: Grasindo, 2010. (In Indon.)

process.¹¹ The trend so far shows that political party decision-making is closed and only determined by a small group of party elites. The key decision is usually made by a person or a tiny group of party elites: the problem of internal mechanisms in decision-making is characterized by centralization. The role of the central board is still dominant, and sometimes it differs from regional aspirations.

A party serves several functions, to wit: political education function, political recruitment, political communication, articulation and aggravation of interests, conflict resolution functions. The complaints that arise are that the political parties have not carried out their functions optimally.¹² In this context, the root of the problem relates to institutional failures. At least, there are three problems related to political institutions, namely¹³: ideology and platform, cohesiveness and conflict management, as well as recruitment and regeneration.

Ideology and party platform in Indonesia

Each political party is based on the ideology it wants to promote, which later forms its identity. To distinguish between one party from another, ideology criteria might be used. Apart from that, ideology is also the basis of struggle or ideals that a political party wants to achieve.¹⁴ Ideology defined as a system of values and norms is per se abstract. The ideology adopted by a political party needs to be translated into actions and symbols that are real and perceived clearly by the community.

The existence of an ideology is also an important guideline for political values in carrying out political programs and activities. It serves as a guide for every party member and administrator in translating this ideology into a party program or activity. In addition, ideology also serves as a framework for a political party in discussing and debating matters relating to economic, social, or political life.¹⁵ It is equally important that ideology for the party can become the basis for resolving social problems and then finding proper solutions.

As Rio Gunawan, the Chairman of the Indonesian Nasdem Party Branch, stated, that a way to translate the ideology is possessed by a political party into real and concrete things formulated in the form of a political party platform. The party platform contains general guidelines and an outline of the party's policy

in its contribution to solving the problems of the nation and state. The party platform is a blueprint, in which a system of values and norms (ideology) is translated and becomes the basis for the arrangement of political actions that are more concrete.¹⁶

Fery Triatmojo as a Chairman of the Election Commission of the Bandar Lampung City of Indonesia stated that the party platform is considered to be significant for two goals. Firstly, as an instrument of communication to the constituent masses, the party stands for. Besides reflecting the identity of the party, the platform also guides the party's direction when it has access to power. In this context, platforms can be seen as proposals that parties offer to constituents and the electorate. Secondly, the platform is the party's perspective on how the life of the nation and state in various fields should be managed. It is a derivative of party ideology, which contains the values, expectations, and normative direction of the party policy. Thus, for party members, the platform is a reference for attitudes and actions in their daily political life.¹⁷

What about the ideology and platforms of political parties in Indonesia? When referring to the basic principles that each political party formulates, in general, political parties are based on three ideologies, namely Islam, Nationalism, and Democratic Socialism.¹⁸

Islam as an ideology that is owned by Islamic parties has no difference between one Islamic party and another. Such parties are the Moon Star Party (PBB) and the National Awakening Party (PKB).

The Indonesian Democratic Party of Struggle (PDIP) and the Democratic Party (PD) were born from the same ideology, nationalism. However, in translating nationalism as an ideology, the Democratic Party and PDIP have different views. According to the Democratic Party, the spirit of nationalism is interpreted as not differentiating between race, ethnicity, nation, gender, profession, religion, and belief in one God. Meanwhile, the PDIP believes that nationalism is related to the nationalism perspective, as a spark of a sense of belonging to the nation and state which must be preserved.¹⁹

Nationalism attached to the Democratic Party of Struggle (PDIP) and subsequently continued by the PDIP was taken from the Marhaenism conception adopted by the 1927 Awakening of the Indonesian National Party (PNI), which was the forerunner of the PDIP nationalism ideology. Based on this nationalism-mechanism ideology, PDIP later adopted an identity as a populist party.²⁰

¹¹ Powell, M.; Barrientos, A. Welfare Regime and Welfare Mix // *European Journal of Political Research*, 2004, No. 43(1), pp. 83-105.

¹² Dahl, R.A. *Perihal Demokrasi: Menjelajahi Teori dan Praktek Demokrasi secara Singkat*. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia (Translated), 2001. (In Indon.)

¹³ Jo Thori, L. Rainy Day Politics. An Instrumental Variables Approach to the Effect of Parties on Political Outcomes // *European Journal of Political Economy*, 2020, Vol. 61, January.

¹⁴ Pratikno. Political parties in pilkada: some problem for democratic consolidation. In M. Erb & P. Sulistiyanto (Eds.), *Deepening Democracy in Indonesia? Direct Elections for Local Leaders*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2009.

¹⁵ Soelistiyati, I.G. *Pengantar Ilmu Politik*. Jakarta: Ghalia Indonesia, 2006. (In Indon.)

¹⁶ Interview with Rio Gunawan as Chairman of the Indonesian Nasdem Party, on 23 December 2020.

¹⁷ Interview with Fery Triatmojo as Chairman of the Election Commission of the Bandar Lampung City of Indonesia, on 24 January 2020.

¹⁸ Rahman, H.I. *Sistem Politik Indonesia*. Yogyakarta: Graha Ilmu, 2007. (In Indon.)

¹⁹ Haris, S. *Partai, Pemilu, dan Parlemen di Era Reformasi*. Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia, 2014. (In Indon.)

²⁰ Setiawan, R.; Esti, M.; Sidorov, V.V. Islam and Politics in Indonesia // *RUDN Journal of Political Science*, 2020, Vol. 22 (4), pp. 731-740.

The problem that arises is that the ideology possessed by each political party has not been translated into real and concrete actions. Even if there are programs and policies that they formulate, they are still general.

Recruitment and cadre of political parties in Indonesia

In each organization, members are the main source of support. In political parties, the role of members is significant because members serve as spokespersons to voice and disseminate party platforms and programs to the public. In addition, members are a source of regeneration that can produce political party leaders.

Political parties recruit members. The recruitment system includes a pattern of selection, ranking, and education for its members. Thus, someone is not able to automatically get a membership without going through a selection.²¹

A well-institutionalized political party will carry out regeneration and political education for its members on an ongoing basis. The purpose of regeneration and political education is to improve the quality of members so that later they will be able to face the problems and challenges that are always developing in the political life of society, nation, and state.²²

Cadre formation and political education are carried out by political parties to produce leaders. Therefore, institutionalized political parties carry out regular political education and leadership training. This education and training are organized in stages according to the level and scope of each management level.

The problem that has arisen in political parties today is the lack of institutionalization of the recruitment process. The way of selection, grading, and education for members is not carried out adequately. The phenomenon of “instant cadres” emerges, the unpreparedness of political parties in nominating candidates for legislative or executive members, which indicates that political parties do not use a systematic recruitment pattern.

Meanwhile, in the membership system, indeed all parties have used the Membership Card (KTA) for those who have become party members. However, the problem is that generally, political parties have no definite and accurate data on the number of members registered in each of the existing parties. There are only claims made by each political party. So far, only the number of party officials has been recorded properly.

Political parties today are still weak in terms of regeneration and political education. It must be admitted that several political parties have carried out a gradual regeneration process. However, the process of regeneration is still limited to the cadres' understanding of the vision and mission of the political party concerned.

²¹ Farida, I.; Setiawan, R. Leadership in Cope with Prostitute in Social Department of Bandar Lampung // *International Journal of Social Sciences and Development*, 2018, No. 2(1).

²² Firmanzah. *Pengelola Partai Politik*. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 2008. (In Indon.)

The problems of the party system in Indonesia

Hasni, the Chair of the Moon Star Party (PBB) Branch, stated that since independence until now, Indonesia has been building a party system based on a multiparty approach. During the Parliamentary Democracy era (1945-1959) there was a multiparty system with a high level of competition, while during the Lead Democracy era (1959-1965), even though they practice a multi-party system, there was no competition because the existing political parties had no legislative role. Likewise, the New Order era, with only three parties, was called a multi-party system. However, at this period there was a dominant political party, namely Golkar: a hegemonic party system was formed.²³

During the Reformation period, the state also supported a multiparty system. It was “hyper-multiparty” in fact. The multiparty system currently operating, similar to that during the Parliamentary Democracy, is experiencing polarization and fragmentation which in turn complicates the decision-making process in the legislature. Several examples and cases that were shown by the DPR regarding the use of interpellation rights, inquiry rights, etc. recently are sufficient as evidence to show the existence of these negotiations.

The problem is how to create a working multiparty system. Of course in the process of “simplification”, the party should be created naturally, unlike the Guided Democracy and New Order regimes. The Political Party Law and the Election Law try to decrease the number of parties by applying strict conditions for the establishment or formation of political parties and imposing an electoral threshold to be able to participate in elections. Another way is to implement a district electoral system. As Duverger believed the district system fosters political parties integration.²⁴ Meanwhile, the proportional system tends to facilitate party fragmentation and the emergence of new political parties. This system is considered to have the effect of increasing their number.

Indeed, the advantages of the district system can simplify the number of parties because there is only one seat contested in each electoral district. This will encourage parties to set aside existing differences and foster cooperation. With fewer parties, this will in turn increase cooperation between the parties and facilitate the formation of a stable government and enhance national stability. In addition, the district system can improve the quality of representation because the elected representatives can be recognized by the population of the district so that they have a closer relationship with representatives, and thus they will encourage to fight for their aspirations.

Although the district system is recognized as being able to simplify the number of political parties, the options for Indonesia at this time are not yet able

²³ Interview with Hasni as the Chair of the Moon Star Party (PBB) Branch, on 23 December 2020.

²⁴ Setiawan, R. Partisipasi Publik Dalam Program Bantuan Listrik Pedesaan Masyarakat Kabupaten Mesuji // *Jurnal e-JKPP*, 2017, Vol. 3(3).

to implement it. This is because it is well known, the Indonesian nation is very heterogeneous. Such a decision of implementing the district system means that existing groups, especially minority groups, will be less represented.

Conclusion

In this reform era, political parties have become an important institution for Indonesia. They are believed to be the strategic instruments for the development of Indonesian democracy in the future. Although there have been various reactions to the existence of political parties today, all parties agree that democracy will be better if political parties are professional and accountable. This challenge is a tough task that must be shared by all components of the nation where the presence of professional, democratic, and accountable political parties is a necessity today.

The party is one of the pillars of democracy itself. There are at least three reasons why political parties are necessary for democracy to function. Firstly, political parties are the main vehicle for political representation; secondly, political parties are the main mechanism for public administration; thirdly, political parties are the main channel for maintaining democratic accountability.

For political parties to function properly efforts that need to be done include strengthening the institutions of political parties so that they become strong democratic institutions. In this context, efforts to strengthen party platforms, regeneration, political recruitment, and create internal party cohesiveness, are a necessity that must be carried out immediately. If these factors are developed, then, in turn, the party system will cement a democratic regime.

References:

- Dahl, R.A.* Perihal Demokrasi: Menjelajahi Teori dan Praktek Demokrasi secara Singkat. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia (Translated), 2001. (In Indon.)
- Farida, Ida; Lestari, Annisa.* Implementation of E-Government as a Public Service Innovation in Indonesia // *RUDN Journal of Public Administration*, 2021, No. 1, pp. 72-79.
- Farida, I.; Setiawan, R.* Leadership in Cope With Prostitute in Social Department of Bandar Lampung // *International Journal of Social Sciences And Development*, 2018, No. 2(1).
- Firmanzah.* Pengelola Partai Politik. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 2008. (In Indon.)
- Haris, S.* Partai, Pemilu, dan Parlemen di Era Reformasi. Jakarta: Yayasan Pustaka Obor Indonesia, 2014. (In Indon.)
- Inu Kencana, S.* Pengantar Ilmu Politik. Bandung: Pustaka Reka Cipta, 2009. (In Indon.)
- Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chennai, Tokyo: World Scientific, 2017. 738 p.
- Jo Thori, L.* Rainy Day Politics. An Instrumental Variables Approach to the Effect of Parties on Political Outcomes // *European Journal of Political Economy*, 2020, Vol. 61, January.
- Mao, Z.* Empirical Analysis of Rural Citizen's Politic Participation in the Underdeveloped Regions of Chinese Eastern Provinces // *Asian Social Science Review*, 2010, No. 6(5), pp. 160-174.
- Methodology and Praxis in Researching the Non-Western World: Dialogue between Alexei D. Voskressenski and Fred Eidlin as an Introduction to the Special Issue of "Comparative Politics Russia" // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 5-11.
- Miriam, B.* Dasar-dasar Ilmu Politik. Jakarta: Gramedia, 2008. (In Indon.)
- Powell, M.; Barrientos, A.* Welfare Regime and Welfare Mix // *European Journal of Political Research*, 2004, No. 43(1), pp. 83-105.
- Pratikno. Political parties in pilkada: some problem for democratic consolidation. In M. Erb & P. Sulistiyanto (Eds.), *Deepening Democracy in Indonesia? Direct Elections for Local Leaders*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2009.
- Rahman, H.I.* Sistem Politik Indonesia. Yogyakarta: Graha Ilmu, 2007. (In Indon.)
- Ramlan, S.* Memahami Ilmu Politik. Jakarta: Grasindo, 2010. (In Indon.)
- Robin, F.; Peter, H.* Young Muslim Women's Political Participation in Scotland: Exploring the Intersections of Gender, Religion, Class and Place // *Political Geography*, 2019, Vol. 74.
- Setiawan, R.* Partisipasi Publik Dalam Program Bantuan Listrik Pedesaan Masyarakat Kabupaten Mesuji // *Jurnal e-JKPP*, 2017, Vol. 3(3).
- Setiawan, R.* Peranan Etika Aparatur Sipil Negara Dalam Pelayanan Publik Pada Dinas Kependudukan Dan Catatan Sipil (Disdukcapil) Kota Bandar Lampung // *Jurnal e-JKPP*, 2016, Vol. 2 (2).
- Setiawan, R.; Esti, M.; Sidorov, V.V.* Islam and Politics in Indonesia // *RUDN Journal of Political Science*, 2020, Vol. 22 (4), pp. 731-740.
- Soelistiyati, I.G.* Pengantar Ilmu Politik. Jakarta: Ghalia Indonesia, 2006. (In Indon.)

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10047

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ В ЭПОХУ РЕФОРМ В ИНДОНЕЗИИ

Фарида Ида

Университет Бандар-Лампунг, Индонезия

Сетиаван Рефли

Университет Бандар-Лампунг, Индонезия

Асмария

*Университет Сабурай, Индонезия***Информация о статье:***Поступила в редакцию:*

8 февраля 2021

Принята к печати:

16 сентября 2021

Об авторах:

Фарида Ида, доктор государственного управления, декан факультета социальных и политических наук, кафедры государственного управления, Университет Бандар-Лампунг

e-mail: ida.farida@ubl.ac.id

Сетиаван Рефли, преподаватель, кафедра государственного управления, Университет Бандар-Лампунг

e-mail: refly@ubl.ac.id

Асмария, преподаватель, кафедра государственного управления Университета Сабурай

e-mail: asmariajisip@gmail.com

Ключевые слова:

политические партии; партийная система; идеология; партия; демократия; эпоха реформ; Индонезия

Аннотация: В эпоху реформ в Индонезии политические партии столкнулись с проблемами, связанными с институционализацией, консолидацией идеологии и формированием прочной платформы. Кроме того, партийная система в Индонезии остается несовместимой с президентской системой правления, поэтому правительство не может быть эффективным. Исследование направлено на выявление особенностей политических партий и партийных систем Индонезии, сложившихся в эпоху реформ. Результаты показали, что сформировалось несколько факторов, из-за которых уровень партийной институционализации еще не развился должным образом. Во-первых, существующие партии часто сталкиваются с серьезными конфликтами. Во-вторых, партийные элиты не сформировали четкие партийные правила. В-третьих, партийная традиция, уважающая различия (демократическая политическая культура) среди партийных элит, еще не созрела, элементы патриархализма и даже феодализма все еще сильны среди партийных элит.

Статья представляет собой исследовательский отклик на публикацию: Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chennai, Tokyo: World Scientific, 2017. 738 p.; Методология и практика исследований Незападного мира: диалог А.Д. Воскресенского и Фрэда Эйдлина. Вступительная статья к специальному номеру // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 5-11. [Methodology and Praxis in Researching the Non-Western World: Dialogue between Alexei D. Voskressenski and Fred Eidlín as an Introduction to the Special Issue of "Comparative Politics Russia" // Comparative Politics Russia, 2019, No. 4, pp. 5-11.]; Незападные трансформации (специальный номер) // «Сравнительная политика», 2019, № 4. (Прим.ред.)

Для цитирования: Farida, Ida; Setiawan, Refly; Asmaria. Political Parties and Party Systems in the Reform era in Indonesiat // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 157-162.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10047

For citation: Farida, Ida; Setiawan, Refly; Asmaria. Political Parties and Party Systems in the Reform era in Indonesiat // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 157-162.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10047

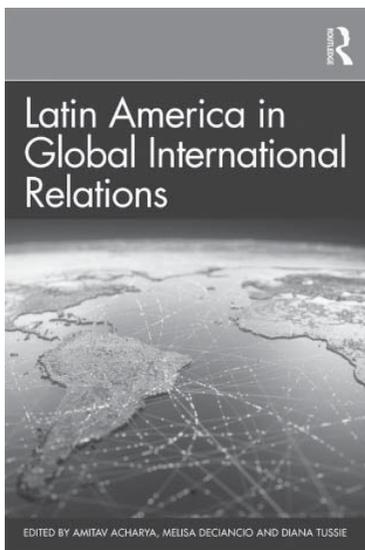
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Размышляя о книге: *Latin America in Global International Relations*.
Ed. by Amitav Acharya, Melisa Deciancio, Diana Tussie. Routledge, 2022. 267 p.

Денис Андреевич Кузнецов

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: Поступила в редакцию: 29 августа 2021 Принята к печати: 24 сентября 2021</p>	<p>Аннотация: Размышляя о книге: <i>Latin America in Global International Relations</i>. Ed. by Amitav Acharya, Melisa Deciancio, Diana Tussie. Routledge, 2022. 267 p.</p>
<p>Об авторе: кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, сотрудник, Центр комплексного изучения и региональных процессов, МГИМО МИД России e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru</p>	
<p>Ключевые слова: теория международных отношений; Латинская Америка; международные отношения; мировая политика; незападные теории</p>	

Значение дискуссий о незападных теориях международных отношений (ТМО), развитие которых пришлось на последнее десятилетие и, кажется, набирает обороты, трудно переоценить. Новые реалии, обусловленные структурной переконфигурацией как современной системы международных отношений, так и основ всей политической организации мира, обуславливают необходимость не только переоценки эвристического потенциала классических парадигм теории международных отношений, не только учета наработок и призывов к деконструкции обиходных в науке о международных отношениях понятий, но и оценки голоса периферии, академических кругов тех сегментов мирового политического пространства, которые традиционно оказывались «выключенными» из глобального научного дискурса.

В настоящее время обсуждение незападных теорий привлекает особое внимание ученых, перед которыми открываются возможности сопоставления, соотнесения, критической оценки и принятия интеллектуального багажа, обнаруженного в дис-

курсах национальных школ международных отношений.

Усилия, которые предпринимали и продолжают предпринимать как зарубежные¹, так и российские² авторы, не оказались напрасными.

Вместе с тем, дискуссия о теории международных отношений, при попытке упрощенного и обобщенного взгляда, может быть разделена на два направления, исходящих из различной аксиоматики. Первое исходит из глобальности теории международных отношений, которая не может распадаться на национальные и/или региональные подходы³. Аргументация такого подхода исходит из принятия неразрывности той или иной науки, в основе которой стоят принципы объективности и универсальности, а никак не разобренных картин мира, обусловленных национальной, цивилизационной или иной другой спецификой. Задача теории междуна родных отношений, в таком случае, заключается в соотношении существующих концепций с

реалиями и адаптация концептуального аппарата к новым тенденциям, при этом, если не игнорируя локальные наработки, то точно не придавая им первостепенного значения. Второе направление базируется на дискурсивной природе науки, в которой могут формироваться доминирующие концепции, ставшие таковыми ввиду определенных исторических, политических, гендерных, экономических и иных факторов. Задача, которая ставится в рамках данного направления, заключается в вскрытии этих факторов, демонстрации ограниченности и политизированности главенствующих концепций, а также в построении истинно глобальной картины мира – иными словами, глобальной теории международных отношений: существующая ТМО устарела, она не может объяснить то многообразие явлений, которым мир пестрит; западоцентричная ТМО лишь закрепляет доминирование Запада, которое в реальности больше не имеет оснований. Возможно формирование и некоего промежуточного, прагматично-взвешенного подхода, нацеленного на «примирение» вышеуказанных направлений, однако, его сторонников, вероятно, оказывается пока немного.

Как известно, два авторитетных исследователя А. Ачария и Б. Бузан в своей работе о незападных теориях международных отношений предложили несколько гипотез о причинах доминирования западной теории. Среди них – правота западных исследователей в понимании природы международных отношений; историко-политические условия, обусловившие доминирование западных школ; начальный этап развития незападных подходов⁴ и т.д. Работа А. Ачарии и Б. Бузана оставляла широкое поле для дискуссий и получила широкую критическую оценку и, одновременно с этим, придала импульс исследованию «незападного» интеллектуального багажа стран Азии, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки.

Начало XXI века связывали с ростом влияния латиноамериканских стран в мировой политике. Бурный рост региона, усилия региональных лидеров Латинской Америки по расширению своего глобального влияния, интенсивное регионостроительство и поиск собственной цивилизационной идентичности привели к тому, что XXI век должен был стать «веком Латинской Америки». Сегодня ситуация изменилась: в регионе нарастают кризисные тенденции, речь идет о новом «потерянном десятилетии», ключевые региональные игроки перешли по сути к изоляционистской политике; в регионе разрушаются еще недавно считавшиеся перспективными региональные интеграционные блоки, стагнируют региональные форумы, нарастают межгосударственные противоречия и разрастается вакуум власти. Это резкое, скачкообразное развитие, в принципе свойственное региону, привлекает интерес исследователей, в том числе и к национальным и региональным концепциям теории международных отношений.

⁴ Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia. Ed. by A. Acharya, B. Buzan. New York; London, 2010. 256 p.

¹ Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia. Ed. by A. Acharya, B. Buzan. New York; London, 2010. 256 p.; Yong-Soo Eun. What Is at Stake in Building “Non-Western” International Relations Theory? Routledge, 2018. 122 p.; Hobson, J. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory. 1760-2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 393 p., и др

² Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017; Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектуры: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китая своего места // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 5-26. [Voskressenski, Alexei D. Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki: praktika i teoriya pereosmysleniya mnogomernogo mira i poisk Kitayem svoego mesta. Predisloviye glavnogo redaktora k № 4, 2020 i №1, 2021 (The Logic of the New World Architectonics: Praxis and Theory of Rethinking Multidimensional World and China's Search of Its Place) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 5-26.]; Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с. [Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategy of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. 576 p.]; Еремин А., Борзова А.Ю., Дегтерев Д.А. Новая дискуссия о незападных теориях международных отношений в Латинской Америке // Латинская Америка. 2021. № 6. С. 97-105. [Eremin, A.; Borzova, A.Yu.; Degterev, D.A. Novaya diskussiya o nezapadnykh teoriyakh mezhdunarodnykh otnosheniy v Latinskoy Amerike (New Discussion on Non-Western Theories of International Relations in Latin America) // *Latinskaya Amerika*, 2021, No. 6, pp. 97-105]; Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29-43. [Alekseeva, T.A.; Lebedeva, M.M. Chto proiskhodit s teoriyey mezhdunarodnykh otnosheniy (What Happens to the Theory of International Relations) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2016, No. 1, pp. 29-43.]; The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2019. 228 p. и др.

³ Лебедева М.М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 2. С. 246-256. [Lebedeva, M.M. Nezapadnyye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: mif ili real'nost'? (Non-Western Theories of International Relations: Myth or Reality?) // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2017, No. 2, pp. 246-256.]

Несомненной успешной попыткой издать обобщающую работу в данной области стала коллективная монография «Латинская Америка в глобальных международных отношениях» (“Latin America in Global International Relations”), изданной под редакцией профессора А. Ачарии (Amitav Acharya) и аргентинских исследователей М. Десьянсо (Melisa Deciancio) и Д. Тасси (Diana Tussie) в издательстве Routledge⁵. Необходимо подчеркнуть, что это не первый опыт осмысления латиноамериканской внешнеполитической мысли⁶, но данная работа отличается более амбициозными задачами.

Большая и хорошо структурированная монография нацелена на раскрытие места латиноамериканских теоретических наработок в глобальной теории международных отношений. При этом необходимо подчеркнуть, что под глобальной теорией международных отношений сам А. Ачария понимает развивающуюся область знаний, интегрирующую теоретические наработки не только западных, лидирующих ученых и академических центров, но и концепции, родившиеся в незападных школах. Собственно, на создание подлинно глобальной теории международных отношений и направлена вся научная деятельность этого исследователя. Именно это позволяет отнести самого А. Ачарию и его соавторов ко второму, критическому, направлению дискуссий о западных теориях.

Сложность изучения латиноамериканского опыта с этой точки зрения сопряжено, однако, с несколькими проблемами. Первая связана с тем, что развитие науки о международных отношениях в странах региона сложно однозначно отнести как к «незападным», так и к «западным». Латиноамериканская международно-политическая мысль представляет собой скорее адаптированный и переосмысленный вариант классических западных парадигм, хотя это переосмысление и носит характер несомненной новизны и собственной значимости. В самом регионе говорят, скорее, о другой дихотомии, прочно обосновавшейся не только в научном, но и в политическом дискурсе региона: глобальный Юг и глобальный Север. Вторая проблема связана с тем, что «латиноамериканская ТМО» долгое время оставалась действительно скрыта от оценки в других регионах мира: это обусловлено не только, и не столько языком (в отличие от многих других работ), сколько, очевидно, отсутствием признания в мире оригинальности и ценности «периферийной» латиноамериканской мысли. Третья проблема, как представляется, исходит из особенностей самих концепций: по мнению ряда исследователей, в академической мысли в регионе практика и рассуждения

о путях решения насущных региональных проблем превалирует над теоретизированием, что создает благоприятную почву для критики подходов⁷. Исторически само появление первых работ в области международных отношений было действительно связано с осознанной необходимостью преодолеть периферийный характер развития, достичь цели модернизации, решить хронические социально-экономические проблемы (одним из ярких примеров такого практического теоретизирования являются труды известнейшего аргентинского ученого Р. Пребиша, а также – в последующем – бразильских авторов Ф. Кардозу и С. Фуртаду). Как представляется, авторам монографии не везде удалось осмыслить и преодолеть данные проблемы.

Сильными сторонами монографии является ее комплексный характер, нацеленность на всестороннее исследование латиноамериканской международно-политической мысли, привлечение самих латиноамериканских авторов для подготовки проекта. Авторы последовательно освещают взгляды латиноамериканских исследователей на структуру и направления эволюции современного мирового порядка, а также раскрывают ряд популярных и широко используемых в странах региона концепций (девелопментализм – *desarrollismo*, теория зависимости – *dependencia*, автономия, периферийный реализм, постгегемонический регионализм). При этом по какой-то причине вне подробного разбора (или вообще без упоминания) остаются другие интересные концепции – средних держав (*medium powers*), взаимной многосторонности (*multilateralism of reciprocity*), больших периферийных государств (*big peripheral states*), двойной асимметрии (*double asymmetry*)⁸ и пр.

Несомненный интерес представляют попытки соавторов раскрыть те или иные концепции. Так, К.-А. Шульц раскрывает понятие «*agency*», которое трудно переводится на русский язык и означает способность в соответствии со структурными ограничениями и трансформировать их, противопоставляя его другому распространенному понятию «автономии» (*autonomy*) – способности достигать внешнеполитические цели. На различных примерах автор показывает, как латиноамериканские страны, традиционно относящиеся к периферии, смогли продвигать свое видение международных норм. Автор приводит примеры международных соглашений

⁷ Косевич Е. Приоритет практики над теорией: латиноамериканские концепции в области международных отношений. Проект «Незападные ТМО» / РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/nonwestern-latinamerica> [Kosevich, E. Prioritet praktiki nad teoriyey: latinoamerikanskiye kontseptsiy v oblasti mezhdunarodnykh otosheniy (The Priority of Practice over Theory: Latin American Concepts in the Field of International Relations). Projekt «Nezapadnyye TMO» / Russian Council on International Affairs. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/nonwestern-latinamerica>]

⁸ Данные концепции кратко рассматриваются, например, в обобщающей работе: Bernal-Meza, Raúl. Contemporary Latin American Thinking on International Relations: Theoretical, Conceptual and Methodological Contributions // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2016, No. 1.

⁵ Latin America in Global International Relations. Ed. by Amitav Acharya, Melisa Deciancio, Diana Tussie. Routledge, 2022. 267 p.

⁶ Например: Lowenthal, Abraham F. Research in Latin America and the Caribbean on International Relations and Foreign Policy: Some Impressions // *Latin American Research Review*, 1983, Vol. 18, No. 1, pp. 154-174; Bernal-Meza, Raúl. Contemporary Latin American Thinking on International Relations: Theoretical, Conceptual and Methodological Contributions // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2016, No. 1.

в области гуманитарного права, прав человека, а также морского права, где влияние латиноамериканских представителей, политиков, юристов было действительно велико. Можно также вспомнить, какую важную роль латиноамериканская международно-правовая мысль внесла в развитие правил убежища, формирования региональных безъядерных зон, невмешательства и т.д.

Еще одной интересной концепцией, раскрываемой авторами, являются «региональные общественные договоры» (*regional social compacts*), которые способны объяснить характер гегемонистических порядков в регионах за счет создания прочных элитарных сетей, признающих, легитимизирующих и даже институционализирующих властные отношения между государствами. Автор, М. Спектор, убедительно иллюстрирует подобные практики политикой США в регионе Латинской Америки в эпоху Холодной войны.

Взгляды латиноамериканских авторов на структуру мирового порядка развивает известный бразильский международник О. Штюнкель, автор фундаментальной работы об истории и проблемах БРИКС. Им раскрывается региональный срез работ о «пост-западном мире», мире, в котором Запад более не доминирует ни экономически, ни политически, а западные страны, наоборот, приобретают важную способность влиять на эволюцию мирового порядка и формирование международной повестки дня.

Общее впечатление от книги позволяет заключить, что в Латинской Америке народились собственные направления международно-политических исследований и теоретизирования в области мировой политики. Однако, необходимо отметить, и это подтверждается чтением глав работы, что латиноамериканская международно-политическая мысль развивается, в основном, в рамках постколониальных исследований и международной политической экономики. Это не удивительно, ведь сердцевины обоих направлений исследований – проблемы постколониального развития, формирования собственной латиноамериканской идентичности и борьбы за преодоление периферийного статуса, нацеленность на решение структурных экономических проблем – самым очевидным образом связаны с исторической судьбой всей Латинской Америки – от Рио-Брандель-Норте до Тьерра-дель-Фуэго. В рамки постколониальных исследований и международной политэкономии укладываются фактически все концепции латиноамериканских авторов – от теорий развития до теорий регионализма: все они призваны решить проблемы периферийности и отсталости, исследовать проблемы гегемонии и неравенства (отсюда рост и гендерных, феминистических исследований в регионе, равно как и распространение радикальных идеологий, многие из которых опираются на идеи марксизма и пр.). Связанной с ними когортой исследований являются и совсем упомянутые в рецензируемой монографии исследования значения подавленных, лишенных прав малых групп (*subaltern studies*), набирающих популярность

в регионе в связи с положением коренных народов и оценкой их роли в становлении латиноамериканской идентичности.

Эта особенность имеет важнейшее значение для осмысления всей «латиноамериканской ТМО». Могут ли концепции, созданные вокруг латиноамериканского опыта и с учетом региональной специфики, иметь глобальный характер и объяснять явления и трансформации глобального порядка? Могут ли, скажем, девелопменталистские теории, отражающие исторические, социально-политические и политические реалии латиноамериканских обществ, быть применимы для других регионов? Если ответ на оба вопроса положительный, то ценность таких западных наработок является непреходящей; если ответ отрицательный, то формирование «глобальной теории международных отношений» становится сомнительной задачей.

Удивляет, что авторы и редакторы не дают собственной оценки этой сложной проблеме. Книга, в этом смысле, носит несколько «поскутный» характер, интересный калейдоскоп идей и размышлений, но упускает самое важное – обобщение исследованного, найденного, осмысленного. И если авторы и ставят перед собой более узкую задачу, чем, например, коллектив авторов другого добротного исследования – «Routledge Handbook of Latin America in the World»⁹, – посмотреть именно на интеллектуальный вклад латиноамериканских авторов, по плотности и обобщенности представленных данных рецензируемая работа даже уступает ей. Может ли латиноамериканская теория международных отношений иметь эвристический потенциал для описания глобальных явлений? Представляется, что на современном этапе весь фокус региональных разработок нацелен на осмысление регионального опыта. Для того, чтобы самые эвристические из существующих концепций (*agency, autonomy, regional social compacts*) прочно вошли в глобальную теорию международных отношений предпринятых интеллектуальных усилий, очевидно, недостаточно, при этом развивать их крайне необходимо. В этом смысле, несмотря на принципиальные недостатки рецензируемой монографии, авторы внесли ценный вклад в осмысление западных теорий и их критическую оценку. Текст заставляет читателя расширить горизонты, осознать многообразие локального опыта, открыть для себя новые имена и школы, сопоставлять, критиковать, обнаруживать, размышлять. В этом и заключается главное достоинство книги «Latin America in Global International Relations».

⁹ Routledge Handbook of Latin America in the World. Ed. by Jorge I. Domínguez and Ana Covarrubias. New-York: Routledge, 2015. 481 p.

Литература:

Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29-43.

Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 5-26.

Еремин А., Борзова А.Ю., Дегтерев Д.А. Новая дискуссия о незападных теориях международных отношений в Латинской Америке // Латинская Америка. 2021. № 6. С. 97-105.

Косевич Е. Приоритет практики над теорией: латиноамериканские концепции в области международных отношений. Проект «Незападные ТМО» / РСМД. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/nonwestern-latinamerica>

Лебедева М.М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 2. С. 246-256.

Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.

Bernal-Meza, Raúl. Contemporary Latin American Thinking on International Relations: Theoretical, Conceptual and Methodological Contributions // Revista Brasileira de Política Internacional, 2016, No. 1.

Hobson, J. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory. 1760-2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 393 p.

Latin America in Global International Relations. Ed. by Amitav Acharya, Melisa Deciancio, Diana Tussie. Routledge, 2022. 267 p.

Lowenthal, Abraham F. Research in Latin America and the Caribbean on International Relations and Foreign Policy: Some Impressions // Latin American Research Review, 1983, Vol. 18, No. 1, pp. 154-174.

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia. Ed. by A. Acharya, B. Buzan. New York; London, 2010. 256 p.

Routledge Handbook of Latin America in the World. Ed. by Jorge I. Domínguez and Ana Covarrubias. New York: Routledge, 2015. 481 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2019. 228 p.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017.

Yong-Soo Eun. What Is at Stake in Building “Non-Western” International Relations Theory? Routledge, 2018. 122 p.

References:

Alekseeva, T.A.; Lebedeva, M.M. Chto proiskhodit s teoriyey mezhdunarodnykh otnosheniy (What Happens to the Theory of International Relations) // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*, 2016, No. 1, pp. 29-43.

Bernal-Meza, Raúl. Contemporary Latin American Thinking on International Relations: Theoretical, Conceptual and Methodological Contributions // *Revista Brasileira de Política Internacional*, 2016, No. 1.

Eremin, A.; Borzova, A.Yu.; Degterev, D.A. Novaya diskussiya o nezapadnykh teoriyakh mezhdunarodnykh otnosheniy v Latinskoy Amerike (New Discussion on Non-Western Theories of International Relations in Latin America) // *Latinskaya Amerika*, 2021, No. 6, pp. 97-105.

Hobson, J. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory. 1760-2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 393 p.

Kosevich, E. Prioritet praktiki nad teoriyey: latinoamerikanskiye kontseptsii v oblasti mezhdunarodnykh otnosheniy (The Priority of Practice over Theory: Latin American Concepts in the Field of International Relations). Projekt «Nezapadnyye TMO» / Russian Council on International Affairs. Mode of access: <https://russiancouncil.ru/nonwestern-latinamerica>

Latin America in Global International Relations. Ed. by Amitav Acharya, Melisa Deciancio, Diana Tussie. Routledge, 2022. 267 p.

Lebedeva, M.M. Nezapadnyye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: mif ili real'nost'? (Non-Western Theories of International Relations: Myth or Reality?) // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 2017, No. 2, pp. 246-256.

Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki i strategii derzhav (The Logic of the New World Order Architectonics and the Strategy of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskkiye izyskaniya, 2021. 576 p.

Lowenthal, Abraham F. Research in Latin America and the Caribbean on International Relations and Foreign Policy: Some Impressions // *Latin American Research Review*, 1983, Vol. 18, No. 1, pp. 154-174.

Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia. Ed. by A. Acharya, B. Buzan. New York; London, 2010. 256 p.

Routledge Handbook of Latin America in the World. Ed. by Jorge I. Domínguez and Ana Covarrubias. New York: Routledge, 2015. 481 p.

The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia. Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2019. 228 p.

Voskressenski, Alexei D. Logika novoy miroustroitel'noy arkhitektoniki: praktika i teoriya pereosmysleniya mnogomernogo mira i poisk Kitayem svoego mesta. (The Logic of the New World Architectonics: Praxis and Theory of Rethinking Multidimensional World and China's Search of Its Place) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 4, pp. 5-26.

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017.

Yong-Soo Eun. What Is at Stake in Building “Non-Western” International Relations Theory? Routledge, 2018. 122 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10048

LATIN AMERICAN THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS: GLOBAL AND REGIONAL DIMENSIONS

Discussing the book: Latin America in Global International Relations. Ed. by Amitav Acharya, Melisa Deciancio, Diana Tussie. Routledge, 2022. 267 p.

Denis A. Kuznetsov

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 29.08.2021</p> <p><i>Accepted:</i> 24.09.2021</p>	<p>Abstract: Discussing the book “Latin America in Global International Relations. Ed. by Amitav Acharya, Melisa Deciancio, Diana Tussie. Routledge, 2022. 267 p.”</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of World Politics; Researcher, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University</p> <p>e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru</p>	
<p>Key words: Theory of International Relations; Latin America; International relations; world politics; non-Western theories</p>	

Для цитирования: Кузнецов Д.А. Латиноамериканская теория международных отношений: глобальное и региональное измерения // *Сравнительная политика*. 2021. № 4. С. 163-168.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10048

For citation: Kuznetsov, Denis A. Latinoamerikanskaya teoriya mezhdunarodnykh otshoseniy: global'noye i regional'noye izmereniya (Latin American Theory of International Relations: Global and Regional Dimensions) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 4, pp. 163-168.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10048

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СЕКЦИЯ «ЛОГИКА НОВОЙ МИРОУСТРОИТЕЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ, СТРАТЕГИИ ДЕРЖАВ И ПОИСК КИТАЕМ СВОЕГО МЕСТА В МИРЕ» НА XIII КОНВЕНТЕ РАМИ

Центром комплексного китаеведения и региональных проектов (ЦККРП) МГИМО МИД России в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований была организована секция «Логика новой мироустроительной архитектуры, стратегии держав и поиск Китаем своего места в мире».

14 октября 2021 г. работу секции открыл модератор – директор ЦККРП, главный редактор журнала «Сравнительная политика», профессор А.Д. Воскресенский. В своем докладе он отметил особую важность создания национально-ориентированной теории международных отношений, проанализировал логику мироустроительной архитектуры, которая подталкивает этот процесс, остановился на практикоориентированных аспектах теоретических построений в области глобальной политики, международных отношений и региональной проблематики, подчеркнул актуальность такого рода исследований на фоне значительного повышения роли Китая в процессах глобального характера, в связи с чем постулировал формирование «китайского мегатренда» в мировой политике.

Работа секции протекала по четырем основным направлениям:

- Логика мироустроительной архитектуры;
- Стратегии держав и формирующиеся региональные порядки;
- Формирование китайского мегатренда;
- Поиск Китаем своего места в мире.

Проведение каждого из направлений подразумевало выступление участников с докладами и последующее обсуждение проблематики всеми участниками секции. В результате развернувшейся на секции конструктивной научной дискуссии и особого интереса докладчиков к обсуждению наиболее значимых и дискуссионных вопросов мирового устройства, модератору участниками было предложено выделить дополнительное время, выходящее за пределы формального окончания работы секции.

В работе секции приняли активное участие представители ЦККРП МГИМО МИД России, других центров МГИМО, как то ИМИ МГИМО, Центра АСЕАН при МГИМО, кафедр Европейского права, мировых политических процессов МГИМО МИД России, российских университетов и исследовательских центров, таких как ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, ИДВ РАН, Институт Африки РАН, ИВ РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, НИУ ВШЭ, НИУ ВШЭ СПб, ИСАА МГУ

имени М.В. Ломоносова, ДВФУ, НГУ им. Н.Н. Лобачевского, Бурятский Государственный Университет им. Д. Банзарова, РУДН, НГТУ, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Северо-Западный Институт Управления РАН-ХиГС, других исследовательских центров России, а также в качестве слушателей представители секретариата Апостольского Нунция в РФ, научных и экспертных кругов зарубежных стран Турции, Китая (САР Гонконг), представители российского бизнеса, НКО и СМИ, аспиранты, ассистенты и студенты МГИМО и РУДН.

Всего на секции с докладами и в дискуссии выступило более 50 участников. В связи с нынешней эпидемиологической обстановкой мероприятие прошло в смешанном формате с подключением к работе через онлайн-платформу Zoom.

Также на секции были презентованы новые фундаментальные научные исследования Центра комплексного китаеведения и региональных проектов: монографии «Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав» (под редакцией проф. А.Д. Воскресенского), «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» (под ред. А.Д. Воскресенского), «China's Infinite Transition and Its Limits: Economic, Military, and Political Dimensions» (отв. ред. – профессор А.Д. Воскресенский, авторы – А.Д. Воскресенский, М.В. Карпов и В.Б. Кашин).

Работа секции прошла при информационной поддержке журнала «Сравнительная политика» и содействия активистов Китайского клуба НСО МГИМО.

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРА КОМПЛЕКСНОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ МГИМО МИД РОССИИ И ЖУРНАЛ «СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» НА XIII КОНВЕНТЕ РАМИ

На организованной в рамках XIII Конвента РАМИ масштабной книжной выставке были представлены подборка новых и тематических номеров журнала «Сравнительная политика», а также новая научная литература фундаментального характера, подготовленная усилиями Центра комплексного

китаеведения и региональных проектов, под редакцией профессора А.Д. Воскресенского: «Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав» и «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы».

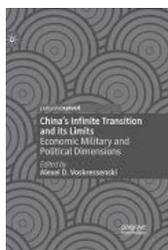
Сотрудники издательства, а также студенты-волонтеры из Китайского клуба НСО МГИМО презентовали издания, рассказали о журнале и ответили

на вопросы гостей Конвента, которые проявили интерес к фундаментальным исследованиям, а также к сотрудничеству с журналом.

В рамках секции «Логика новой мироустроительной архитектуры, стратегии держав и поиск Китая своего места в мире» модератор профессор А.Д. Воскресенский рассказал о работе над специализированными тематическими номерами журнала, о подготовке фундаментальных исследований центра, а также о фундаментальных международных публикациях Центра – «China's Infinite Transition and its Limits: Economic, Military, and Political Dimensions» и «The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia», вызвавших большой интерес международного научно-аналитического сообщества. На презентации также были представлены фундаментальные публикации смежной проблематики, о которых в ходе своих выступлений рассказали заведующий кафедрой Европейского права М.Л. Этин и доцент РУДН Е.Н. Грачиков.

ОТКЛИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА НА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРА КОМПЛЕКСНОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ МГИМО МИД РОССИИ

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ:

Alexei D. Voskressenski, Mikhail Karpov, Vasily Kashin
China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions.
Ed. by Alexei D. Voskressenski.
Springer Nature Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. 120 p.¹

Рецензия: Chih-yu Shih (2021): China's Infinite Transition and Its Limits: Economic, Military and Political Dimensions // Cambridge Review of International Affairs. DOI: 10.1080/09557571.2021.1944739²

Один из престижных и уважаемых журналов в области политической науки и международных отношений «Cambridge Review of International Affairs»

(Scopus Q1) опубликовал рецензию на книгу сотрудников Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО А.Д. Воскресенского, М.В. Карпова, В.Б. Кашина «China's Infinite

Transition and Its Limits: Economic, Military and Political Dimensions».

В рецензии обращается внимание на оригинальный подход авторов, объясняющих преемственность и трансформационные изменения китайской модели развития и показывающих, каким образом желаемые изменения могут быть инициированы. Отмечается, что книга носит многоплановый характер, так как авторам удалось показать англоязычной аудитории, как можно избежать односторонности беспочвенности об утере «западности», российской аудитории показать практическую сторону модели развития Китая, а также обратить внимание китайской аудитории на ограничения модели развития, конечный результат которой может отличаться от провозглашенного.

Рецензия: Бельченко А.С., Васильев Д.С. China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Nature Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. 120 p.; Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского.

М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.³

¹ Alexei D. Voskressenski, Mikhail Karpov, Vasily Kashin China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Nature Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. 120 p. Режим доступа: <https://www.palgrave.com/gp/book/9789811562709>

² Chih-yu Shih. China's Infinite Transition and Its Limits: Economic, Military and Political Dimensions // *Cambridge Review of International Affairs*, 2021. DOI: 10.1080/09557571.2021.1944739. Режим доступа: <https://www.palgrave.com/gp/book/9789811562709>

³ Рецензия: Бельченко А.С., Васильев Д.С. China's Infinite Transition and Its Limits. Economic, Military and Political Dimensions. Ed. by Alexei D. Voskressenski. Springer Nature Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. 120 p.; Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред.

В Тайбэйском университете обсудили книгу авторского коллектива МГИМО

【11/28 讀書會】
 議題 China's Infinite Transition and its Limits - Economic, Military and Political Dimensions 導讀

講者 王尚舟 (本社團主任)

地點 齊大社科108 (備案 社科631)

時間 15:00-18:00

內容介紹 本書由美國科羅拉多國際關係學院的中國全球研究中心和臺灣計畫中心的Alexei D. Voskressenski, Mikhail Karpuv, Vasily Kashin, 人編寫。本書探討了中國的均勢式國際體制在國際關係的世界格局中，如何，以及為何存在。作者指出：透過中國的市場化轉型，造成了經濟的高速發展，國家的現代化和政治社會的相對穩定。作者討論了改革開放以來，中國推行的經濟體制改革以及「政治穩定，發展優先」的成功原因和內在動力。最後也探討了華北平地上層之進行的，一系列重要制度改革，包括「中國模式」的行政體系與黨制，和對全球治理體系的重要影響。

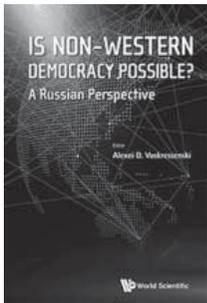
歡迎大家一同出席與討論！

小組組 蔡上

В Тайбэйском университете (Тайбэй, Тайвань) прошел круглый стол, участники которого обсудили книгу авторского коллектива МГИМО «China's Infinite Transition and its Limits». Книга директора Центра комплексного китайоведения и региональных проектов А.Д. Воскресенского и главных научных сотрудников М.В. Карпова и В.Б. Кашина «China's Infinite Transition and its Limits» вышла в 2020 году в престижном издательстве «Palgrave Macmillan».

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ:

Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective. Ed. by Alexei D. Voskressenski. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chennai, Tokyo: World Scientific, 2017. 738 p.

Рецензия: Laruffa, Matteo. (2018). Review «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective» by Alexei D. Voskressenski, 2017. Europe-Asia Studies, Taylor & Francis, Issue n. 70/10. Europe-Asia Studies. 70.⁴

Ведущий европейский междисциплинарный журнал «Europe-Asia Studies» (Scopus Q1) опубликовал рецензию Маттео Ларуффа (Matteo Laruffa) на издание коллективной монографии Центра комплексного китайоведения и региональных проектов МГИМО «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective».

Рецензия написана приглашенным исследователем Гарвардского университета и сотрудником итальянского университета Луис Гвидо Карли (LUISS Guido Carli, Libera Università Internazionale degli Studi

А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. № 1. С. 171-175.

⁴ Laruffa, Matteo. (2018). Review «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective» by Alexei D. Voskressenski, 2017. Europe-Asia Studies, Taylor & Francis, Issue n. 70/10. Europe-Asia Studies. 70. DOI: 10.1080/09668136.2018.1543980.

Sociali). В рецензии отмечается, что исследование написано на базе анализа 95 стран 12 крупнейших регионов мира, что оно доказывает важное предположение, новое для западной политической науки, которое отражено в названии книги — демократия тогда выживает, когда она укоренена в истории, культуре и традициях страны. Рецензент назвал теоретический подход российских исследователей методом анализа адаптивных институциональных систем (*adaptive institutional systems*), т.е. обозначил его в качестве оригинального методологического подхода, открывающего новое направление исследований.

В рецензии отмечается, что исследование методологически корректно и прагматично объясняет диффузию и адаптацию международных стандартов демократии, проливает свет на исторические и культурные драйверы развития обществ незападного типа, что концепция незападной демократии, развиваемая на материале стран Азии, Африки и Ближнего Востока, и прежде всего с использованием аргументации конфуцианского мира Восточной Азии и опыта модернизации Китая, основана на структурных политико-культурных характеристиках незападного мира, которые не являются преддетерминированными. В рецензии обращается внимание на убедительность теоретико-объяснительной части книги российских исследователей процессов в странах Востока и в Африке.

Рецензия: Buchanan, Elizabeth. Review «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective» edited by Alexei D. Voskressenski // Security Challenges, 2019, Vol. 15, No. 1, pp. 85-87.⁵

Ведущее научно-аналитическое подразделение Австралии – Институт региональной безопасности – в своем журнале «Вызовы безопасности», главном австралийском научном периодическом издании по проблематике безопасности, опубликовал рецензию на американское издание коллективной монографии МГИМО «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective».

Рецензия написана научным сотрудником Центра Европейских исследований Австралийского национального университета Элизабет Бьюкенен (Elizabeth Buchanan), являющейся ныне главным редактором этого журнала. В рецензии отмечается, что к российским подходам в мире относятся с до-

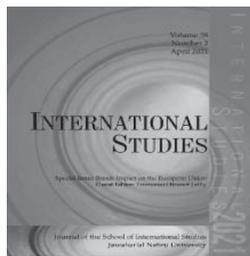
⁵ Elizabeth Buchanan. «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective» edited by Alexei D. Voskressenski // Security Challenges, 2019, Vol. 15, No. 1, pp. 85-87. Режим доступа: <https://kokodafoundation.wildapricot.org/resources/Documents/IFRS%20Sec%20Chal%20Vol%2015%20No%201%20Web.pdf>

статочной долей осторожности, но в то же время здоровыслящие исследователи понимают: игнорировать западные подходы для политиков и исследователей было бы неразумно.

Книга высоко оценивается как уникальное исследование российских ученых, которое проливает свет на исторические и культурные драйверы западных политических процессов. Автор рецензии отмечает, что книга российских авторов убедительно объясняет неудачи установления демократии западного типа (либерально-демократический идеал реальной демократии) в странах Азии, Африки и Ближнего Востока и убедительно объясняет, какие из политико-культурных характеристик западного мира препятствуют установлению политического режима демократии западного типа.

В рецензии отмечается, что теоретико-объяснительная часть книги российских исследователей выглядит очень убедительно. Рецензент отдельно отмечает, начиная свой анализ с первого предисловия к книге, написанного бывшим премьер-министром Австралии Кевином Раддом (ныне президент Азиатского общества), и продолжая свой анализ каждой авторской главы исследования, что сильной стороной концепции книги является не отрицание демократических процессов в странах Востока и в Африке, а убедительные объяснения крупными российскими специалистами-страноведами специфики этих процессов в западном мире.

Книга МГИМО подробно и благожелательно отрецензирована и названа рецензентом «матрицей понимания западного мира и путеводителем по мейнстримной международной политической арене».

Рецензия: Arun Kumar Mohanty. Book Review. "Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective" edited by Alexei D. Voskressenski // International Studies, 2018, Vol. 55, No. 1, pp. 75-86⁶.

В престижном международном журнале «International Studies», выпускаемом издательством «Sage» в Нью-Дели (Индия), вышла рецензия на коллективную монографию Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО «Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective».

Журнал «International Studies» открыл неограниченный интернет-доступ к рецензиям 2018 г. своих авторов и научных сотрудников. Коллеги из ведущего индийского научно-образовательного центра – Университета им. Джавахарлала Неру, состоящего с МГИМО в партнерских отношениях, профессор

Центра российских и центральноазиатских исследований Арун Кумар Моханти и научный сотрудник того же центра доктор Ниведита Капур представили в журнале подробный обзор книги, отметив качественный комплексный анализ и значимый вклад, внесенный международным коллективом авторов, ядро которого составляют профессора МГИМО, в исследование западных моделей развития, политических трансформаций западного типа, международных отношений и международной проблематики в целом.

Рецензия представляет собой высококачественный и непредвзятый анализ концепций наук гуманитарного и обществоведческого профиля, представленный международной аудитории профессорско-преподавательским составом МГИМО в данной работе.

РЕЦЕНЗИИ КНИГ:

Логика новой мироустроительной архитектуры и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.

Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО; Стратегические изыскания, 2019. 736 с.;

Voskressenski, Alexei D. Non-Western Theories of International Relations. Springer Nature International: Palgrave Macmillan, 2017. 270 p.

– Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО; Стратегические изыскания, 2019. 736 с. // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2021, Vol. 21, № 1, С. 171-175⁷.

⁶ Arun Kumar Mohanty. Book Review. "Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective" edited by Alexei D. Voskressenski // *International Studies*, 2018, Vol. 55, No. 1, pp. 75-86. Доступно по ссылке: <https://mgimo.ru/upload/2019/04/review.pdf>

⁷ Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО; Стратегические изыскания, 2019. 736 с. // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2021, Vol. 21, № 1, С. 171-175. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/25965>

– Грачиков Е.Н. Рецензия на книгу: Voskressenski, A.D. *Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 425-431.

– Ларин В.Л. К познанию «Новой Реальности» Китая XXI века // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 182-186⁸;

– Михеев В.В. Модель развития Китая: какая она? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Том 64, № 2. С. 136-138⁹;

– Акимов А.В. Рядом шагает новый Китай // *Сравнительная политика*. 2020. № 2. С. 177-181¹⁰;

– Песцов С.К. Современный Китай: модель для сборки или пазл множества противоречий. Рецензия на научную монографию: *Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы*; под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с. // *Россия и АТР*, 2020, № 3. С. 195-200¹¹.

КНИГИ ЦЕНТРА КОМПЛЕКСНОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ МГИМО НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЯРМАРКЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ NON/FICTION

Сразу две книги – две большие монографии Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО, подготовленные под редакцией профессора А.Д. Воскресенского – были выставлены на международной ярмарке интеллектуальной литературы non/fiction. Выставка традиционно собирает лучшее из художественной, научной и научно-популярной литературы 29 стран-участниц, охватывая 30 000 посетителей и 300 крупных издательств.

В программе выставки приняли участие две монографии под редакцией профессора А.Д. Воскресенского: вышедшая в свет в 2021 г. книга «Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав» и монография 2019 г. «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы».

Монография «Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав» анализирует основные глобальные и региональные измерения мироустроительного характера и стратегии держав в ходе трансформации мировой системы, пути поиска Китаем своего места в мире, внешние и внутренние аспекты подъема Китая, новые паттерны взаимодействия крупных мирополитических игроков в трансформирующейся архитектонике региональных театров мировой политики. Книга «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы» посвящена комплексному анализу проблем развития современного Китая. Обе монографии изданы МГИМО и аналитическо-консультативным центром «Стратегические изыскания».

⁸ Ларин В.Л. К познанию «Новой Реальности» Китая XXI века // *Сравнительная политика*. 2020. № 2. С. 182-186. Режим доступа: <https://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/1140>

⁹ Михеев В.В. Модель развития Китая: какая она? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Том 64, № 2. С. 136-138. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2020/2-t-64/around-books/chinas-development-model-what-is-it>

¹⁰ Акимов А.В. Рядом шагает новый Китай // *Сравнительная политика*. 2020. № 2. С. 177-181. Режим доступа: <https://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/1139/735>

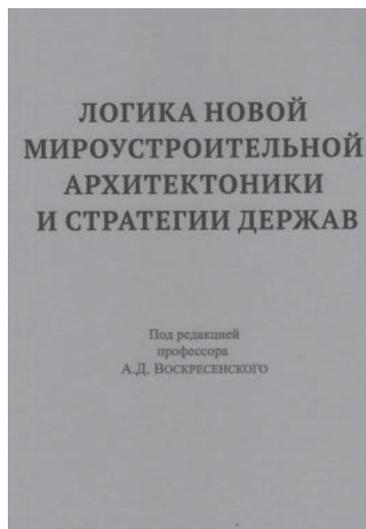
¹¹ Песцов С.К. Современный Китай: модель для сборки или пазл множества противоречий. Рецензия на научную монографию: *Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы*; под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с. // *Россия и АТР*, 2020, № 3. С. 195-200. Режим доступа: http://www.riatr.ru/2020/3/Russia_and_ATR_2020-3_196-200.pdf

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / Под ред. А.Д. Воскресенского; Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с. ISBN 978-5-9905967-5-7

Logika Novoi Miroustroitel'noi Arkhitektoniki I Strategii Derzhav (The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the Powers). Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Strategicheskiye izyskaniya, 2021. 576 p. ISBN 978-5-9905967-5-7

Научная монография в форме взаимосвязанных тематически структурированных разделов оригинальных и журнальных вариантов исследовательских текстов ориентирована как на использование нового знания в учебном процессе по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение», так и для активизации научной и экспертной дискуссии по проблематике современных мирополитических трансформаций. В книге анализируются основные глобальные и региональные измерения мироустроительного характера и стратегии держав в ходе трансформации мировой системы. Исследуются пути поиска Китая своего места в мире, внешние и внутренние аспекты подъема Китая, новые паттерны взаимодействия крупных мирополитических игроков в трансформирующейся архитектонике региональных театров мировой политики. Кроме того, предлагаются выводы прогностического характера.

CONTENTS WITH ABSTRACTS:

THE LOGIC OF THE NEW WORLD ARCHITECTONICS: PRAXIS AND THEORY OF RETHINKING MULTIDIMENSIONAL WORLD

The arising logic of the formation of a multilayer polycentric world in the post-pandemic situation is shown in this first conceptual chapter of the book “The Logic of the New World Architectonics and the Strategies of the States”. Formation stages in Russia of theoretical knowledge about the formation of the multidimensional, interdependent and polycentric world are analyzed. They include the conceptualization of the multi-factor equilibrium in IR in the Institute of the Far Eastern Studies and later at MGIMO. Attention is paid to the rising importance

of conceptual analyzing of political, economic, and other processes in the Eastern and Non-Western worlds as well as the practice of China’s search of its place in this new post-pandemic situation. Benefits of comprehensive World Regional Studies as cross-disciplinary methodology framework of the analysis of processes of the multidimensional and polycentric world and at the same time as a stage of formation of a future theory of the multidimensional and interconnected polycentric world within evolving Global Theory of International Studies are shown.

To help the explanation of the interconnectivity of the multilayer world of global regions the concepts of functionality and transregionalism are developed. Attention is paid to discussions about the place of Asian and African Studies and its transformation into a part of a comprehensive World Regional Studies in the Russian nomenclature of Social Sciences. The main directions of transforming International Relations as an academic discipline and International Studies as a field of research in Russia are shown.

THEORETICAL BACKGROUND

TENSIONS IN INTERNATIONAL RELATIONS: CONCEPTUAL BASIS FOR COMPARATIVE RESEARCH

The chapter shows the theoretical interpretation of the concept of “tension” as a necessary prerequisite for its operationalization and transformation into a tool for applied comparative analysis in International Studies. The increase of tensions in different regions and types of government, within and between countries is a reflection of the profound changes that the modern world is undergoing. At the same time, the number of attempts in serious scientific understanding and conceptualization, as well as operationalization and measurement in this field, remains extremely limited. The first part of the chapter presents a brief review of previous studies of the phenomenon of “tension” in the context of world politics and international relations. The second part presents a conceptual analysis of the phenomenon of “tension” as a special dynamic state that is present not only in competition (war) relations, but also in cooperation (peace) relations, and which, therefore, is a more common type of interstate interactions.

LEADING TRADITIONAL AND RISING POWERS AS SECURITY PROVIDERS FOR THE MOST FRAGILE STATES

The chapter explores the resource capabilities and strategies the traditional and rising powers use to bring food, energy, and military-political security to the most fragile states. There is a certain complementarity in the relations between both the mentioned actors in international relations since the negative externalities forming in and around fragile states require resources that could be provided and effectively provided indeed by the most powerful countries. The assumption that the key characteristic of a power (center) is a capability to translate outside military-political security allowed the authors to categorize the USA, EU, and, with certain restrictions, Japan as traditional centers of power; while Russia, China, Brazil, Turkey, and, to a lesser

extent, India and Korea as the rising ones. In terms of quantitative parameters, the United States, the EU, India, and Russia have the resources to ensure food security, while Russia is the only major power that has a net surplus in energy foreign trade. Russia’s comprehensive resource capability in the context of “broad” security supports its leadership status in its efforts to stabilize and maintain the world order. Considering the behavioral and not resource aspect, the strategies of global and middle powers in the world’s most fragile states, except for the EU and Turkey, correspond to their resource capabilities. Both deliver mineral fuels as well as Turkey supplies crops to fragile countries having overall deficit of such commodities. This may indicate that these centers of power, as well as Russia, implement the “donor” strategies conceptualized in the literature for the rising powers of the modern world order.

MIDDLE POWERS IN INTERNATIONAL RELATIONS: COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTUAL APPROACHES

Throughout the past decades, international relations studies were mostly dedicated to the analysis of the superpower’s and great power’s role in the evolving world order. Less powerful states, namely small and middle powers, were widely considered as objects in a relationship that are not able to have an impact on the international political processes. Nevertheless, with the collapse of the bipolar system, new approaches have emerged and were applied to the analysis of the existing balance of power in international relations. One of them is widely known as the concept of middle powers. The conceptual understanding of the middle power’s foreign policy behavior has become significantly more complicated in comparison with the bipolar period. On the other hand, there is still no clear definition of the term ‘middle power’. In light of this lack of a clear definition, various authors use different methods to identify middle powers. Researchers usually define middle powers based on such criteria as large population, natural resources, economic strength, military force, political stability, its formal recognition by other actors in international relations as a significant international actor, and its active involvement in solving regional and international issues. This chapter aims to review the concept of middle powers, its historical perspective, and key theoretical approaches namely positional, behavioral and constructivist. Based on the analysis of these three approaches the chapter argues that a holistic understanding of the middle power concept is possible only based on a comprehensive approach. The chapter also addresses historic periods of concept development and provides a distinction between emerging and traditional middle powers. The concept of

middle powers and its popularity indicates the gradual formation of a new world order where the international momentum is determined not only by great powers but also by not less powerful small and middle powers.

THE LOGIC OF SPATIAL ANALYSIS IN INTERNATIONAL RELATIONS AND REGIONAL STUDIES

Contemporary political geography as a constituent part of International Studies uses quantitative research methods for analysis in the area of international relations and world regional studies. First, it is mapping or cartography that denotes an operation that associates different political objects and phenomena to geographical locations. It makes it possible to align or distribute objects relative to one another. The next step is searching for the closest entities to the designated object and analyzing the relevant location patterns. Finally, the overlay of cartographic information, which implies taking different thematic maps of the same area and placing them on top of one another to form a new map, and map scale changes can help to gain new information about spatial distribution patterns. Second is geographical clustering that refers to grouping data items into regions (spatially contiguous clusters) or chorions (space-time clusters), which allows arriving at a conclusion about social structures and political processes. The process involves distinguishing territories based on some feature or condition and its relationship and compatibility with other spatial elements. Third, it is a spatial analysis that defines the search for those location patterns that explain the nature of political objects and processes. The method helps to identify key and secondary features of the space, spatial dependence vectors, and spatial barriers to dependence and draws the hierarchical structure showing the interdependence of elements and levels of spatial organization. Thus, the chapter develops the spatial analyses in International Studies and shows how the spatial analyses can be used in IR and World Regional Studies, showing the practical implications of this in politics.

ON THE OBJECT-SUBJECT FIELD OF REGIONAL STUDIES AND ITS PLACE AMONG OTHER SOCIAL SCIENCES

The chapter considers one of the most urgent problems of Regional Studies – the definition of the object-subject of this field. This chapter discusses the object and subject of research in Regional Studies, the relationship between disciplinary segments in Regional Studies. Interest in this problem is due to the formation of theoretical Regional Studies and Regional Studies proper as a new direction in Social Sciences. The author proposes to consider the

region as a concept that reflects the most important properties of all types of phenomena – regions, territories, countries, associations of countries, and the world as a whole – as geosocial systems. Despite the independence of countries as actors on the global stage, they are all integral parts of the world-system, being closely associated with it, as well as within themselves, by countless transactions that are collectively constituting the essence of the region, which in reality is a territorially determined (sub) system of division of labor. All local subsystems are hierarchically integrated into the world system of which they are genuine parts. The world-system is of a maximum size of the object in Regional Studies, depending on which are subordinated all the problems of Regional Studies, thus making Regional Studies – World Regional Studies.

TRANSREGIONAL AND REGIONAL PROJECTS IN “POST-WESTERN” INTERNATIONAL REALITY

The chapter focuses on the theoretical and practical explanations of political and economic processes in the “post-Western” international reality. Proceeding from the assumptions of the complex system theory, the authors prove the necessity to use already established analytical approaches in combination with the newly developed ones to be able to understand and forecast the spatial-temporal evolution of the international system as a complex system. International Political Economy and World Regional Studies now investigate the empirical aspects of working out the most competitive and simultaneously most stable socio-political and political-economic model of development. These studies also search for the ways national versions of development can become closer to this model and analyze to what extent regional/national models may differ from it without losing their international competitiveness. Exploring the evolution of the international system and political and economic transformations in the world-leading states the authors conclude that a polycentric world cannot sustain a growing geopolitical confrontation and struggle for the geopolitical influence over the buffer areas though can sustain competition. The polycentric international system requires a consensual elaboration of mutually beneficial regional policies aimed at building transregional links between various regional areas. Reducing the instability in its regional and national segments the international system will move towards its overall greater stability. The authors further support this assumption by analyzing transregional projects in Eurasia and the Asia-Pacific region.

INTERCONNECTED, POLYPARTICIPANT AND POLYDIMENSIONAL WORLD: APPLIED METHODOLOGY DEVELOPMENT ALGORITHM

The chapter investigates the problem of researching and conceptual comprehension of the post-

bipolar world. An applied methodology development algorithm is suggested. The first stage is devoted to the isolation of general fundamental provisions of scientific work. Modern philosophy of science analysis let to isolate IR theory and methodology four fundamental pillars. They are simplified classifications rejection, analysis of any state as spatial-temporal formation, development of extrapolation as a mode of forecasting, comparative method qualitative upgrading. The second stage proposes dialog among conceptions and methods of IR discipline. Its results demonstrated that it is necessary to develop a conception free of bipolar world thinking. At the same time, it articulated that the IR discipline is incapable to develop such a conception by itself. So, within the third stage experience of historical discipline development through interdisciplinarity was analyzed. The fourth stage defines the ways of methodological problem-solving be accepted by the IR discipline. The fifth stage means the methodological advantages examination by objectively existing phenomena and processes. The sixth stage is polyparticipant and polydimensional conception development with an indication for further applied methodology development. The seventh stage is related to the further methodology elaboration in provisions of favorable terms.

INFLUENCE OF THE RISE OF CHINA ON GLOBAL ARCHITECTONICS.

CHINA AND THE REFORM OF THE INTERNATIONAL ECONOMIC SYSTEM

The 2008 global financial crisis has become a turning point for the world community to realize the necessity to reform the international economic system and to allow greater participation of leading emerging economies in the global economic governance. Given the huge economic might that China has accumulated and its willingness to assume greater international responsibilities and leadership functions, China can be regarded as one of the countries that play a key role in the processes of reforming the international economic system and global economic governance. Contributing to the improvement of the existing rules, norms, and institutions, Beijing at the same time offer to the world its new, China-centered initiatives, to name a few, the Asian Infrastructure Investment Bank and the "Belt and Road" Initiative. This chapter characterizes China's participation in the reforming of the international economic system after the 1997 Asian financial crisis till the present time with the focus on identifying major forms of China's participation, its motivations, and efforts' emphasis. By reviewing initiatives and measures that China offers, backs, and conducts to bring changes into the international economic system and by analyzing Chinese leadership's official rhetoric

and foreign policy activities, the chapter concludes that Beijing has set a course to assume one of the key roles in the global economic governance aimed to create China-dominated system of international rules, norms, and institutions.

ANALYSIS OF DISCUSSIONS WITHIN THE CHINESE SOCIETY ON CHINA'S POSITION IN THE WORLD IN THE CONTEXT OF SINO-AMERICAN RELATIONS DETERIORATION DURING THE PANDEMIC PERIOD

During the pandemic, the Sino-US relations have remarkably deteriorated. The institutionalization of such destructive practices as toughening rhetoric in the media and sanctions is becoming obvious. As the model of bilateral relations is now aimed at decoupling both economies from each other the degradation will continue. These trends inevitably affect the mood of Chinese society. The chapter analyzes opinions on foreign policy in Chinese society in the context of Sino-American relations within the pandemic period. The chapter is divided into two parts: the first assess general trends in the US-China relations. The second part traces the current trends in the modern ideological and political atmosphere in Chinese society. The episode with congratulations to the Chinese public from the American administration on the occasion of the 101st anniversary of the famous «May 4, 1919 movement» is analyzed as a case study. The research shows that this event received ambiguous and even opposite assessments: part of the society saw it as an attempt to accuse China of the spread of coronavirus and the imposition of Western values. Another part emphasized M. Pottinger's rather high level of spoken Chinese and noted that the very fact of congratulation can be viewed as a positive moment for bilateral relations. There were also positions combining both approaches. The case under consideration reveals the danger of decoupling initiated by the parties. The tension between the PRC and the United States leads to the fact that the partners are starting to interpret each other's intentions as presumably hostile, even taking into account such a formally favorable occasion as congratulations on a significant historical date. Meanwhile, it seems that the presence of positive interpretations against the background of a general deterioration in bilateral relations also cannot be ignored. Although public opinion cannot be unambiguous and does not always directly influence specific political steps, it is important to take into account the full range of opinions for an objective and comprehensive analysis of Sino-American relations.

CHINESE ECONOMIC SANCTIONS POLICY: THEORY AND PRACTICE

China is perceived, on the one hand, as a long-term object of sanction pressure, on the other hand, as a

consistent critic of using unilateral sanctions for political purposes. At the same time, China has regularly applied unilateral economic sanctions at least since the 2000-s. As the PRC's economic power grows, the world sees a rising number of Chinese unilateral sanctions, which become increasingly effective. Analyzing China's sanctions policy is complicated, as Beijing's unilateral sanctions mostly lack any official announcement. The tools of sanction pressure concern export control, public authorities' increased activity, sanitary restrictions, canceling previously approved credit lines, etc. China is almost ready to apply sanctions as a response to issues concerning the offense of its military security and infringement of its and territorial integrity, both being identified as core national interests. Yet the number of sanctions applied to ensure a wider range of objectives is increasing. This chapter studies the Chinese approaches to the application of unilateral sanctions that are reflected in available publications of the Chinese scholars and particular examples of PRC's sanctions policy since this chapter is specifically focused on unilateral economic sanctions.

IDEOLOGICAL TRANSFORMATION OF THE PRC: PARALLELS WITH LATE SOCIALISM IN THE USSR

Most sinologists assume that ideology is a set of values and ideas which reflect reality in a more or less precise way. While studying the ideology of the PRC they focus on the literal sense of ideological narratives. Some scholars take another approach and study practical implications of ideological utterances, rather than their literal meaning. This is the approach adopted in this chapter. The author draws basic assumptions from Alexey Yurchak's work on late socialism in the USSR and then proceeds to find parallels between Soviet and Chinese ideologies. He discovers that some aspects of "performative shift" can be found in the PRC. Like in the late Soviet Union, in China it is more important to reproduce the proper form of ideological language, rather than its literal meaning. In this respect Hu Jintao era (2002-2012) is remarkable. In this period language of the official discourse became ossified. At the same time, Hu Jintao's era is marked with a certain degree of ideological pluralism. Chinese intellectuals were relatively free in interpreting official narratives and in bringing new ideas into the ideological discourse. Xi Jinping's era is characterized by a reversed process. Party language has become more vivid, and the Chinese leader has started to give comments on the literal meaning of various ideological conceptions. Meanwhile, there are fewer opportunities for free interpretation of the official discourse. The authors conclude that today Chinese socialism is going through the process of re-ideologization, unlike the Soviet system which underwent de-ideologization before its eventual collapse.

GLOBAL PLAYERS: NEW PATTERNS OF INTERACTION IN TRANSFORMING REGIONAL THEATRES

US, EU, CHINA AND RUSSIA

"NEW TRIANGLE" IN RELATIONS BETWEEN CHINA, RUSSIA, AND THE USA

The emergence of a "new triangle" in relations of China, Russia, and the United States has become an objective reality. By its nature, structure, content, functionality, and influence, the current triangle differs from the "great triangle" of the PRC-USA-USSR that existed in the past. In the relations of the three countries, there are no definite rules of change, at the present stage, their prospects are open. In the Sino-Russian-American "new triangle" there are many changes that can be divided into background changes and immediate changes that affect the structure of relationships. Changes in the "triangle" are not mechanical, isolated from the outside world and unilinear, they are determined by the interaction of many factors. Theoretically, in the "triangle" of China, Russia, and the United States there are many possible models, the choice of which is not exclusively subjective and depends largely on the overall situation and real needs. Creating a union is instrumental and theoretically, there is no need to eliminate it from the set of diplomatic tools. Within the "triangle", the Sino-Russian partnership without an alliance represents the best model, the conclusion of an alliance can only be a forced choice. The conclusion of the Sino-Russian alliance would imply a perception of the United States as an open enemy, and although the alliance can weaken the threat, designating a great power as an enemy will in itself create tremendous strategic pressure. A great strategic success for China would be to prevent the appearance of the enemy and especially not to allow the partner to turn into an enemy. Equally important is maintaining good ties with the other two powers at an even higher level of diplomacy. Although the likelihood of a Chinese-Russian military-political alliance is very low, the continued deterioration of Chinese-American and Russian-American relations could push China and Russia to create some kind of Asian bloc. China rejects the mentality of the Cold War and the "zero-sum game," but it can rationally, effectively, and constructively use the structure of the Chinese-Russian-American triangle.

TRANSREGIONALISM IN US FOREIGN POLICY: COMPARATIVE ANALYSIS OF TPP AND TTIP GEOPOLITICS

The decision of US President Donald Trump to withdraw from the Trans-Pacific Partnership and

the sluggish negotiations on Transatlantic Trade and Investment Partnership has fueled the debate on the future trajectories of American foreign policy in its two traditionally strategic geographic avenues – the Asia Pacific and North Atlantic. The chapter analyzes the geo-political and geo-economic interests, which were pursued by the Obama administration, underlie TPP and TTIP initiatives, and suggests the outcomes of President Trump's decision as well as the possible alternatives. Given the strategic US interests, its global positioning, and the current trends of world politics, Donald Trump's policy can be regarded as a reconsideration of the above-mentioned projects based on bilateral negotiations and a widening network of bilateral economic and trade agreements, rather than the policy of isolationism. In other words, it might be a policy of returning to a hub-and-spoke system of trade zones developed in the second half of the XX century. However, still emerging and competing transregional projects reduce the effectiveness of bilateralism for the domestic development of states involved and reduce the international influence of outsiders, and that can jeopardize the US leadership.

FACTOR OF EDUCATION IN SOFT POWER OF THE UNITED STATES, CHINA, AND THE EU: A COMPARATIVE ANALYSIS

“Soft power” has been an integral part of the foreign policy arsenal of many states in recent decades. Including various tools, “soft power” as one of the most effective tools used to achieve the goals, includes education. In a multipolar world, all major states, as well as their associations, seek to use education as a means of influence and influence on their counterparts. The chapter considers and analyzes the mechanisms in the implementation of the policy of «soft power» through education, using as examples the USA, China, and the European Union. As the analysis carried out in the chapter showed, both the US, China, and the EU are actively using education to achieve their foreign policy goals. At the same time, their educational policy directed from outside has significant differences. As a result, we can talk about three different models of using education as a tool of «soft power». Each of them has its distinctive features associated primarily with the specific mechanisms of use of education, as well as the content of the educational policy and its meaning and ideological content. Nevertheless, despite the serious differences, we can confidently say that all three of the subjects of international relations considered in the chapter use education very successfully, often achieving a positive effect for themselves in the regions of their national interests.

THE U.S.-CHINA TECHNOLOGY WAR: RISKS AND OPPORTUNITIES FOR THE PRC AND GLOBAL TECH SECTOR

US-China Technology War in 2019-2020 reached a new level. Washington introduced new measures aimed at preventing Chinese corporations from access to emerging technologies, «smart» capital, and the academic sector. For the PRC and Chinese technology sectors, this process was a severe blow, significantly complicating medium-to-long-term development prospects. In response, PRC intensified import substitution, scientific and technological development – also through international scientific and technical cooperation (ISTC). China still lacks competencies and time to compensate for the U.S. actions, so it concentrates on science and human capital development for future breakthroughs. Significant economic risks envisioned for the PRC including its ability to recreate itself as a new science and technology center, an alternative to the USA. Regional and global implications are not less significant. Unlike other cases of sanctions, the US measures are aimed not only at impairing the economic potential of an opponent nation-state, but also at supporting the dominance of the U.S. entities in some key high-tech processes, conserving their key role in global value chains, markets, and industries. These actions and the PRC's response may lead to reformatting of global S&T processes, including the rise of parallel GVCs, alienation from an «open» logic of high-tech development, and a shift in the focus of ISTC. In the future, this will also have important geopolitical implications, since the new system of GVCs and markets will structure alliances, influence, and strength – especially considering the emphasis on emerging technologies of key importance for the future economy (from 5G to artificial intelligence)

THE CHINESE VECTOR IN THE MODERN FOREIGN POLICY OF RUSSIA: POLITICAL AND LEGAL ASPECT

The chapter is a study of Russian-Chinese relations at the present stage. The relations under consideration are dynamic, which is expressed in regular contacts at the highest level, cooperation in the international arena, including within the framework of international and regional organizations, trade and economic, humanitarian relations, common projects in the field of military cooperation, etc. In this regard, the study and analysis of external and internal factors that contributed to the emergence, development, cooling, resumption, and, ultimately, the formation of strategic partnership relations are important for the possible consideration of the Russian Federation in building further foreign policy relations with China and preventing previous mistakes. The authors studied

and analyzed the defining directions and features of the Russian-Chinese foreign policy relations, both in the historical context and at the present stage of development. In particular, the main periods in the development of bilateral relations are identified; the factors that influenced the change of foreign policy strategies of the Russian Federation and the people's Republic of China are analyzed; the author reveals the nature of Russian-Chinese cooperation at the present stage, characterizes its role and importance both for regional policy and in the light of ongoing international processes, including in the field of international security; identifies possible risks that may adversely affect the nature of foreign policy cooperation between Russia and China. In conclusion, an attempt was made to formulate a possible forecast for the development of the Russian-Chinese foreign policy relations, taking into account the current geopolitical situation in the world, as well as taking into account factors that can lead to contradictions between the two countries.

RUSSIAN FAR EAST IN CHINESE BELT AND ROAD INITIATIVE: PROSPECTS AND PROBLEMS

The chapter is devoted to the conjugation and harmonizing of the Chinese Belt and Road Initiative with the Russian-led Eurasian Economic Union focusing on maximal utilizing of the Russian Far Eastern part's capacity for integration purposes. Moscow and Beijing plan obtain new sense and extraordinary importance within President Putin's idea of the 'Greater Eurasian Partnership'. It means that both parties are able and thus striving to reshape the Eurasian geopolitical and geo-economic landscape according to their respective interests and form the so-called Grossraum. Considering this, such an integration process is designed as an alternative to the cooperation mechanisms offered by the Global West. There is a review of the Russian Far East as well as the Chinese North-East's respective capacities for the implementation of the Belt and Road initiative in a given chapter. However, we are to admit that all the efforts made by both Russia and China to develop their respective border territories are still not coordinated enough. Thus, the approach to local authorities and government strategies is strongly recommended to be reviewed to contribute properly to the integration process and achieve synergy effect. Also, one of the tasks of this research is, to sum up, and analyze all the collected experiences of formerly initiated bilateral projects, including negative sides and drawbacks. Besides that, the feasible part of the chapter is devoted to unveiling all the emerged impediments in trade, investment, industrial and other forms of Sino-Russian cooperation. Therefore, the potential of border areas deserves special and thorough attention.

COMPETITION STRATEGIES IN AFRICA

CHINESE RUSH TO AFRICA: COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS

In this chapter, the authors conduct a comparative historical analysis of the stages of Chinese penetration into Africa, the concepts, goals, means, methods, and consequences of this penetration for China itself and individual African countries. The authors conclude that compared to the period of twenty years ago, when China began to show increased interest in Africa, a new situation has now emerged. China has created a binary structure: the Forum of China-Africa cooperation launches a mechanism for selecting countries that are ready to follow the political path of the PRC with the prospect of becoming a country-follower of China, and the "One belt – one road" program de facto "forms membership" in the club of countries-followers of China, fixing these countries in the trail of Chinese influence not only politically, but also economically.

COMPETITION OF EXTERNAL PLAYERS FOR TRANSPORT AND LOGISTICS PROJECTS IN WESTERN AND NORTH AFRICA (THE CASE OF SEAPORTS)

The chapter examines the role of maritime transport in the economic development of the African continent. It is shown that the modernization of seaports not only attracts potential investors but also opens up new opportunities for African countries. Thanks to the creation of new innovative ports, new jobs are created, training programs appear, and the local population is more actively involved in new technologies. Foreign companies often offer a set of measures to reform the transport and logistics systems of African countries, with the connection of all transport arteries for faster delivery of goods. Many problems hinder the implementation of ambitious logistics projects, but with the joint efforts of foreign representatives and local authorities, it is possible to gradually reform legislation, prepare transport solutions taking into account the specifics of each country, and improve the investment attractiveness of African countries. Projects implemented in North and West Africa reflect different approaches of the world's leading countries to foreign economic strategy. The main competitors in the fight for new projects in Africa are Western countries, on the one hand, and China, on the other. Sea transport is the oldest transport link in Africa, and many ports were built by the efforts of the colonial authorities. Some ports have a narrow commodity specialization, which hinders the development of sea traffic. New innovative ports are needed for successful trade operations in Africa. In some countries, the solution to transport and logistics problems were dictated

by economic and industrial needs. For example, in Morocco, the construction of automobile factories (with the need for subsequent transportation of finished products) has prompted foreign companies to develop a plan for an innovative industrial city with a modern port. In general, in many countries, the process of modernizing transport and logistics systems is still in its infancy, but ports have become the starting point for new investment programs for systemic transformation in Africa.

COMPARISON OF MAJOR EXTERNAL ACTORS' STRATEGIES FOR THE POWER SECTOR DEVELOPMENT IN SUB-SAHARAN AFRICA

To promote industrialization and improve the living standards of the population in the Sub-Saharan countries, large-scale investments in power infrastructure development are required. Two key and two secondary long-term objectives for the energy sector development can be distinguished. The first ones are to enable industrial development and to increase its competitiveness, as well as to promote socio-economic development by ensuring universal access to electricity and uninterrupted supply. The latter two are to increase the financial sustainability of the energy sector and to meet environmental requirements. Due to the lack of financial resources, necessary technologies, and professional staff in the Sub-Saharan countries, external players play a crucial role in the power sector development. These external actors include traditional donors such as the World Bank, the EU, the US, and the African Development Bank, and new players like China. The purpose of this study is to compare the strategies of key external players in the power sector of the Sub-Saharan countries. The analysis of strategies is carried out at the level of the conceptual framework of the foreign policies toward Africa in general and the power sector development strategies in particular, and at the level of their actual implementation by studying the methods used, priority areas, scale, and features of projects. Based on the review, the author provides an assessment of whether the strategies of major external actors for the power sector development serve the vital interests of the Sub-Saharan countries. In conclusion, the author identifies two types of tentative conceptually distinct models, i.e., "equal partnership" and "donor-recipient" strategies.

GREATER EURASIA AND MIDDLE EAST.

EAEU: PANDEMIC TAKEAWAYS

The chapter analyzes the effect of the COVID-19 pandemic on the development and implementation of integration processes in the Eurasian Economic Union (EAEU), which performs activities of strategic importance for the foreign policy of Russia.

To figure out more precise predictive appraisals of quality and effectiveness of integration in the Eurasian region, the authors perform research of integration processes based on 3 periods of time: 1. Development of integration processes in the EAEU before the pandemic, 2. Performance and resulting quality thereof during the pandemic, 3. Possible course of events scenario after the pandemic. The authors review the current state of international relations, challenges, and issues that EAEU is facing, prospects for further development, and suggest recommendations on enhancing the organization's activities.

TRANSREGIONALIZATION OF INTERNATIONAL LAW AND ITS IMPLICATIONS FOR WORLD POLITICS AND ECONOMY

The chapter analyses the possibilities of the evolution of transregional law settings on the development of politics in Greater Eurasia. As the authors explain, contemporary international law was forged over many centuries. It has been perfected, improved, and modernized. In response to the endless string of bloody wars and the desire of some powers to assert their domination over other countries and peoples, international law was constantly replenished with norms, institutions, and mechanisms that put a limit on the self-will of states. As a result, it began to correspond to the highest ideals of humanism, equality, and justice, which found their confirmation in the UN Charter. It has become the highest value of human civilization. Therefore, modern international law must be preserved by all means. It's urgent to prevent its destruction. It's necessary to prevent its substitution by the norm of national law, which is given extraterritorial effect and which is forcibly imposed on all actors, and stop the trend towards the use of sanctions and unilateral measures as the tool of foreign policy and introduction of legal regimes that do not enjoy the support of most states or were established without their consent.

The authors analyze a wide arsenal of means and methods at the disposal of states, to which they could and should have recourse to protect modern international law, the basic principles that underlie it, the role it plays as the base of the modern world order, primarily in Eurasian space. A qualitatively new instrument in this regard can be trans-regional law, which creates a second regulatory circuit in parallel or instead of international law. It retains all the best in international law and offers even more beneficial and promising legal solutions to cooperating states. The authors show on most illustrative examples, why, by what characteristics are inherent in it, the emerging trans-regional law is capable of undertaking such a mission. If this happens, world politics and economy, they believe, will follow a completely different track than they do now.

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA'S ALLIANCE-FORMATION STRATEGIES IN THE MIDDLE EAST

Contemporary history of the Middle East has seen at least four periods of active inter-state alliance formation – three of which led by the United States. The return of Russia to the Middle East has helped shape new alliances and coalitions. Unlike the American “philosophy” of alliance formation underpinned by the imperative for a comprehensive politico-military presence as well as prevention of, first, Soviet and then, Iranian regional expansion, the Russian model is oriented toward the players, cooperation with which could solve a current or a potential crisis at a specific period. Coupled with a consistent and pragmatic foreign policy course, it was nontrivial strategies for flexible alliance-formation that enabled Moscow to establish itself as one of the leading players in the turbulent region as well as a responsible global power. At the same time, the comparative analysis of the Russian campaign in Syria and Moscow’s relations with key states in the region shows that Russia has been exercising elements of at least three alliance-formation strategies.

ASIA-PACIFIC

REGIONAL TRANSFORMATIONS IN SOUTHEAST ASIA AND THE PROBLEM OF JUST REGIONAL (AND WORLD) ORDER

The diachronic comparative analysis of the regional orders in Southeast Asia in pre-colonial, colonial, and post-colonial periods presented in the chapter allows demonstrating that despite their subordinate position in the international system Southeast Asian states not only managed to adapt themselves to the nation-state concept but also to develop their regional instruments of raising their international profile. Alongside this adaptation, the indigenous (pre-colonial) perceptions of the regional order were becoming less relevant in terms of international relations and became the domain of socio-political and philosophical thought. The chapter argues that the experience of collective action of Southeast Asian states united in ASEAN and the necessity to accommodate a variety of intraregional and wider international limitations resulted in a quite objective and rational view of a desired just regional order. Its core assumptions imply inclusiveness, acceptance of the nation-state-based international system, adherence to the shared norms and principles. They also indicate regional desire to see lower Western interventionism but not the Western decline in the international system. As for China, the Southeast Asian state perceives it as a desirable strong economic, but not political force. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific reflects this

approach. However, justified it seems, there are still open questions concerning the instruments of its implementation.

RUSSIAN-CHINESE COOPERATION AND SECURITY IN THE ASIA-PACIFIC REGION

The authors argue that Russian-Chinese rapprochement is a fundamental feature of the current changing system of international relations. The two countries are effectively enabling each other to conduct independent foreign policies often in direct opposition to the West. There is a degree of complementarity between the two sides with Russia having a comparative advantage in the military, intelligence, and diplomatic fields and China being an economic superpower. The region of Central Asia which, as some Western authors have expected, could become the hot point of the Russian-Chinese rivalry. Yet in reality, it became the cradle of the two countries’ cooperation which is now affecting a wide range of international issues. Shanghai Cooperation Organization (SCO) has emerged as the main platform for Russian-Chinese cooperation in Central Asia. After India and Pakistan joined the SCO in 2017 it is evolving into a mechanism of Russian-Chinese cooperation not only in Central Asia but in the Indo-Pacific as a whole. The Korean peninsula is another important area of coordination between Moscow and Beijing in the Asia-Pacific. Russia and China have also been working on increasing the interoperability of their military forces in the region since the mid-2000s. Technically they have already done a great job of preparing the ground for a military alliance. However, politically they do not appear to be ready for that yet.

THE CHINA FACTOR IN THE EVOLUTION OF THE INDIAN APPROACH TO THE INDO-PACIFIC REGION

The idea of the Indo-Pacific was created 12 years ago and quickly became the subject of fierce discussions among experts and politicians. Over the years, several Indo-Pacific concepts partially coinciding and contradicting each other have been formed. The chapter is devoted to the description and analysis of the evolution of the Indian concept of the Indo-Pacific. It discusses the main directions of Indian strategic thought on the concept and demonstrates the difference in approaches to the Indo-Pacific within the Indian expert community. There were three views in total: anti-Chinese whose supporters called for a departure from a policy of neutrality and the alliance with the United States, Japan, and Australia; critical whose supporters denied the value of the concept of Indo-Pacific; and practical whose supporters were focused on the development of economic relations within the region

by expanding contacts with ASEAN, advocating the continuation of the policy of «strategic autonomy» and against a sharp change in the foreign policy. The author believes that the address of the Indian Prime Minister Narendra Modi at the Shangri-La Dialogue in 2018 was the turning point: the head of the Indian government identified there New Delhi's priorities in the implementation of the Indo-Pacific concept. In conclusion, the author describes the current attitude towards the idea of the Indo-Pacific among Indian experts and points out the consequences of a possible Beijing review of the negative attitude towards it.

ASEAN STATES IN CHINESE FOREIGN POLICY: ON COURSE TO SPLIT OR TO REACH "NEW CONSENSUS"?

Dynamics of political and trade relations between China, the ASEAN organization, and its members, problems of regional geopolitics concerning the conflict on features and resources of South China Sea are analyzed. Since the second half of the 1990s, China has been consistently establishing relations of "strategic partnership" with individual ASEAN countries. The second decade of the 21st century witnessed a fundamental turnaround: all sides try to fix their economic interests in the region while political tensions increase gradually. Since 2013 following the promotion of the Belt and Road Initiative, a new round of tension began, in other words, intensive attempts to consolidate sovereignty over a resourceful and strategically important territory avoiding at the same time reduction of the volume of regional economic cooperation. In general, despite fluctuations, China remains the main trade and economic partner for most ASEAN countries, therefore their ability to exercise political independence is significantly limited.

REGIONAL FRACTURE LINES AS FACTOR OF INSTITUTIONAL DYNAMICS WITHIN THE ASIA-PACIFIC

By the second half of 2020, the Asia-Pacific region is witnessing a series of trends in shaping the institutional environment that reflects the attempts by major regional players to dominate the regional development agenda. The political aspects of institution building, primarily aimed at liberalizing regional trade, are translated into the application of cooperation and competition instruments among actors such as the PRC, Japan, the Republic of Korea, the USA, and ASEAN. At the same time, the discourse on regional relations in the Asia-Pacific tends to favor a notion of the US-China trade war as a key narrative structuring the regional issues. The chapter discusses such

trends as the change in Asia-Pacific policy under President Trump's administration, India's new role in regional affairs, the political aspects of the trade dispute between the Republic of Korea and Japan, and competition between China and Japan after the new TPP agreement came into force. The chapter shows that these four trends have an independent significance on the formation of institutional dynamics within the Asia-Pacific and cannot be explained solely by the trade war between China and the USA.

CENTRAL ASIA IN THE FOCUS

THE PROBLEM OF TERRORISM AND APPROACHES TO AFGHANISTAN IN THE RUSSIA-INDIA-CHINA TRIANGLE

The chapter deals with the problems of joint actions of Russia, India, and China to mitigate the terrorist threat from Islamist terrorists in the Central part of Eurasia. The author concludes that, from an objective point of view, Russia, India, and China all have completely uniform approaches to terrorism, separatism, and extremism. Moreover, along with the refusal to accept the monopolar structure of the world system, it is the fight against such radicalism that is the main parameter contributing to the real existence of the triangle. However, the concrete actions of the three powers do not indicate any established cooperation. The analysis shows that the main reason is the policy of China, which is extremely wary of India and prefers Russia to stand alone against terrorist activity in the region. Joint public statements remain pure declarations, not supported by real steps. In the fight against Islamist terrorism in the PRC itself, Beijing does not take action to limit external support for Uighur radicals (and doesn't, for example, exert any pressure on Islamabad, dependent on China, to limit the activities of Pakistan's Inter-Services Intelligence, which has close contacts with the main Islamist organizations of South and South-East Asia, Central Asia, Afghanistan, and China itself), preferring independent actions. Russia has gone to fairly broad cooperation with different countries, as well as with regional and global organizations in the fight against international terrorism. Particular importance is attached to the development of contacts on this issue with key strategic partners (China, India, Kazakhstan) and the work of organizations such as the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization. Anti-terrorist operations are constantly carried out, however, outside the Russian Federation they are carried out only in very rare cases. On the formal side, Russia is taking certain steps to limit the spread of radical Islamic ideas in the region. The counter-terrorism centers and anti-terrorism programs created within the framework of the SCO and the CSTO have been widely advertised. However, there is essentially no practical impact from them, and many

structures simply duplicate each other (including in terms of lack of efficiency). Therefore, it is imperative to establish a significant rapprochement between the three giant nation-states on the issue of countering the terrorist threat, although neither the scope nor the framework of interaction has been clearly defined yet.

**REGIONAL ORDER AND TRANSFORMATION
OF WATER REGIME IN CONTEMPORARY
INNER ASIA**

This chapter is a study of water-sharing disputes in Inner Asia. The focal point is the issue of fresh water-sharing in the conditions of regional post-Soviet political order. The chapter is an attempt to verify a hypothesis: is there a correlation between the hydropower control system and regional political order? The chapter studies the relations between Russia, China, and Mongolia that deal with transboundary rivers which flow into Lake Baikal. This lake is the world's biggest fresh-water lake and is under protection by UNESCO. The chapter is centered around the idea that institutional conditions influence the legitimization of rights on hydro reserves. The research is based on the methods of neo-institutionalism which is used to study the regional political order. The empirical basis of the paper is made up of legal acts on the distribution of transboundary waters, speeches of Russian and Mongolian statesmen, official statistical data, ecological monitoring data, and regional mass-media data. The author's basic conclusion is: the processes undergoing in Inner Asia could lead to a new political order in the foreseeable future. The ideas, values, and infrastructural macro-projects can change both the balance of power in the region and the level of water consumption. The arising ecological problems, therefore, become politicized.

CONCLUSION

**ANALYSIS AND THEORY IN INTERNATIONAL
RELATIONS**

A new attempt to analyze the situation in the interaction of different countries gives another interpretation of the meaning of the behavior of states. The task is to arrange words containing their meaning and be prepared for situational analyzes. A new problem is the conduct of illusory analyzes and their relationship with the traditional ones, the difference between which lies in the online participation of participants and comparison, with their physical presence at the venue. The problem lies in identifying the difference and analyzing the merits and demerits of both methods. An analysis is a quick, immediate analysis of the situation, theory is a way of reasoning with a stretch in time, ways of checking versions that can be confirmed and become a theory. But it might not be confirmed – in this case, the analysis remains “postponed until new research” by checking a similar situation. A careful selection prepares the analysis to be carried out given the security of states, depending on one scenario or other factors. Winter-spring 2020 witnessed a pandemic in the world, which heightened fears of the policies of the leading powers. This heightened the demand for situational analyzes – virtual and real, raised the question of traditional preferences. This book raises these questions and gives answers to the most acute questions.